Библіотека „Общественной Пользы“

К. К. Арсеньевъ

Свобода совѣсти и вѣротерпимость

Сборникъ статей

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Книгоиздательство и книжный магазинъ
Т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.
(СПБ.. Б. Подъяческая ул. 39, соб. домъ).

Библіотека „Общественной Пользы“.

Іоллосъ Г. Письма изъ Берлина. Ц. 2 руб.
Кузьминъ-Караваевъ В. Земство и деревня..Ц. 2 руб.
Страховскій Ив. Крестьянскія права и учрежденія. Ц. 1 руб. 50 коп.
Каутскій К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Ц. 2 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бургенъ М. Соціальныя доктрины и экономич. эволюція.
Луи П. Государство и рабочій.

Булгановъ. Отъ марксизма къ идеализму. Сборникъ статей (1896—1903 г.г.) Ц. 1 руб. 50 коп.

Богдановъ. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Ц. 1 руб.

Веббъ и Коксъ Х. 8-часовой рабочій день. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 25 коп.

Геффдингъ. Философія религіи. Пер. В. Базарова и И. Степанова. Ц. 1 руб. 50 коп.

Еллинекъ Г. Право современнаго государства. Пер. подъ ред. В. Гессена и Л. Шалланда. Ц. 3 руб.

Евреиновъ Г. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Изд. 2-е 1904 г. Ц. 1 руб.

Иванюковъ И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Изд. 2-е. Ц. 2 руб. 50 коп.

Майковъ П. Бецкой И. И.—Ц. 4 руб.

Пругавинъ А. Законы и справочныя свѣдѣнія по нач. нар. образованію. Изд. 2-е 1903 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

Его же. Религіозные отщепенцы. В. I и II по 1 руб.

Риль А. Введеніе въ современную философію. Ц. 80 коп.

Соловьевъ Вл. С. Сочиненія въ 8 т. Ц. 12 руб.

Соловьевъ С. М. Исторія Россіи. Изд. 2-е. Ц. 15 руб.

Его же. Дополнит. томъ къ «Исторіи Россіи». Ц. 4 руб.

Библіотека „Общественной Пользы“

К. К. Арсеньевъ

Свобода совѣсти и вѣротерпимость

Сборникъ статей

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“. Б. Подъяческая 39 с. д.
1905.

Старости свойственно желаніе подводить итоги прошлой дѣятельности. Соединивъ въ одно цѣлое, годъ тому назадъ, бо́льшую часть написаннаго мною о свободѣ печати, я рѣшился издать теперь сборникъ статей о религіозной свободѣ, напечатанныхъ мною, съ 1880-го по 1904-й годъ, въ «Вѣстникѣ Европы» (въ видѣ внутреннихъ обозрѣній и общественныхъ хроникъ). Съ одной стороной этого предмета мнѣ пришлось ознакомиться еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, во время службы въ департаментѣ министерства юстиціи: черезъ мои руки прошло немало уголовныхъ дѣлъ, вызванныхъ нарушеніями постановленій о расколѣ, и въ то же время на меня возложено было участіе въ подготовительныхъ работахъ по вопросу о способахъ доказательства раскольниками правъ по происхожденію и имуществу. Интересъ, однажды возбужденный, поддерживался во мнѣ адвокатской дѣятельностью: я выступалъ защитникомъ и по дѣлу объ открытіи въ Петербургѣ (крестьяниномъ Дмитріевымъ) раскольнической моленной, и по дѣлу о покушеніи раскольниковъ (крестьянъ Никифорова и Данилова) похитить изъ Александро-Невской лавры отобранныя у нихъ иконы и книги. Лицомъ къ лицу съ расколомъ я сталъ въ 1880—81 г., когда участвовалъ, въ качествѣ старшаго чиновника при сенаторѣ И. И. Шамшинѣ, ревизовавшемъ губерніи Саратовскую и Самарскую, въ собираніи свѣдѣній о положеніи раскольниковъ, выясненіе котораго было включено въ число задачъ тогдашнихъ сенаторскихъ ревизій. Уѣзды (Хвалынскій и Вольскій), ближайшее изученіе которыхъ выпало на мою долю, принадлежатъ къ числу тѣхъ, гдѣ широко распространены и твердо держатся различныя расколоученія. Отдавшись, по окончаніи ревизіонныхъ работъ, исклю-

чительно литературнымъ занятіямъ, я съ особымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ законодательства и практики по дѣламъ раскола и сектантства. Не меньшее значеніе имѣло въ моихъ глазахъ и все другое, касавшееся пониманія и осуществленія вѣротерпимости. Шаговъ впередъ въ этомъ направленіи, послѣ изданія закона 3-го мая 1883-го года, не сдѣлано вовсе—а въ стѣсненіяхъ религіозной свободы, общихъ и частныхъ, не было и нѣтъ недостатка. Многое изъ сказаннаго мною десять двадцать лѣтъ тому назадъ остается поэтому, примѣнимымъ и къ настоящему времени. За послѣднюю четверть вѣка государственная жизнь Россіи прогрессируетъ медленно—такъ медленно, что новые вопросы не приходятъ на смѣну старыхъ, а образуютъ вмѣстѣ съ ними все болѣе и болѣе усложняющійся узелъ. Пока онъ не распутанъ и не развязанъ, не лишнимъ можетъ оказаться и повтореніе давнишнихъ пожеланій

К. Арсеньевъ.

27 Сентября 1904 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Предисловіе	IV
I.	Различные взгляды на вѣротерпимость и свободу совѣсти	1
II.	Пietизмъ на русской почвѣ	47
III.	Расколъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и законъ 3-го мая 1883 года	61
IV.	Расколъ послѣ закона 3-го мая 1883 года.	86
V.	Сектантство послѣ закона 3-го мая 1883 года.	142
VI.	Католичество и лютеранство	202
VII.	Язычество и магометанство	236
VIII.	Полемическія замѣтки	249
IX.	Новое уголовное уложеніе и религіозныя преступленія.	271
X.	Заключеніе	280

I.

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ВѢРОТЕРПИМОСТЬ И СВОБОДУ СОВѢСТИ.

Къ числу немногихъ свѣтлыхъ точекъ, представляемыхъ исторіей, принадлежатъ единоличныя или коллективныя попытки замѣнить право силы — силою права, власть преданія и привычки — властью идеи. Ихъ встрѣчаютъ, большею частью, снисходительной или презрительной усмѣшкой, отъ нихъ отворачиваются, пожимая плечами; „практическіе люди“ спѣшатъ осудить мечтателей, идеологовъ — и приговоръ, ими произносимый, утверждается, повидимому, самою жизнью, потому что все остается по старому. Проектъ аббата Сенъ-Пьерра о вѣчномъ мирѣ не предупредилъ ни одной войны; извѣстное обращеніе квакеровъ къ императору Николаю Павловичу не остановило разрыва между Англіей и Россіей. И все-таки въ этой безнадежной борьбѣ съ господствующими теченіями есть нѣчто поразительное и трогательное, нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ многія громкія и блестящія побѣды. Она намѣчаетъ идеалы, возбуждаетъ и поддерживаетъ надежду на лучшее будущее, мѣшаетъ примиренію съ дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и непоправимымъ. Обычному преклоненію передъ „огнемъ и желѣзомъ“ противопоставляется преклоненіе передъ правдой, вѣра въ мирное торжество мысли. Какъ бы мало шансовъ успѣха ни имѣлъ, въ данную минуту, призывъ къ истинѣ, важно уже и то, что онъ раздается во всеуслышаніе; совершенно безслѣдно онъ не пройдетъ, хотя осязательныхъ его

результатовъ не дождется, быть можетъ, ни одинъ изъ свидѣтелей его... Все это пришло намъ на мысль при чтеніи адреса евангелическаго союза, обращеннаго, въ 1888 г., къ Государю Императору и напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, вмѣстѣ съ письмомъ оберъ-прокурора св. синода на имя Эдуарда Навилля (президента швейцарскаго центральнаго комитета евангелическаго союза). Съ какой стати — спросятъ, пожалуй, противники всего выходящаго изъ будничной колеи, — съ какой стати иностранцы берутся судить о чисто-русскомъ дѣлѣ, иновѣрцы — о правахъ и преимуществахъ православной церкви? На что надѣются швейцарскіе, англійскіе, голландскіе, датскіе ревнители протестантизма, самозванно вступаясь во внутреннюю жизнь отдаленнаго, едва знакомаго имъ государства? Въ силу какого права разсчитываютъ они — люди невластные и большею частью мало извѣстные, по крайней мѣрѣ за предѣлами своей страны — на вниманіе верховной власти, обремененной тяжкими заботами правленія? Не смѣшонъ ли, не страненъ ли весь этотъ евангелическій союзъ, вообразившій себя, какъ донъ-Кихотъ, рыцаремъ угнетенной принцессы — свободы совѣсти?.. — Мы думаемъ, что онъ не смѣшонъ и вовсе не такъ страненъ. Невольно чувствуется глубокое уваженіе къ людямъ, принимающимъ къ сердцу чужое дѣло, какъ свое собственное — или, лучше сказать, сумѣвшимъ понять, что въ области идеи нѣтъ разницы между *своимъ* и *чужимъ*, что въ торжествѣ правды одинаково заинтересованы всѣ вѣрующіе въ нее. Утѣшительно видѣть и то, что *право* евангелическаго союза говорить о свободѣ совѣсти признается съ высоты престола, и признается уже не въ первый разъ. Мы узнаемъ изъ адреса, что просьбы союза неоднократно были выслушиваемы императоромъ Александромъ II. Въ Швеціи въ Италіи, въ Германіи, въ Испаніи, въ Австріи, въ Турціи онѣ приводили „къ распространенію великаго начала религіозной свободы“.

Непосредственнымъ поводомъ къ адресу послужило возстановленіе въ остзейскихъ губерніяхъ закона о смѣшанныхъ бракахъ, дѣйствіе котораго было для нихъ пріостановлено въ шестидесятыхъ

годахъ: но ходатайство союза не пріурочивается исключительно къ этому отдѣльному вопросу. „Мы знаемъ, — говорятъ представители союза, — что въ Россіи существуютъ законы, воспрещающіе членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія. Но, осмѣливаясь просить Ваше Величество объ отмѣнѣ этихъ законовъ, мы этою самою просьбою думаемъ воздать высочайшую хвалу тому чувству справедливости, коимъ одушевленъ августѣйшій сынъ освободителя двадцати милліоновъ изъ рабства, сынъ монарха, дозволившаго свободное распространеніе слова Божія во всей имперіи. Ходатайствуя за религіозную свободу, мы нисколько не думаемъ нарушать начало церковнаго авторитета и никоимъ образомъ не выражаемъ той мысли, что всѣ мнѣнія (въ дѣлѣ вѣры) имѣютъ одинаковую цѣну. Наше завѣтное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій, имѣющій преимущество быть подданнымъ Вашего Величества, могъ свободно чтить Бога по своей совѣсти, свободно воспитывать своихъ дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, чтобы духовные пастыри христіанскихъ церквей могли безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія, наконецъ, чтобы всѣ тѣ, кои, не давая себѣ отчета въ важности рѣшенія, записались въ списки православной церкви, могли, безъ опасенія, возвратиться въ лоно прежней своей церкви, если изъявятъ свободное къ тому желаніе“.

„Россія хранитъ глубокое убѣжденіе, — читаемъ мы въ отвѣтѣ данномъ на адресъ оберъ-прокуроромъ св. синода, — что нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа. Увы, въ Европѣ не хотятъ признать этой истины. Почему? Потому единственно, что тамъ къ понятію о свободѣ исповѣданія примѣшалось безусловное право пропаганды его. И вотъ источникъ вашихъ сѣтованій на наши законы о совращеніяхъ изъ православія и объ отпаденіяхъ отъ него! Въ этихъ законахъ, ограждающихъ господствующее въ Россіи исповѣданіе и устраняющихъ посягательство на спокойствіе его, Европа видитъ ограниченіе свободы для другихъ исповѣданій, даже преслѣдованіе ихъ!“

Не входя принципіально въ обсужденіе вопроса о связи между свободой вѣроисповѣданія и правомъ прозелитизма, авторъ отвѣта переходитъ на историческую почву и указываетъ на великія заслуги Россіи по охраненію Европы противъ мусульманскаго міра. Источникомъ силы, необходимой для исполненія этой задачи, послужила для Россіи „твердая устойчивость въ собственныхъ началахъ“, независимыхъ ни отъ Азіи, ни отъ западной Европы. „Что было бы съ Россіей, если бы она, окруженная съ востока и запада многими десятками народностей и исповѣданій и постепенно давая имъ пріютъ у себя, колебалась въ недоумѣніи между одними и другими! Что было бы и съ западной Европой, если бы Россія стала ареной для соперничества этихъ народностей и исповѣданій, особенно въ тотъ періодъ, когда мусульманскій міръ сталъ твердою ногою на Босфорѣ, имѣя крѣпкіе опорные пункты въ царствахъ казанскомъ, астраханскомъ и крымскомъ, а весь западъ Европы запылалъ продолжительными религіозными войнами, то озаряясь кострами инквизиціи, то омрачаясь кровавыми *ночами* и *вечернями?* Только полная духовная самобытность спасала Россію среди этого коловорота религіозныхъ и политическихъ порывовъ на востокѣ и на западѣ“. Отсюда выводится заключеніе, что „охрана православной вѣры отъ колебаній и отъ покушеній на нее, съ какой бы то ни было стороны, составляетъ важнѣйшій историческій долгъ Россіи, потребность жизни ея“... Напомнивъ о нетерпимости, выказанной крестоносцами въ Византіи, о кровавыхъ войнахъ, „на знамени которыхъ была начертана свобода вѣры“, но настоящимъ содержаніемъ которыхъ служила „помѣсь религіозныхъ стремленій и мірскихъ вожделѣній“, авторъ отвѣта продолжаетъ: „въ этой-то смѣси западныя исповѣданія одновременно появились и въ Россіи. Католицизмъ избралъ для себя ареной западныя русскія области, проникся здѣсь полонизмомъ, открылъ непримиримую вражду противъ православія. Мы доселѣ не знаемъ въ этихъ областяхъ и въ цѣлой Россіи католичества, чуждаго духа вражды къ ней и старанія оторвать отъ нея исконныя ея западныя области. Увы, въ томъ же духѣ мірскихъ стремленій

Россія узнала и лютеранство, въ лицѣ бывшихъ ливонскихъ рыцарей, залегшихъ ей дорогу къ Балтійскому морю... Со стороны потомковъ рыцарей доселѣ идетъ борьба за исключительное господство въ краѣ, и доселѣ лютеранство, подобно прежнему католичеству, прикрываетъ эту мірскую борьбу знаменемъ религіи, подавляя всякія попытки со стороны туземцевъ къ единенію съ Россіей. Православіе здѣсь не нападаетъ, а себя защищаетъ въ этой тяжелой для него борьбѣ съ лютеранствомъ. Да, къ прискорбію для христіанскаго чувства, еще не настало время для мирной встрѣчи христіанскихъ идей Востока и Запада; западныя исповѣданія у насъ еще несвободны отъ мірскихъ видовъ, отъ посягательства на могущество и даже цѣлость Россіи. Россія не можетъ дозволить имъ пропаганды отторженія единовѣрныхъ сыновъ своихъ въ религіозные станы, еще не сложившіе стараго своего оружія противъ нея". На западѣ Европы, по словамъ оберъ-прокурора, полною свободой пользуется только переходъ отъ вѣры къ безвѣрію. „Нѣтъ въ Европѣ законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ отъ господствующей вѣры, но есть силы, гораздо болѣе широкія и глубокія, насквозь пропитанныя нетерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ, въ особенности же къ православной вѣрѣ, при которыхъ ссылка на отсутствіе законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ — одни жалкія слова. Провозглашаютъ свободу для всѣхъ вѣроисповѣданій и для всякаго племени въ принципѣ, но когда коснется дѣло до примѣненія этого принципа, изъ него исключаются православные—плоты западной цивилизаціи".

Въ ту отдаленную эпоху, которой касается первая часть отвѣта, о религіозной свободѣ не было еще и рѣчи. Представителямъ западно-европейскаго христіанства странно было бы обращаться къ восточной церкви съ ретроспективнымъ упрекомъ, основаннымъ на замкнутости православія въ XVI-мъ вѣкѣ — странно потому, что въ это время совершенно чуждъ терпимости былъ не только католицизмъ, но и протестантизмъ, по крайней мѣрѣ протестантизмъ, вылившійся въ опредѣленную церковную форму. Явленіе безусловно общее и повсемѣстно распространенное не нуждается въ спе-

ціальныхъ оправданіяхъ. Если бы Россія и не играла выдающейся роли въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ, ея прошедшее было бы ограждено отъ всякихъ порицаній со стороны защитниковъ религіозной свободы — ограждено въ силу того простого факта, что никакой плодъ не созрѣваетъ зимою. Два-три вѣка тому назадъ область вѣротерпимости была вся покрыта снѣгомъ, изъ-подъ котораго ни на западѣ, ни на востокѣ еще не показывались и не могли показаться молодые побѣги. Ключомъ къ разрѣшенію вопроса, поднятаго евангелическимъ союзомъ, исторія давно закончившагося періода служить, поэтому, не можетъ — и объ этомъ едва ли слѣдуетъ сожалѣть, потому что особенно убѣдительными аргументы, основанные на историческихъ догадкахъ, никогда не бываютъ. Что случилось бы съ Россіей и западной Европой, если бы Россія стала колебаться въ недоумѣніи между окружающими ее народностями и исповѣданіями — на это столь же невозможно отвѣтить, какъ и на всякую другую гипотезу, допускающую иной ходъ или иной исходъ историческихъ событій. Позволительно, однако, указать на то, что моментъ наибольшаго отпора, даннаго Россіей натиску азіатскихъ народовъ, не совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго разгара религіозныхъ войнъ на западѣ Европы. Торжество Россіи надъ татарами было совершившимся фактомъ еще въ XV-мъ столѣтіи за полвѣка до перваго вооруженнаго столкновенія между католиками и протестантами. Столкновеніе это не помѣшало западной Европѣ остановить наступательное движеніе турокъ, потомъ отбросить ихъ назадъ; распространенію господства оттоманской Порты былъ положенъ предѣлъ еще до начала эпохи русско-турецкихъ войнъ. Что касается до царствъ казанскаго, астраханскаго и крымскаго, то они, по самому положенію своему, едва ли могли бы сыграть роль „опорныхъ пунктовъ“ въ единоборствѣ мусульманства съ западной Европой... „Костры инквизиціи“, „ночи“ и „вечерни“ (или по крайней мѣрѣ „ночи“, потому что „вечерни“ — сицилійскія — относятся къ другой, болѣе ранней эпохѣ европейской исторіи и не заключаютъ въ себѣ никакого религіознаго элемента) безспорно уменьшали силу сопротивленія,

которую западная Европа могла противопоставить туркамъ, безспорно задерживали рѣшительную побѣду романо-германскаго міра надъ исламизмомъ; но вѣдь все это было не чѣмъ инымъ, какъ естественнымъ послѣдствіемъ религіозной нетерпимости — такимъ же естественнымъ послѣдствіемъ ея, какимъ является у насъ въ XVI-мъ вѣкѣ кровавое преслѣдованіе еретиковъ, въ XVII-мъ — еще болѣе кровавое преслѣдованіе раскольниковъ. „Помѣсь религіозныхъ стремленій съ мірскими“ также не составляетъ специфической особенности западно-европейскихъ народовъ; она не чужда, напримѣръ, нашей вѣковой борьбѣ съ Польшей. На знамени Хмельницкаго, какъ и на знамени Густава-Адольфа, было написано: „свобода вѣры“ — но на самомъ дѣлѣ въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду еще многое другое. Сложность мотивовъ — неизбѣжное условіе или неотъемлемая принадлежность всякаго историческаго движенія.

Переходя отъ прошедшаго къ настоящему, нельзя оспаривать того, что католицизмъ на русской почвѣ до сихъ поръ расположенъ къ союзу съ полонизмомъ, лютеранизмъ — къ союзу съ остзейскимъ „рыцарствомъ“, какъ чѣмъ-то противоположнымъ туземному населенію. Весьма можетъ быть, что это зависитъ отчасти отъ тѣхъ ограниченій, которыя тяготѣютъ у насъ надъ иновѣрными исповѣданіями; весьма можетъ быть, что нѣсколько большая религіозная полноправность положила бы конецъ сочетаніямъ элементовъ, въ сущности ненормальнымъ. Какъ бы то ни было, евангелическій союзъ ходатайствуетъ вовсе не о разрѣшеніи пропаганды, послѣдствіемъ котораго могло бы быть усиленіе анти-государственныхъ тенденцій. Слова адреса о ненарушимости начала церковнаго авторитета и о неодинаковой цѣнности религіозныхъ мнѣній не могутъ быть понимаемы иначе, какъ въ смыслѣ признанія неприкосновенности господствующей церкви. Свобода прозелитизма предполагаетъ право открытой борьбы каждаго исповѣданія противъ всѣхъ другихъ, право публичной — устной, письменной, печатной — проповѣди, не только защищающей извѣстное ученіе, но и опровергающей всѣ остальныя. Ни о чемъ подобномъ евангелическій союзъ не говорилъ; онъ просилъ только объ отмѣнѣ законовъ, „воспре-

щающихъ членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія". Представимъ себѣ человѣка, рожденнаго въ нѣдрахъ господствующей церкви и начинающаго сомнѣваться въ истинѣ ея ученія. Источникомъ сомнѣній служатъ для него не посторонніе увѣщанія и убѣжденія, не проповѣдь иновѣрнаго священника или богослова, а собственная мысль и чтеніе — чтеніе книгъ не только не запрещенныхъ господствующею церковью, но высоко ею чтимыхъ. Пропаганды, прозелитизма, совращенія здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, къ такому лицу непримѣнимо ни одно слово изъ отвѣта на адресъ евангелическаго союза — а между тѣмъ оно не можетъ, по нашимъ законамъ, послѣдовать влеченію своего сердца и своей мысли, не можетъ выйти оффиціально изъ среды церкви, къ которой перестало принадлежать на самомъ дѣлѣ. Вотъ къ устраненію чего направлено ходатайство евангелическаго союза. Возможны ли случаи въ родѣ того, который мы только что допустили? Безъ сомнѣнія, возможны. Справедливо ли требовать внѣшняго единенія, когда нѣтъ больше на лицо внутренней связи? Очевидно, нѣтъ. Когда именно общество вѣрующихъ несетъ дѣйствительную потерю—тогда ли, когда кто-либо изъ его членовъ отдѣлился отъ него духовно, или тогда, когда онъ открыто присоединился къ другому вѣроученію? Конечно—въ первый изъ этихъ моментовъ. Отяготительное по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, насильственное удержаніе въ церковныхъ спискахъ совершенно безполезно—чтобы не сказать болѣе—для самой церкви.

Подойдемъ еще ближе къ дѣйствительной жизни: спросимъ себя, въ какихъ случаяхъ наше законодательство по дѣламъ вѣры—насколько оно касается инославныхъ исповѣданій—оказывается особенно стѣснительнымъ для религіозной свободы? Случаевъ перехода коренныхъ православныхъ въ католицизмъ или лютеранство у насъ теперь не бываетъ почти вовсе, да и прежде они встрѣчались только въ средѣ высшаго общества; не о нихъ, по всей вѣроятности, помышлялъ и евангелическій союзъ, когда приступалъ къ составленію своего адреса. Поразили его, повидимому, двѣ категоріи явленій: обязательства, возлагаемыя на супруговъ при всту-

пленіи въ смѣшанный бракъ—и затрудненія, встрѣчаемыя вновь присоединенными православными въ случаѣ возвращенія ихъ къ прежней вѣрѣ. Очевидно, что и тамъ, и тутъ роль „прозелитизма“ совершенно ничтожна или до крайности незначительна. Допустить воспитаніе дѣтей въ религіи одного изъ родителей, по взаимному соглашенію брачущихся, разрѣшить новообращеннымъ взятіе назадъ сдѣланнаго ими шага—не значило бы еще открыть просторъ *пропагандѣ*, снять запретъ съ *совращенія*. Близость родителей къ дѣтямъ такъ велика, что передача убѣжденій отъ однихъ къ другимъ весьма легко можетъ совершиться сама собою. Прежнія вѣрованія такъ живучи, что легко могутъ воскреснуть вновь безъ всякихъ внѣшнихъ понужденій или побужденій. Это—факты, съ которыми необходимо считаться, которые нельзя зачеркнуть никакими предписаніями и запрещеніями. Леченіе представляется здѣсь болѣе опаснымъ, чѣмъ самая болѣзнь. Отобраніе дѣтей отъ родителей возмущаетъ нравственное чувство; игнорированіе обратнаго перехода вновь присоединенныхъ создаетъ цѣлую массу замѣшательствъ и затрудняетъ дальнѣйшія завоеванія господствующей церкви. Чего стоитъ одно положеніе иновѣрнаго священнослужителя, когда онъ поставленъ между угрозой уголовнаго закона и просьбой бывшаго единовѣрца, умоляющаго принять его вновь въ среду оставленной имъ церкви! Объ этомъ именно положеніи и думалъ, вѣроятно, евангелическій союзъ, когда просилъ предоставить „духовнымъ пастырямъ христіанскихъ церквей возможность безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія“.

Свобода вѣроисповѣданія и свобода совѣсти—собственно говоря, одно и то же; но между ними часто проводится искусственное различіе, и подъ именемъ свободы вѣроисповѣданія разумѣется исключительно совокупность правъ, предоставленныхъ *давнишнимъ, исконнымъ послѣдователямъ одного изъ признанныхъ государствомъ вѣроученій*. Только въ этомъ смыслѣ можно говорить о свободѣ вѣроисповѣданія, существующей въ Россіи—но даже и въ этомъ смыслѣ трудно утверждать, что она у насъ шире,

чѣмъ гдѣ бы то ни было. Трудно сказать, въ какомъ именно отношеніи русскіе протестанты поставлены лучше французскихъ, русскіе католики—лучше англійскихъ? Прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ доказательство необычайной русской вѣротерпимости приводилось, сплошь и рядомъ, разрѣшеніе спектаклей въ дни такъ-называемой нѣмецкой масляницы (т.-е. въ первые два дня Великаго поста); теперь и это доказательство потеряло свою силу. Правомъ строить церкви, имѣть свое духовенство, свои духовно-учебныя заведенія, иновѣрцы въ Россіи безспорно пользуются уже около двухъ столѣтій; но все это, повторяемъ, составляетъ только „свободу вѣроисповѣданія“, *въ тѣсномъ значеніи слова*, а не „свободу совѣсти“, о которой говоритъ евангелическій союзъ. Свобода совѣсти, это—право исповѣдывать только то, чему дѣйствительно вѣришь; она немыслима, пока въ законахъ существуетъ понятіе объ *отпаденіи* отъ вѣры, пока принадлежность къ господствующей церкви опредѣляется *разъ навсегда, безповоротно*, рожденіемъ въ ея средѣ или актомъ присоединенія къ ней, хотя бы не вполнѣ сознательнымъ и обдуманнымъ... Допустимъ, однако, что переходъ въ католичество или лютеранство равносиленъ у насъ переходу во враждебный станъ—враждебный народу и государству; допустимъ, что этимъ оправдывается запрещеніе такого перехода (хотя политическія соображенія едва ли могутъ быть смѣшиваемы съ религіозными). Что же остается, затѣмъ, для оправданія запрещеній, направленныхъ противъ перехода въ расколъ или въ одну изъ ересей, родившихся на русской же почвѣ (за исключеніемъ, конечно, ученій безнравственныхъ или прямо противогосударственныхъ)? Двухсотлѣтній опытъ удостовѣряетъ, что принадлежность къ расколу вполнѣ совмѣстна съ преданностью государю и отечеству; молокане, духоборцы, баптисты, пашковцы, штундисты, также не угрожаютъ никакою опасностью цѣлости и могуществу имперіи. Религіозная свобода—благо одинаково драгоцѣнное для всѣхъ, и если евангелическій союзъ заботится, быть можетъ, въ особенности о своихъ единовѣрцахъ-лютеранахъ, то для русскаго, сочувствующаго въ идеѣ стремленіямъ союза, нѣтъ уже рѣшительно

никакой разницы между членами „инославныхъ“ исповѣданій и приверженцами той или другой нашей, русской секты, того или другого раскольническаго толка.

Какого бы ни держаться мнѣнія о западно европейской религіозной жизни, во всякомъ случаѣ едва ли можно отрицать, что въ главныхъ государствахъ западной Европы имѣется на-лицо, и de jure, и de facto, не только свобода вѣроисповѣданія, какъ у насъ, но еще и свобода совѣсти. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи всякій можетъ принадлежать къ религіозному обществу, свободно имъ избранному, исповѣдывать ученіе, признаваемое имъ наиболѣе правильнымъ. Можно, правда, и не принадлежать ни къ какой церкви, не исповѣдывать никакой вѣры—но „переходъ къ безвѣрію“ отнюдь не болѣе свободенъ, чѣмъ переходъ отъ одного вѣроученія къ другому. Въ „глубокихъ и широкихъ силахъ, пропитанныхъ потерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ“, на западѣ, безспорно, нѣтъ недостатка—но онѣ не имѣютъ точки опоры въ положительномъ законѣ, существованіе или несуществованіе ихъ не зависитъ отъ государственной власти; она можетъ только сдерживать, умѣрять ихъ, что́ ею, большею частью, и исполняется. О спеціальныхъ стѣсненіяхъ по отношенію къ православію можетъ быть рѣчь развѣ въ Австріи: но вотъ что́ мы читаемъ по этому поводу въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1884-ой годъ. „Хотя, по законамъ государства (австро-венгерскаго), всѣ вѣроисповѣданія равноправны, однако въ дѣйствительности эта равноправность постоянно нарушается, и всего чаще относительно православной церкви. Православная церковь на самомъ дѣлѣ является только какъ бы терпимою. *Правда, открытыхъ нападеній нѣтъ;* зато, тайныя, *подъ видомъ какой-либо благовидной формы помощи или благодѣянія*, встрѣчаются нерѣдко... Удивительнѣе всего то, что при данной свободѣ вѣроисповѣданій возможны переходы въ любую, не запрещенную законами государства, вѣру, *но желающимъ перейти въ православіе ставятся неимовѣрныя препоны*“. Мы выводимъ изъ этихъ словъ два заключенія: *во-первыхъ*, что въ Австріи переходъ изъ господствую-

щей церкви въ православіе только до крайности затруднены, но все-таки возможенъ, какъ юридически, такъ и фактически; *во-вторыхъ*, что такое положеніе дѣлъ считается, въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ, основаніемъ для справедливыхъ жалобъ, и православіе въ Австріи признается угнетеннымъ, хотя открытыхъ нападеній противъ него нѣтъ, а тайныя принимаютъ форму „помощи или благодѣянія“. Другими словами, свобода вѣроисповѣданія, существующая въ Австріи, разсматривается какъ нѣчто недостаточное и неполное, именно потому, что она не соединена съ дѣйствительной, ничѣмъ не ограниченной свободой совѣсти.

Отвѣтъ евангелическому союзу заканчивается ссылкой на слова извѣстнаго протестантскаго писателя Эрнеста Навилля: „Настоящія обстоятельства призываютъ христіанъ къ инымъ, болѣе важнымъ спорамъ, чѣмъ споры взаимные. Основанія Евангелія, допускаемыя всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями, подвержены нынѣ открытымъ нападеніямъ въ движеніи современной мысли. Первая обязанность христіанъ, кажется, есть обязанность соединиться для защиты ихъ общей вѣры противъ напора ученій атеизма и матеріализма. Великій духовный споръ нашего времени, есть борьба вѣрующихъ въ вѣчную жизнь съ тѣми, которые отрицаютъ ее“. Это совершенно справедливо—но что же изъ этого слѣдуетъ? Именно то, о чемъ ходатайствуетъ евангелическій союзъ: паденіе оковъ, налагаемыхъ на свободу совѣсти и мѣшающихъ христіанамъ различныхъ вѣроисповѣданій сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ общаго имъ всѣмъ дѣла.

Вышеприведенный отвѣтъ оберъ-прокурора св. синода вызвалъ со стороны союза возраженіе, напечатанное, въ 1889 г., въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Съ точки зрѣнія формы оно несвободно отъ недостатковъ. Въ словахъ союза слышится, по временамъ, раздраженіе, меньше всего умѣстное въ документахъ этого рода; кое-что выражено, притомъ, не совсѣмъ точно и можетъ служить источникомъ недоразумѣній. „Напрасно,—говоритъ, напримѣръ, союзъ,—на-

прасно вы опираетесь на историческія, къ тому же и спорныя права, чтобы, подъ страхомъ ссылки и другихъ наказаній, навязывать *всѣмъ подданнымъ* Его Величества Царя опредѣленную религіозную форму... Отнынѣ неправославный голосъ въ Россіи не можетъ раздаваться, не влеча за собою кары". Эти слова даютъ московской газетѣ поводъ обвинить представителей союза въ нежеланіи знать, что католикамъ, протестантамъ, евреямъ, магометанамъ, язычникамъ принадлежитъ, въ Россіи, право молиться по обрядамъ своей вѣры, воспитывать въ ней своихъ дѣтей, воздвигать костелы, кирки, синагоги, мечети и кумирни. Трудно предположить, чтобы столь общеизвѣстные, несомнѣнные факты сознательно и намѣренно игнорировались евангелическимъ союзомъ; гораздо вѣроятнѣе, что онъ просто не взвѣсилъ своихъ выраженій, сказалъ больше, чѣмъ хотѣлъ. Его противники, впрочемъ, впадаютъ въ ту же самую ошибку. „Какое дѣло союзу,—восклицаетъ московская газета,—что у насъ каждый имѣетъ полную свободу исповѣдывать свою вѣру и сердцемъ, и устами; какое ему дѣло до того, что въ отношеніи вѣротерпимости Россія стоитъ впереди всѣхъ странъ міра?... Побѣдивъ своихъ враговъ, Россія не только не притѣсняла ихъ, но съ безпримѣрнымъ великодушіемъ всегда широко открывала имъ свое гостепріимство, предоставляя всѣмъ иновѣрцамъ полнѣйшую свободу исповѣданія ихъ религіи. Отъ этихъ пріютившихся у насъ иновѣрцевъ мы въ правѣ ожидать искренней благодарности, а не протестовъ и жалобъ. А между тѣмъ представители евангелическаго союза увѣряютъ, что къ нимъ изъ Россіи такія жалобы приходятъ въ безчисленномъ количествѣ! Для насъ русскихъ, если бы такія жалобы дѣйствительно существовали, онѣ свидѣтельствовали бы лишь о томъ, что наше великодушіе служитъ только во вредъ, и что всякое попустительство было бы поощреніемъ не только неблагодарныхъ лицъ, но прямыхъ измѣнниковъ, подкапывающихся подъ самыя основы пріютившей и пригрѣвшей ихъ державы".

Аналогичный рядъ мыслей высказанъ госпожею Новиковой въ полемической статьѣ противъ книги Стэда: „Правда о Рос-

сіи“ [1]). Въ Россіи—такъ начинается аргументація русской писательницы—„вѣротерпимость установилась ранѣе, чѣмъ у многихъ цивилизованныхъ ей сосѣдей. Иновѣріе не препятствовало въ Россіи назначенію на высшія государственныя должности, хотя въ либеральной Англіи, до послѣдняго времени, оно считалось препятствіемъ къ выбору въ члены парламента... Въ Англіи и въ Америкѣ, гдѣ христіанская вѣра расколота на сотни различныхъ сектъ, не только возможно, но необходимо допустить свободу религіозной конкурренціи или пропаганды. Иное дѣло у насъ. Единство церкви составляло во всѣ времена существенную силу Россіи. Всякій расколъ представляется намъ зломъ, отъ коего нужно освободиться. Такое состояніе, въ которомъ множество разныхъ вѣръ и толковъ размѣщено по значкамъ своимъ и знаменамъ, вовсе не представляется намъ идеальнымъ; мы любимъ величественное зданіе своей церкви и вовсе не расположены замѣнять его сборнымъ дворомъ раздирающихъ другъ друга сектъ. Расколъ можетъ считаться доблестью съ точки зрѣнія нонконформиста. А мы довольствуемся единою непреложною истиной, основанною на священномъ писаніи и истолкованною семью вселенскими соборами... Святая Русь—это государство, коего первое призваніе хранить и оберегать церковь, душу Россіи. Эта защита даже идетъ впереди защиты русскихъ предѣловъ отъ вражьяго нашествія“. Сопоставивъ пашковцевъ съ нигилистами, какъ иконоборцевъ религіозныхъ съ иконоборцами политическими, госпожа Новикова продолжаетъ: „мы оставляемъ всѣхъ и каждаго свободно исповѣдывать свою вѣру, но не можемъ дозволить попытки къ совращенію изъ православія. Въ Россіи вы можете быть протестантомъ, католикомъ, магометаниномъ, отправлять вполнѣ свободно обряды своей вѣры и воспитывать въ нихъ дѣтей своихъ; но въ смѣшанныхъ бракахъ, когда одна сторона православная, законъ требуетъ, чтобы дѣти были православныя. И кромѣ того требуетъ не касаться чужой

[1]) Эта статья напечатана въ «Contemporary Review», а сокращенный переводъ ея появился въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

вѣры ни у родителей, ни дѣтей ихъ. *Руки прочь*—таковъ нашъ девизъ въ дѣлѣ вѣры, равно какъ и въ балканской политикѣ. Оставьте насъ при нашемъ, и мы васъ при вашемъ оставляемъ. Помышляющіе о небѣ не нуждаются для перехода въ лучшій міръ въ англійскомъ паспортѣ—эта область, слава Богу, не присоединена къ британской имперіи"... *„То, что называютъ преслѣдованіемъ*—таковъ заключительный выводъ госпожи Новиковой—*есть дѣло самозащиты*".

Въ статьѣ госпожи Новиковой, какъ и въ замѣткѣ „Московскихъ Вѣдомостей", прежде всего бросается въ глаза постоянное смѣшеніе двухъ понятій: свободы вѣроисповѣданія, предоставленной кореннымъ иновѣрцамъ, и свободы совѣсти, какъ общаго для всѣхъ блага. О вѣротерпимости, въ истинномъ смыслѣ слова, можетъ быть рѣчь только тамъ, гдѣ имѣется на-лицо и та, и другая свобода. Указывать на существованіе первой, когда оплакивается недостатокъ второй, значитъ переносить вопросъ на совершенно иную почву, предлагать камень вмѣсто хлѣба. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что заѣзжіе католики и лютеране пользовались у насъ свободой богослуженія еще въ до-петровскія времена; несомнѣнно и то, что иновѣрное населеніе областей, въ разное время присоединенныхъ къ Россіи, не было вынуждаемо къ принятію православія. Но развѣ усилія евангелическаго союза направлены къ тому, чтобы положить конецъ насильственнымъ обращеніямъ, чтобы отстоять за лютеранами отъ рожденія и по наслѣдству возможность жить и умереть въ религіи предковъ? Развѣ о чемъ-нибудь подобномъ говоритъ Стэдъ? Къ чему выдвигать на сцену такую сторону нашей государственной жизни, которую никто не отрицаетъ и не порицаетъ? Развѣ для того, чтобы похвалиться русскимъ великодушіемъ и превознести Россію надъ другими цивилизованными государствами? Но такая похвальба не только безцѣльна—она лишена правильнаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Москвѣ XVII-го вѣка допускалась постройка иновѣрческихъ церквей, то не объясняется ли это всего проще пользой, которую иностранцы приносили московскому государству? Ихъ услуги при-

знавались необходимыми, а привлечь и удержать ихъ можно было только цѣною предоставленія имъ нѣкоторой религіозной свободы. Если лютеранство осталось неприкосновеннымъ въ остзейскомъ краѣ, католичество—въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, то этого требовала самая элементарная политическая мудрость. Десятки и сотни тысячъ иновѣрцевъ, вступая въ русское подданство, становились русскими гражданами, имѣющими право на защиту русскихъ законовъ; разсматривать ихъ какъ „гостей", „пріютившихся" въ Россіи и ею „пригрѣтыхъ", было бы болѣе чѣмъ странно. Скажемъ болѣе: терпимость по отношенію къ нимъ была тѣмъ естественнѣе, тѣмъ легче, чѣмъ больше они до тѣхъ поръ были чужды Россіи. Религіозныя гоненія возникаютъ обыкновенно тогда, когда часть населенія отпадаетъ отъ вѣры, прежде господствовавшей нераздѣльно. Церковь не можетъ примириться съ понесенной ею потерей, не можетъ смотрѣть на отпадшихъ иначе, какъ на схизматиковъ или еретиковъ, заслуживающихъ строжайшей кары,— и если ей удается заручиться содѣйствіемъ свѣтской власти, то начинается, рано или поздно, систематическое преслѣдованіе, доходящее, при многочисленности отщепенцевъ—до междоусобной войны, при малочисленности ихъ—до поголовнаго истребленія. Такъ было во Франціи, въ южныхъ Нидерландахъ, въ Испаніи, въ Австріи. Ожесточенію борьбы часто способствуютъ примѣшивающіеся къ ней политическіе мотивы – стремленіе гонимыхъ найти союзниковъ за предѣлами страны или измѣнить, въ свою пользу, ея государственное устройство. Бываетъ и такъ, что новая религія получаетъ перевѣсъ надъ прежней, отщепенцы образуютъ изъ себя господствующую церковь; тогда источникомъ гоненій является стремленіе поддержать вновь установившійся порядокъ, отразить реставраціонныя попытки приверженцевъ старины. Боевая политика продолжается, въ силу инерціи и рутины, и послѣ того какъ опасность давно миновала. Это мы видимъ въ Англіи, гдѣ законы противъ католиковъ, вызванные покушеніями на жизнь Елизаветы, пороховымъ заговоромъ, тиранніей послѣдняго Стюарта и упорствомъ якобитовъ, потеряли всякую raison d'être уже къ началу царствованія

Георга III-го, но продержались, какъ анахронизмъ, до второй четверти нынѣшняго вѣка. Ничего подобнаго не было и не могло быть у насъ въ Россіи. Населеніе остзейскаго края обратилось въ лютеранство не изъ православія, а изъ католичества; между католиками западныхъ губерній хотя и были такіе, предки которыхъ исповѣдывали православіе, но съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько вѣковъ, и самый переходъ совершился въ то время, когда Заднѣпровье не было подвластно Россіи. *Въ предѣлахъ русскаго государства* лютеране и католики не были отщепенцами православія и не угрожали опасностью православной церкви. Понятно, что русское правительство могло, безъ всякихъ опасеній, пользоваться ихъ услугами. Иновѣрцы допускались или даже привлекались на русскую государственную службу вовсе не потому, чтобы вѣротерпимость процвѣтала въ Россіи больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, а просто въ виду практической пригодности и совершенной вѣроисповѣдной безвредности служилаго иновѣрческаго элемента. Лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли служитъ исторія русскаго раскола. Здѣсь были на-лицо тѣ самыя условія, при которыхъ возникли религіозныя гоненія на западѣ Европы—и сходство причинъ привело къ полнѣйшему сходству результатовъ. Раскольники, по отношенію къ православію, были именно тѣмъ, чѣмъ протестанты—по отношенію къ католицизму: *отпадшими отъ церкви*. Отсюда преслѣдованіе, продолжавшееся, съ большей или меньшей силой, слишкомъ два вѣка. То же самое можно сказать и о нашихъ домашнихъ протестантахъ—духоборцахъ, молоканахъ, пашковцахъ, штундистахъ. Какъ только на нашей почвѣ совершалось что-либо аналогичное съ западными религіозными движеніями, неминуемо наступали—конечно, mutatis mutandis—и послѣдствія, знакомыя намъ изъ западно-европейской исторіи. Вся разница въ томъ, что тамъ, за самыми немногими и незначительными исключеніями, эти послѣдствія всецѣло отошли въ прошедшее, а у насъ съ ними приходится считаться и въ настоящее время.

Второе смѣшеніе понятій, общее „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и госпожѣ Новиковой—да и почти всѣмъ тѣмъ, кто раздѣляетъ

ихъ основную мысль,—заключается въ томъ, что *свобода совѣсти* признается синонимомъ *свободы пропаганды*. Полемика противъ первой ведется такъ, какъ будто бы ея защитники были непремѣнно приверженцами второй, и притомъ въ самой необузданной и крайней ея формѣ. Правда, въ этомъ смыслѣ могутъ быть истолкованы нѣкоторыя мѣста въ послѣднемъ письмѣ евангелическаго союза; но, какъ мы уже сказали, они объясняются волненіемъ и тревогой, подъ вліяніемъ которыхъ, очевидно, написано письмо, и не выражаютъ собою настоящей мысли союза. Мы основываемъ это заключеніе на первоначальномъ адресѣ союза, гораздо болѣе обдуманномъ и спокойномъ. „Ходатайствуя за религіозную свободу,—говорили тогда представители союза,—*мы нисколько не думаемъ нарушать начало церковнаго авторитета*. Наше завѣтное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій могъ свободно чтить Бога по своей совѣсти, свободно воспитывать дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, чтобы духовные пастыри христіанскихъ церквей могли безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія, наконецъ, чтобы всѣ тѣ, кои, не давая себѣ отчета въ важности рѣшенія, записались въ списки православной церкви, могли безъ опасенія возвратиться въ лоно прежней своей церкви, если изъявятъ свободное къ тому желаніе“. Во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на устраненіе преградъ, противопоставленныхъ иновѣрческой пропагандѣ; „свободы совращенія русскаго народа въ протестанство“ евангелическій союзъ не домогается вовсе. Но, въ такомъ случаѣ, не проситъ ли онъ о томъ, что существуетъ уже давно, независимо отъ всякихъ ходатайствъ? Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и госпожѣ Новиковой, евангелическій союзъ оказывается виновнымъ именно въ чемъ-то подобномъ. „У насъ,—восклицаетъ московская газета,—*каждый* имѣетъ полную свободу исповѣдывать свою религію и сердцемъ и устами“. „Мы оставляемъ *всѣхъ и каждаго*,—говоритъ госпожа Новикова,—свободно исповѣдывать свою вѣру“. Что это такое—игра словъ, или незнаніе общеизвѣстныхъ фактовъ? Безъ сомнѣнія—первое,

потому что нельзя же допустить, чтобы русскимъ публицистамъ были незнакомы русскіе уголовные законы, русской писательницѣ славянофильскаго толка—отчеты оберъ-прокурора св. синода. Приведенныя нами фразы о свободѣ всѣхъ и каждаго исповѣдывать *свою вѣру* получаютъ настоящее значеніе лишь въ такомъ случаѣ, если понимать подъ именемъ *своей вѣры*—вѣроученіе, къ которому каждый принадлежитъ оффиціально. *Своей вѣрой* для эстонца или латыша, обратившагося въ православіе и затѣмъ опять перешедшаго въ лютеранизмъ, является, по этой терминологіи, православіе, хотя бы онъ всецѣло былъ преданъ своей прирожденной религіи; православіе—*своя вѣра* и для раскольника, крещеннаго и воспитаннаго въ расколѣ, но родившагося отъ родителей, почему-либо зачисленныхъ православными. Слова эластичны и послушны, имъ можно придавать какой угодно смыслъ—только не нужно думать, что отъ этого измѣняется сущность дѣла. Никакой способъ выраженій не можетъ заставить забыть, что *своей* религіей, своимъ неотъемлемымъ нравственнымъ достояніемъ каждый считаетъ только вѣрованія, наполняющія его душу, отвѣчающія голосу совѣсти его и сердца. Во что обращаются, затѣмъ, увѣренія „Московскихъ Вѣдомостей“ и госпожи Новиковой—это не требуетъ разъясненій. Кто не хочетъ обманывать ни себя, ни другихъ, тотъ долженъ признать, что свобода исповѣданія „своей вѣры“ принадлежитъ у насъ далеко не всѣмъ и каждому. Ее ограничиваетъ начало, такъ ясно высказанное въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1886 г.: „вѣроисповѣдная принадлежность православныхъ опредѣляется посредствомъ выписокъ изъ православныхъ метрическихъ книгъ о рожденіи, крещеніи или присоединеніи извѣстнаго лица въ православной церкви, *такъ какъ законъ россійскаго государства не признаетъ отпаденій отъ православія.*“. Съ свободой совѣсти, съ правомъ „всѣхъ и каждаго“ свободно исповѣдывать „свою вѣру“ это начало представляется очевидно и безусловно несовмѣстнымъ.

На почвѣ явнаго софизма никакая аргументація надолго удержаться не можетъ. Отъ попытки доказать, что въ Россіи свобода

вѣроисповѣданія принадлежитъ „всѣмъ и каждому“, госпожа Новикова переходитъ весьма скоро къ другой темѣ, совершенно иного свойства. „Всякій расколъ,—такъ формулирована эта тема,—представляется *намъ* зломъ, отъ коего нужно освободиться“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что это за *„мы“*, отъ имени которыхъ считаетъ себя въ правѣ говорить госпожа Новикова, замѣтимъ, что къ освобожденію отъ зла можно стремиться различными путями. Путь, рекомендуемый, прямо или косвенно, противниками религіозной свободы, давно уже испытанъ и на Западѣ, и у насъ въ Россіи—и результатъ испытаній не говоритъ въ пользу его цѣлесообразности. Къ чему привела двухсотлѣтняя борьба съ расколомъ? Уменьшается ли число дѣйствительныхъ раскольниковъ отъ того, что бо́льшая ихъ часть значится, по спискамъ, принадлежащими къ православной церкви? Когда сформировались главныя англійскія секты—пресвитеріанцы, пуритане, квакеры, баптисты,—въ эпоху преслѣдованія нонконформистовъ или послѣ торжества вѣротерпимости? Много ли выиграла Франція вслѣдствіе отмѣны нантскаго эдикта?.. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, что лучше—единовѣріе или разновѣріе. Чтобы стоять за свободу совѣсти, вовсе не нужно считать расколъ—„доблестью“, безчисленное множество толковъ—„идеаломъ“; нужно только знать, что непрочно и обманчиво единство, достигаемое предписаніями и запрещеніями, нужно только помнить, что въ области религіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо драгоцѣнна искренность и непринужденность. Рѣшимость перейти—или, тѣмъ болѣе, *возвратиться* —въ другое исповѣданіе зарождается и созрѣваетъ, сплошь и рядомъ, помимо всякихъ постороннихъ увѣщаній, въ глубинѣ души, послѣ продолжительной внутренней работы. Предупредить эту работу или уничтожить ея результаты государственная власть безсильна, какими бы оружіями или орудіями она ни располагала. Свобода *мысли* не нуждается въ санкціи со стороны закона; она неискоренима и неустранима. Отпадшихъ отъ церкви можно по прежнему *числить* въ ея спискахъ, но нельзя, помимо ихъ убѣжденія и воли, возстановить духовное общеніе ихъ съ нею—а существенно важной и желательной пред-

ставляется, безъ сомнѣнія, одна только дѣйствительная, не-номинальная принадлежность къ церкви. „Оставьте насъ при нашемъ“, восклицаетъ госпожа Новикова; но въ томъ-то и дѣло, что всякій, вѣрующій не такъ, какъ мы—уже не *нашъ*, какъ бы упорно мы ни называли его „нашимъ“. Въ примѣненіи къ нему девизъ: „руки прочь“, получаетъ смыслъ прямо противоположный тому, въ какомъ понимаетъ эти слова госпожа Новикова... Нужно ли прибавлять, что опасность „пропаганды“, стремящейся къ совращенію „рускаго народа“ (!), принадлежитъ всецѣло къ области фантазіи? Какъ бы мало евангелическій союзъ ни былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, не можетъ же онъ считать ее готовой броситься въ объятія протестантизма. Онъ не можетъ не знать, какою устойчивостью обладаютъ вѣковыя вѣрованія народа, какъ тѣсно они связаны со всѣми сторонами народной жизни. Въ нихъ самихъ—лучшая ихъ опора, въ сравненіи съ которой ничтожны всѣ внѣшнія оборонительныя средства. Меньше всего, конечно, предстоитъ надобность въ такой „самозащитѣ“, которая принимаетъ форму „преслѣдованія“. Преслѣдованіе не измѣняетъ своего характера только потому, что ему дано благозвучное имя. Какъ бы ни называть мѣры строгости противъ отпадшихъ отъ православія, онѣ не сдѣлаются отъ этого ни болѣе дѣйствительными, ни болѣе согласными съ принципомъ религіозной свободы.

Семь лѣтъ спустя, въ 1896 г., намъ опять пришлось напомнить, что слова эластичнѣе, чѣмъ понятія—и никогда, кажется, эта эластичность не выражалась такъ ясно, какъ въ толкованіяхъ, которымъ подвергалось у насъ слово: *вѣротерпимость*. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась передовая статья, озаглавленная этимъ словомъ. „Нельзя—говоритъ газета,—нельзя человѣка силой заставить перемѣнить убѣжденіе, или вѣрить тому, въ чемъ онъ сомнѣвается; самая попытка сдѣлать это станетъ для него аргументомъ не за, а противъ навязываемой ему вѣры. Поэтому совершенно понятно, что чѣмъ сильнѣе религіозное чувство чело-

вѣка, тѣмъ сильнѣе претитъ ему инквизиціонный способъ душеспасенія. Но было бы крайне неосторожно смѣшивать свободу совѣсти съ безконтрольною свободой пропаганды религіозныхъ, политическихъ или нравственныхъ ученій. Не только въ сферѣ религіи, но и во всякой другой, невозможно запретить человѣку думать именно такъ, какъ онъ думаетъ; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы необходимо было предоставить ему право распространять свои мысли, хотя бы съ явнымъ вредомъ для государства или для общества". Указавъ на то, что понятіе господствующей церкви вовсе не противорѣчитъ понятію свободы совѣсти, газета продолжаетъ: „вѣра человѣка есть дѣло его совѣсти и не подлежитъ никакому внѣшнему контролю; но вѣроисповѣданіе, какъ выраженіе этой вѣры, требуетъ внѣшнихъ проявленій, и проявленія эти могутъ быть вполнѣ согласны съ законами и цѣлями страны, или же могутъ противорѣчить имъ. Никому не придетъ въ голову во имя вѣротерпимости требовать допущенія человѣческихъ жертвоприношеній или безпрепятственнаго распространенія членовредительства. Ясно, что принципъ невмѣшательства и вѣротерпимости обязателенъ для государства лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о внутреннемъ мірѣ человѣка, и становится совершенно непримѣнимъ, какъ только дѣйствительныя или мнимо-вѣроисповѣдныя требованія становятся въ противорѣчіе съ государственными законами. Государственная власть не можетъ предоставить ученіямъ, которыя она признаетъ не только ложными, но и вредными, одинаковыхъ правъ съ тѣми, которыя оно считаетъ истинными и плодотворными. Еще менѣе можетъ оно допустить, чтобы подъ флагомъ религіозныхъ убѣжденій проводились соціальныя и политическія теоріи, имѣющія не только мало общаго съ религіей, но грозящія внѣшней безопасности или внутреннему порядку. Конечно, возможенъ вопросъ о коллизіи религіозныхъ вѣрованій съ требованіями, предъявляемыми государствомъ; но въ такомъ случаѣ для того, кто искренно и глубоко убѣжденъ въ правотѣ своей вѣры, остается только безропотно нести послѣдствія такой коллизіи, тѣмъ болѣе, что, вообще говоря, послѣдствія эти далеко не такъ тяжки, какъ

были въ первыя времена христіанства. Само собою разумѣется, что государственная власть должна возможно меньше и рѣже вмѣшиваться въ дѣла религіозныя, но она не можетъ не слѣдить за тѣмъ, чтобы въ церквахъ и въ школахъ, особенно на окраинахъ, подъ видомъ религіозной проповѣди не проводились тенденціи сепаратизма. Конечно, всякое ограниченіе такой тенденціозной проповѣди будетъ выставляться проповѣдниками какъ стѣсненіе свободы совѣсти. Очень возможно, что администрація дѣйствительно проявляетъ иногда усердіе не по разуму. Конечно, желательно устраненіе подобныхъ ошибокъ и недоразумѣній, но необходимо относиться осторожно къ обвиненіямъ въ религіозной нетерпимости и еще осторожнѣе дѣлать изъ нихъ обобщенія, такъ какъ въ подобныхъ обобщеніяхъ обыкновенно гораздо болѣе заинтересована политика, чѣмъ свобода совѣсти".

Таковы разсужденія московской газеты. Любопытно прослѣдить логическіе зигзаги, путемъ которыхъ ограничивается и обезсиливается основной, по видимому, тезисъ статьи. Несмотря, однако, на всѣ оговорки, изъ этого тезиса уцѣлѣло признаніе за каждымъ права вѣрить по своему и отрицаніе принужденія въ дѣлахъ вѣры. Если „нельзя заставить человѣка перемѣнить убѣжденіе или вѣрить тому, въ чемъ онъ сомнѣвается", то нельзя, очевидно, и считать его неразрывно связаннымъ съ вѣроисповѣданіемъ, въ которомъ онъ родился или, можетъ быть, съ самаго рожденія только оффиціально числился. Аргументація „Московскихъ Вѣдомостей", въ этой своей части безупречная, несовмѣстима съ понятіемъ объ отпаденіи отъ православія, какъ о чемъ-то противозаконномъ, влекущемъ за собою уголовную отвѣтственность или, по меньшей мѣрѣ, гражданскія правоограниченія. Объектомъ запрещеній и преслѣдованій остается, затѣмъ, только пропаганда, т.-е. намѣренное *распространеніе* религіозныхъ вѣрованій, несогласныхъ съ ученіемъ господствующей церкви. Ничего общаго съ пропагандой не имѣетъ совершеніе надъ лицомъ, по имени православнымъ, но на самомъ дѣлѣ переставшимъ принадлежать или никогда не принадлежавшимъ къ православной церкви, таинства или другого религіознаго

дѣйствія по правиламъ инославнаго исповѣданія. Утверждать противное—значило бы лишать множество вѣрующихъ единственнаго религіознаго утѣшенія, доступнаго для нихъ въ силу ихъ вѣры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. когда отъ вѣнчанія или крещенія по православному обряду зависитъ пріобрѣтеніе или обезпеченіе тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ)—даже прямо побуждать ихъ къ отступленію отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій или къ лицемѣрной съ ними сдѣлкѣ. Итакъ, московская газета допускаетъ—mirabile dictu!—одинъ изъ главныхъ постулатовъ свободы совѣсти.

Менѣе опредѣленна и менѣе логична другая часть аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“. Совершенно вѣрно, что „никому не придетъ въ голову требовать, во имя вѣротерпимости, допущенія человѣческихъ жертвоприношеній или безпрепятственнаго распространенія членовредительства“; но почему? Не потому, что человѣческія жертвоприношенія и членовредительство запрещены „государственнымъ закономъ“, а потому, что они противорѣчатъ вѣчнымъ законамъ нравственности. Московская газета впадаетъ въ явную ошибку, утверждая, что „принципъ вѣротерпимости“ совершенно непримѣнимъ и не обязателенъ для государства, „какъ только вѣроисповѣдныя требованія становятся въ противорѣчіе съ государственными законами“. „Принципъ вѣротерпимости“, поставленный въ зависимость отъ измѣнчивыхъ „государственныхъ законовъ“, перестаетъ быть *принципомъ*, т.-е. критеріемъ, которымъ измѣряется достоинство положительнаго закона. Нельзя отдѣлять, какъ это пытается сдѣлать московская газета, вѣру отъ вѣроисповѣданія: нельзя допускать свободу совѣсти только до тѣхъ поръ, „пока дѣло идетъ о внутреннемъ мірѣ человѣка“ — нельзя по той простой причинѣ, что происходящее въ душѣ человѣка недоступно наблюденію и, слѣдовательно, „свободно“ даже при величайшемъ внѣшнемъ гнетѣ. Не принципъ вѣротерпимости долженъ быть принесенъ въ жертву государственнымъ законамъ, а государственные законы должны быть согласованы съ принципомъ вѣротерпимости. Поясникъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что го-

сударственнымъ закономъ запрещено „публичное оказательство“ вѣроисповѣданія, которое государственная власть признаетъ—наравнѣ со всѣми другими исповѣданіями, кромѣ господствующаго—неистиннымъ, но не считаетъ вреднымъ; положимъ, далѣе, что послѣдователи этого вѣроисповѣданія ходатайствуютъ, во имя вѣротерпимости, о разрѣшеніи имъ устраивать крестные ходы, ставить, на перекресткахъ дорогъ, кресты или иконы, пѣть, во время похоронныхъ процессій, погребальные гимны. Можно ли будетъ отвѣтить имъ такъ: „вѣротерпимость, которою вы мотивируете свое ходатайство, тутъ ни при чемъ; запрещеніе, которое вы находите стѣснительнымъ, основано на государственномъ законѣ, и слѣдовательно принципъ вѣротерпимости къ нему непримѣнимъ“. Не ясно ли, что подобный отвѣтъ являлся бы, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ отвѣта? Что государственный законъ, пока онъ въ установленномъ порядкѣ не отмѣненъ, имѣетъ обязательную силу—это безспорно; но вѣдь рѣчь идетъ не о его нарушеніи, а именно о его отмѣнѣ, во имя принципа вѣротерпимости. Къ конфликту между „закономъ“ и „принципомъ“ можно относиться такъ или иначе, но нельзя отрицать его существованія... Еще менѣе убѣдительны дальнѣйшія соображенія московской газеты. Изъ того, что „подъ флагомъ религіозныхъ убѣжденій не должны быть проводимы соціальныя или политическія теоріи, грозящія внѣшней безопасности государства или его внутреннему порядку“,—вовсе не вытекаетъ необходимость стѣснять выраженіе религіозныхъ убѣжденій, какъ *могущее* служить покровомъ или проводникомъ для противозаконныхъ политическихъ тенденцій. Одной возможности здѣсь еще мало; нужно, по меньшей мѣрѣ, то, что́ на юридическомъ языкѣ называется началомъ доказательства. Чтобы запретить, напримѣръ, съѣздъ ксендзовъ или поѣздку католическаго епископа, недостаточно *предположенія*, что они *могутъ* быть обращены въ орудіе политической пропаганды; нужно имѣть въ рукахъ положительныя данныя, указывающія на *существованіе* и *осуществленіе* злого умысла. Ксендзъ, пользующійся преподаваніемъ, какъ средствомъ „проводить тенденціи сепаратизма“, можетъ на-

влечь на себя тѣ или другія полицейскія или карательныя мѣры — но *ксендзы вообще* не должны же быть изъ-за этого отстраняемы отъ преподаванія. „Московскія Вѣдомости“ возражаютъ противъ обобщенія отдѣльныхъ случаевъ религіозной нетерпимости — и въ то же время возводятъ въ систему другое, гораздо болѣе смѣлое обобщеніе: признаніе цѣлаго сословія отвѣтственнымъ за дѣйствія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его членовъ. Да и что это за особая осторожность, съ которою, по мнѣнію московской газеты, слѣдуетъ относиться къ обвиненіямъ въ религіозной нетерпимости? Безспорно, всякое обвиненіе требуетъ осторожности—но всего менѣе опасно отступленіе отъ этого правила со стороны обвинителей безсильныхъ и почти беззащитныхъ, на каждомъ шагу рискующихъ оказаться обвиняемыми. Отсутствіе обвиненій очень удобно для тѣхъ, противъ кого они могли бы быть заявлены — но невыгодно для государства. Государственной власти должны быть извѣстны „коллизіи“, происходящія между ея требованіями и религіозными вѣрованіями—должны быть извѣстны уже потому, что иначе ей невозможно судить о справедливости или несправедливости, о цѣлесообразности или нецѣлесообразности самыхъ требованій. Совѣтъ „безропотно нести послѣдствія коллизіи“ не только не великодушенъ—онъ прямо неисполнимъ: вѣдь „послѣдствія коллизіи“ заключаются слишкомъ часто не въ потерѣ или ограниченіи какихъ-либо мірскихъ благъ, а въ невозможности удовлетворенія религіозныхъ потребностей, съ которою никакъ не можетъ примириться вѣрующій. Тотъ самый католикъ, который, ради своей вѣры, безмолвно пошелъ бы въ тюрьму, не можетъ молчать, когда ему не позволяютъ исполнять требованія этой вѣры... Плохимъ утѣшеніемъ для жертвъ „коллизіи“ служитъ, наконецъ, сравненіе ея послѣдствій съ гораздо болѣе тяжкими страданіями, выпадавшими на долю первыхъ христіанъ. Изъ того, что теперь никого не казнятъ и не пытаютъ за вѣру, еще не слѣдуетъ, чтобы легко было переносить тюрьму, ссылку, потерю гражданскихъ правъ, невозможность открыто принадлежать къ той церкви, ученіе которой исповѣдуешь на самомъ дѣлѣ. Теперь стоятъ лицомъ къ лицу не

христіанство и язычество, а, въ большинствѣ случаевъ, различные виды того же христіанства.

Мѣсяцъ спустя, въ новой статьѣ о вѣротерпимости, „Московскія Вѣдомости“ продолжали настаивать на громадномъ различіи между „запрещеніемъ высказывать все, что думаешь“ и „требованіемъ высказывать то, чего не думаешь“. Не отрицая этого различія, мы указывали на необходимость болѣе точнаго опредѣленія его практическихъ послѣдствій. Представимъ себѣ, что человѣкъ, числящійся православнымъ, на самомъ дѣлѣ перестaлъ принадлежать или даже никогда не принадлежалъ къ православію (это встрѣчается довольно часто въ средѣ „новообращенныхъ“: родители, по той или другой причинѣ перешедшіе въ православіе, но вслѣдъ затѣмъ возвратившіеся къ своей прежней вѣрѣ—которой, въ глубинѣ души, никогда и не измѣняли,—воспитываютъ въ ней дѣтей своихъ, оффиціально считающихся православными). Открыто признать себя не-православнымъ, жить и воспитывать своихъ дѣтей по правиламъ своего вѣроисповѣданія онъ не можетъ. Что это такое съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“—законное (въ нравственномъ смыслѣ) „запрещеніе высказывать все, что думаешь“, *или незаконное* (въ томъ же смыслѣ) „вторженіе во внутренній міръ *человѣка“? Для насъ отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ никакому сомнѣнію уже потому, что „запрещеніе“, въ подобныхъ случаяхъ, почти неминуемо влечетъ за собою вынужденное* „лицемѣріе“ (напримѣръ совершеніе брака или крещенія по православному обряду, съ единственною цѣлью обезпеченія гражданскихъ правъ жены и дѣтей)... Московская газета признаетъ, вмѣстѣ съ нами, что „положительное законодательство должно стремиться къ согласованію съ вѣчнымъ закономъ нравственности“—но, продолжаетъ она, „тотъ вѣчный законъ не имѣетъ во времени такого объективнаго выраженія и мѣрила, чтобы основанныя на немъ положенія не вызывали споровъ“. Конечно: но что же отсюда слѣдуетъ? Именно то, что объектомъ государственныхъ мѣропріятій могутъ быть только вѣроученія, явно и несомнѣнно противныя вѣчному закону нравственности—узаконяющія, напримѣръ, убійство, изувѣченіе, раз-

вратъ. Самимъ послѣдователямъ подобныхъ вѣроученій все это можетъ казаться нравственнымъ и даже обязательнымъ, въ силу религіозныхъ предписаній—но важно здѣсь не то, что думаетъ горсть изувѣровъ, а то, что установлено consensu omnium, голосомъ вѣковъ и народовъ. Другое дѣло—требованія измѣнчивыя, мѣстныя, временныя, не вытекающія изъ непреложныхъ, вездѣ и всегда одинаковыхъ началъ нравственности; отъ такихъ требованій допустимость или недопустимость вѣроученія зависѣть не должна. Стоитъ только назвать, напримѣръ, съ одной стороны скопцовъ, съ другой—штундистовъ, пашковцевъ, баптистовъ, духоборцевъ, чтобы понять значеніе критерія, коренящагося въ вѣчномъ нравственномъ идеалѣ.

Въ концѣ 1901 г. мы отмѣтили въ „Вѣстникѣ Европы“ тяжелое впечатлѣніе травли, которою извѣстнаго сорта печать отозвалась на рѣчь М. А. Стаховича, произнесенную въ Орлѣ на миссіонерскомъ съѣздѣ и напечатанную сначала въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“, потомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Высказавшись открыто и прямо за свободу совѣсти, М. А. Стаховичъ собственно вступилъ только на путь, давно уже проложенный такими вѣрными сынами православной церкви, какъ Хомяковъ, Ю. Самаринъ, Ив. Аксаковъ, Владиміръ Соловьевъ; онъ выразилъ пожеланія, цѣлые полвѣка повторяющіяся въ нашей печати. Чѣмъ же объяснить вызванную имъ злобу, доходившую до самозабвенія, до бѣшенства[1])? Тѣмъ ли, что онъ говорилъ передъ миссіонерскимъ съѣздомъ, т. е. передъ слушателями, менѣе всего близкими къ его взглядамъ? Но вѣдь именно здѣсь онъ могъ встрѣтить—и

---

[1]) Что эти эпитеты не слишкомъ сильны—доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующая небольшая цитата: «г. Стаховичъ—или *режнувшійся* человѣкъ, или человѣкъ, одаренный проницательностью, предчувствующій, что близокъ конецъ старой православной и царской Россіи, на смѣну которой надвигается гроза второго изданія, въ русскомъ переводѣ, французской революціи 93-го года. О, тогда, съ вашей точки зрѣнія, вы дальновидны, г. Стаховичъ, и *мѣсто россійскаго Дантона или Робеспьера—за вами!*» («Моск. Вѣд.» № 269).

дѣйствительно встрѣтилъ—наиболѣе дружный отпоръ, именно здѣсь немедленно могла быть выставлена на видъ другая сторона вопроса. Тѣмъ ли, что г. Стаховичъ—орловскій губернскій предводитель дворянства, и раньше уже обращавшій на себя „благосклонное“ вниманіе газетныхъ реакціонеровъ? Отчасти—да: въ томъ, что губернскій предводитель дворянства выступилъ защитникомъ свободы совѣсти, усматривается „печально-знаменательный образчикъ постепенной дезорганизаціи, овладѣвающей Россіей“. Что общаго, однако, между званіемъ предводителя и взглядами на вопросъ, чуждый какого бы то ни было сословнаго значенія? Было бы странно, если-бы предводитель дворянства заявилъ себя систематическимъ противникомъ дворянскаго сословія: тогда можно было бы недоумѣвать, зачѣмъ онъ согласился стать во главѣ корпораціи, признаваемой имъ не нужною. Во всемъ остальномъ предводитель дворянства въ такой же мѣрѣ воленъ держаться того или иного взгляда, какъ и всякій другой русскій гражданинъ. Едва ли, притомъ, г. Стаховичъ произнесъ свою рѣчь именно въ качествѣ предводителя дворянства: на миссіонерскомъ съѣздѣ для этого должностного лица не можетъ быть оффиціальнаго мѣста. Главную причину „благороднаго негодованія“, объектомъ котораго сдѣлался г. Стаховичъ, слѣдуетъ искать въ общемъ настроеніи реакціонной печати. Убѣжденная въ томъ, что на ея улицѣ праздникъ, она исполнена нетерпимости ко всему напоминающему о гуманности, о свободѣ; проникнутая рабскими чувствами, она не въ состояніи спокойно слышать сколько-нибудь независимое слово. Полемическіе ея пріемы всегда одни и тѣ же: повтореніе главной темы въ безчисленныхъ варіаціяхъ—въ передовыхъ статьяхъ, статьяхъ не-редакціонныхъ, письмахъ въ редакцію и т. п.,—и вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніе въ мысляхъ противника, чтеніе черезъ особые очки, извращающіе то, что есть, и показывающіе то, чего нѣтъ вовсе. Въ данномъ случаѣ результатомъ такого чтенія явилось обвиненіе г. Стаховича... въ намѣреніи отдѣлить церковь отъ государства и поколебать основы православной вѣры! Сначала брошенное вскользь, оно разрабатывается, затѣмъ, настойчиво и подробно, съ цѣлымъ арсеналомъ

ссылокъ на авторитеты. Нетрудно замѣтить, однако, что почва выбрана обвинителями совершенно произвольно, и на мѣсто вопроса, возбужденнаго г. Стаховичемъ, подставленъ другой, существенно отъ него отличный. Присмотримся поближе къ этому фокусу.

М. А. Стаховичъ предложилъ миссіонерскому съѣзду ходатайствовать объ отмѣнѣ „всякой уголовной кары за отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры“. Приведя эти слова, „Московскія Вѣдомости“ восклицаютъ: „если русскій предводитель дворянства, и даже все русское дворянство, и даже само русское государство отрѣшится отъ принциповъ православной вѣры, отъ этого, конечно, ни православная вѣра, ни православная церковь ничего бы не потеряли“, потому что „избавились бы отъ союза съ десятками милліоновъ людей мало нравственныхъ, мало религіозныхъ“; но что было бы при этомъ „съ остальнымъ народомъ, съ огромнымъ большинствомъ?“ Въ интересахъ этого большинства государство установило „рамки твердаго соціально-политическаго строя на союзѣ съ церковью“, а церковь согласилась на такой союзъ, жертвуя собою для блага міра. „И пока этотъ союзъ былъ фактомъ, Россія была духовно здорова и могуча; когда же законъ сталъ мертвѣть, у насъ пошло духовное разложеніе, все болѣе охватывающее Россію... Союзъ съ государствомъ нуженъ церкви для ея внѣшней жизни, и для того чтобы ея слово, ученіе, вліяніе могли проникать повсюду и чтобы, по мѣрѣ человѣческой возможности, ничья совѣсть ничьимъ насиліемъ не была отгорожена отъ возможности видѣть и слышать христіанскую истину“. Между тѣмъ, внѣ-христіанскія или анти-христіанскія вліянія „и силою, и хитростью укрыли бы отъ всякаго доступа церкви огромныя массы населенія, если-бы у насъ порвался союзъ государства и церкви“. Съ другой стороны, для государства важно, „чтобы церковь совершала свое оздоровляющее воспитаніе человѣческаго духа какъ можно успѣшнѣе и шире“, и чтобы эта ея работа „не становилась какъ-нибудь въ случайное противорѣчіе съ собственными планами государства“. Въ виду всего этого, „какой русскій человѣкъ, любящій родину, преданный Государю и не лишенный разсужденія, можетъ пожелать

такой страшной по своимъ послѣдствіямъ *революціи* (курсивъ въ подлинникѣ), какъ прекращеніе у насъ союза государства съ церковью"?

Гдѣ же, однако, связь между этимъ громкимъ финаломъ и скромной интродукціей, т. е. воспроизведеніемъ подлинныхъ словъ г. Стаховича? Развѣ уголовныя кары имѣютъ что-либо общее съ церковными догматами, съ „принципами православной вѣры"? Развѣ принужденіе—необходимое условіе союза между церковью и государствомъ? Развѣ союзъ этотъ станетъ менѣе проченъ, если въ средѣ церкви не будутъ насильно удерживаемы принадлежащіе къ ней только по имени? Союзъ между церковью и государствомъ существуетъ вездѣ, гдѣ есть такъ называемая „господствующая" церковь—а гдѣ же мы видимъ, что на стражѣ правовѣрія стоятъ полиція и судъ? Со стороны государства союзныя отношенія къ церкви выражаются въ охранѣ ея ученія отъ рѣзкаго, открытаго порицанія ея обрядовъ, отъ нарушенія ихъ торжественности и благолѣпія; въ обезпеченіи за ея служителями почетнаго положенія въ обществѣ и средствъ къ безбѣдной жизни; въ содѣйствіи, нравственномъ и матеріальномъ, ея миссіонерской дѣятельности; въ содержаніи на государственный счетъ духовно-учебныхъ заведеній; въ принятіи мѣръ къ религіозному обученію подростающаго поколѣнія и т. п. Ко всѣмъ этимъ прямымъ результатамъ союза присоединяются, обыкновенно, и косвенные: члены господствующей церкви пользуются—de facto, а иногда de jure—различными привилегіями (напр. на поприщѣ государственной службы), въ которыхъ отказываютъ иновѣрцамъ. Не ясно ли, затѣмъ, что свобода совѣсти—отнюдь не синонимъ отдѣленія церкви отъ государства, и что тяжелые артиллерійскіе снаряды, выпущенные „Московскими Вѣдомостями", потрачены ими совершенно напрасно? Не ясно ли, что пересмотръ нашего уголовнаго законодательства въ направленіи, указанномъ М. А. Стаховичемъ, нимало не помѣшалъ бы ученію православной церкви „проникать повсюду", не „отородилъ" бы ничью совѣсть отъ возможности слышать истину? Какимъ образомъ внѣ-христіанскія и анти-христіанскія вліянія могли бы „укрыть отъ доступа церкви огромныя массы населенія", разъ что

церковь пользовалась бы по прежнему не только защитой, но и покровительствомъ государства? Какимъ образомъ провозглашеніе свободы совѣсти могло бы парализовать воспитывающее воздѣйствіе церкви на ея вѣрующихъ членовъ—или усилить вѣроятность противорѣчія между планами церкви и государства?...

Исторически сложившееся законодательство наше о преступленіяхъ противъ вѣры существуетъ не только на бумагѣ: оно постоянно примѣняется на самомъ дѣлѣ и назвать его „омертвѣлымъ“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется „Московскими Вѣдомостями“, никакъ нельзя. Предупреждаетъ ли оно, однако, нарожденіе новыхъ сектъ и распространеніе прежнихъ? Очевидно—нѣтъ. Если въ Россіи, какъ утверждаетъ московская газета, прогрессируетъ „духовное разложеніе“, то причина тому, очевидно—не излишняя терпимость въ дѣлахъ вѣры. Были, правда, эпохи еще бо́льшей строгости – но не съ этими ли эпохами совпадаетъ и усиленный ростъ раскола? Да и самое могущество Россіи, именно къ нимъ пріурочиваемое реакціонной печатью, не было ли тогда скорѣе кажущимся, чѣмъ реальнымъ, точно такъ же какъ ея „духовное здоровье“? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно, если вспомнить, какой періодъ предшествовалъ восточной войнѣ 1853—56 гг.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 26 Февраля 1903 г. Государь Императоръ призналъ за благо „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ имперіи россійской, которые, благоговѣйно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной“.

Пока не осуществлены преобразованія, намѣченныя въ Высочайшемъ манифестѣ, подробности ихъ содержанія могутъ служить только предметомъ догадокъ, неизбѣжно разнорѣчивыхъ. Въ

догадкахъ всегда отражаются, въ большей или меньшей мѣрѣ, настроенія догадывающихся—а такъ какъ настроенія далеко не одинаковы, то не могутъ не быть различны и порождаемыя ими ожиданія. Такъ напримѣръ, въ словахъ манифеста, касающихся вѣротерпимости, „Московскія Вѣдомости“ видятъ *только* осужденіе стремленій, направленныхъ къ болѣе широкому пониманію свободы совѣсти, и напоминаніе о правахъ и преимуществахъ, присвоенныхъ одной лишь православной церкви. Иначе толкуетъ эти слова даже петербургскій союзникъ московской реакціонной газеты; по мнѣнію „Гражданина“, они возстановляютъ въ полной силѣ принципъ, примѣненіе котораго суживалось — не столько въ центральномъ управленіи, сколько на мѣстахъ—административною практикою. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ принципомъ вѣротерпимости не всегда согласуется примѣненіе закона 3-го мая 1883-го года, имѣвшаго въ виду даровать раскольникамъ и сектантамъ свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія, но на самомъ дѣлѣ далеко не вполнѣ обезпечивающаго за ними пользованіе этими благами. Неустраненнымъ остается противорѣчіе между закономъ 1883-го г. и положеніемъ комитета министровъ 1894-го года, воспретившимъ молитвенныя собранія штундистовъ. Ничѣмъ не облегчено положеніе тѣхъ, кто, числясь православнымъ, на самомъ дѣлѣ никогда къ православной церкви не принадлежалъ. Много хорошаго могло бы принести даже простое смягченіе административной практики; но для прочнаго обезпеченія вѣротерпимости необходимъ пересмотръ дѣйствующихъ законовъ. Этому вопросу посвящена прекрасная статья Ю. Н. Милютина („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 57), вызванная именно Высочайшимъ манифестомъ 26-го февраля. Автора не смущаетъ предвидимое имъ указаніе на возможность отпаденія отъ православной церкви множества людей, числящихся православными. „Развѣ они“—восклицаетъ онъ,—„развѣ они теперь православные, а не облыжно именуются таковыми? Развѣ, когда войско готовится къ бою и въ рядахъ его есть тайные измѣнники, не лучше дать имъ открыто перебѣжать во вражескій станъ, чѣмъ, насильно удерживая ихъ въ

своемъ, обманываться насчетъ своихъ истинныхъ силъ? Развѣ православная церковь не пріобрѣла бы въ качествѣ своихъ сыновъ то, что она потеряла бы въ ихъ видимомъ количествѣ? Нѣтъ, число православныхъ не измѣнилось бы отъ этого, но только узналась бы правда о немъ. Наконецъ, со снятіемъ запрета на самоопредѣленіе въ области вѣры, неизбѣжно станетъ ослабляться столь распространенный нынѣ индифферентизмъ; церковная жизнь забьется съ новой силой. Церковь окрѣпнетъ, засіяетъ новымъ свѣтомъ и вновь будетъ привлекать къ себѣ заблудшихся по недоразумѣнію, не стѣсняемая болѣе гнилою тягостью латъ земныхъ въ своемъ божественномъ призваніи".

Въ концѣ зимы 1901—2 г. въ Петербургѣ возникли, по иниціативѣ небольшого кружка духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, религіозно-философскія собранія, къ участію въ которыхъ допускались сравнительно немногіе, по приглашенію или съ согласія устроителей. Свѣдѣнія о происходившемъ въ собраніяхъ проникали въ печать въ отрывочномъ и неполномъ видѣ, не давая яснаго понятія о ихъ характерѣ и цѣли. Чувствовалось, однако, что задумано и предпринято нѣчто живое и оригинальное — оригинальное уже въ виду совмѣстной работы элементовъ, рѣдко соприкасающихся между собою. Весьма кстати, поэтому, журналъ „Новый Путь" открылъ у себя особый отдѣлъ, въ которомъ печатались „Записки религіозно-философскихъ собраній".

На первый планъ между темами, обсужденію которыхъ были посвящены собранія, выступаетъ, по своей важности, вопросъ о свободѣ совѣсти, возбужденный докладомъ кн. С. М. Волконскаго („Новый Путь", 1903 г., №№ 3 и 4). Непосредственнымъ поводомъ къ составленію доклада послужилъ извѣстный эпизодъ съ рѣчью М. А. Стаховича, произнесенною на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Примыкая всецѣло къ мнѣнію М. А. Стаховича, кн. Волконскій выставилъ, между прочимъ, слѣдующія основныя положенія: „Введеніе начала государственности въ церковь противно смыслу церкви: принципъ государства — обособленіе, принципъ церкви — объ-

единеніе. Насиліе и принужденіе въ дѣлахъ вѣры противны духу христіанства. Церковь, въ лоно которой можно войти, но выйти изъ состава которой воспрещается, атрофируетъ свою внутреннюю органическую силу. Обязательность исповѣданія господствующей религіи вліяетъ разслабляющимъ и развращающимъ образомъ на общественную совѣсть. Свобода совѣсти нужна для оздоровленія совѣсти на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ". Пренія, вызванныя этими положеніями, заняли цѣлыхъ три засѣданія и обнаружили существованіе въ средѣ собранія — а, слѣдовательно, и въ средѣ общества, изъ котораго выходятъ его члены — трехъ главныхъ теченій. Одно изъ нихъ, оспаривая наличность стѣсненій, указанныхъ докладчикомъ, признаетъ, въ то же самое время, ихъ законность и необходимость; другое колеблется между осужденіемъ ихъ въ теоріи и отстаиваньемъ ихъ въ дѣйствительной жизни; третье возстаетъ противъ нихъ рѣшительно и безусловно. Наиболѣе типичнымъ представителемъ перваго теченія явился г. Скворцовъ, редакторъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія", обычный экспертъ въ уголовныхъ процессахъ противъ раскольниковъ и сектантовъ. Онъ началъ съ отрицанія принудительной принадлежности къ православію, подчеркивая отсутствіе закона, который налагалъ бы уголовную кару за отпаденіе отъ церкви, — но очень скоро провозгласилъ нормальность огражденія правительственною властью неприкосновенности господствующей церкви. Еще ярче окрашена была его рѣчь въ другомъ засѣданіи. Начавъ съ ссылки на Льва Толстого, признающаго, будто бы, что церковь не можетъ быть вѣротерпима [1]), онъ привелъ изъ св. Писанія цѣлый рядъ текстовъ въ доказательство права и обязанности церкви „переходить изъ области убѣжденія въ область дѣйствія". Окончательнаго вывода изъ нихъ онъ, однако, не сдѣлалъ, ограничившись нѣсколькими общими, довольно неопредѣленными положеніями:

[1]) Одинъ изъ членовъ собранія, возражая г. Скворцову, наглядно показалъ всю неосновательность этой ссылки, напомнивъ, что Л. Толстой говоритъ о нетерпимости не какъ о правѣ, принадлежащемъ церкви, а какъ о признакѣ уклоненія ея отъ началъ истинно-христіанскихъ.

„будучи религіей свободы, церковь никогда не можетъ одинаково относиться ко всякой свободѣ, т. е. къ свободѣ, которая руководится совѣстью не истинною, не чистою... Свобода безусловно существуетъ въ церкви, но что касается до свободы отпаденія, то здѣсь является вопросъ терпимости въ отношеніи лжеученій, по которому мы должны выразиться ограничительно. Нельзя государство трактовать какъ чуждое церкви. Въ христіанскомъ государствѣ власти и подданные — члены церкви, сыны ея, для которыхъ обязательны завѣты и заповѣди церкви... Есть ли у насъ въ Россіи свобода совѣсти? Я не могу опредѣленно сказать. У насъ свобода совѣсти есть, но не безусловная“. Не слышится ли здѣсь въ каждомъ словѣ нежеланіе поставить точку надъ і, нерѣшительность не во взглядѣ — явно склоняющемся на сторону стѣсненій и запрещеній, — а только въ его формулировкѣ? Яснѣе высказался профессоръ Лебедевъ, предложившій различать образованное общество отъ необразованной народной массы, „находящейся въ дѣтскомъ состояніи, нуждающейся въ опекѣ“, и подавшій голосъ за „огражденіе малыхъ сихъ“ мѣрами государственной власти въ которыхъ онъ видитъ не насиліе, а „педагогическое вмѣшательство“. Еще дальше пошелъ г. Тернавцевъ, прямо допуская насиліе. „Есть условія“ — воскликнулъ онъ, — „которыя дѣлаютъ насиліе необходимымъ. Оно тогда меньшее изъ золъ... Вмѣшательство власти въ дѣла вѣры представляется народу нравственно-самопонятнымъ. Охраненіе — это минимумъ. Власть должна взять на себя роль творческую: дѣло религіозно-общественнаго созиданія... Наше противосектантское законодательство, смѣшивающее законъ съ административнымъ распоряженіемъ, интересы церкви съ интересами государства, ждетъ реформъ, но во всякомъ случаѣ не въ духѣ той свободы, о которой здѣсь говорятъ... Государственная власть не была въ рукахъ первыхъ христіанъ, но еслибы была, то я убѣжденъ, что они употребляли бы понуждающую силу для оберегания общинъ отъ соблазнителей. Лжеучительство намъ не представляется зломъ только въ силу нашего индифферентизма“. Дальше г. Тернавцевъ перестаетъ быть вразумительнымъ: говоря

о „религіозномъ перерожденіи *должностного самочувствія* власти“, объ обращеніи „совѣсти власти въ арену внутреннихъ переживаній, могущихъ имѣть глубочайшій *религіозно-жертвенный смыслъ*“, онъ доходитъ до открытія какой то *„священной магіи во власти“*, какой-то „тайны *нравственно побѣдимаго пространства*“. Устремляться за нимъ въ область прицаній и видѣній не нашелъ нужнымъ ни одинъ изъ членовъ собранія, не находимъ нужнымъ и мы: для насъ г. Тернавцевъ интересенъ только какъ откровенный защитникъ „понужденія“ въ дѣлахъ вѣры.

Представителями второго, средняго теченія явились въ собраніи преимущественно лица духовнаго сана. Всего меньше касался спорнаго вопроса архимандритъ Антонинъ, въ своей первой рѣчи картинно изобразившій безконечное превосходство христіанства надъ другими религіями, горячо протестовавшій противъ мысли о равенствѣ всѣхъ вѣръ передъ Богомъ, но не сдѣлавшій отсюда никакого опредѣленнаго вывода относительно терпимости или нетерпимости къ иновѣрцамъ и инославнымъ, къ раскольникамъ и сектантамъ. Онъ говоритъ, что христіанство „налегаетъ на чужую совѣсть не кулакомъ исправника, не тесакомъ городового, а только своею внутреннею абсолютною мощью“, — но вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ за религіозными состояніями совѣсти, кромѣ одного, права на существованіе. Отвѣчая, во время дальнѣйшихъ преній, на предложенные ему вопросы, онъ воскликнулъ: „принципъ свободы въ колоритѣ произвола лежитъ въ демоническомъ началѣ“— но это не помѣшало ему заявить, что „съ точки зрѣнія истиннаго христіанства насиліе не можетъ быть оправдано“ и что „церковь теряетъ внутреннюю силу, когда священники приглашаютъ къ содѣйствію полицейскихъ или посылаютъ на домъ повѣстки: иди и причащайся“. Нѣкоторая неясность или недосказанность чувствуется и въ аргументаціи другихъ духовныхъ ораторовъ, ближе подходившихъ къ данной темѣ. Преосвященный Сергій началъ свою рѣчь словами: „принципіальныхъ разсужденій о томъ, допускаетъ ли христіанство свободу совѣсти, быть не можетъ“ — не можетъ

потому, что несомнѣнно утвердительное рѣшеніе вопроса. Возражая г. Скворцову, преосвященный объяснилъ, что приведенные послѣднимъ тексты о „загражденіи устъ“ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ обращенія къ внѣшнимъ государственнымъ мѣрамъ: „заграждать уста“ церковь должна только своимъ авторитетомъ. „Апостолъ Павелъ не сказалъ Тимоѳею, чтобы всякій, кто хочетъ оставить церковь, въ ней задерживался, чтобы ему не давали права выходить изъ нея“. Что христіанство „допускаетъ абсолютную свободу совѣсти“, что съ нимъ согласно только „побужденіе, исходящее изъ духа и обращенное къ нему“ это признаетъ и протоіерей Соллертинскій. Священникъ Левашовъ, защищая духовенство противъ упрека въ пристрастіи къ насилію, заявилъ, что священники больше чѣмъ кто либо-другой страдаютъ „отъ несообразности внѣшнихъ порядковъ съ чистымъ ученіемъ Христовымъ; каждая мѣра, которую государство принимаетъ якобы въ защиту церкви, должна ложиться тяжелымъ бременемъ на совѣсть церкви и духовенства“. Казалось бы, что заключеніе изъ такихъ предпосылокъ можетъ быть выведено только одно: принадлежность къ господствующей церкви ни для кого не должна быть обязательною, вынужденною. Къ этому заключенію духовные ораторы, однако, не приходятъ. Сравнивая распространеніе ложныхъ ученій съ продажей опіума, преосвященный Сергій говоритъ: „нельзя отъ насъ требовать, чтобы мы своими же руками разрушали то, что ограждаетъ нашу паству. Конечно, мы признаемъ, что идеальное состояніе было бы такое, когда всякій членъ русской церкви могъ бы относиться къ этой области сознательно. Но есть ли это отношеніе? Если нѣтъ, то нельзя требовать отъ насъ, чтобы мы уничтожали хотя бы искусственную преграду, которая поставлена законодателемъ“. Протоіерей Соллертинскій, проводя демаркаціонную черту между свободой внутренней и внѣшней, юридической, хотя и признаетъ, что послѣдняя вытекаетъ изъ „справедливаго положенія“ („каждый имѣетъ право имѣть свои воззрѣнія и считать ихъ вѣрными“), но отождествляетъ ее съ свободой отрицанія и указываетъ на нежелательныя послѣдствія, къ кото-

рымъ она привела и приводитъ въ Германіи. „Свобода должна быть, она есть“, — восклицаетъ онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ, — „но зачѣмъ ратовать за свободу, которая мнѣ ничего положительнаго не даетъ, не обѣщаетъ“? Священникъ Левашовъ спрашиваетъ себя: „имѣетъ ли церковь нравственное право отказаться отъ помощи, которую даетъ ей государство мѣрами насилія“ — и отвѣчаетъ: „не имѣетъ права, а должна воздѣйствовать на государство такъ, чтобы мѣры насилія сдѣлались ненужными“. Нѣкоторый свѣтъ на причины двойственности, замѣченной уже участниками собранія (Д. В. Философовымъ и П. П. Фурье), бросаютъ слѣдующія слова преосвященнаго Сергія: „намъ неестественно желать провозглашенія свободы, которою мы сами не пользуемся. Церкви ставятся задачи не-церковнаго характера, за церковнымъ идеаломъ не признается безусловнаго значенія. Церковь оказывается на службѣ государства; если бы теперь объявить свободу совѣсти для всѣхъ, это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными“.

Что возражали представителямъ первыхъ двухъ теченій послѣдовательные сторонники вѣротерпимости — это угадать нетрудно: послѣ всего сказаннаго на эту тему въ нашей литературѣ, въ особенности послѣ столь же блестящихъ, сколько и убѣдительныхъ статей Влад. Серг. Соловьева, повторенія почти неизбѣжны — но вмѣстѣ съ тѣмъ они необходимы, пока остается неизмѣннымъ юридическое положеніе вопроса. Само собою разумѣется, что увѣреніямъ г. Скворцова были противопоставлены указанія на безспорные факты — на отобраніе дѣтей отъ родителей, на запрещеніе молитвенныхъ собраній штундистовъ, на административныя воздѣйствія по отношенію къ сектантамъ, на ограниченія имущественныхъ правъ отпадшихъ отъ православія, на неудобства, съ которыми сопряжено обязательное „увѣщаніе“. Какъ велся споръ со стороны г. Скворцова — объ этомъ можно судить по слѣдующему діалогу между нимъ и Ю. Н. Милютинымъ, напомнившимъ ему о разнообразныхъ и во всякомъ случаѣ тягостныхъ послѣдствіяхъ отпаденія. *Ю. Н. Милютинъ*: „Допустимъ, что я сталъ като-

ликъ"? *В. М. Скворцовъ*: „Вы благополучно и останетесь католикомъ. Никакихъ послѣдствій отъ этого не будетъ". *Ю. Н. Милютинъ*. „Значитъ, я оффиціально буду считаться католикомъ"? *В. М. Скворцовъ*: *„Сколько угодно, только спросите у начальства"*. Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ послѣдній отвѣтъ, достаточно вспомнить хотя бы о такъ называемыхъ „упорствующихъ" въ холмско-варшавской епархіи. Они желаютъ только одного — права „оффиціально считаться католиками". но до сихъ поръ, несмотря на почти тридцатилѣтнее „упорство", не могутъ получить его и, числясь православными, остаются на самомъ дѣлѣ внѣ церкви, лишенными всякаго религіознаго утѣшенія... А вотъ еще отрывокъ изъ рѣчи г. Скворцова: „всѣ процессы, о которыхъ упоминали (упомянуто было о процессахъ противъ штундистовъ, производимыхъ на основаніи правилъ 4-го іюля 1894 года), были возбуждены на почвѣ *открытыхъ* молитвенныхъ собраній, которыя служатъ главнымъ средствомъ пропаганды лжеученія среди православнаго населенія". Это совершенно невѣрно: для привлеченія штундистовъ къ уголовной отвѣтственности за участіе въ *общественномъ молитвенномъ собраніи вовсе* не требуется, чтобы собраніе это было *открытымъ*, т.-е. доступнымъ для всѣхъ и каждаго. Поводомъ къ преслѣдованію нерѣдко служили и служатъ такія собранія, въ которыхъ участвовали одни только сектанты... По мнѣнію г. Скворцова, „копѣечный, а иногда рублевый" штрафъ, къ которому только и могутъ быть присуждены участники штундистскихъ молитвенныхъ собраній, не составляетъ уголовной кары. Что же онъ такое, какая юридическая квалификація къ нему подходитъ? Какимъ образомъ можно отрицать уголовный характеръ взысканія, налагаемаго уголовнымъ судомъ, въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, и подлежащаго замѣнѣ арестомъ, т.-е. лишеніемъ свободы? Какимъ образомъ можно называть копѣечнымъ или рублевымъ денежный штрафъ, максимальная норма котораго доходитъ до пятидесяти рублей?.. Во всѣхъ многочисленныхъ и длинныхъ рѣчахъ г. Скворцова сочувствія заслуживаютъ только два слова: *къ сожалѣнію*, примѣненныя имъ къ

„исключительному“, будто бы, факту отобранія дѣтей у родителей-сектантовъ.

Теоретическая сторона вопроса о свободѣ совѣсти съ достаточною яркостью была освѣщена въ рѣчахъ Д. С. Мережковскаго, В. В. Успенскаго, Е. А. Егорова, А. В. Карташева. Особенною силой отличается отвѣтъ Д. С. Мережковскаго проф. Лебедеву, доказывавшему необходимость неодинаковаго образа дѣйствій по отношенію къ образованному меньшинству и къ народной массѣ. „Можно ли“—замѣтилъ г. Мережковскій—„можно ли исповѣдывать теорію угнетенія людей темныхъ людьми свѣтлыми, будучи христіанномъ или даже просто вѣря въ Бога? Кто создалъ христіанство, какъ не темный народъ—галилейскіе рыбаки“? Тотъ же ораторъ словамъ о „принципѣ свободы, лежащемъ въ демоническомъ началѣ“, противопоставилъ утвержденіе, что въ демоническомъ началѣ лежитъ принципъ насилія. „Какъ будто стоимъ за Христа, когда угождаемъ насилію, а въ сущности мы разрушаемъ все дѣло Его. Признать, что насиліе во имя Христа желательно, можно лишь оставаясь въ историческихъ христіанскихъ отклоненіяхъ. Смѣшеніе силы съ насиліемъ есть смѣшеніе Христа съ антихристомъ. Насиліе порабощаетъ—сила побѣждаетъ, сохраняя свободу побѣждаемаго“. Очень хорошо А. В. Карташевъ показалъ несостоятельность ссылки г. Скворцова на тѣ мѣста св. Писанія, гдѣ говорится о карѣ Божіей надъ грѣшниками (Ананіей и Сапфирой, волхвомъ Елимой и др.). Онъ напомнилъ слова, съ которыми бѣлозерскіе старцы, въ аналогичномъ случаѣ, обратились къ Іосифу Волоцкому: „поразумѣй, господине, яко много розни промежъ Моисея и Иліи, Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ“. „Нельзя“—воскликнулъ г. Карташевъ—„ставить знакъ равенства между человѣческимъ насиліемъ и силою Божіей“.

Какъ ни симпатичны только-что приведенныя нами рѣчи, центръ тяжести преній мы все-таки видимъ въ словахъ духовныхъ ораторовъ. Твердость ихъ исходной точки перевѣшиваетъ, въ нашихъ глазахъ, неопредѣленность ихъ окончательныхъ выводовъ. Важно то, что никто изъ нихъ не сталъ принципіально на сторону

принужденія въ дѣлахъ вѣры, никто не высказался за внутреннюю законность мѣръ, „заграждающихъ уста“ и закрывающихъ выходъ изъ господствующей церкви. Рано или поздно признаніе начала должно повлечь за собою признаніе всего того, что естественно изъ него вытекаетъ. Характернымъ кажется намъ и то, что даже прямолинейный защитникъ насилія — г. Скворцовъ — прибѣгалъ къ оговоркамъ, смягчающимъ, по крайней мѣрѣ наружно, рѣзкость его основныхъ тезисовъ. Наиболѣе авторитетный изъ духовныхъ ораторовъ склонялся къ мысли, что разрѣшеніе спорнаго вопроса принадлежитъ всецѣло государству [1]). Если эта мысль восторжествуетъ, главная опора принудительной системы падетъ сама собою, такъ какъ въ основѣ системы лежитъ предположеніе, что она нужна и желательна именно для церкви. Во время преній, какъ мы видѣли выше, было указано, что церковь состоитъ на службѣ государства, ставящаго ей задачи не-церковнаго характера. Смыслъ этого указанія заключается въ томъ, что сначала должна быть возвращена свобода церкви, а потомъ уже провозглашена свобода совѣсти. Мы думаемъ, наоборотъ, что свобода совѣсти — необходимая предпосылка свободы церковной. Менѣе зависимой отъ государства церковь станетъ именно тогда, когда не будетъ болѣе нуждаться въ „свѣтской рукѣ“ для удержанія въ своей средѣ колеблющихся и для борьбы съ отпадающими и отпадшими.

Въ связи съ преніями о свободѣ совѣсти, происходившими въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, особый интересъ пріобрѣтаютъ двѣ небольшія статьи Н. М. Минскаго на ту же тему, помѣщенныя въ „Новомъ Пути“. Авторъ этихъ статей старается доказать, что въ его устахъ — и въ устахъ его единомышленниковъ — свобода совѣсти означаетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ въ устахъ „либераловъ“, да и самая ея защита ведется въ обо-

---

[1]) На вопросъ Н. М. Минскаго: «признаете ли вы за сектантами право пропаганды»? — епископъ Сергій отвѣтилъ: «Это вопросъ государственный. Церковь имѣетъ право отлучить всѣхъ, кто не вѣритъ. Когда церковь отлучила, дѣло ея окончено. Индифферентизма мы не можемъ допустить, а отношеніе къ пропагандѣ — вопросъ государственный».

ихъ лагеряхъ совершенно различно. „Тамъ, гдѣ наши либералы до сихъ поръ только иронизировали“,—говоритъ г. Минскій,—„мы хотимъ познавать и творить. Мы мечтаемъ о безусловной свободѣ религіознаго познанія, между тѣмъ какъ наши либералы мечтаютъ о безусловной свободѣ *отъ* религіознаго познанія“. Отношеніе интеллигенціи къ вопросу о свободѣ совѣсти кажется г. Минскому „невѣрнымъ и неглубокимъ“. Наши свѣтскіе писатели, по его словамъ, „говорятъ о религіозной реформѣ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ, напримѣръ, объ отмѣнѣ паспортной системы. По ихъ словамъ выходитъ какъ-то, что слѣдуетъ предоставить каждому гражданину право свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто и, между прочимъ, право передвиженія изъ религіи въ религію, изъ секты въ секту“... Чтобы придти къ подобному выводу, нужно было совершенно забыть прошедшее, и болѣе отдаленное, и ближайшее: болѣе отдаленное—потому что оно полно такихъ „либеральныхъ“ рѣчей за свободу совѣсти, въ которыхъ и съ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ нельзя отыскать признаковъ „иронизированія“, но очень легко и простымъ глазомъ усмотрѣть самое серьезное отношеніе къ вопросу; ближайшее—потому что старымъ „либеральнымъ“ оружіемъ г. Минскій и его товарищи сражались не дальше какъ за годъ передъ тѣмъ, въ религіозно-философскомъ собраніи. И это не могло быть иначе, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ средѣ „интеллигенціи“, въ средѣ „либераловъ“ рядомъ съ индифферентизмомъ всегда существовало и теперь существуетъ искреннее религіозное настроеніе; во-вторыхъ, даже личное равнодушіе къ вѣрѣ не мѣшало и не мѣшаетъ понимать, что для многихъ, весьма многихъ право безпрепятственнаго исповѣданія своихъ вѣрованій—высшее благо, несоизмѣримое и несравнимое съ удобствами обыденной жизни (въ родѣ свободы передвиженія). Чтобы вступиться за этихъ „многихъ“, не было надобности раздѣлять ихъ точку зрѣнія; достаточно было сочувствовать ихъ душевной мукѣ—и чѣмъ сильнѣе было сочувствіе, тѣмъ меньше выраженіе его могло ограничиться холодной ироніей или чисто разсудочной полемикой. Нельзя говорить „съ легкимъ сердцемъ“ о томъ, что для милліо-

новъ людей представляетъ собою вопросъ жизни или смерти, иногда въ буквальномъ смыслѣ слова.

Чтобы убѣдить читателей въ *новизнѣ* избраннаго имъ пути, Н. М. Минскій жертвуетъ доводомъ, сослужившимъ въ религіозно-философскомъ собраніи большую службу сторонникамъ свободы совѣсти, т. е. друзьямъ г. Минскаго, да и ему самому. По его собственнымъ словамъ, указаніе на несовмѣстимость христіанства и насилія вызвало въ собраніи „вздохъ облегченія, какъ неожиданный (?) и, главное, легкій исходъ изъ труднаго положенія". Между тѣмъ, „если бы аудиторія поглубже вдумалась въ эту теорію, она бы отъ нея отвернулась. Разрѣшать вопросъ о свободѣ совѣсти вопросомъ о насиліи—все равно, что тушить огонь масломъ. Если первый вопросъ представляетъ, повидимому, неразрѣшимое противорѣчіе, то второй несомнѣнно неразрѣшимъ: существуютъ государства, гдѣ свобода совѣсти — общепризнанный фактъ, но нѣтъ въ мірѣ ни одной страны, ни одного союза людей (?), гдѣ всѣ (?) отношенія не покоились бы на санкціи принужденія, на насиліи... Вмѣсто того, чтобы убѣдить церковь, что свобода совѣсти — благо, интеллигенція возраженіемъ о насиліи какъ бы хочетъ принудить церковь принять противъ воли свободу совѣсти, подъ страхомъ быть обвиненной въ служеніи антихристу [1]). Церковь въ правѣ отвѣтить, что никакихъ насильственныхъ мѣръ она не принимаетъ, но на вопросъ государства о томъ, что такое сектантство, она, въ качествѣ эксперта, по чистой совѣсти отвѣчаетъ: сектантство — абсолютное зло. А уже затѣмъ само государство поступаетъ относительно этого зла такъ, какъ вообще оно поступаетъ со всѣмъ, что считаетъ противнымъ общему благу. Церковь опредѣляетъ сектантство, какъ врачъ опредѣляетъ свойства чумы, и такъ же мало, какъ этотъ врачъ, достойна упрека въ служеніи насилію. До тѣхъ поръ, пока церковь будетъ убѣждена въ томъ, что сектантство—духовная чума, а свобода совѣсти—абсолютное зло, всѣ побочные

[1]) Изъ приведенныхъ выше преній религіозно-философскаго собранія видно, что г. Минскій возражаетъ здѣсь своему товарищу по «Новому Пути», г. Мережковскому.

разговоры о государственномъ насиліи и о власти антихриста не измѣнятъ настоящаго весьма грустнаго положенія дѣлъ". Нетрудно замѣтить самый слабый пунктъ этой аргументаціи: онъ заключается въ признаніи, что свобода совѣсти не только осуществима, но коегдѣ и осуществлена—тогда какъ безъ насилія и принужденія не обходится ни одно государство. Отсюда ясно, что въ области вѣрованій насиліе нельзя считать чѣмъ-то необходимымъ или неизбѣжнымъ. И совершенно понятно, почему. Оправдано, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ быть только насиліе цѣлесообразное. Если допустимы и даже благотворны принудительныя мѣры, принимаемыя во время чумной эпидеміи, то только потому, что безъ нихъ, какъ показалъ опытъ, зараза держалась бы дольше и распространялась бы дальше и сильнѣе. И наоборотъ, почему не учреждаются теперь внутренніе карантины при появленіи холеры? Потому что сопряженныя съ ними неудобства не уравновѣшивались приносимой ими пользой. Нѣчто подобное можно сказать о принудительныхъ мѣрахъ въ области религіозной. Въ продолженіе многихъ вѣковъ онѣ принимались у насъ противъ раскола, въ продолженіе многихъ десятилѣтій—противъ сектантства, принимаются, въ смягченномъ видѣ, и теперь; но расколъ существуетъ по прежнему, сектантство скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Такой результатъ нельзя назвать случайнымъ. Въ другихъ сферахъ объектомъ насилія служатъ внѣшніе факты, поддающіеся внѣшнимъ мѣрамъ. Въ борьбѣ противъ чумной заразы, напримѣръ, запираются и дезинфецируются дома, сжигаются вещи, удерживаются въ данной чертѣ люди, и каждое подобное дѣйствіе непосредственно ведетъ къ цѣли, ради которой его предпринимаютъ. То же самое можно сказать и о войнѣ, на которую, какъ на одинъ изъ видовъ насилія, указываетъ г. Минскій. Законность *цѣли* здѣсь можетъ считаться спорной, но дѣйствительность *средствъ* не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ничего аналогичнаго не представляетъ собою борьба противъ вѣрованій и убѣжденій. Они ускользаютъ отъ давленія или даже растутъ подъ его гнетомъ. Нельзя, въ большинствѣ случаевъ, добиться даже того, чтобы они не пробивались

наружу, не выражались въ словѣ—нельзя уже потому, что они управляютъ. владѣютъ душою, однажды очутившеюся въ ихъ власти... Совершенно невѣрно, далѣе, что признанное зломъ со стороны церкви становится, этимъ самымъ, предметомъ репрессіи со стороны государства. Абсолютнымъ зломъ церковь считаетъ всякій тяжкій *грѣхъ*—но государство преслѣдуетъ и караетъ только *преступленіе*. Невѣрно, наконецъ, и то, что въ дѣлахъ о расколѣ и сектантствѣ церковь ограничивается ролью эксперта; ей нерѣдко принадлежитъ и роль обвинителя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ измѣненіемъ взгляда церкви на принужденіе въ дѣлахъ вѣры измѣнился бы и образъ дѣйствій государства.

II.

ПІЕТИЗМЪ НА РУССКОЙ ПОЧВѢ. [1])

Исторія, какъ и вообще жизнь, не знаетъ повтореній въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не знаетъ полнаго воспроизведенія однажды совершившихся событій, однажды миновавшихъ обстоятельствъ. Аналогіи, за то, она представляетъ на каждомъ шагу—и въ этомъ заключается практическая ея важность. Поставленные лицомъ къ лицу съ движеніемъ, начавшимся на нашихъ глазахъ, мы часто расположены видѣть въ немъ нѣчто небывалое, оригинальное; но стóитъ только припомнить прошедшее, болѣе или менѣе отдаленное—и движеніе теряетъ характеръ новизны, примыкаетъ къ длинной и старой цѣпи однородныхъ фактовъ. Съ помощью указаній исторіи, мы можемъ не только опредѣлить точнѣе источникъ движенія, но и предугадать его усложненія, освѣтить возможные его результаты. Попробуемъ примѣнить эту точку зрѣнія къ явленію, о которомъ много было говорено и въ печати, и въ обществѣ, къ которому одни отнеслись съ сочувствіемъ, другіе—съ негодованіемъ, третьи—съ насмѣшкой, но которое не встрѣтило еще, кажется, объективной оцѣнки. Мы имѣемъ въ виду религіозную проповѣдь такъ-называемыхъ *пашковцевъ*, возникшую въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и распространяющуюся теперь въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Чтобы познакомиться съ сущностью этой проповѣди, намъ не нужно, къ счастью, прибѣгать къ городскимъ слухамъ или газетнымъ разсказамъ: мы можемъ сослаться на profession de foi са-

[1]) Напечатано въ № 9 «Вѣстника Европы» за 1880 г.

мого г. Пашкова, напечатанную, въ маѣ 1880 г., въ „Церковномъ Вѣстникѣ". „Когда-то", говоритъ г. Пашковъ, „я былъ безъ Христа, чуждъ завѣтовъ обѣтованія, не имѣлъ надежды и былъ безбожникомъ въ мірѣ. Законъ Божій былъ для меня мертвою буквою; я руководился почти исключительно правилами человѣческими, живя для себя, пытаясь въ самыя лучшія минуты жизни совмѣстить несовмѣстимое, т.-е. служить двумъ господамъ. *Я былъ другомъ міру, не понимая, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога*; я жилъ по волѣ князя міра сего, а вмѣстѣ съ тѣмъ боялся окончательно разсориться съ Богомъ... Настало время, когда явилась мнѣ благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, когда Господу благоугодно было дать мнѣ понять, что Христосъ, умирая за грѣхи міра, отвѣтилъ за грѣхи и мои... Озаренный свѣтомъ слова Господня, я увидѣлъ себя отчужденнымъ и врагомъ по расположенію къ злымъ дѣламъ, понялъ, что я грѣшникъ погибшій, что я ничего не въ состояніи сдѣлать для своего спасенія... Я довѣрился Спасителю моему, въ которомъ и имѣю теперь жизнь вѣчную. Господь принялъ меня, какъ принимаетъ всякого приходящаго къ Нему; я теперь принадлежу не себѣ, а Ему, живу не для себя, но для умершаго за меня и воскресшаго Христа". Этихъ немногихъ выписокъ вполнѣ достаточно, чтобы узнать въ проповѣди г. Пашкова всѣ характеристическія черты піетизма—ученія или настроенія, не свойственнаго спеціально какому-нибудь вѣроисповѣданію, какой-нибудь странѣ или эпохѣ, но опредѣлившагося особенно рельефно въ Германіи, въ концѣ XVII-го вѣка, и тогда же получившаго свое настоящее названіе.

Послѣ великой религіозной борьбы XVI-го вѣка въ средѣ нѣмецкой протестантской церкви весьма скоро наступилъ полнѣйшій застой: мѣсто католическаго правовѣрія заняло лютеранское, столь же гордое, столь же увѣренное въ своей непогрѣшимости, столь же нетерпимое ко всему несогласному съ однажды установленной доктриной. Богословскіе факультеты, ученые догматики—а вслѣдъ за ними и громадное большинство пасторовъ—занимались преимущественно точнымъ отмежеваніемъ лютеранизма отъ другихъ

оттѣнковъ протестантизма, комментированіемъ всякой буквы аугсбургскаго исповѣданія, расширеніемъ правъ и власти іерархіи, превознесеніемъ церковнаго надъ свѣтскимъ. Въ проповѣди, въ духовной литературѣ ничто не обращалось къ чувству, ничто не было разсчитано на успокоеніе сердца, на утѣшеніе въ горѣ и страданіи. А между тѣмъ, время было тяжелое и потребность въ утѣшеніи была велика Надъ Германіей тяготѣли со всею силой бѣдственныя послѣдствія тридцатилѣтней войны; страна была разорена, истощена, просвѣщеніе отодвинулось на цѣлое столѣтіе назадъ, науки не было почти вовсе, національная литература еще не возродилась изъ пепла. При такихъ условіяхъ началась дѣятельность основателя піетизма, Шпенера. Швабъ по происхожденію, т.-е. уроженецъ того нѣмецкаго племени, въ которомъ всего сильнѣе наклонность къ глубокому религіозному чувству, онъ проповѣдывалъ неутомимо—сначала на западѣ, потомъ на востокѣ Германіи—болѣе живую, болѣе сердечную вѣру, чуждую мертвящаго формализма, далекую отъ буквоѣдства господствовавшей тогда ортодоксіи. Истинно религіознымъ, въ глазахъ Шпенера, былъ только тотъ, кто вѣритъ и вмѣстѣ съ тѣмъ переживаетъ свою вѣру, наполняетъ ею все свое существо, всѣ дѣйствія свои. Ученики Шпенера прибавили къ этому, что такая вѣра пріобрѣтается лишь съ бою, путемъ внутренней борьбы, путемъ освобожденія изъ-подъ власти грѣха и отдачи себя во власть правды. Не отвергая ни догматовъ, ни обрядовъ лютеранской церкви, Шпенеръ и его послѣдователи считали существенно важнымъ только внутреннее благочестивое настроеніе вѣрующаго (pietas), вслѣдствіе чего они и были названы піетистами. Помимо обыкновеннаго богослуженія, они устраивали собранія (collegia biblica, collegia pietatis), въ которыхъ читалась библія, произносились поученія, обсуждались впечатлѣнія присутствующихъ; право голоса въ этихъ собраніяхъ принадлежало и мірянамъ. На всѣ удовольствія, даже самыя невинныя, піетизмъ налагалъ свое veto; онъ осуждалъ не только танцы, публичныя собранія, посѣщенія театра, фехтованье, изящные туалеты, но и живопись, поэзію, музыку, пѣніе (кромѣ духовныхъ гимновъ), про-

гулки, веселые разговоры; онъ запрещалъ прислушиваться къ пѣнію птицъ, запрещалъ срывать цвѣты и носить ихъ въ волосахъ или на платьѣ. Что не имѣло прямого отношенія къ религіи, то было въ его глазахъ безразлично или даже вредно; на самые обыкновенные предметы, на самые заурядные поступки онъ старался наложить во что бы то ни стало религіозный оттѣнокъ; каждый шагъ, каждое слово піетиста должны были носить на себѣ печать его вѣрованій. Отвѣчая потребности времени, восполняя пробѣлъ, чувствительный для многихъ, піетизмъ быстро распространился по всей Германіи, несмотря на ожесточенную оппозицію, встрѣченную имъ со стороны приверженцевъ правовѣрія. Еще при жизни Шпенера былъ основанъ университетъ въ Галле, сдѣлавшійся средоточіемъ и оплотомъ новой доктрины. Не прошло и пятидесяти лѣтъ со времени появленія піетизма, какъ онъ уже одержалъ рѣшительную побѣду надъ прежнимъ оффиціальнымъ богословіемъ. И что же? Какъ только онъ пересталъ быть гонимымъ, онъ въ свою очередь сдѣлался гонителемъ. Предметомъ его нападеній была наука, только-что начинавшая подниматься послѣ долгаго упадка. Непосредственные ученики Шпенера (Франке и Ланге) были виновниками событія, почти безпримѣрнаго въ исторіи нѣмецкихъ университетовъ—изгнанія изъ Галле Вольфа, ученика Лейбница, перваго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ философовъ. Поводомъ къ изгнанію было обвиненіе въ ереси, въ вольнодумствѣ средствами, употребленными для достиженія цѣли—клевета, ловкій расчетъ на слабости короля Фридриха-Вильгельма I-го [1]) и занекиванье въ его любимцахъ, особенно въ томъ изъ нихъ, который игралъ при немъ роль придворнаго шута. Царствованіе Фридриха II-го не было благопріятно для піетизма; онъ опять появляется на сцену только при преемникѣ великаго короля, когда начинается реакція противъ такъ называемаго просвѣщенія. Въ XIX-мъ вѣкѣ, какъ и въ XVII-мъ, піетизмъ борется съ такъ называемымъ пра-

[1]) Его увѣрили, что Вольфъ—въ качествѣ детерминиста, по мнѣнію котораго все случающееся неизбѣжно должно было случиться,—отрицаетъ право короля наказывать бѣглыхъ гренадеровъ.

вовѣрнымъ лютеранствомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они не соединяются противъ общаго врага — противъ науки, противъ свободы мысли и изслѣдованія. Швабскій піетистъ Вильгельмъ Гоффманъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ контрастъ съ сѣверо-германскимъ церковникомъ Генгстенбергомъ; они являются соперниками при берлинскомъ дворѣ, первый изъ нихъ поддерживаетъ унію (т.-е. сліяніе церквей лютеранской и реформатской), второй противодѣйствуетъ ей—но это не мѣшаетъ ихъ союзу ни въ тридцатыхъ годахъ, въ эпоху реакціи, вызванной извѣстной книгою Д. Ф. Штрауса, ни въ шестидесятыхъ, въ эпоху усиленнаго политическаго и церковнаго гнета.

У насъ, въ Россіи, піетизмъ также не составляетъ новизны; онъ имѣлъ даже свою годину торжества и господства, между 1815 и 1824 гг. Отдаленнымъ его источникомъ послужили западныя вліянія; въ ближайшей связи съ нимъ стоялъ мистицизмъ временъ Новикова. Въ самомъ своемъ началѣ этотъ мистицизмъ, какъ и ученіе Шпенера, несомнѣнно былъ явленіемъ прогрессивнаго свойства. „Въ грубой массѣ нашего общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—мистики являлись все-таки людьми съ какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло хотя свой элементарный смыслъ. Таковы были, напримѣръ, ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое по недостатку порядочнаго образованія слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность... Они выдѣлялись изъ массы по крайней мѣрѣ какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать—а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и недумающемъ русскомъ обществѣ“. Даже позже, когда піетизмъ проникъ въ высшія сферы, когда онъ нашелъ себѣ выраженіе и широкое поле дѣятельности въ „Россійскомъ библейскомъ обществѣ“, онъ не сразу утратилъ свои хорошія стороны; выдвигая на первый планъ общее сравнительно съ частнымъ, онъ расширялъ религіозные взгляды, располагалъ къ вѣротерпимости, внушалъ болѣе мягкое отношеніе къ расколу. Нѣкоторые изъ его адептовъ усердно занимались бла-

готворительностью; такъ напримѣръ, княгиня Мещерская была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго общества о тюрьмахъ, по нѣсколько разъ въ недѣлю читала и объясняла заключеннымъ св. писаніе, посѣщала больницы, издавала книги и брошюры назидательнаго содержанія. Весьма скоро, однако, библейское общество дѣлается центромъ и очагомъ реакціи, восторжествовавшей около 1820 г. Заручившись могущественными покровителями, піетизмъ не знаетъ больше никакой мѣры. Онъ провозглашаетъ всѣхъ противниковъ своихъ—а къ числу ихъ принадлежали такіе люди, какъ Уваровъ, Карамзинъ—„горделивыми, мнимо просвѣщенными“ союзниками „духа поднебесныя злобы, врага рода человѣческаго“: онъ грозитъ близостью времени, когда „Господь духомъ устъ своихъ убіетъ сего нечестиваго духа“. Магницкій вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ главный руководитель новой,одно время всемогущей партіи, высказываетъ ея задушевныя мысли уже въ 1818-мъ году, при открытіи отдѣленія библейскаго общества въ Симбирскѣ. „Выдуманъ новый идолъ“—восклицаетъ онъ: „разумъ человѣческій! Богословіе сего идола—философія, жрецы его славнѣйшіе писатели разныхъ вѣковъ и странъ... Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и философіею на распространеніе своего владычества дѣйствуетъ. Князь тьмы не дремлетъ и нынѣ“. Преслѣдованія профессоровъ Спб. университета, происходившія въ началѣ двадцатыхъ годовъ, были не чѣмъ другимъ, какъ логическимъ результатомъ доктрины, отождествлявшей философію съ идолопоклонствомъ, человѣческій разумъ—съ дьяволомъ. Піетизму не суждено было, однако, пожать плоды своей побѣды; они достались обскурантизму другой окраски, усмотрѣвшему опасность въ самомъ піетизмѣ. Наука—общій врагъ—была повергнута на-земь; ничто не мѣшало, слѣдовательно, междоусобному раздору въ лагерѣ ея гонителей—и старый менѣе искусный, но болѣе устойчивый изъ нихъ, силою инерціи и традиціи одержалъ верхъ надъ новымъ. Кн. Голицына и Магницкаго одолѣли Шишковъ и Фотій.

Характеристическія черты, повторяющіяся—при однородныхъ

условіяхъ—въ разныхъ странахъ и въ разное время, не могутъ быть случайны; указанный нами ходъ развитія нѣмецкаго и русскаго піетизма коренится во внутреннихъ свойствахъ піетистическаго міросозерцанія. Претендуя сначала на всемогущество въ жизни отдѣльнаго человѣка, піетизмъ неминуемо доходитъ до претензіи на всемогущество въ жизни цѣлаго общества. Подчиняя себѣ каждый поступокъ, каждое слово, каждое проявленіе личности, онъ привыкаетъ къ регламентаціи мысли и чувства—и видитъ въ ней необходимую охрану противъ пагубныхъ заблужденій. Даже формализмъ удовлетворяется легче, чѣмъ піетизмъ; ему нужна только одна сторона человѣческой дѣятельности—въ тайники ея онъ не проникаетъ, многія ея области оставляетъ безъ надзора. Піетизму нужно не больше и не меньше, какъ господство надъ всѣмъ человѣкомъ. Не видя спасенія внѣ себя и считая себя исключительнымъ обладателемъ средствъ къ его достиженію, онъ быстро переходитъ отъ смиренія къ гордости, отъ гордости—къ жаждѣ вліянія и власти. Кто не за него, тотъ противъ него; кто противъ него, тотъ противъ высшей мудрости, нашедшей свое послѣднее слово въ піетизмѣ. Если руководствоваться „человѣческими правилами“—значитъ жить „по волѣ князя міра сего“, если всѣ люди, до обращенія въ піетизмъ—„погибшіе грѣшники“, то понятно, какое неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ піетистовъ отъ нераскаянной, необновленной массы. Если „дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога“, то понятно, какими глазами піетистъ долженъ смотрѣть на науку, прилѣпляющуюся именно къ этому міру, познающую его, научающую пользоваться его дарами и приспособлять ихъ къ потребностямъ человѣка. Преслѣдуемый или стѣсняемый, піетизмъ не обнаруживаетъ всѣхъ своихъ притязаній; но въ скрытомъ видѣ они находятся въ немъ постоянно, потому что обусловливаются его основною идеей. Терпимость его можетъ простираться на догматы, совмѣстимые съ этою идеей, но не на убѣжденія, ей чуждыя; не даромъ же нѣмецкій піетизмъ скоро нашелъ modus vivendi съ лютеранскимъ церковничествомъ, но не нашелъ его до сихъ поръ по отношенію къ свободному изслѣдо-

ванію. Къ политической жизни, къ экономическимъ вопросамъ, къ прогрессу въ учрежденіяхъ и законахъ піетизмъ по меньшей мѣрѣ равнодушенъ, потому что всѣ эти мелкіе, ничтожные интересы способны только отвлекать вниманіе отъ единственной серьезной задачи: внутренняго обновленія и отрѣшенія отъ міра. Работать для общества, служить ему въ качествѣ писателя, ученаго, политическаго дѣятеля, значитъ, въ глазахъ піетизма, служить двумъ господамъ, соединять несоединимое. Отрицательно относясь къ дѣйствительности, піетизмъ всегда и вездѣ соприкасался съ квіетизмомъ и мистицизмомъ, вызывалъ мечты о сліяніи съ единымъ, абсолютнымъ. Между тѣмъ, мистицизмъ всегда выдвигаетъ на первый планъ собственную личность мистика. Повидимому, мистицизмъ клонится къ уничтоженію личности, къ поглощенію ея великимъ цѣлымъ; но именно это поглощеніе сосредоточиваетъ на себѣ всѣ усилія мистика. Стремясь къ личному блаженству, онъ готовъ забыть все ближайшее, все вызывающее его на трудъ, все нуждающееся въ его вліяніи и помощи. Къ піетизму это примѣнимо въ меньшей степени, чѣмъ къ чистому мистицизму; созерцательное бездѣйствіе болѣе свойственно послѣднему, чѣмъ первому—но не въ разрывѣ съ міромъ, не въ отказѣ отъ дружбы съ нимъ можно найти, во всякомъ случаѣ, могучій стимулъ къ многосторонней дѣятельности на его пользу. Ошибочно было бы думать, что піетизмъ отвергаетъ добрыя дѣла, т. е. признаетъ ихъ ненужными для спасенія; но что не они составляютъ краеугольный его камень—это едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

Итакъ, враждебное отношеніе къ наукѣ, политическій индифферентизмъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда политика можетъ служить орудіемъ въ рукахъ піетистической пропаганды), пассивное отношеніе къ несовершенствамъ общественнаго устройства и къ страданіямъ, отъ нихъ зависящимъ—вотъ необходимыя принадлежности піетизма, даже тогда, когда онъ свободенъ отъ примѣси побочныхъ элементовъ. Между этими элементами, быстро появляющимися въ средѣ торжествующаго или хотя бы только широко распространен-

наго піетизма, первое мѣсто занимаетъ лицемѣріе. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ піетисты—Тартюфы, но Тартюфъ—непремѣнно піетистъ. Піетизмъ слишкомъ глубоко насилуетъ человѣческую природу, чтобы она, въ большинствѣ случаевъ, добровольно и безропотно могла возложить на себя и носить его узы. Основатели, первые проповѣдники піетизма могутъ быть и почти всегда бываютъ искренни—но въ средѣ послѣдователей ихъ весьма скоро оказываются люди, прикрывающіе піетистическою внѣшностью вовсе не піетистическій образъ жизни. Чѣмъ больше внѣшнихъ выгодъ представляетъ наружное исповѣданіе піетизма, тѣмъ больше, конечно, становится число такихъ его приверженцевъ. Когда россійское библейское общество стало силой въ государствѣ, публичныя заявленія сочувствія къ нему сдѣлались вѣрнымъ средствомъ обратить на себя вниманіе власти—и они посыпались со всѣхъ концовъ Россіи, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ общество начало печатать ихъ въ своихъ изданіяхъ, съ именами авторовъ. Нашлись и такіе ревнители, которые, не ограничиваясь изліяніемъ личныхъ чувствъ, *побуждали* къ изліяніямъ—и пожертвованіямъ—другихъ, подвластныхъ имъ людей Нижніе чины одной артиллерійской бригады прислали въ провинціальный комитетъ общества письмо, „исполненное самыхъ благоговѣйныхъ чувствованій“, выражая въ немъ готовность вносить *каждый* въ кассу общества по 50 коп. въ треть года (изъ солдатскаго жалованья!). Понятно, къ какому разряду піетистовъ принадлежалъ командиръ этой бригады. Усердіе дошло до того, что стали учреждаться формальныя *дѣтскія* библейскія общества. Первое изъ нихъ было открыто въ Одессѣ и состояло изъ воспитанниковъ ришельевскаго лицея. Какую роль играли при этомъ дѣти, какую—лица, управлявшія ихъ обществомъ,—это угадать нетрудно. Другой подводный камень, угрожающій піетизму—это мистическій экстазъ, со всѣми возможными его усложненіями. Онъ господствовалъ, напримѣръ, въ кружкѣ Татариновой, современномъ библейскому обществу и стоявшемъ весьма близко къ главнымъ его дѣятелямъ. Однимъ изъ усердныхъ посѣтителей этого кружка былъ министръ духовныхъ дѣлъ и пре-

зидентъ библейскаго общества, кн. Голицынъ, руководящимъ участникомъ его, вмѣстѣ съ самой Татариновой—В. М. Поповъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія. Аналогическія явленія представляетъ и исторія нѣмецкаго піетизма.

Религіозное движеніе, совершающееся на нашихъ глазахъ въ нѣкоторыхъ сферахъ столичнаго общества, напоминаетъ прежнія явленія того же рода даже въ мелочахъ, въ подробностяхъ. Вотъ, напримѣръ, составленное очевидцами описаніе собраній, происходившихъ у госпожи Крюднеръ, извѣстной представительницы піетизма первой четверти нашего вѣка. „Ея утреннія и вечернія моленія были очень просты и составлены изъ обычаевъ греческой, католической и протестантской церкви. Ея спутники въ нѣсколько голосовъ пѣли нѣсколько строфъ въ тонѣ радостнаго благочестія; затѣмъ каждый становился на колѣни передъ стуломъ и опускалъ голову, скрывая лицо въ платокъ. Литургъ (Кельнеръ) читалъ затѣмъ главу изъ евангелія и совершалъ молитву въ тонѣ трепета и сокрушенія, который дѣйствовалъ на нервы чрезвычайно пугающимъ образомъ и у многихъ извлекалъ слезы. Это была исполненная *боязни молитва къ Спасителю о помилованіи и милосердіи*, о прощеніи грѣховъ и спасеніи бѣднаго, глубоко упавшаго человѣчества отъ проклятія и осужденія. По окончаніи молитвы всѣ вставали; госпожа Крюднеръ являлась передъ собраніемъ и держала формальную проповѣдь“. Съ небольшими перемѣнами, это описаніе было бы вполнѣ примѣнимо къ собраніямъ, о которыхъ мы теперь читаемъ въ газетахъ. Назидательныя изданія княгини Мещерской, упомянутой уже нами піетистки временъ библейскаго общества, были бо́льшею частью заимствованы изъ англійскаго; такими же заимствованіями богата и современная русская піетистическая литература. Если наши новѣйшіе піетисты надѣются, съ помощью арсенала старыхъ средствъ, достигнуть прочнаго и широкаго вліянія на сердца, то надеждѣ ихъ едва ли суждено осуществиться; а другими средствами—кромѣ внѣшнихъ, во всякомъ случаѣ дѣйствующихъ не на сердце—піетизмъ не располагаетъ. Успѣхъ его, если бы онъ, вопреки ожиданію, оказался возможенъ, въ настоя-

щее время былъ бы явленіемъ особенно прискорбнымъ. Русская государственная и общественная жизнь готовится, повидимому, вступить въ новый фазисъ своего развитія; труда во всѣхъ областяхъ ея предстоитъ много, въ наличныхъ силахъ чувствуется скорѣе недостатокъ, нежели избытокъ. Пренебреженіе къ наукѣ дало уже достаточно горькихъ плодовъ; пора замѣнить его сознаніемъ ея могущества, пора широко открыть передъ нею всѣ пути, предоставивъ ей самой исцѣлять тѣ раны, которыя можетъ нанести неумѣлое обращеніе съ ея выводами. Политическій индифферентизмъ отжилъ свое время; если бы наши политическія условія ближе подходили къ древнегреческимъ, пора было бы каждому образованному человѣку дать отчетъ себѣ и другимъ, какой стороны онъ намѣренъ держаться въ предстоящей мирной преобразовательной работѣ. Недостаточность отдѣльныхъ, личныхъ усилій для борьбы съ общественными болѣзнями выступаетъ на видъ все ярче и ярче; частная благотворительность, сохраняя обширный, ей одной доступный кругъ дѣйствій, требуетъ, въ дополненіе къ себѣ, правильно организованной общественной помощи. Не до того теперь, чтобы отворачиваться отъ міра, чтобы углубляться въ самого себя и задумываться надъ своимъ личнымъ блаженствомъ. Замкнутая сфера піетизма можетъ служить пріютомъ въ эпохи апатіи, унынія, отчаянія; но къ числу такихъ эпохъ наше время не принадлежитъ, что бы ни говорили о немъ пессимисты. Оно имѣетъ, конечно, свои тяжелыя стороны, вызывающія потребность въ успокоеніи, въ утѣшеніи; потребность эта, въ свою очередь, часто находитъ удовлетвореніе въ религіозномъ чувствѣ—но религіозное чувство, въ простой, чистой своей формѣ, имѣетъ весьма мало общаго съ піетизмомъ. Оно относится къ послѣднему, какъ другія чувства относятся къ сантиментальности, какъ здоровье относится къ болѣзни. Припомнимъ, по этому поводу, прелестный юмористическій очеркъ піетиста, сдѣланный извѣстнымъ эстетикомъ Фишеромъ. „Піетистъ—это человѣкъ, у котораго религія обратилась въ профессію, въ ремесло. Ему мало помнить о божественномъ—ему нужно при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ называть его по имени. Я

говорю піетисту: дождь идетъ, нужно взять зонтикъ; онъ отвѣчаетъ мнѣ—хорошо, но настоящую охрану ты можешь найти только въ Провидѣніи [1]). Я говорю піетисту: этотъ свѣтъ слишкомъ силенъ или слишкомъ слабъ; онъ отвѣчаетъ: хорошо, но истинный свѣтъ—это религія. Піетистъ предпринимаетъ только то, по поводу чего можно обращать, осуждать, умиляться. Что бы онъ ни дѣлалъ, сущность его дѣйствій теряетъ всякую цѣну вслѣдствіе ихъ формы. Онъ помогаетъ ближнимъ, но заставляетъ ихъ при этомъ такъ долго молиться, что у нихъ не остается силы радоваться полученной помощи; онъ заботится о посылкѣ миссіонеровъ, но думаетъ при этомъ не столько объ обращеніи язычниковъ, сколько о демонстраціи противъ домашнихъ еретиковъ". Понятно, что здѣсь представленъ окончательно выработанный, доведенный до виртуозности типъ піетиста; но нѣкоторыя черты, подмѣченныя Фишеромъ, составляютъ самую суть піетизма. Онѣ объясняютъ, почему усиленіе піетизма ведетъ обыкновенно къ реакціи противъ религіознаго чувства, смѣшиваемаго съ одной спеціальной, извращенной его формой.

Мы должны сдѣлать одну оговорку. Давно уже замѣчено, что на разныхъ почвахъ піетизмъ приноситъ разные плоды: на крестьянахъ, рабочихъ онъ отражается иначе, чѣмъ на высшихъ, болѣе образованныхъ классахъ общества. Въ вюртембергскихъ селахъ, въ ремесленномъ сословіи Берлина піетизмъ не порождалъ ни той надменности, ни того самодовольства, ни той наклонности къ преслѣдованіямъ, которыя являются обычными спутниками его въ другихъ кружкахъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ русскихъ народныхъ сектахъ, которыя имѣютъ черты соприкосновенія съ піетизмомъ. Между людьми простодушными, смиренными умомъ и сердцемъ, піетистическое настроеніе можетъ оставаться естественнымъ, кроткимъ, спокойнымъ; въ сферахъ менѣе патріархальныхъ оно ведетъ къ фарисейской нетерпимости, стремится къ тому, чтобы какъ можно чаще, во что бы то ни стало, возбуждать чувства, по

[1]) По-нѣмецки «Schirm» означаетъ и зонтикъ, и охрану или защиту.

самому своему свойству не поддающіяся регламентаціи. Главной гарантіей противъ крайностей піетизма служитъ тяжелый, постоянный трудъ, суровая, болѣе чѣмъ простая обстановка. Кто ежедневно борется съ лишеніями всякаго рода, тому не придетъ въ голову играть въ аскетизмъ; кто никогда не зналъ развлеченій, тому не придетъ въ голову замѣнять изгнанныя свѣтскія удовольствія театральностью молитвъ, выслѣживаніемъ вольнодумцевъ или благонамѣренными пересудами. Салоннымъ піетистамъ никогда не достигнуть истинно братскихъ отношеній, возможныхъ, хотя бы въ видѣ исключенія, между піетистами мастерской или деревни. Говоря о піетизмѣ, мы имѣли въ виду именно искусственный продуктъ, существенно отличный отъ разнообразныхъ проявленій народнаго религіознаго чувства.

Одну только заслугу—невольную, впрочемъ, и безсознательную—слѣдуетъ признать за русскимъ великосвѣтскимъ піетизмомъ новѣйшей формаціи: онъ доказалъ и доказываетъ наглядно необходимость радикальной перемѣны въ образѣ дѣйствій относительно раскола, или, лучше сказать, необходимость настоящей, полной вѣротерпимости. Распространеніе піетизма въ высшихъ слояхъ общества обусловливается, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣми же причинами, отъ которыхъ происходятъ ереси и расколы въ средѣ народа. Движеніе вверху можетъ выбирать между нѣсколькими дорогами—движеніе внизу наталкивается почти неизбѣжно на одинъ, давно проложенный путь и является, поэтому, еще болѣе неотвратимымъ, еще менѣе чувствительнымъ къ насилію, къ внѣшнимъ преградамъ. Процессъ образованія новыхъ народныхъ вѣрованій, совершаясь во мракѣ, далеко отъ главныхъ центровъ умственной жизни, ускользалъ, бо́льшею частью, отъ непосредственнаго наблюденія; теперь онъ какъ-бы приблизился къ намъ—и мы видимъ съ особенною ясностью, что остановить его искусственными средствами нельзя, да и нѣтъ никакой надобности. Противовѣсъ ему можно найти только въ убѣжденіи, а не въ силѣ. Широкаго, полнаго простора для пашковской проповѣди должны желать не одни только ея приверженцы; онъ можетъ положить начало новой,

давно ожидаемой эрѣ въ исторіи нашего развитія. Прецедентъ, однажды созданный, сохранитъ—нужно надѣяться—свое значеніе и при другихъ обстоятельствахъ, въ примѣненіи къ другимъ общественнымъ сферамъ; невозможность двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ обнаружится сама собою. Даже возставая противъ умственной свободы, піетизмъ можетъ сослужить ей большую службу, если только ему самому будетъ предоставлена свобода, на которую онъ, какъ и всякое другое мирное движеніе въ духовной сферѣ, имѣетъ полное право. Преслѣдованія за вѣру, стѣсненія, вызываемыя ею, отойдутъ тогда въ прошедшее, и самое понятіе о такъ-называемыхъ религіозныхъ преступленіяхъ исчезнетъ, наконецъ, изъ нашего уголовнаго законодательства [1]).

---

[1]) Позднѣе, въ концѣ 80-хъ годовъ, преслѣдованію подверглись и наиболѣе видные изъ «пашковцевъ» (самъ Пашковъ, гр. М. Корфъ), но оно выразилось по отношенію къ нимъ въ сравнительно мягкой формѣ высылки за границу.

III.

ЗАКОНЪ 3-го МАЯ 1883 года.

Эпоха великихъ реформъ Императора Александра II-го принесла съ собою постановку, но не разрѣшеніе вопроса о раскольникахъ. Въ 1864 г. были Высочайше одобрены предположенія особаго комитета о разныхъ облегчительныхъ мѣрахъ по отношенію къ раскольникамъ, но осуществлена была изъ нихъ, десять лѣтъ спустя, только одна: 19-го апрѣля 1874-го года состоялся законъ о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ. Когда, въ 1880 г., возобновилось, на короткое время, преобразовательное движеніе, сенаторамъ, командированнымъ, по мысли графа Лорисъ-Меликова, въ разныя губерніи, поручено было, между прочимъ, привести въ ясность положеніе раскола и раскольниковъ. Особенный интересъ представляли въ этомъ отношеніи губерніи Саратовская и Самарская, въ которыхъ представлены почти всѣ раскольническіе толки и секты. Свѣдѣнія, собранныя здѣсь во время ревизіи, касались какъ способовъ борьбы противъ раскола, такъ и результатовъ примѣненія закона 19-го апрѣля 1874 г. Оказалось, что уголовныхъ дѣлъ противъ раскольниковъ было возбуждено сравнительно немного; такъ напримѣръ, въ округѣ Саратовскаго окружнаго суда, за послѣднія пять лѣтъ передъ ревизіей, дѣлъ объ устройствѣ раскольническихъ моленныхъ производилось четырнадцать, а обвинительный приговоръ состоялся только одинъ. Объясняется это тѣмъ, что зданія, въ которыхъ раскольники собирались для молитвы, были, большею частью, весьма невелики и не носили никакихъ видимыхъ признаковъ своего

назначенія. Въ городѣ Вольскѣ, напримѣръ, молельня имѣла видъ сарая, входъ въ который былъ со второго двора; вышина сарая была $3^1/_2$ аршина, ширина $6^1/_4$ аршинъ. Объясненіе хозяина сарая, что зимою онъ служитъ помѣщеніемъ для пчелъ и что богослуженіе въ немъ совершается изрѣдка, причемъ приносится священникомъ походный иконостасъ, подтвердилось свидѣтельскими показаніями. Въ селѣ Самодуровкѣ, Хвалынскаго уѣзда, молельня въ домѣ Голодовкина имѣла, по словамъ акта осмотра, видъ обыкновеннаго дома. Въ селѣ Черпавкѣ, Вольскаго уѣзда, молельня была устроена на заднемъ дворѣ и часть ея была занята жилымъ помѣщеніемъ; раскольники, по словамъ мѣстнаго священника, сходились туда для молитвы тайкомъ, задними ходами. Въ селѣ Безсучномъ Сарбулакѣ, Саратовскаго уѣзда, молельня помѣщалась въ задней сторонѣ сада, въ зданіи, которое, по удостовѣренію акта осмотра, вполнѣ походило на обыкновенную избу. Тоже самое установлено окружнымъ судомъ относительно молельни, устроенной въ селѣ Кряжимѣ, Вольскаго уѣзда. Ничѣмъ, впрочемъ, не отличалась отъ этого типа и та молельня — въ селѣ Адоевщинѣ, Хвалынскаго уѣзда, — открытіе которой послужило поводомъ къ обвинительному приговору: она была устроена на заднемъ дворѣ, въ зданіи, сколоченномъ изъ досокъ и покрытомъ соломою, совершенно незамѣтномъ для проходящихъ, длиною въ $8^1/_4$ и шириною въ $4^1/_2$ арш. Преслѣдованія за устройство моленныхъ носили, въ сущности, случайный характеръ. Моленныя, въ смыслѣ помѣщеній, приспособленныхъ для общественной молитвы, существовали почти вездѣ, гдѣ было раскольническое населеніе. Въ большихъ городахъ и нѣкоторыхъ большихъ селахъ каждое согласіе имѣло свою моленную, а иногда (напр. поморское согласіе въ Саратовѣ)- и нѣсколько моленныхъ. Бывали случаи запечатанія моленныхъ безъ судебной власти, вслѣдствіе распоряженія консисторіи. Крестьянинъ с. Сапольги, Петровскаго уѣзда, Сергѣй Казимировъ, въ жалобѣ на имя Саратовскаго губернатора объяснилъ, что выстроенная имъ во дворѣ вторая изба, куда иногда сходились его родственники для чтенія евангелія и бесѣдъ Св. Іоанна Златоуста, запеча-

тана приставомъ 1-го стана на томъ основаніи, что она принадлежитъ, будто бы, не ему, Казимирову, а цѣлому обществу поморцевъ. По справкѣ оказалось, что приставъ поступилъ такимъ образомъ по предписанію полицейскаго управленія, которое дѣйствовало, въ свою очередь, на основаніи сообщенія консисторіи. Консисторія увѣдомила губернатора, что дѣло о сборищахъ у крестьянина Казимирова ею производствомъ прекращено, такъ какъ молельня, согласно просьбѣ консисторіи, опечатана, а отобранныя у Казимирова книги переданы въ совѣтъ Саратовскаго братства Св. Креста для храненія въ его библіотекѣ. Въ другомъ случаѣ сотскій села Мѣловаго, Камышинскаго уѣзда, сообщилъ причту этого села, 1-го апрѣля 1879 г., объ открытомъ имъ сборищѣ раскольниковъ. Дьяконъ и псаломщикъ отправились, вмѣстѣ съ сотскимъ, въ указанный послѣднимъ домъ, произвели тамъ обыскъ и найденныя книги послали, черезъ становаго пристава, въ консисторію, которая въ свою очередь препроводила ихъ въ совѣтъ братства Св. Креста, для опредѣленія, принадлежатъ ли онѣ къ числу дозволенныхъ. Въ концѣ 1880-го года книги находились еще въ братствѣ Св. Креста.

Духовное начальство обращалось къ содѣйствію свѣтской власти еще по дѣламъ о такъ называемомъ купножительствѣ, т. е. о сожитіи, безъ вѣнчанія по православному обряду, лицъ, числящихся православными, о не-крещеніи такими лицами своихъ дѣтей по обряду православной церкви и о погребеніи ими умершихъ родственниковъ также безъ соблюденія установленныхъ церковью правилъ. Въ дѣлахъ перваго рода консисторія, независимо отъ пастырскаго увѣщанія, предписывала полиціи развести незаконно сошедшихся на купножительство и водворить женщинъ обратно къ ихъ родителямъ. Полиція иногда брала подписки о прекращеніи купножительства, иногда доносила консисторіи о дѣйствительномъ разлученіи купножившихъ. Въ дѣлахъ второго рода консисторія предписывала полиціи побудить отца къ представленію ребенка въ церковь для совершенія надъ нимъ таинства крещенія. Въ этихъ случаяхъ, при отказѣ отца исполнить требованіе, дѣло препрово-

ждалось полиціею къ судебной власти, которою эти дѣла прекращались по ст. 309 уст. угол. судопр., за отсутствіемъ основанія къ производству слѣдствія. По дѣламъ о погребеніи умершихъ безъ соблюденія обрядовъ православной церкви дознанія, произведенныя полиціею вслѣдствіе сообщеній консисторіи, препровождались къ мировымъ судьямъ для постановленія приговора по ст. 107 уст. о наказ., налаг. миров. суд., предусматривающей погребеніе мертвыхъ не въ установленныхъ для того мѣстахъ или безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Число такихъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигало весьма значительной цифры; такъ напримѣръ, приставъ 2-го стана Хвалынскаго уѣзда произвелъ, въ декабрѣ 1880 года, дознаніе о всѣхъ случаяхъ самовольнаго погребенія, бывшихъ въ Покурлеевскомъ приходѣ въ 1878 и 1879 гг., и привлекъ къ этому дознанію сто двадцать три лица. Мировые судьи иногда не постановляли по дѣламъ этого рода обвинительныхъ приговоровъ, такъ какъ погребеніе раскольниками умершихъ родственниковъ своихъ не въ установленныхъ мѣстахъ зависѣло отъ отсутствія особаго для раскольниковъ кладбища или отъ недостаточности того, которое было отведено имъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Въ 1877 г. раскольниками города Вольска было возбуждено ходатайство объ устройствѣ богадѣльни въ зданіи, служившемъ прежде раскольническою моленною. Ходатайство это было отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на томъ основаніи, что исправленіе стараго раскольническаго зданія воспрещено уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, а приспособленіе его подъ богадѣльню не вызывается настоятельной нуждою. Въ 1879 г. Саратовская городская дума разрѣшила двумъ купцамъ, принадлежащимъ къ бѣглопоповской сектѣ, расширить устроенную ими раньше богадѣльню. По донесенію о томъ миссіонера братства Св. Креста консисторія обратилась къ губернатору съ просьбою остановить исполненіе постановленія городской думы и снестись предварительно съ консисторіей. Губернаторъ на это отвѣтилъ, что въ настоящемъ случаѣ не устраивается новая богадѣльня, а поправ-

ляется уже существующая, пришедшая въ ветхость, и что на принятіе пожертвованія воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Живя, въ большинствѣ случаевъ, не отдѣльными селеніями, а рядомъ съ православными, саратовскіе раскольники, говоря вообще, не избѣгали сближенія съ ними. Раскольники начинали посылать дѣтей своихъ въ учебныя заведенія, посѣщаемыя дѣтьми православныхъ родителей. Въ начальныхъ школахъ тѣхъ городовъ, селъ и деревень, гдѣ населеніе состоитъ изъ православныхъ и раскольниковъ, почти всегда можно было найти раскольническихъ дѣтей, и притомъ различныхъ сектъ и толковъ. Въ Саратовскихъ начальныхъ городскихъ училищахъ обучались, напр., дѣти поморцевъ, бѣглопоповцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, молоканъ-субботниковъ, молоканъ-воскресниковъ. Число поморцевъ, посѣщавшихъ эти училища, доходило до двадцати пяти, не смотря на то, что въ Саратовѣ существовало особое старообрядческое училище, основанное богатыми раскольниками поморской секты. Въ Хвалынскомъ городскомъ начальномъ женскомъ училищѣ училось до сорока дочерей раскольниковъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ были земскія школы, въ которыхъ преобладалъ раскольничій элементъ (напримѣръ школа въ селѣ Покурлеѣ). Дѣти раскольниковъ часто учились закону Божію наравнѣ съ дѣтьми православныхъ родителей, у православныхъ священниковъ. По отзыву учителей и учительницъ Саратовскихъ городскихъ начальныхъ школъ, нѣкоторые родители изъ числа раскольниковъ не только позволяли своимъ дѣтямъ учиться закону Божію у православныхъ священниковъ, но и требовали отъ нихъ такого ученія, говоря: „если чему-нибудь васъ научатъ не по нашему, мы переучимъ“. Иногда дѣти раскольниковъ обучались молитвамъ съ тѣми видоизмѣненіями, которыя допускаются раскольниками (напримѣръ, въ молитвѣ Божіей Матери слово „Благодатная“ замѣняется словомъ „Обрадованная“; въ символѣ вѣры, въ восьмомъ членѣ, прибавляется слово: „истиннаго“), иногда—изучали ихъ по тексту, принятому православною церковью. И тамъ, впрочемъ, гдѣ молитвы изучались по раскольническому тексту, дѣти привыкали иногда къ концу ученія читать ихъ по

православному тексту. Въ пѣніи и чтеніи молитвъ передъ началомъ ученья и по окончаніи его иныя дѣти изъ числа раскольниковъ участвовали, иныя не участвовали. Иногда дѣти раскольниковъ держали себя въ сторонѣ отъ другихъ, но это было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ и недостаточное, будто бы, сосредоточеніе школьныхъ занятій на чтеніи по церковнымъ книгамъ удерживало иногда раскольниковъ отъ посылки своихъ дѣтей въ общія начальныя училища; но съ теченіемъ времени они все больше и больше освобождались отъ всякаго предубѣжденія противъ этихъ училищъ, даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ расколъ имѣлъ преобладающее значеніе (напримѣръ въ с. Черкасскомъ, Вольскаго уѣзда). Раскольники отдавали своихъ дѣтей не въ одни только начальныя училища; въ Саратовскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ былъ одинъ раскольникъ, въ Вольскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ—четыре, въ Саратовскомъ реальномъ училищѣ—семь, въ Вольскомъ реальномъ училищѣ—одинъ, въ Самарскомъ реальномъ училищѣ—одиннадцать, въ Вольской классической прогимназіи—четыре, въ Вольской женской прогимназіи—одна, въ Самарской мужской гимназіи—три. Раскольники, посѣщавшіе въ Самарѣ реальное училище и мужскую гимназію, ходили на уроки закона Божія. Пѣнію и танцамъ раскольники въ Саратовскомъ реальномъ училищѣ обучались, въ Самарской мужской гимназіи—не обучались; въ Самарскомъ реальномъ училищѣ они пѣли вмѣстѣ съ другими.

Сближеніе между раскольниками и православными проявлялось и въ другихъ формахъ. Тамъ, гдѣ не было давленія на раскольниковъ ни со стороны полиціи, ни со стороны духовенства, они соглашались иногда добровольно раздѣлить съ православными заботу о содержаніи православнаго духовенства и православнаго храма. Такъ напримѣръ, въ с. Поселкѣ, Хвалынскаго уѣзда, раскольники и православные одинаково участвовали въ платежѣ священнику, добровольно, безъ всякаго оффиціальнаго акта, опредѣленной суммы; въ с. Акатной Мазѣ, того же уѣзда, раскольники несли вмѣстѣ съ православными расходъ по постройкѣ и починкѣ

церкви и часовни. На оборотъ, тамъ, гдѣ пособіе духовенству или церкви принимало понудительный характеръ, раскольники отказывались отъ участія въ немъ. Въ особенности склоннымъ къ сближенію съ православными оказывалось молодое поколѣніе раскольниковъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы оно готово было присоединиться къ православію, а въ томъ, что оно не такъ упорно держалось за обычаи старины и не придавало имъ господствующаго значенія въ обыденной жизни. Вообще говоря, вездѣ, гдѣ мѣстное духовенство относилось къ раскольникамъ мягко, кротко, безъ притѣсненій, расколъ становился менѣе упорнымъ, менѣе враждебнымъ православію.

Свѣдѣнія о числѣ записей, сдѣланныхъ въ установленныя закономъ 19 апрѣля 1874 г. метрическія книги, показали, что законъ этотъ имѣетъ самое ограниченное примѣненіе и что случаи пользованія имъ становятся съ теченіемъ времени не чаще, а рѣже. Въ Саратовской губерніи всѣхъ записей въ метрическихъ книгахъ полицейскихъ управленій сдѣлано съ 1875 по 1879 годъ 750. По годамъ онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1875-мъ году ихъ было 257, въ 1876—242, въ 1877—100, въ 1878—95, въ 1879—56. Въ полицейскихъ управленіяхъ двухъ уѣздовъ—Камышинскаго и Аткарскаго—записей въ продолженіе пяти лѣтъ сдѣлано вовсе не было. Въ трехъ существующихъ въ Саратовской губерніи городскихъ полицейскихъ управленіяхъ—въ Саратовѣ, Вольскѣ и посадѣ Дубовкѣ, Царицынскаго уѣзда—сдѣлана 441 запись (въ Саратовскомъ—234, въ Вольскомъ—30, въ Дубовскомъ—177), т. е. болѣе $^4/_7$ общаго числа записей. На восемь уѣздныхъ полицейскихъ управленій приходится, затѣмъ, 309 записей. Что касается до книгъ, которыя ведутся волостными правленіями, то записи въ нихъ оказались сдѣланными, въ періодъ времени съ 1875 по 1879 годъ, только по тремъ уѣздамъ: Вольскому, Хвалынскому и Балашовскому. Изъ числа 173 записей, сдѣланныхъ въ книгахъ волостныхъ правленій, къ 1875-му году относятся 50, къ 1876—56, къ 1877—49, къ 1878—11, къ 1879—7. Въ Самарской губерніи всѣхъ записей въ метриче-

скихъ книгахъ полицейскихъ управленій сдѣлано съ 1875 по 1879 годъ 259: въ 1875-мъ году— 82, въ 1876—58, въ 1877—62, въ 1878—36, въ 1879—21. Въ книгахъ волостныхъ правленій съ 1875 по 1880 годъ сдѣлано 312 записей. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, достаточно замѣтить, что въ Саратовской губерніи одно рожденіе вообще, по свѣдѣніямъ за 1878 г., приходилось на 19 жителей; отписныхъ раскольниковъ, т. е. такихъ, которые бо́льшею частью подходятъ подъ дѣйствіе закона 19 апрѣля, въ томъ же 1878 г. числилось въ Саратовской губерніи около 43 тысячъ. Изъ сравненія этихъ чиселъ слѣдуетъ, что въ продолженіе пяти лѣтъ у этихъ раскольниковъ должно было родиться около одиннадцати тысячъ дѣтей, а между тѣмъ въ метрическихъ книгахъ записано только 237 рожденій. Правда, не всѣ раскольническія секты допускаютъ и, слѣдовательно, заботятся объ узаконеніи дѣтей; но бракъ особенною многочисленностью отличаются въ Саратовской губерніи именно секты, пріемлющія бракъ—австрійцы, бѣглопоповцы, поморцы. Между рожденіями, записанными въ раскольническія книги, были, притомъ, такія, которыя воспослѣдовали до 1875 года. Къ числу уѣздовъ Саратовской губерніи, гдѣ за пять лѣтъ не сдѣлано было въ метрическихъ книгахъ ни одной записи или сдѣлана только одна, принадлежатъ уѣзды Петровскій, Сердобскій, Кузнецкій и Аткарскій, въ которыхъ даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ числится отъ 1100 до 4400 раскольниковъ.

Для опредѣленія причинъ, по которымъ законъ 19 апрѣля 1874 г. явился съ самаго начала почти мертвой буквой и съ каждымъ годомъ становился ею все больше и больше, при ревизіи имѣлись въ виду съ одной стороны заявленія самихъ раскольниковъ, съ другой,—отзывы должностныхъ лицъ, которымъ было поручено примѣненіе закона. Между тѣми и другими оказалось весьма много общаго. И тамъ, и тутъ шла рѣчь о неудобствахъ, съ которыми сопряжены поѣздки въ городъ для записи браковъ, о затрудненіяхъ въ пріисканіи большого числа поручителей, о нежеланіи раскольниковъ называть себя этимъ име-

немъ или говорить о принадлежности своей къ расколу, о непримѣнимости закона ко всѣмъ тѣмъ, которые, издавна принадлежа къ расколу, крещены по обряду православной церкви или вообще по той или другой причинѣ числятся православными. Въ отзывахъ полицейскихъ управленій указывалось, сверхъ того, на противодѣйствіе новому закону со стороны расколоучителей, на опасеніе раскольниковъ, что записавшихся будутъ понуждать къ обращенію въ православіе, на боязнь неудовольствія со стороны единовѣрцевъ; въ заявленіяхъ раскольниковъ упоминалось о нежеланіи ихъ имѣть дѣло съ полиціей и объ оскорбительности формъ подписки, ставящихъ расколъ какъ бы ниже всѣхъ иновѣрныхъ и даже нехристіанскихъ исповѣданій.

Главнымъ предметомъ ходатайствъ, заявленныхъ во время ревизіи раскольниками Саратовской и Самарской губерній, служило,— кромѣ устраненія причинъ, препятствующихъ пользованію закономъ 19 апрѣля 1874 года,—дарованіе закономъ обезпеченнаго права имѣть молитвенные дома и отправлять въ нихъ богослуженіе. Къ полному уравненію раскола съ инославными исповѣданіями просители, повидимому, вовсе не стремились; они не ходатайствовали о разрѣшеніи строить такія молитвенныя зданія, которыя носили бы на себѣ явные признаки своего назначенія. Многіе изъ нихъ прямо заявляли, что вовсе не претендуютъ на гласность, пышность и торжественность богослужебныхъ церемоній, а желали бы только получить право собираться для общей молитвы.

Вслѣдъ за окончаніемъ сенаторскихъ ревизій 1880—1881 гг. и представленіемъ ревизіонныхъ отчетовъ, вопросъ о льготахъ, которыя могутъ быть дарованы раскольникамъ, былъ поставленъ на очередь въ законодательныхъ сферахъ. Тогда же намъ пришлось въ первый разъ коснуться его въ „Вѣстникѣ Европы“. Говоря, въ апрѣлѣ 1883 г., объ ожидаемой перемѣнѣ къ лучшему въ положеніи раскольниковъ, мы выразили желаніе, чтобы она коснулась, между прочимъ, и закона 19 апрѣля 1874 года. Девятилѣтній періодъ времени, истекшій со времени изданія этого закона, казался намъ достаточнымъ для того, чтобы можно было

судить о цѣлесообразности или нецѣлесообразности, практичности или непрактичности его постановленій. Необходимо—говорили мы—привести въ ясность, широко ли пользуются раскольники дарованною имъ льготой, соотвѣтствуетъ ли число браковъ и рожденій, записанныхъ въ полицейскія метрики, числу оффиціально признанныхъ раскольниковъ. Въ случаѣ отрицательнаго результата, необходимо опредѣлить, что̀ именно мѣшаетъ раскольникамъ прибѣгать къ открытому для нихъ пути узаконенія браковъ и рожденій. Законъ 19 апрѣля былъ вызванъ не только снисхожденіемъ къ раскольникамъ, но и государственными соображеніями, требующими упорядоченія семейнаго быта, твердости и опредѣленности семейныхъ отношеній. Если цѣль, съ которою онъ былъ изданъ, не достигается почти вовсе, то это свидѣтельствуетъ объ ошибкѣ въ выборѣ средствъ—ошибкѣ, исправленіе которой и возможно, и необходимо. Главнымъ препятствіемъ къ широкому примѣненію на практикѣ закона 19 апрѣля служитъ распространеніе его исключительно на тѣхъ, кто съ самаго рожденія считался состоящимъ въ расколѣ. Внѣ дѣйствія закона остаются, вслѣдствіе этого, не только всѣ перешедшіе въ расколъ, хотя бы и весьма давно, но и многіе воспитанные въ немъ съ дѣтства, если они, по той или другой причинѣ, были показаны православными въ церковныхъ книгахъ. Этого мало: при той солидарности, которая существуетъ, вообще говоря, между раскольниками одной и той же секты, лица, подходящія подъ дѣйствіе закона 19 апрѣля, могутъ считать себя нравственно не въ правѣ пользоваться льготой, не принадлежащей ихъ единовѣрцамъ. Общимъ правиломъ, а не исключеніемъ, записка браковъ и рожденій въ метрическія книги, установленныя закономъ 1874 г., сдѣлается, по всей вѣроятности, только тогда, когда она станетъ доступной для всѣхъ раскольниковъ, независимо отъ времени принадлежности ихъ къ расколу... Свобода богослуженія имѣетъ для раскольниковъ, можетъ быть, еще бо́льшую важность, чѣмъ возможность доказывать, запиской въ метрическія книги, права по происхожденію и имуществу. Эта свобода должна быть основана исключительно на

законѣ, а не на административномъ распоряженіи. Право, обусловленное предварительнымъ разрѣшеніемъ—разрѣшеніемъ, которое можетъ быть дано или не дано, по усмотрѣнію администраціи—вовсе, въ сущности, не можетъ быть разсматриваемо какъ право. Раскольническія моленныя существовали всегда—но существовали подъ Дамокловымъ мечемъ, подъ постоянной угрозой закрытія. Въ одномъ мѣстѣ эта угроза переходила въ совершившійся фактъ,—въ другомъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, оставалась только угрозой, поддерживая въ раскольникахъ сознаніе зависимости отъ случая, воспитывая въ нихъ недовѣріе къ закону и его исполнителямъ. Господству случая будетъ положенъ конецъ только тогда, когда условія устройства и открытія моленныхъ или вообще мѣстъ раскольническаго богослуженія будутъ опредѣлены положительнымъ закономъ. Достаточной санкціей этихъ условій можетъ служить судебное преслѣдованіе за каждое явное ихъ нарушеніе. Всего меньше соотвѣтствовалъ бы цѣли такой порядокъ, при которомъ разрѣшеніе просьбъ объ открытіи раскольническихъ моленныхъ было бы предоставлено соглашенію свѣтской власти съ духовнымъ вѣдомствомъ. Мнѣніе православнаго духовенства, привыкшаго бороться съ расколомъ преимущественно путемъ преслѣдованій и запрещеній, было бы почти всегда неблагопріятно для просителей. Въ случаѣ принятія его администраціей, право, дарованное раскольникамъ, являлось бы мертвой буквой; въ случаѣ непринятія—страдалъ бы нравственный авторитетъ православной церкви. Чѣмъ полнѣе, наоборотъ, будетъ освобожденіе православнаго духовенства отъ участія въ административно-полицейскихъ мѣрахъ, касающихся раскола, въ возбужденіи судебныхъ дѣлъ, направленныхъ противъ раскольниковъ, тѣмъ легче можетъ совершиться сближеніе послѣднихъ съ церковью, тѣмъ успѣшнѣе можетъ расти въ ширину и глубину мирная церковная пропаганда. Окончательный разрывъ съ традиціями, отъ которыхъ такъ много пострадали раскольники и такъ мало, въ послѣднемъ счетѣ, пріобрѣла православная церковь, можетъ совершиться только тогда, когда на мѣсто произвола будетъ поставлено во всемъ и вездѣ

точное и вмѣстѣ съ тѣмъ широкое, гуманное постановленіе закона.

Законъ 3 мая 1883 г. далеко не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій; тѣмъ не менѣе, разбирая его въ іюльскомъ внутреннемъ обозрѣніи „Вѣстника Европы", мы не могли не признать за нимъ серьезнаго значенія. Весьма важно то, что за раскольниками утверждено, въ принципѣ, право собираться для общественной молитвы не только въ частныхъ домахъ, но и въ особо предназначенныхъ для того зданіяхъ — моленныхъ, часовняхъ и т. п. Пользованіе этимъ правомъ обставлено, однако, такими условіями, которыя могутъ до крайности уменьшить или даже парализовать его значеніе. Если раскольническая моленная перестаетъ быть чѣмъ-то безусловно запрещеннымъ и противозаконнымъ, то къ чему обусловливать всякое исправленіе или возобновленіе ея разрѣшеніемъ губернатора? Можно ли вообразить себѣ такія обстоятельства, которыя представлялись бы законнымъ, справедливымъ поводомъ къ отказу въ разрѣшеніи? Раскольническія моленныя сохранились только тамъ, гдѣ потребность въ нихъ была велика и неотразима. Нелегко было найти мѣсто для общественной молитвы, когда она составляла преступленіе, когда хозяинъ дома, въ которомъ она совершалась, въ каждую данную минуту могъ быть привлеченъ къ суду, богослужебныя принадлежности — подвергнуты конфискаціи. Преодолѣть всѣ эти препятствія,—значило доказать наглядно, какъ дорога, какъ необходима моленная для окружающаго ее раскольническаго населенія. Эта необходимость, повидимому, признается и закономъ—но вмѣстѣ съ тѣмъ администраціи дается власть отрицать или игнорировать ее. Исправленіе или возобновленіе моленной ничего не измѣняетъ въ положеніи дѣлъ, фактически существовавшемъ даже при дѣйствіи прежнихъ узаконеній; не слѣдуетъ ли отсюда, что оно должно совершаться безпрепятственно и свободно? Ремонтныя работы въ моленной могутъ быть такого рода, что до исполненія ихъ должно быть пріостановлено богослуженіе; иногда необходимо приступить къ ремонту безъ ма-

лѣйшаго замедленія, подъ опасеніемъ трудно поправимыхъ или вовсе непоправимыхъ поврежденій. Понятно, съ какими неудобствами будетъ сопряжена, въ томъ и въ другомъ случаѣ, всякая задержка въ разрѣшеніи, испрашиваемомъ изъ губернскаго города. А если разрѣшеніе не только запоздаетъ, но не придетъ вовсе? Губернатору стоитъ только воспользоваться дискреціоннымъ правомъ отказа—и раскольническое населеніе мѣстности, въ которой находится моленная, очутится въ томъ же положеніи, въ какомъ оно находилось до изданія закона 3-го мая. Для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ, повидимому, стремился законодатель, вполнѣ достаточно было бы обязать раскольниковъ *увѣдомлять* губернатора о всякомъ предпринимаемомъ ими исправленіи или возобновленіи моленной. Это дало бы администраціи возможность наблюдать, чтобы при исправленіи моленной ей не былъ данъ внѣшній видъ православнаго храма (§ 8 закона 3-мая).

Исправленіе или возобновленіе моленной разрѣшается губернаторомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы общій видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. Для такой перемѣны, равно какъ и для открытія новой моленной, должно быть испрошено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Открытіе новой моленной разрѣшается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, съ тѣмъ, чтобы подъ моленную было обращаемо существующее уже строеніе. И здѣсь, слѣдовательно, все зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи: разрѣшеніе измѣнить внѣшній видъ существующей моленной или открыть новую моленную можетъ быть дано или не дано, смотря по заключенію, къ которому придетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Къ этому существенному недостатку закона присоединяются и другіе. Неужели расширеніе существующаго уже молитвеннаго зданія, надстройка или пристройка къ нему новаго помѣщенія, увеличеніе числа или размѣра дверей или иконъ, замѣна плоской крыши высокою или наоборотъ—дѣло настолько важное, что оно не можетъ быть допущено безъ разрѣшенія высшаго представителя административной

власти? Неужели моленная, устроенная на пятьсотъ человѣкъ, должна оставаться неизмѣнной и тогда, когда раскольническое населеніе данной мѣстности увеличилось вдвое или втрое? Неужели *незначительное* раскольническое населеніе, не успѣвшее обзавестись моленною до изданія новаго закона, должно быть навсегда лишено молитвеннаго зданія? На какомъ основаніи, далѣе, моленная можетъ быть открываема вновь *только* въ существующемъ уже строеніи, а не въ строеніи, спеціально для нея возведенномъ? Какъ поступить, если зданіе моленной пришло въ окончательную ветхость, и раскольническое населеніе желаетъ замѣнить его другимъ, на другой улицѣ того же города? Законъ этого случая вовсе не предвидитъ; перенесеніе моленной изъ одного зданія въ другое не подходитъ ни подъ одно изъ его постановленій. Можетъ ли быть открыто въ одномъ и томъ же городѣ нѣсколько раскольническихъ моленныхъ одного и того же толка? По буквальному смыслу закона, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно; а между тѣмъ, такое разрѣшеніе его было бы явною несправедливостью по отношенію къ городамъ, въ которыхъ раскольническое населеніе считается тысячами или десятками тысячъ (назовемъ, для примѣра, Саратовъ, Вольскъ, Хвалынскъ). Несмотря на стѣснительный характеръ дѣйствовавшаго до сихъ поръ законодательства о расколѣ, существованіе нѣсколькихъ моленныхъ одного и того же толка въ одномъ и томъ же городѣ было явленіемъ довольно обыкновеннымъ, равно какъ и перенесеніе моленной изъ одного помѣщенія въ другое. Строгое примѣненіе новыхъ правилъ можетъ привести, такимъ образомъ, къ ограниченію *фактически* существовавшей свободы раскольническаго богослуженія.

Въ случаяхъ, до сихъ поръ перечисленныхъ, администрація дѣйствуетъ самостоятельно, безъ обязательнаго соглашенія съ духовнымъ вѣдомствомъ—и это, безъ сомнѣнія, составляетъ существенное достоинство закона, такъ какъ въ дѣлахъ, касающихся раскола, духовное вѣдомство является стороною, для которой безпристрастіе невозможно. Трудно объяснить себѣ исключеніе изъ общаго правила, допущенное закономъ. Распечатаніе раскольнической моленной, по ходатайству самихъ раскольниковъ, можетъ быть разрѣшено только по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ. Почему? Развѣ раскольники, ходатайствующіе о распечатаніи моленной, не могутъ быть признаны достаточно надежными ручателями за то, что въ ихъ моленной не будетъ совершаемо ничего противнаго закону? Развѣ они не могутъ быть признаны достаточно надежными ручателями за то, что они не будутъ совершать въ моленной

ническихъ моленныхъ разрѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Можно сказать заранѣе, что мнѣніе этого должностного лица не часто будетъ въ пользу распечатанія моленной; въ виду традиціонной политики двухъ столѣтій, представитель духовнаго вѣдомства не можетъ легко соглашаться на такую мѣру, которую издавна принято считать соблазномъ для правовѣрныхъ и поощреніемъ отступниковъ. Всего правильнѣе было бы, конечно, дозволить повсемѣстное открытіе запечатанныхъ моленныхъ, или по крайней мѣрѣ опредѣлить разъ навсегда условія, при которыхъ оно возможно; но если это признано неудобнымъ, то къ установленію различія между порядкомъ разрѣшенія новой моленной и порядкомъ распечатанія старой во всякомъ случаѣ не представлялось никакихъ основаній. Распечатаніе раскольническихъ скитовъ и монастырей законъ 3-го мая запрещаетъ безусловно. Фактически скиты и монастыри существуютъ у раскольниковъ даже въ настоящее время; само собою разумѣется, что они будутъ существовать и при дѣйствіи новаго закона. Они удовлетворяютъ потребности, сильно распространенной между раскольниками нѣкоторыхъ толковъ; пережившъ эпоху преслѣдованій и стѣсненій, они не могутъ исчезнуть въ эпоху сравнительной терпимости къ расколу. Разъ что это такъ, запрещеніе распечатывать скиты и монастыри очевидно не достигаетъ своей цѣли и способствуетъ только поддержанію воспоминаній, далеко не благопріятныхъ для сближенія раскольниковъ съ православною церковью—напр. воспоминаній о событіяхъ, сопровождавшихъ закрытіе скитовъ на Иргизѣ (въ Николаевскомъ уѣздѣ теперешней Самарской губерніи), въ 30-хъ гг. XIX-го в.

Полнѣйшаго сочувствія заслуживаютъ тѣ постановленія закона 3 мая, которыя даютъ раскольникамъ свободу передвиженія, свободу торговли и равное съ православными право на занятіе, по выбору, общественныхъ должностей. Весьма важно и то, что въ законѣ не дѣлается различія между сектами болѣе и менѣе вредными, —различія по необходимости произвольнаго и въ значительной степени основаннаго на предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ. Отго-

лосокъ его мы находимъ только въ ст. 12-ой закона, по которой министръ внутреннихъ дѣлъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется его разрѣшеніе—сообразуется, между прочимъ, „съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты". Большого значенія эта статья, въ нашихъ глазахъ, не имѣетъ, съ одной стороны потому, что она пытается регламентировать дискреціонное право министра, т. е. нѣчто не подлежащее регламентаціи, съ другой стороны—потому, что систематическое отклоненіе *всѣхъ* ходатайствъ, исходящихъ отъ извѣстной секты, слишкомъ рѣзко шло бы въ разрѣзъ съ яснымъ смысломъ закона. Еслибы законъ имѣлъ въ виду вовсе устранить тѣ или другія секты отъ пользованія вновь даруемыми льготами, онъ, конечно, выразилъ бы это прямо и открыто; отсутствіе такого ограниченія заставляетъ думать, что дѣйствіе закона распространяется безразлично на всѣ толки и ученія, соединяемые (не совсѣмъ точно) подъ именемъ раскола и сектантства [1]). Ближайшее прошедшее представляетъ уже одинъ примѣръ подобнаго отношенія къ расколу: законъ 19 апрѣля 1874 г. о доказательствѣ раскольниками правъ по происхожденію и имуществу также не знаетъ различія между сектами болѣе и менѣе вредными.

Послѣднимъ словомъ законодательства о расколѣ правила 3 мая нельзя признать уже потому, что они не касаются вовсе многихъ, существенно важныхъ сторонъ вопроса. Необходимо пересмотрѣть законъ 19 апрѣля 1874 г., почти вовсе остающійся безъ примѣненія на практикѣ; необходимо регулировать положеніе раскольническихъ школъ, пріютовъ, богадѣленъ. Всѣ эти учрежденія существуютъ какъ бы контрабандой, постоянно борясь съ преградами и затрудненіями всякаго рода. Подойти подъ дѣйствіе положенія 25 мая 1874 г. раскольническая начальная школа не можетъ, такъ какъ въ ней немыслимо преподаваніе закона Божія по ученію православной церкви. Узаконить раскольническія школы,—не значило бы создать

[1]) Оговорка, сдѣланная въ ст. 1-й относительно выдачи паспортовъ скопцамъ, подтверждаетъ наше заключеніе, въ силу извѣстнаго принципа: «l'exception confirme la règle».

нѣчто новое, а только оградить существующее отъ вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ произвола. То же самое слѣдуетъ сказать и о раскольническихъ богадѣльняхъ.

До изданія закона 19 апрѣля 1874 г. отношеніе нашего законодательства къ расколу было безусловно-отрицательное. За расколомъ вовсе не признавалось права на существованіе; законъ упоминалъ о немъ только для того, чтобы запретить то или другое его проявленіе, чтобы подвергнуть послѣдователей его тому или другому стѣсненію, угрожать имъ той или другой карой. Ненормальность такого положенія вещей была сознана уже давно, даже въ правительственныхъ сферахъ; проектъ реформы, для тогдашняго времени весьма широкій, былъ составленъ уже въ 1864 г.— но для осуществленія ея, и то неполнаго, понадобилось почти двадцать лѣтъ. Колебанія и противодѣйствія, такъ долго задерживавшія ходъ преобразованія, отразились и на содержаніи обоихъ законовъ, измѣнившихъ юридическій и церковный бытъ раскольниковъ. Нельзя сказать, чтобы на мѣсто одного принципа прямо и рѣшительно былъ поставленъ другой, противоположный. Полная нетерпимость замѣнена условною, ограниченною терпимостью, предѣлы которой не опредѣлены, размѣры — до крайности эластичны. Покровительство закона дано раскольникамъ не какъ право, а какъ милость, о которой они должны каждый разъ просить, безъ всякой гарантіи въ томъ, что ходатайство ихъ будетъ уважено. Болѣе чѣмъ страннымъ, въ виду всего этого, представлялось намъ увѣреніе одной газеты, что „о притѣсненіи раскольниковъ не можетъ быть отнынѣ и рѣчи, а развѣ о возможности случаевъ проявленія нетерпимости со стороны раскольниковъ и ихъ давленія на православныхъ“. Нетерпимость со стороны раскольниковъ, давленіе на православныхъ! Гдѣ та статья новыхъ правилъ, которая даетъ поводъ говорить о чемъ-либо подобномъ? Мыслима ли нетерпимость со стороны тѣхъ, которые, въ сущности, по прежнему остаются малоправными (не какъ граждане, а какъ послѣдователи извѣстнаго вѣроученія), которые не могутъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія высшей власти, не могутъ громко высказать своихъ вѣро-

ваній безъ опасности навлечь на себя уголовное преслѣдованіе? Если называть нетерпимостью со стороны раскольниковъ нерасположеніе къ православнымъ, уклоненіе отъ общенія съ ними, то подобная нетерпимость существуетъ издавна, и новый законъ можетъ только уменьшить ее, а отнюдь не увеличить. „Раскольникамъ“, утверждаетъ та же газета, „дозволено общественное богослуженіе съ возбраненіемъ лишь того, что могло бы стать явнымъ соблазномъ для православныхъ“. Не особенно лестенъ для православныхъ взглядъ, выраженный въ этихъ словахъ; нетверда та вѣра, камнемъ претковенія для которой могла бы послужить риза, надѣтая на раскольническаго *наставника* (выраженіе: „раскольническій священникъ“ также принадлежитъ, повидимому, къ категоріи соблазновъ), или крестъ, водруженный на раскольнической молельной! Почему же, притомъ, не соблазняетъ православныхъ куполъ католической или протестантской церкви, чалма муллы, минаретъ мечети? Мы встрѣчаемся здѣсь съ предразсудкомъ, служившимъ и служащимъ до сихъ поръ однимъ изъ главнымъ препятствій къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ. Съ точки зрѣнія, противъ которой мы возражаемъ, расколъ, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ, разсматривается не какъ вѣроученіе, удовлетворяющее религіознымъ потребностямъ своихъ приверженцевъ, а какъ отступничество отъ православія. Происхожденіе его заставляетъ забывать о томъ значеніи, какое онъ имѣетъ въ настоящее время. Для убѣжденнаго, вѣрующаго раскольника, въ особенности если онъ принадлежитъ къ расколу отъ рожденія, вѣрованія его секты такъ же дороги, такъ же священны, какъ для вѣрующаго католика—католицизмъ, для вѣрующаго еврея—іудаизмъ. Происхожденіе, исторія этихъ вѣрованій—для него вопросъ сравнительно неважный. Не его вина, что они сложились не такъ давно, путемъ отдѣленія отъ церкви. Борьба католицизма противъ протестантскихъ ученій была понятна въ свое время; но что сказали бы мы объ ограниченіи религіозной свободы протестантовъ въ современномъ католическомъ государствѣ—ограниченіи, основанномъ только на томъ, что протестантизмъ возникъ въ средѣ католической церкви?...

Однажды признавъ за своими подданными свободу вѣроисповѣданія, государство не должно стѣснять ее для однихъ больше, чѣмъ для другихъ, только потому, что предки первыхъ принадлежали нѣкогда къ господствующей въ государствѣ церкви. Уравненіе раскола съ другими иновѣрными ученіями было бы первымъ шагомъ къ истинной вѣротерпимости; полною же свободою совѣсти можно было бы назвать только признаніе за всѣми и каждымъ безусловнаго права переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Религію нельзя предписывать, нельзя охранять уголовными карами. Примѣръ государствъ, опередившихъ Россію на пути религіозной свободы, показываетъ съ полною ясностью, что вѣра громадной массы остается неизмѣнной и при отсутствіи внѣшнихъ стѣсненій. Всякое уменьшеніе этихъ стѣсненій приближаетъ къ полной ихъ отмѣнѣ; на полу-дорогѣ возможны остановки, иногда весьма продолжительныя, но невозможно окончательное успокоеніе.

Дальнѣйшее измѣненіе въ области преступленій противъ вѣры состоялось 10-го января 1889-го года. По статьѣ 1009 устава уголовнаго судопроизводства, въ разрѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры могутъ участвовать, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, только лица православнаго исповѣданія. Въ проектѣ примѣненія судебной реформы къ Остзейскому краю это правило было распространено и на коронныхъ судей. Цѣлесообразность такой поправки возбудила въ насъ большія сомнѣнія, хотя мы и думали, что она предположена только по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ. „Отъ присяжныхъ,—замѣтили мы тогда [1]),—отъ присяжныхъ, призываемыхъ къ отправленію правосудія лишь на короткое время, скорѣе можно ожидать увлеченія посторонними соображеніями, чѣмъ отъ судей профессіональныхъ, назначенныхъ правительствомъ и мотивирующихъ свои рѣшенія. Коронные судьи не могутъ не понимать, что въ функціяхъ суда нѣтъ мѣста для вѣроисповѣдныхъ симпатій и антипатій; они не могутъ не понимать, что преступленіе противъ православной вѣры

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 6 «Вѣстн. Европы за 1888 г.

должно быть караемо ими не какъ оскорбленіе личныхъ ихъ вѣрованій, а какъ нарушеніе государственнаго закона. Судить о немъ, поэтому, они всѣ одинаково компетентны, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали". Такъ относились къ вопросу не только судебные уставы, но и прежніе законы судопроизводства; они не установляли никакихъ ограничительныхъ правилъ для состава суда, призваннаго постановить приговоръ по обвиненію въ религіозномъ преступленіи. Законъ 10-го января 1889 г. представляется, съ этой точки зрѣнія, нововведеніемъ вполнѣ радикальнымъ. Правило, первоначально проектированное только для одной изъ окраинъ, получило силу для всей имперіи, обняло собою всѣ суды, новые и старые—и не только суды, но и прокурорскій надзоръ (а въ судахъ прежняго устройства—и секретарей). На одинъ уровень съ дѣлами о преступленіяхъ противъ православной вѣры поставлены, притомъ, дѣла о преступленіяхъ противъ церковныхъ установленій. Не думаемъ, чтобы основаніемъ для такой мѣры послужили данныя уголовной статистики; процентъ обвинительныхъ приговоровъ по религіознымъ преступленіямъ никогда, сколько намъ извѣстно, не падалъ особенно низко. Правда, присяжные оказывались, въ дѣлахъ этого рода, болѣе строгими, чѣмъ коронные судьи; но едва ли можно приписать это дѣйствію ст. 1009-ой. Преступленія противъ вѣры, подсудныя присяжнымъ засѣдателямъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. принадлежность къ скопческой сектѣ) доказываются сравнительно легко и возмущаютъ нравственное чувство. Неудивительно, что по отношенію къ такимъ преступленіямъ оправданіе встрѣчается лишь какъ рѣдкое исключеніе... Какъ бы то ни было, между коронными судьями едва ли слѣдовало установлять различія, основанныя на вѣроисповѣдномъ началѣ. Каждый судья, назначенный правительственною властью, предполагается заслуживающимъ ея довѣрія—а довѣріе не подлежитъ дробленію на части, разграниченію по категоріямъ обязанностей или функцій. Кому довѣряютъ въ одномъ, тому едва ли есть поводъ не довѣрять въ другомъ, совершенно однородномъ. Руководящія начала дѣятельности судьи не должны зависѣть отъ свойства дѣлъ, подлежащихъ его рѣшенію;

безпристрастіе обязательно для него всегда, въ одной и той же мѣрѣ. Если онъ способенъ нарушить свой долгъ подъ вліяніемъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, то нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что его не увлечетъ въ сторону какое-либо другое чувство.

О примѣненіи закона 3-го мая 1883 г. и о его результатахъ, какими они представляются съ точки зрѣнія вѣдомства православнаго исповѣданія, подробныя свѣдѣнія даютъ отчеты оберъ прокурора св. синода, содержаніе которыхъ, по мѣрѣ ихъ опубликованія, постоянно, за однимъ лишь исключеніемъ, [1]) передавалось и разсматривалось нами во внутреннихъ обозрѣніяхъ „Вѣстника Европы“. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ свѣдѣній, остановимся на общей картинѣ „религіозно-нравственнаго состоянія православной паствы“, данной въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1888 и 1889 г.г. „Наша народная масса — читаемъ мы здѣсь,— въ земныхъ своихъ заботахъ въ потѣ лица пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ, и такимъ образомъ слѣдуетъ первоначальной заповѣди Божіей, а со стороны духовной стремится къ высшимъ идеаламъ жизни, убѣжденная въ томъ, что цѣль ея земного существованія находится по ту сторону гроба... Навязываемое русскому народу просвѣщеніе, съ его современными европейскими воззрѣніями и задачами, далекими отъ Бога, народъ воспринимаетъ неохотно, ища въ наукѣ или школѣ только одного, что̀ близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ... Но, являясь великимъ народомъ вообще, и особенно въ важныя и тяжелыя минуты государственной жизни, народъ нашъ, по свойству своего характера, въ обычной своей жизни предается нерѣдко и немало то лѣности, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству и нераздѣльнымъ съ нимъ буйству, сквернословію и т. п.; увлекается онъ, особенно внѣ земледѣльческой среды, и легкой наживой, прибѣгая при этомъ немало къ обману и воровству. Эта нравственная порча, при распространеніи въ нашемъ отечествѣ отхожихъ промысловъ, легко переносится въ села и деревни извнѣ, особенно изъ столицъ. Въ сихъ случаяхъ

[1]) Это исключеніе касается отчета за 1896 и 1897 г. г.

русскій человѣкъ самъ по себѣ, по преданію и привычкѣ, предается слабостямъ и порокамъ, противнымъ христіанской нравственности, будучи способенъ, однакожъ, возрождаться нравственно при первомъ сильномъ вліяніи на него божественной благодати. Опаснѣе для него увлеченіе со стороны лжеученій всякаго рода, противныхъ евангельскому ученію вообще и православію въ частности... Не говоря уже о расколѣ, отторгшемъ издавна значительную часть отъ православной церкви, вслѣдствіе невѣжества народнаго, новыя лжеученія въ современномъ безбожномъ духѣ стремятся сбить русскій народъ съ его истиннаго пути. Для сей цѣли усиливается нынѣ распространеніе книжныхъ издѣлій, проповѣдывающихъ невѣріе и соціализмъ... Что касается до среднихъ и высшихъ классовъ русскаго общества, западнически образованныхъ, то въ средѣ ихъ немало замѣчаются отсутствіе высокихъ нравственныхъ идеаловъ, холодность къ вѣрѣ и пренебреженіе къ церковнымъ постановленіямъ. Прискорбно, что примѣръ старшихъ братьевъ русскаго народа, въ холодномъ отношеніи ихъ ко всему церковному, не можетъ не дѣйствовать соблазнительно въ извѣстной степени и на простыхъ вѣрующихъ людей. Но печальнѣе всего то, что изъ этой интеллигентной среды ведется въ народъ положительная пропаганда всякихъ идей, враждебныхъ св. церкви Божіей. Впрочемъ, въ послѣдніе годы совершился и въ этой средѣ поворотъ къ лучшему".

Двойственная оцѣнка русскаго народа, выразившаяся въ этихъ словахъ, выступаетъ на сцену далеко не впервые. Идеализація народа, какъ цѣлаго, и развѣнчиванье его, какъ суммы отдѣльныхъ единицъ — это характерная черта вообще славянофильскаго ученія, особенно въ позднѣйшемъ его видѣ. Вопреки основнымъ правиламъ логики, эпигоны славянофильства—а иногда и соприкасавшіеся съ ними, на нѣкоторыхъ пунктахъ, теоретики „властной руки" и „желѣзной рукавицы" — приписывали одному и тому же субъекту прямо противоположные, взаимно исключающіе другъ друга аттрибуты: трудолюбіе—и лѣность, нравственность—и развратъ, чистую, высокую вѣру—и грубое суевѣріе.

Идеальныя качества народа, существующія in potentia или in statu latente, служили для обоснованія теорій, построенныхъ на мнимомъ родствѣ съ „народнымъ духомъ“; нѣкоторыя изъ реальныхъ свойствъ народа, преувеличенныя и поспѣшно обобщенныя, являлись аргументомъ въ пользу практическихъ мѣръ, направленныхъ къ его ограниченію и обузданію. Превознесеніе не по заслугамъ шло рука объ руку съ чрезмѣрнымъ униженіемъ; народъ могъ бы отвѣтить своимъ цѣнителямъ и судьямъ: je n'ai pas mérité ni cet excès d'honneur, ni cette indignité! До извѣстной степени этотъ отвѣтъ примѣнимъ и къ картинѣ, нарисованной въ разбираемомъ нами отчетѣ. „Пріобрѣтеніе хлѣба въ потѣ лица“ столь же несовмѣстно съ лѣностью, какъ „стремленіе къ высшимъ идеаламъ жизни“—съ погруженіемъ въ пьянство и разгулъ, ведущій къ воровству и обману. На самомъ дѣлѣ русскій средній человѣкъ не слишкомъ бѣлъ и не слишкомъ черенъ. Изъ того, что *многіе* въ Россіи лѣнятся и пьянствуютъ, *нѣкоторые* — обманываютъ и воруютъ, еще не слѣдуетъ, чтобы лѣнился, пьянствовалъ и увлекался легкой наживой, „по свойству своего характера“, *русскій народъ*. Если изъ среды русскаго народа выходили и выходятъ подвижники, самоотверженные искатели правды, то это еще не значитъ, что всему народу—въ большей степени, чѣмъ какому бы то ни было другому—свойственно стремленіе къ „высшимъ идеаламъ жизни“... Характеристика среднихъ и высшихъ классовъ русскаго „общества“, противопоставляемыхъ „народной массѣ“, страдаетъ другимъ недостаткомъ — явною неполнотою. Неужели единственная ихъ слабая сторона—холодность къ вѣрѣ и пренебреженіе къ церковнымъ постановленіямъ? Неужели „лѣность, праздность и сонливость“ распространены въ ихъ средѣ меньше, чѣмъ въ „простомъ народѣ“? Неужели имъ чужды „пьянство и разгулъ“, чуждо „увлеченіе легкой наживой“? Развѣ различіе между общественными классами не сводится, съ этой точки зрѣнія, къ разницѣ формъ, въ одномъ случаѣ болѣе простыхъ и грубыхъ, въ другомъ — болѣе сложныхъ и утонченныхъ?.. Мы далеки отъ мысли, чтобы все русское общество состояло поголовно

изъ людей порочныхъ; мы думаемъ только, что, говоря о порокахъ, нѣтъ основанія отграничивать общество отъ народа, освобождать первое отъ обвиненій, взводимыхъ на послѣдній.

Если нравственное паденіе одинаково возможно на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, а нравственное возрожденіе — вездѣ одинаково трудно, то едва-ли можно считать наибольшей опасностью для народа увлеченіе доктринами, противными православію. Въ Россіи живутъ милліоны не-православныхъ, нравственный уровень которыхъ, въ среднемъ, едва-ли ниже того, на которомъ стоитъ большинство народа. Можно исповѣдывать любое вѣроученіе (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ немногихъ, въ основаніи которыхъ лежитъ человѣконенавистничество или явная безнравственность) — и быть полезнымъ, честнымъ гражданиномъ; наоборотъ, можно принадлежать къ господствующей церкви и быть совершенно лишнимъ или вреднымъ членомъ общества. Едва-ли, съ другой стороны, такъ велики и такъ настойчивы *усилія*, клонящіяся къ потрясенію православной вѣры. Мы *затрудняемся* понять, что̀ это за „книжныя издѣлія, проповѣдывающія невѣріе и соціализмъ“, объ усиливающемся распространеніи которыхъ говорится въ отчетѣ? Объ изданіяхъ, оффиціально допущенныхъ къ обращенію, здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи; *проповѣдь* невѣрія и соціализма, конечно, не можетъ ускользнуть отъ бдительности цензуры. Для многихъ книгъ, вовсе непричастныхъ къ такой проповѣди, но почему-нибудь не внушающихъ довѣрія, возможность широкаго распространенія устранена правилами о разносной торговлѣ и о библіотекахъ для чтенія. Что касается до изданій запрещенныхъ, то кругъ читателей ихъ всегда былъ и продолжаетъ быть весьма ограниченнымъ, далеко, притомъ не доходя до народной массы. Народъ, по словамъ отчета, ищетъ въ наукѣ „только того, что̀ близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ“; меньше всего, слѣдовательно, можетъ дѣйствовать на него проповѣдь невѣрія. Не совсѣмъ ясно и то, кѣмъ именно и какимъ образомъ *навязывается* народу просвѣщеніе, съ его „современными европейскими воззрѣніями и задачами“? Если здѣсь

имѣется въ виду земская или вообще свѣтская школа, то вѣдь посѣщеніе ея ни для кого не обязательно; громадными, постоянно растущими массами крестьянскія дѣти устремляются туда по доброй волѣ родителей, успѣвшихъ оцѣнить по достоинству заслуги свѣтской школы. *Задачи* просвѣщенія вездѣ однѣ и тѣ же; различны только средства къ достиженію цѣли, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ безусловнаго преимущества передъ другими.

IV.

РАСКОЛЪ ПОСЛѢ ЗАКОНА 3-го МАЯ 1883 года.

По словамъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1883 г. перваго со времени введенія въ дѣйствіе новаго порядка, — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи постановленія закона 3-го мая возбудили въ умахъ раскольниковъ, особенно вожаковъ ихъ, неправильную мысль, будто высшее правительство признало истинность ихъ старой вѣры и правильность ихъ обрядовъ. Наоборотъ, раскольники Смоленскіе и Самарскіе находили, что все осталось по старому, положеніе раскола вовсе не измѣнилось. Объясненіе этому послѣднему взгляду отчетъ видѣлъ въ томъ, что всѣми дарованными льготами раскольники давно и прежде фактически пользовались, хотя и подвергались нерѣдко преслѣдованію за нарушеніе дѣйствовавшихъ законовъ. Что-же это, однако, за пользованіе, которое въ каждую данную минуту могло повлечь за собою уголовное преслѣдованіе? Еслибы законъ 3-го мая оградилъ раскольниковъ *вполнѣ* отъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ они прежде *нерѣдко* подвергались, то значеніе перемѣны было бы почувствовано всѣми; равнодушное отношеніе къ ней возможно только потому, что она не признала за раскольниками—по предмету устройства молитвенныхъ зданій — никакихъ правъ, точно опредѣленныхъ и независящихъ отъ усмотрѣнія начальства. Вообразить себѣ, что правительство „празнало истинность старой вѣры“, раскольники никакъ не могли, за исключеніемъ развѣ первой минуты радостнаго удивленія; но они могли увидѣть въ законѣ 3-го мая новый, хотя и небольшой шагъ въ сторону вѣротерпимости — и этого было

достаточно, чтобы приподнять, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, завѣсу, скрывавшую отъ оффиціальнаго глаза настоящую численность раскола... „Многіе изъ заблуждающихся,—говоритъ отчетъ,—которые до сего времени прикрывались званіемъ православныхъ или единовѣрцевъ, со времени обнародованія закона 3 мая, нимало не стѣсняясь, стали заявлять, что къ установленной церкви они никогда не принадлежали". Отчетъ усматриваетъ въ этомъ, повидимому, неблагопріятный результатъ новаго закона; намъ кажется, наоборотъ, что ясное положеніе всегда лучше неяснаго, двусмысленнаго. Заявленіе, упомянутое въ отчетѣ, знаменуетъ собою не усиленіе раскола, не приращеніе числа раскольниковъ, а только открытое признаніе факта, издавна существовавшаго. Лицемѣріе, обусловливаемое страхомъ, одинаково вредно для обѣихъ сторонъ для вводимыхъ въ обманъ точно такъ же, какъ и для вводящихъ. Для сожалѣнія о томъ, что законъ 3-го мая вызвалъ, кое-гдѣ, бо́льшую откровенность со стороны тайныхъ раскольниковъ или мнимо-православныхъ, представляется тѣмъ менѣе основаній, что измѣнившееся, хотя и слегка, отношеніе къ расколу успѣло уже уменьшить непріязнь раскольниковъ къ православной церкви. Перемѣна къ лучшему была замѣтна, по словамъ отчета, во многихъ епархіяхъ, изъ которыхъ иныя (напр. нижегородская) принадлежали до тѣхъ поръ къ числу главныхъ твердынь раскола. Большую роль въ борьбѣ съ расколомъ начала играть народная школа, Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи раскольники охотно отдавали своихъ дѣтей въ общія народныя училища, между тѣмъ какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ они не хотѣли объ этомъ и слышать. Въ Казани особая школа для старообрядческихъ дѣтей обучала ихъ по старопечатнымъ книгамъ, но въ духѣ православной церкви. По справедливому замѣчанію отчета, особенно важнымъ представляется привлеченіе въ школу дѣвочекъ изъ раскольническихъ семействъ, такъ какъ грамотность въ средѣ раскола поддерживается и распространяется преимущественно женщинами. „Расколъ былъ бы потрясенъ въ самомъ основаніи,—читаемъ мы въ отчетѣ, — еслибы обученіе дѣтей въ

школахъ производилось не вновь введенною методою обученія, заучиваніемъ басенъ, сказокъ, пѣсенъ и тому подобнаго, а по книгамъ церковнаго содержанія, и не чрезъ свѣтскихъ только учителей". Фактическихъ доказательствъ этого тезиса отчетъ не приводитъ, да едва ли они и могутъ быть приведены. „Вновь введенная метода обученія" заключается не въ одномъ только заучиваніи басенъ, сказокъ и т. п.; она отнюдь не исключаетъ чтенія церковныхъ книгъ, которому въ свѣтской начальной школѣ отводится все больше и больше мѣста. Въ какое время, далѣе, началось констатируемое отчетомъ сближеніе раскольниковъ съ народной школой? *Во время безусловнаго господства земской школы*, а не въ предшествовавшую эпоху, когда въ нашихъ деревняхъ не было почти никакихъ иныхъ училищъ, кромѣ церковно-приходскихъ. И это вполнѣ понятно. Главнымъ предметомъ раскольническихъ предубѣжденій всегда служило православное духовенство. Опредѣлить своихъ дѣтей въ школу, исключительно и всецѣло руководимую священникомъ, для раскольниковъ гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣлить ихъ въ школу, во главѣ которой стоитъ хотя и православное, но свѣтское лицо. Правда, и въ земской школѣ преподаваніе ведется отчасти лицомъ духовнаго званія,— но ученики находятся подъ его вліяніемъ лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, а не каждый день, съ начала до конца ученія. Нерасположеніе раскольниковъ къ духовенству начинаетъ ослабѣвать, но до радикальной и повсемѣстной перемѣны въ чувствахъ, воспитанныхъ вѣками, еще далеко, и свѣтская школа должна сохранять, въ глазахъ большинства раскольниковъ, преимущество передъ церковно приходской... Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Саратовѣ существовала особая начальная школа, учрежденная и руководимая раскольниками безпоповщинскаго толка—и все таки дѣти, принадлежащія къ этому толку, встрѣчались и въ другихъ городскихъ школахъ, устроенныхъ на общемъ основаніи. Само собою разумѣется, что преподаваніе въ этихъ послѣднихъ школахъ было несравненно лучше, чѣмъ въ первой—и это сумѣли понять многіе изъ раскольниковъ. А между тѣмъ, въ саратовскихъ городскихъ школахъ допускалось, какъ и вездѣ, „заучиванье басенъ и сказокъ".

Отчетъ за 1884-ый годъ констатируетъ еще разъ, что въ нѣ которыхъ епархіяхъ „расколъ измѣняетъ свой вѣковой характеръ, слабѣетъ въ своемъ фанатизмѣ“. Такихъ епархій въ одномъ мѣстѣ отчета насчитывается одиннадцать, въ другомъ мѣстѣ— еще десять. Наоборотъ, особымъ упорствомъ отличаются раскольники двѣнадцати епархій Европейской Россіи, кавказской и большинства сибирскихъ. Выводы отчета основываются, однако, преимущественно на этой второй группѣ. „Между условіями, содѣйствовавшими къ поддержанію въ средѣ раскола упорства и благопріятствовавшими его распространенію“,—читаемъ мы въ отчетѣ,— „можно считать дарованіе раскольникамъ льготы, по закону 3-го мая 1883 г. Законъ этотъ, справедливый съ точки зрѣнія государственной, по заявленіямъ многихъ преосвященныхъ привелъ на практикѣ къ послѣдствіямъ, какихъ, конечно, никакъ не могло ожидать и предвидѣть правительство. Расколоучители и вожаки раскола стали указывать простецамъ на этотъ законъ, какъ на доказательство, что правительство начинаетъ сознавать правоту раскола и что нужно ожидать въ скоромъ времени полнаго признанія раскола наравнѣ съ господствующею церковью... Московскіе раскольники идутъ (въ отношеніи къ смѣлости) впереди всѣхъ другихъ. Высочайше дарованныя права и льготы развязали имъ руки, какъ будто именно для провозглашенія и приложенія къ жизни самыхъ нечестивыхъ и возмутительныхъ ученій... Можно сказать со всею справедливостью, что теперь не раскольникамъ чинятся притѣсненія, а, напротивъ, они открыто и смѣло притѣсняютъ православныхъ, особенно тѣхъ, которые обращаются изъ раскола. При всемъ томъ, однако же, старообрядцы продолжаютъ жаловаться на мнимое стѣсненіе своего положенія, почти что на гоненія, ими претерпѣваемыя. Усиленіе раскола пріурочивается иногда не только къ закону 3-го мая, но и къ другой, болѣе ранней мѣрѣ, первой въ ряду тѣхъ, которыми улучшено положеніе раскольниковъ: къ закону 19-го апрѣля 1874 г., установившему для лицъ, издавна состоящихъ въ расколѣ, особыя метрическія книги, съ цѣлью облегчить доказательство правъ попроисхожденію и имуществъ“.

Итакъ, существуетъ мнѣніе, безусловно враждебное всякимъ льготамъ по отношенію къ раскольникамъ и расколу. Отчетомъ оно не усвоивается вполнѣ, но и не отклоняется положительно и прямо. Если законъ 3-го мая повлекъ за собою вредные результаты, которыхъ „правительство не могло ни ожидать, ни предвидѣть“, то отсюда только одинъ шагъ до мысли объ отмѣнѣ или ограниченіи самаго закона. Если „снисходительное или равнодушное отношеніе гражданскихъ и судебныхъ властей къ сектаторамъ и пропагандистамъ раскола“ является одною изъ причинъ распространенія и обостренія раскола, то отсюда логически вытекаетъ необходимость возобновленія преслѣдованій, цѣлесообразность карательныхъ и полицейскихъ мѣръ въ борьбѣ съ расколомъ. Правда, законъ 3 го мая называется въ одномъ мѣстѣ отчета „справедливымъ съ государственной точки зрѣнія“—но велѣдъ затѣмъ дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ будто изданіе закона 3-го мая было ошибкой, которую теперь слѣдуетъ сначала констатировать, потомъ—исправить. Посмотримъ, прежде всего, было ли что-нибудь „неожиданное“, „непредвидѣнное“ въ результатахъ новаго закона. Каждый разъ, когда выдвигался на первый планъ вопросъ о болѣе снисходительномъ отношеніи къ расколу—а это случалось весьма часто, потому что реформа, начатая въ 1874 г. и продолженная, но не оконченная въ 1883 г., стояла на очереди уже съ первой половины шестидесятыхъ годовъ,—защитники status quo ссылались на то, что льготы, данныя раскольникамъ, будутъ истолкованы въ смыслѣ признанія раскола, равноправнымъ съ православіемъ. Этому аргументу придавалось особое значеніе; онъ считался чуть не главнымъ доказательствомъ опасности, сопряженной съ преобразованіемъ Если онъ не остановилъ законодателя, не помѣшалъ реформѣ, то какое же значеніе можетъ онъ имѣть въ настоящее время? Слухи и толки, идущіе въ разрѣзъ съ истиннымъ характеромъ закона, были предусмотрѣны заранѣе. Скажемъ болѣе — они были неизбѣжны, потому что желаемое всегда кажется возможнымъ, вѣроятнымъ, потому что человѣку свойственна наклонность вѣрить въ наступленіе того, что онъ

считаетъ необходимымъ и справедливымъ. Отъ неправильныхъ толкованій не огражденъ ни одинъ законъ, но они не должны быть разсматриваемы ни какъ препятствіе къ его изданію, ни какъ поводъ къ его отмѣнѣ. Единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ достаточное противъ нихъ средство—это опытъ, указанія дѣйствительности. Встрѣчаясь на каждомъ шагу съ стѣсненіями и преградами, убѣждаясь фактически въ живучести ограниченій, издавна тяготѣющихъ надъ расколомъ, самые легковѣрные „простецы“ изъ среды раскольниковъ не могутъ не понять, что увѣренія расколоучителей о *признаніи* раскола лишены всякой реальной основы. Нельзя же предположить, въ самомъ дѣлѣ, что раскольники лишены способности видѣть очевидное, разумѣть безспорное; нельзя же утверждать, что для нихъ недоступна и непостижима разница между терпимостью—терпимостью, притомъ, до крайности условною и далеко неполною—и настоящею религіозною свободой. Не только раскольникамъ, побывавшимъ въ одной изъ столицъ или въ одной изъ западныхъ губерній, но и раскольникамъ приволжскимъ случалось видѣть въ городахъ и селахъ лютеранскія и католическія церкви, магометанскія мечети, существующія открыто, съ крестами, куполами или минаретами, съ духовенствомъ, носящимъ костюмъ своего званія. Заключалъ ли отсюда кто-нибудь изъ нихъ, что лютеранство, католицизмъ, мусульманство стоятъ въ глазахъ правительства на одномъ уровнѣ съ православіемъ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; ничего подобнаго не приходило и не приходитъ въ голову ни раскольникамъ, ни самимъ православнымъ. Гдѣ же причина опасаться недоразумѣній по отношенію къ расколу, и теперь, несмотря на изданіе закона 3-го мая, поставленному въ положеніе гораздо менѣе благопріятное, чѣмъ иновѣрныя исповѣданія, христіанскія и даже не-христіанскія? Гдѣ причина думать, что постройка какой-нибудь часовни, не имѣющей даже внѣшняго вида молитвеннаго зданія,—постройка, на которую нужно было испросить, быть можетъ не безъ труда, предварительное разрѣшеніе начальства—возбудитъ въ средѣ раскольниковъ такія широкія

надежды, которыя никогда не соединялись съ торжественнымъ, безпрепятственнымъ открытіемъ роскошнаго иновѣрнаго храма? Мы нимало не сомнѣваемся въ томъ, что въ равноправность свою съ православными масса раскольниковъ не повѣрила бы даже и при преобразованіи гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ законъ 3-го мая. Иллюзіи, кое-гдѣ возбужденныя этимъ закономъ, не могли быть ни сильно распространены, ни продолжительны, и для разсѣянія ихъ, если онѣ не угасли еще сами собою, нѣтъ надобности ни въ движеніи назадъ, ни въ мѣрахъ строгости.

Раскольники, говорятъ намъ, „открыто и смѣло притѣсняютъ православныхъ“. Мы желали бы знать, въ чемъ именно состоятъ и гдѣ проявляются эти притѣсненія? О насильственныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ по отношенію къ православнымъ, о явномъ неуваженіи къ церкви или священникамъ, о преслѣдованіи вновь обращенныхъ изъ раскола приходится слышать до крайности рѣдко, хотя каждый поступокъ этого рода можетъ служить поводомъ къ возбужденію судебнаго дѣла, не только по усмотрѣнію полицейской или обвинительной власти, но и по жалобѣ обиженнаго или потерпѣвшаго. Весьма можетъ быть, что переходъ изъ раскола въ православіе сопряженъ иногда съ нѣкоторыми матеріальными невыгодами—съ потерей, напримѣръ, той поддержки, которую оказываютъ другъ другу послѣдователи одного и того же толка; но въ этомъ нѣтъ ничего новаго, законъ 3-го мая здѣсь рѣшительно ни причемъ. Напротивъ того, чѣмъ меньше озлобленіе раскольниковъ противъ православныхъ,—а уменьшеніе его во многихъ мѣстахъ признается, какъ мы видѣли, и отчетомъ,—тѣмъ легче обращеніе къ православію, тѣмъ спокойнѣе и удобнѣе положеніе новообращенныхъ. Гонимое ученіе всегда ревнивѣе къ твердости своихъ приверженцевъ, всегда безпощаднѣе къ тому, что оно называетъ измѣной; терпимость, оказываемая ученію, дѣлаетъ и его болѣе терпимымъ. По словамъ отчета, раскольникамъ не чинятъ теперь больше никакихъ притѣсненій. Согласиться съ этимъ можно было бы въ такомъ только случаѣ, еслибы со времени изданія новаго закона исполнялись всѣ просьбы раскольниковъ объ исправленіи, возобно-

вленіи, открытіи молитвенныхъ зданій. Законъ 3-го мая не далъ раскольникамъ, въ этомъ отношеніи, никакихъ строго опредѣленныхъ, неотъемлемыхъ правъ; онъ поставилъ ихъ въ полную зависимость отъ административнаго „усмотрѣнія“. Отказъ въ удовлетвореніи такой насущной потребности, какъ обладаніе мѣстомъ для молитвенныхъ собраній, при дѣйствіи закона 3-го мая всегда возможенъ—а пока онъ возможенъ, до тѣхъ поръ нельзя утверждать, что „раскольникамъ не чинится болѣе никакихъ притѣсненій“. Не говоримъ уже о высылкѣ раскольническихъ „поповъ“, о закрытіи раскольническихъ школъ, о неотмѣненномъ до сихъ поръ запрещеніи печатать старопечатныя книги гдѣ-либо, кромѣ московской синодальной и единовѣрческой типографій. Можно быть того или другого мнѣнія о необходимости стѣснительныхъ постановленій по отношенію къ расколу, но нельзя отрицать *существованіе* такихъ постановленій—а между стѣсненіями и притѣсненіями мы большой разницы не видимъ.

Рядомъ съ доводами въ пользу строгости въ отчетѣ идутъ доводы противоположнаго свойства, рядомъ съ сожалѣніями о бездѣйствіи администраціи и суда—восхваленія системы, довольствующейся однимъ духовнымъ оружіемъ. „По мѣрѣ того, какъ выясняется значеніе раскола, противъ него принимаются и болѣе вѣрныя мѣры. Мѣры эти разнообразны, но повсюду имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ, проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ терпимости, христіанской любви и снисхожденія къ заблуждающимся, исходятъ изъ одного общаго начала—дѣйствованія на расколъ чрезъ раскрытіе и уясненіе неправоты его и непогрѣшимой истинности православной церкви“. Разъ что это такъ—для возвращенія къ прошедшему, очевидно, нѣтъ и не должно быть мѣста; жалобамъ на „снисходительность гражданской власти“ долженъ быть положенъ конецъ, потому что она вполнѣ согласна съ „духомъ терпимости и христіанской любви“, возводимымъ на степень руководящаго начала въ борьбѣ съ расколомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если миссіонерская дѣятельность, направленная къ возсоединенію раскольниковъ съ православною церковью, не имѣла до

сихъ поръ особенно замѣтныхъ результатовъ, то это объясняется именно тѣмъ, что параллельно съ нею шли мѣры другого рода, озлоблявшія раскольниковъ и удалявшія ихъ отъ церкви. Теперь шансы успѣха мирной проповѣди, братскаго поученія значительно возрасли — и возрастутъ еще больше, когда лучше будутъ обезпечены права раскольниковъ, да и самый способъ обращенія съ ними (напр. во время такъ называемыхъ собесѣдованій) освободится отъ придатковъ, завѣщанныхъ недавнимъ прошлымъ.

Съ различными, отчасти противоположными взглядами на послѣдствія закона 3-го мая 1883 г. мы встрѣчаемся и въ отчетѣ за 1885-ый годъ—но на этотъ разъ нота, враждебная терпимости, слышится гораздо яснѣе, чѣмъ прежде. Отзывъ, прямо благопріятный закону 3-го мая, приведенъ въ отчетѣ только *одинъ*. Онъ принадлежитъ саратовскому преосвященному, по словамъ котораго „расколъ потерялъ для многихъ сектантовъ значеніе мученичества за древле-отеческую вѣру: утратилось и то обаяніе, какое имѣлъ онъ въ прежнее время, такъ какъ нынѣ послѣдователи раскола по закону не подвергаются преслѣдованіямъ со стороны представителей церковной и гражданской власти и свободны отъ всякаго рода стѣсненій и ограниченій правъ личныхъ и общественныхъ. Призванные къ правамъ гражданства, безъ различія религіозныхъ убѣжденій, именуемые старообрядцы стали входить въ общеніе съ православными и обнаруживать болѣе стремленія къ возвращенію въ лоно православной церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣпой фанатизмъ сектантства сталъ болѣе и болѣе уступать мѣсто здравому смыслу и непредубѣжденному отношенію къ православной вѣрѣ“. Другой преосвященный—тобольскій — приводитъ *факты*, изъ которыхъ можно вывести точно такое же заключеніе. Онъ сообщаетъ, что во время объѣзда епархіи онъ получилъ отъ жителей одного села—раскольниковъ-безпоповцевъ — просьбу посѣтить ихъ часовню. Его встрѣтила тамъ толпа народа, внимательно выслушала его поученіе, приняла отъ него противораскольническіе листки и провожала его на разстояніи десяти верстъ, съ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ. Такія же встрѣчи были устроены преосвя-

щенному въ двухъ другихъ раскольническихъ часовняхъ, и между раскольниками, имъ посѣщенными, началось движеніе въ пользу присоединенія къ православію на правилахъ единовѣрія. Совершенно иной характеръ имѣютъ отзывы десяти другихъ епархіальныхъ архіереевъ, приводимые въ отчетѣ. По ихъ словамъ, раскольники, послѣ изданія закона 3-го мая 1883 г., стали дѣйствовать смѣлѣе прежняго: „сооружаютъ безбоязненне моленныя, устраиваютъ алтари, разсылаютъ миссіонеровъ для совращенія православныхъ въ расколъ и нисколько не опасаются отвѣтственности за совращеніе“. Мнѣніе большинства преосвященныхъ усвоено, повидимому, и составителемъ отчета, утверждающимъ отъ своего лица, что „между раскольниками распространилось и упорно держится ложное убѣжденіе, будто правительство, сознавая правоту раскола, намѣрено признать его наравнѣ съ господствующею церковью“. Это убѣжденіе относится отчетомъ къ числу условій, „служащихъ къ поддержанію и упроченію раскола“. Въ другомъ мѣстѣ отчета дѣлается, однако, оговорка, не вполнѣ согласная съ мнѣніемъ большинства епархіальныхъ архіереевъ: *пропаганда* приписывается только *сибирскимъ* раскольникамъ (особенно томскимъ и иркутскимъ), а отличительною чертою раскола въ европейской Россіи признается лишь „упорство къ принятію просвѣтительнаго воздѣйствія церкви“. Судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ даннымъ, даже въ Сибири раскольники не такъ энергичны и воинственны, какъ можно было бы заключить изъ общей характеристики, только-что нами преведенной. Не говоря уже о пріемѣ, сдѣланномъ преосвященному тобольскому,—и въ томской епархіи раскольники сами просили викарнаго архіерея прислать къ нимъ представителя православнаго духовенства для собесѣдованія о вѣрѣ. Въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ енисейской епархіи—въ усинскомъ краѣ—упорство раскольниковъ не устояло противъ присылки въ мѣстную православную церковь иконы и напрестольнаго Евангелія, пожертвованныхъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. До тѣхъ поръ усинскіе сектанты не хотѣли брать отъ православныхъ ни одной книги—а теперь берутъ, и посылаютъ своихъ дѣтей въ право-

славную школу. Не ясно ли, что такая крупная перемѣна, происшедшая вслѣдствіе такой незначительной причины, исключаетъ возможность говорить объ ожесточенности сибирскаго раскола?

Доказательствомъ усиленія въ Сибири раскольнической пропаганды отчетъ признаетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: въ томской консисторіи производилось, въ отчетномъ году, множество дѣлъ по просьбамъ довѣренныхъ отъ разныхъ обществъ объ отчисленіи ихъ съ довѣрителями изъ православія въ расколъ, хотя они по рожденію и не принадлежатъ къ расколу. Для правильной оцѣнки этого факта необходимо имѣть въ виду, что тайныхъ раскольниковъ, т. е. именуемыхъ православными, но на самомъ дѣлѣ давно отпавшихъ отъ церкви, весьма много не въ одной только Сибири. Вотъ что сообщаетъ, напримѣръ, преосвященный уфимскій: „многіе православные, не исполняя въ теченіе пяти лѣтъ христіанскихъ обязанностей у православнаго священника, заявляютъ потомъ, что, пробывши въ расколѣ пять лѣтъ и нынѣ познавши свое заблужденіе, они желаютъ пока присоединиться къ православной церкви на правилахъ единовѣрія. По личнымъ наблюденіямъ преосвященнаго, *въ уфимской епархіи есть огромныя села, жители коихъ по документамъ именуются православными, а по сердечному убѣжденію примыкаютъ къ расколу*“. Если это такъ, если отпаденіе въ расколъ цѣлыми селами совершалось уже много лѣтъ тому назадъ, въ епархіи, не отличающейся особенно широкимъ развитіемъ раскола, то что же необыкновеннаго представляютъ собою вышеупомянутыя ходатайства томскихъ раскольниковъ? Гдѣ основаніе связывать ихъ съ закономъ 3-го мая, приписывать ихъ новымъ завоеваніямъ, сдѣланнымъ разнузданною раскольническою пропагандой? Не проще ли предположить, что въ томской губерніи, какъ и въ другихъ, сельскія общества, православныя по имени, но раскольническія на самомъ дѣлѣ, тяготятся своимъ фальшивымъ положеніемъ и пытаются промѣнять его на другое, болѣе нормальное?.. Какъ образуется на практикѣ разладъ между вѣроисповѣданіями дѣйствительнымъ и номинальнымъ—не это мы находимъ указаніе въ самомъ отчетѣ. Въ томской епархіи,

въ 1885 г., присоединилось изъ раскола къ православію четыреста человѣкъ—но, по словамъ преосвященнаго, „присоединенія происходили не по убѣжденію, а ради браковъ съ православными; присоединившіеся живутъ послѣ брака по прежнему въ расколѣ, не ходятъ въ церковь и къ православному священнику за требами не обращаются". Отъ такихъ-то мнимо-православныхъ родителей и рождаются дѣти, числящіяся православными, но въ сущности никогда не знавшія ничего, кромѣ раскола. Законъ, видящій въ нихъ безповоротно-православныхъ, ставитъ передъ ними такую дилемму: или остаться безъ всякой богослужебной организаціи, безъ всякихъ средствъ къ доказательству правъ по происхожденію и имуществу—т.-е. безъ возможности заключить законный бракъ, оформить положеніе дѣтей, наслѣдовать послѣ родственниковъ,—или продолжать тактику, выработанную ихъ предками, т.-е. вѣнчаться въ православной церкви и крестить дѣтей по православному обряду, сохраняя въ душѣ и передавая дѣтямъ непоколебимую преданность расколу. Совершенно понятно, что они тяготятся этою двойственностью, желаютъ положить ей конецъ; отсюда ходатайства, повторяющіяся несмотря на ихъ безрезультатность. Быть можетъ, ихъ стало нѣсколько больше послѣ изданія закона 3-го мая; надежда, при подобныхъ условіяхъ, воскресаетъ весьма быстро и гаснетъ весьма медленно—но нѣсколько отказовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, убѣдятъ самыхъ упорныхъ оптимистовъ, что все здѣсь осталось по прежнему. А между тѣмъ противорѣчіе, нами указанное, принадлежитъ къ числу явленій, неблагопріятныхъ не для одного только раскола. Правдѣ всегда лучше смотрѣть прямо въ глаза; отъ того, что дѣйствительный раскольникъ получитъ право называться раскольникомъ, число православныхъ на самомъ дѣлѣ не уменьшится, положеніе раскола на самомъ дѣлѣ не усилится. Наоборотъ, будетъ приподнята завѣса, скрывающая теперь часть истины, будетъ устранена одна изъ преградъ, стоящихъ на пути сближенія раскольниковъ съ православною церковью. Тайные послѣдователи раскола ускользаютъ иногда отъ вниманія противораскольнической пропо-

вѣди именно потому, что они *считаются* сынами церкви; названные своимъ настоящимъ именемъ, они сдѣлаются, наравнѣ съ другими раскольниками, предметомъ особой заботливости православныхъ миссіонеровъ. Никѣмъ не понуждаемый къ исполненію церковныхъ обрядовъ, раскольникъ скорѣе приблизится къ нимъ добровольно; не включаемый насильно въ составъ православной паствы, онъ охотнѣе вступитъ въ ея среду сознательно и свободно. Еслибы раскольники, теперь именующіеся или числящіеся православными, получили возможность открыто примкнуть къ своей сектѣ, номинальная *цифра* сектантовъ увеличилась бы, на первое время, весьма значительно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія—но истинное ихъ *число* столь же несомнѣнно стало бы клониться къ пониженію. Еще меньше неудобствъ и затрудненій представляло бы, какъ намъ кажется, разрѣшеніе мнимымъ православнымъ присоединиться къ единовѣрію. Въ случаяхъ подобныхъ тѣмъ, о которыхъ говоритъ преосвященный уфимскій, отказъ въ ходатайствѣ гарантируетъ, конечно, внѣшнюю неприкосновенность церкви, предупреждаетъ паденіе оффиціальной цифры православныхъ—но не способствуетъ ли онъ, за то, увеличенію *реальнаго* числа раскольниковъ?

Глубже вникая въ отзывы епархіальныхъ архіереевъ о послѣдствіяхъ закона 3-го мая, мы приходимъ къ убѣжденію, что они не столько противорѣчатъ одни другимъ, сколько касаются различныхъ сторонъ вопроса. „Смѣлость“, кое-гдѣ обнаруживаемая раскольниками и непріятно рѣжущая глаза оффиціальныхъ наблюдателей, есть, можетъ быть, не что иное, какъ нѣкоторая увѣренность въ настоящемъ и будущемъ, нѣкоторая бодрость духа, вытванная хотя бы и ничтожнымъ ослабленіемъ вѣкового гнета. Она можетъ выразиться въ усиленной ревности къ вѣрѣ предковъ—но можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и смягчить старинные предразсудки, уменьшить старинную вражду. Открытіе моленныхъ, устройство алтарей, ношеніе богослужебныхъ одеждъ, даже посылка миссіонеровъ—все это нисколько не исключаетъ сближенія съ церковью, примиренія съ православнымъ духовенствомъ. Очень естественно, что

раскольники стараются воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ— но столь же естественно и то, что оно дѣлаетъ ихъ болѣе воспріимчивыми къ совѣту и увѣщанію. Не даромъ же собесѣдованія съ раскольниками, которымъ справедливо придаетъ большую цѣну отчетъ оберъ-прокурора, получили широкое распространеніе именно вслѣдъ за изданіемъ закона 3-го мая. Пока борьба съ расколомъ сохраняла характеръ преимущественно внѣшній и духовенство дѣйствовало преимущественно руками свѣтской власти, трудно было ожидать, чтобы раскольники охотно шли слушать поученія православныхъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ: въ гонителѣ трудно видѣть наставника, хотя бы въ данную минуту рѣчь шла дѣйствительно *только* о наставленіи. Скажемъ болѣе: *даже теперь успѣху собесѣдованій вредитъ недостаточная обезпеченность положенія* раскольниковъ, все еще не вполнѣ увѣренныхъ въ томъ, что диспутъ не сдѣлается для нихъ преддверіемъ къ тюрьмѣ, монастырю или административной ссылкѣ. Вотъ что́ мы читаемъ, напримѣръ, въ описаніи диспута, происходившаго, въ петербургской духовной академіи. Миссіонеръ спрашиваетъ раскольника: „скажи, съ кѣмъ я буду вѣсти бесѣду?“—„Вамъ все равно,—отвѣчаетъ тотъ,—*а я не скажу, потому что могутъ пострадать мои интересы*“. Другой раскольникъ восклицаетъ изъ среды толпы: „я вышелъ бы съ вами говорить, если мнѣ выдадутъ открытый листъ“. Ему объясняютъ, что никакихъ листовъ здѣсь не выдаютъ — и онъ не принимаетъ участія въ бесѣдѣ. Въ публикѣ раздаются голоса: „Василій Филиппычъ Коняевъ хочетъ говорить, да его не пускаютъ раскольники“. Оказывается, что раскольники удерживаютъ Коняева, опасаясь для него высылки изъ Петербурга... Не всегда, съ другой стороны, представители православнаго духовенства соблюдаютъ, во время диспута, уваженіе къ противникамъ, необходимое для правильной организаціи преній. Такъ, напримѣръ, руководитель собесѣдованій, происходящихъ, каждую зиму, въ Москвѣ (на Рогожской), сравнилъ однажды старообрядцевъ съ душевно-больными, преданность ихъ своему ученію—съ бѣсноваціемъ, о которомъ говорится въ Евангеліи. Удивляться этому, впрочемъ,

едва ли можно, разъ что недостатокъ сдержанности не чуждъ, мѣстами, даже такому оффиціальному документу, какъ отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора. „Заправители и вожаки раскола,—читаемъ мы въ отчетѣ,—доселѣ пользовавшіеся неограниченнымъ довѣріемъ своихъ собратій, наконецъ поняли, что вести за собою массу темныхъ людей при помощи одного только послабленія и потворства ихъ разнообразнымъ прихотямъ—въ настоящее время невозможно, и что необходимо представить болѣе или менѣе опредѣленныя и состоятельныя основанія для ихъ вѣрованій". Огульныя обвиненія всегда несправедливы. Еслибы вліяніе раскольническихъ наставниковъ коренилось *только* въ „послабленіи и потворствѣ прихотямъ темныхъ людей", то оно давно бы уже не существовало. Въ этой средѣ, какъ и во всякой другой, искренность всегда переплеталась съ лицемѣріемъ, живая вѣра — съ обрядностью и рутиной, попеченіе о ближнихъ—съ эгоистическою заботливостью о собственныхъ интересахъ. Отрицать въ противникахъ все хорошее, объяснять ихъ образъ дѣйствій исключительно низменными побужденіями—значитъ рисковать ошибкой, почти неизбѣжной. У раскольниковъ есть цѣлая литература, цѣлый арсеналъ доводовъ и аргументовъ; какимъ же образомъ можно утверждать, что они только теперь стали прінскивать „болѣе или менѣе состоятельныя и опредѣленныя основанія для своихъ вѣрованій"?..

По справедливому замѣчанію отчета, „весьма важнымъ и могучимъ средствомъ къ противодѣйствію расколу и къ его ослабленію служитъ школьное обученіе дѣтей раскольниковъ въ православныхъ училищахъ. Благотворное вліяніе школы на подрастающее поколѣніе раскольниковъ мало уловимо, особенно въ періодъ самаго обученія, и медленно, но оно безспорно". Сомнѣніе можетъ возникнуть здѣсь только насчетъ того, какое преподаваніе болѣе пригодно къ борьбѣ съ расколомъ—то ли, которое *прямо* направлено къ этой цѣли, или то, которое ведетъ къ ней косвенно, расширяя кругозоръ ученика и развивая въ немъ истинно-религіозныя чувства? Мы узнаемъ изъ отчета, что въ одной изъ сельскихъ школъ

Саратовской губерніи, посѣщаемой, между прочимъ, дѣтьми раскольниковъ, учитель-миссіонеръ читаетъ и разъясняетъ ученикамъ тѣ мѣста старопечатныхъ книгъ, „которыя со всею силой изобличаютъ раскольническія заблужденія“; затѣмъ онъ даетъ дѣтямъ на домъ книги и брошюры полемическаго характера, опровергающія ученіе сектантовъ. Мѣстнымъ условіямъ такой образъ дѣйствій, быть можетъ, и соотвѣтствуетъ, но едва ли онъ можетъ быть рекомендованъ какъ общее правило. Раскольники только-что начинаютъ сближаться съ народной школой; обращеніе ея въ непосредственное орудіе противораскольнической пропаганды легко можетъ остановить движеніе, успѣхъ котораго зависитъ именно отъ его постепенности и неторопливости.

Судя по отчету за 1886 г., въ борьбѣ съ расколомъ все бо́льшую и бо́льшую роль играли мирныя средства. Только въ немногихъ случаяхъ продолжали быть въ ходу, повидимому, и мѣры другого рода; такъ напр., въ нижегородской епархіи благочиннымъ поручено было собрать точныя свѣдѣнія о томъ, нѣтъ ли въ приходахъ лицъ, которыя считаютъ себя раскольниками, но по метрикѣ должны быть православными. Много мѣста занимаютъ въ отчетѣ сообщенія о противораскольническихъ миссіяхъ, о собесѣдованіяхъ съ раскольниками, о привлеченіи раскольническихъ дѣтей въ общія народныя школы. По свидѣтельству преосвященнаго харьковскаго, въ селахъ, гдѣ существуютъ школы, раскольническія дѣти, обучающіяся вмѣстѣ съ православными, по выходѣ изъ школы становятся совершенно равнодушными къ родительскому старовѣрію. Преосвященный уфимскій сообщаетъ, что въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ вниманіе его главнымъ образомъ обращено на школы, гдѣ дѣти раскольниковъ обучаются совмѣстно съ православными. Законоучителямъ внушено „дѣйствовать на заблуждающихъ съ мягкостью и кротостью, не порицать передъ ними двуперстія и не осуждать читателей старопечатныхъ книгъ, а напротивъ, стараться говорить о послѣдователяхъ старыхъ обрядовъ съ снисходительностью и любовью“. Въ виду этихъ инструкцій, заслуживающихъ полнѣйшаго сочувствія, не своевременно ли было бы отказаться и

и въ оффиціальныхъ документахъ отъ выраженій, обидныхъ для раскола—напримѣръ отъ столь употребительнаго сравненія раскола съ *заразой?*... По заявленію миссіонеровъ саратовскаго братства св. Креста, раскольники охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, гдѣ законоучителями состоятъ священники, и не запрещаютъ дѣтямъ слушать уроки по закону Божію наряду съ дѣтьми православныхъ родителей и даже участвовать въ общей школьной молитвѣ. Съ неменьшею охотой въ послѣднее время раскольники посылаютъ дѣтей и въ церковно-приходскія школы; въ одной изъ такихъ школъ (Аткарскаго уѣзда) дѣтей православныхъ родителей числится 15, а дѣтей раскольниковъ—54. Въ Нижегородской губерніи открыто значительное число школъ, съ православными законоучителями и учителями, въ такихъ селеніяхъ, гдѣ это прежде было немыслимо; школы эти переполнены учащимися; даже въ Семеновскомъ уѣздѣ, знаменитомъ въ прежнее время своими скитами, теперь семнадцать православныхъ училищъ. Ошибочно было бы думать впрочемъ, что довѣріе раскольниковъ къ общей начальной школѣ—явленіе безусловно новое, зародившееся лишь въ послѣдніе годы; оно было замѣтно еще въ концѣ прошедшаго десятилѣтія, какъ естественный результатъ всего сдѣланнаго земствомъ на пользу народнаго образованія. Во всякомъ случаѣ это довѣріе растетъ непрерывно, отчасти благодаря перемѣнѣ, внесенной въ наше законодательство о расколѣ правилами 3-го мая 1883 г. О примѣненіи этихъ правилъ въ отчетѣ оберъ-прокурора за 1886 г. говорится очень мало. По прежнему замѣтно, однако, существованіе двухъ противоположныхъ мнѣній. Одно изъ нихъ приписываетъ закону 3-го мая „нѣкоторыя явленія, неблагопріятныя для православной церкви“; другое видитъ въ немъ, наоборотъ, средство къ сближенію между раскольниками и православными. Число епархій, въ которыхъ держится первое мнѣніе, повидимому, уменьшалось; въ отчетѣ за 1886 г. ихъ названо только три. До какой степени разнообразны взгляды на законъ 3-го мая, это видно, между прочимъ, изъ отношенія къ нему самихъ раскольниковъ. Въ одной и той же епархіи (пензенской) одни раскольники увидѣли въ немъ

опасность гоненій и стали искать убѣжища въ землянкахъ и подпольяхъ; другіе, основываясь на томъ же законѣ, свободно строили новыя часовни и молельни и открыто совершали крестные ходы. Огня безъ дыма не бываетъ—и потому весьма любопытно было бы узнать, что именно заставляетъ раскольниковъ относиться столь различно къ новому положенію, созданному для нихъ закономъ 3-го мая. Часто ли поступаютъ къ губернаторамъ просьбы объ исправленіи или возобновленіи существующихъ моленныхъ, и какъ великъ, въ различныхъ губерніяхъ, процентъ подобныхъ ходатайствъ, оставляемыхъ безъ удовлетворенія? Бываютъ ли случаи самовольныхъ починокъ, и если бываютъ, то почему? Не потому ли, что слишкомъ долго приходится ожидать отвѣта отъ губернскаго начальства? Много ли дано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разрѣшеній на капитальную перестройку моленныхъ и на устройство новыхъ молитвенныхъ зданій? Пока нѣтъ отвѣта на всѣ эти вопросы, до тѣхъ поръ нельзя составить себѣ точнаго понятія о практическомъ значеніи новыхъ правилъ. Характеръ ихъ—преимущественно дискреціонный; весьма немногое дозволяется ими прямо, въ большинствѣ случаевъ требуется согласіе власти, зависящее не отъ соблюденія тѣхъ или другихъ условій, а отъ усмотрѣнія. При такомъ положеніи дѣлъ возможенъ довольно широкій просторъ, возможно и крайнее стѣсненіе раскольниковъ; возможны переходы отъ одной системы къ другой, противоположной, возможны рѣзкія различія между двумя сосѣдними губерніями.

Изъ отчета за 1887 г. видно, что все больше и больше распространялось мнѣніе, по которому увеличеніе терпимости къ раскольникамъ уменьшаетъ ожесточеніе ихъ противъ православныхъ и облегчаетъ сближеніе ихъ съ церковью. Отчетъ признаетъ, что „расколъ *вообще* слабѣетъ и теряетъ прежнюю свою устойчивость. Увлеченіе расколомъ, которому въ прежнее время поддавались многіе изъ православныхъ, стало не такъ сильно. И сами раскольники во многихъ мѣстахъ въ воскресные и праздничные дни ходятъ въ церковь, молятся вмѣстѣ съ православными и не уклоняются отъ бесѣды съ ними. Многіе раскольники отдаютъ своихъ

дѣтей въ православныя школы, гдѣ они наравнѣ съ православными мальчиками слушаютъ уроки закона Божія". Правда, „во многихъ мѣстахъ расколъ остается еще въ неизмѣнно-упорномъ положеніи и сохраняетъ фанатическую непріязнь къ православію"; но это, очевидно, только исключенія изъ общаго правила. Несмотря на отдѣльныя явленія упорства и даже фанатизма,—читаемъ мы нѣсколько дальше,—„въ общемъ состояніи раскола замѣчается значительный упадокъ и ослабленіе". Это приписывается отчетомъ преимущественно дѣятельности миссіонеровъ и публичнымъ собесѣдованіямъ съ раскольниками, не остающимся безъ вліянія даже въ такой губерніи, какъ Саратовская. Въ этой губерніи „находятся во множествѣ послѣдователи едва-ли не всѣхъ раскольническихъ толковъ и сектъ. Здѣсь есть безпоповцы, съ раздѣленіемъ ихъ на поморцевъ, федосѣевцевъ, филипповцевъ, странниковъ, средниковъ, спасовцевъ или нѣтовцевъ; есть бѣглопоповцы, австрійскіе окружники и неокружники, духовные христіане или молокане, пашковцы-евангелики, субботники-караимы и талмудисты, воскресники, пріемлющіе водное крещеніе (баптисты) и непріемлющіе его; есть хлысты, голуби и скопцы; есть послѣдователи неизвѣстной, по скрытности, секты, не признающіе ни Бога, ни власти, ни таинствъ, ни іерархіи, ни внѣшней обрядности церковной. Въ селахъ, расположенныхъ по Волгѣ, почти вездѣ устроены - по большей части безъ надлежащаго разрѣшенія—молельни, снаружи имѣющія видъ православныхъ молитвенныхъ домовъ, а внутри снабженныя всѣми принадлежностями храма. Здѣсь австрійскіе попы, а иногда и лжеепископы, ничѣмъ не стѣсняясь, совершаютъ богослуженія, завлекая на оныя и православныхъ. Раскольники въ послѣднее время большею частью уклоняются отъ публичныхъ состязаній, и если являются, то болѣе молчатъ, считая для себя болѣе выгоднымъ такое положеніе". И что же, парализуется ли всѣмъ этимъ миссіонерская дѣятельность? Нисколько. По заявленіямъ миссіонеровъ, „среди саратовскихъ раскольниковъ въ настоящее время появляется менѣе нетерпимости въ отношеніи къ православной церкви, православному духовенству и православной школѣ". Болѣе яснаго

доказательства тому, что уменьшеніе стѣсненій не ведетъ къ распространенію и укрѣпленію раскола, нельзя себѣ и представить. Въ Саратовской губерніи, судя по даннымъ отчета, законъ 3-го мая 1883 г. не только примѣняется весьма широко, но даже нарушается въ пользу раскольниковъ — и все-таки расколъ теряетъ почву, больше и больше отступаетъ передъ православіемъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что настаетъ время для новаго шага впередъ въ направленіи, указанномъ законами 1874 и 1883 г.—или, по меньшей мѣрѣ, для возможно-льготнаго толкованія и примѣненія этихъ законовъ? О какихъ-либо распоряженіяхъ свѣтской власти, клонящихся къ противоположной цѣли, отчетъ не упоминаетъ; мы узнаемъ только, что съѣздъ миссіонеровъ, состоявшійся въ Москвѣ лѣтомъ 1887 г., возбудилъ цѣлый рядъ ходатайствъ, имѣющихъ въ виду возвращеніе къ репрессивной системѣ (о закрытіи московскаго преображенскаго кладбища, о преслѣдованіи раскольническихъ поповъ, носящихъ священническую одежду, о включеніи раскольниковъ въ полицейскія метрическія записи не иначе, какъ по сношеніи съ православнымъ духовенствомъ, о недопущеніи къ обращенію раскольническихъ сочиненій, печатаемыхъ на гектографѣ, и т. п.). Намъ кажется, что возбужденіе такихъ ходатайствъ мало соотвѣтствуетъ характеру миссіонерской дѣятельности, никого ни къ чему не принуждающей, а только поучающей, убѣждающей, обращающейся къ сердцу и совѣсти слушателей.

Къ 1887-му году относится слѣдующій фактъ, оглашенный въ газетной корреспонденціи: въ одной изъ деревень сызранскаго уѣзда (симбирской губерніи) раскольническое населеніе рѣшило открыть молельню и обратилось къ губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи. Разрѣшеніе, по словамъ корреспондента, „*конечно* дано не было“. Тогда раскольники обратились съ тою же просьбою къ министру внутреннихъ дѣлъ, но и тамъ успѣха не имѣли. Послѣ этихъ двухъ отказовъ раскольники рѣшили открыть молельню самовольно. Съ этою цѣлью крестьянинъ той же деревни Ковалевъ построилъ новую избу и подарилъ ее раскольническому обществу для молельни. Молельня была открыта, но не прошло и мѣсяца,

какъ ее, по распоряженію начальства, закрыли, а противъ Ковалева было возбуждено уголовное преслѣдованіе, окончившееся въ обѣихъ инстанціяхъ (т.-е. въ симбирскомъ окружномъ судѣ и въ казанской судебной палатѣ) оправданіемъ Ковалева, на томъ основаніи, что молельня была открыта не имъ, а цѣлымъ обществомъ". Въ началѣ письма корреспондентъ, очевидно, ошибся: открытіе новой моленной разрѣшается, въ силу закона 3 мая, не губернаторомъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ. Губернаторъ не могъ, слѣдовательно, отклонить ходатайство раскольниковъ, а могъ только оставить его безъ разсмотрѣнія, объяснивъ имъ, куда они должны съ нимъ обратиться. Какъ бы то ни было, фактъ отказа остается на-лицо—а между тѣмъ потребность въ моленной, безъ сомнѣнія, была очень велика, если раскольники рѣшились открыть ее самовольно. Всего характернѣе слова корреспондента: *разрѣшенія, конечно, дано не было*. Итакъ, ходатайства о примѣненіи закона 3 мая всегда, по крайней мѣрѣ въ данной мѣстности, предпринимаются безъ надежды на успѣхъ? Не служитъ ли это новымъ доказательствомъ тому, что въ сферѣ вѣротерпимости, какъ и во всѣхъ другихъ, нельзя создать ничего прочнаго на почвѣ „усмотрѣнія"?

Въ главѣ отчета за 1888 и 1889 гг. [1]), посвященной обзору духовной литературы, подробно изложено содержаніе статьи: „Пропагандисты расколовъ и сектъ предъ закономъ гражданскимъ" (напечатанной въ журналѣ: „Христіанское Чтеніе"). Авторъ этой статьи, „отличающейся жизненнымъ интересомъ", доказываетъ, „ссылаясь на авторитеты, исторію и факты изъ современной жизни, что снисходительная система дѣйствій правительства въ отношеніи расколовъ и сектъ содѣйствуетъ ихъ распространенію, а отсюда приходитъ къ заключенію о необходимости твердыхъ внѣшнихъ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ пропагандѣ раскола и сек-

[1]) Пять отчетовъ оберъ-прокурора св. Синода (за время съ 1888 по 1897 г.), обнимаютъ собою, каждый, двухлѣтній періодъ времени. Съ 1898 г. отчеты по прежнему появляются ежегодно.

тантства, не заслуживающей снисхожденія и съ государственной точки зрѣнія. Авторъ разъясняетъ также и пути, какими часто обходится гражданскій законъ, карающій преступленія противъ вѣры и церкви, и даетъ практическія указанія, какъ, въ случаѣ надобности, надежнѣе и вѣрнѣе бороться съ расколами и сектами на почвѣ гражданскаго закона". Казалось бы, что не для такихъ „указаній" существуетъ духовная журналистика; ихъ настоящее мѣсто — въ руководствѣ для полицейскихъ чиновниковъ. Кто производитъ дознанія и розыски, тому, быть можетъ, полезно знать „пути обхода" гражданскаго закона; но вѣдь не къ этой роли призвано духовенство, не ей оно должно обучаться, читая спеціально предназначенныя для него изданія. Еще важнѣе, конечно, другая, принципіальная ошибка автора. Прошедшее и настоящее, если смотрѣть на нихъ безъ предвзятой мысли, одинаково убѣждаютъ въ томъ, что распространенію сектъ и расколовъ гоненія и стѣснительныя мѣры способствуютъ гораздо больше, чѣмъ „снисходительная система дѣйствій". Основанія для такого вывода, съ особенною ясностью вытекающаго изъ всей исторіи русскаго раскола, можно найти въ самомъ отчетѣ. Отзывовъ о возрастающей смѣлости и самоувѣренности раскола мы не встрѣчаемъ въ немъ вовсе; на ряду съ „отрадными явленіями, обнаруживающимися въ большинствѣ епархій и свидѣтельствующими объ ослабленіи въ раскольникахъ нетерпимости и фанатизма", констатируется только значительная, кое-гдѣ, *устойчивость* раскола. Если принять во вниманіе, что расколъ существуетъ больше двухъ вѣковъ, а льготы, предоставленныя раскольникамъ закономъ 1883 г., къ концу отчетнаго періода находились въ дѣйствіи только шесть лѣтъ, то удивляться слѣдуетъ не тому, что расколъ продолжаетъ держаться, а тому, что онъ успѣлъ нѣсколько пошатнуться. Ничто не измѣняется столь медленно и постепенно, какъ вѣрованія, завѣщанныя предками и сросшіяся со всѣми сторонами жизни. Торопливость, въ этой сферѣ, ни къ чему привести не можетъ; еще менѣе пользы можно ожидать отъ поворота назадъ, отъ отмѣны или ограниченія только-что данныхъ разрѣшеній. Стремленіе къ такому ограниченію проглядываетъ, однако,

въ нѣсколькихъ мѣстахъ отчета. По его словамъ, „немалое значеніе для устойчивости раскола имѣетъ свободная, не стѣсняемая никакими законами религіозно-общественная жизнь раскольниковъ. Выборъ и устраненіе, по своему усмотрѣнію, разнаго рода служителей духовнымъ потребностямъ (лже-епископовъ и поповъ, наставниковъ, уставщиковъ, попечителей), безотчетность въ распоряженіи церковно-общественными суммами, отсутствіе всякаго рода формальностей, въ особенности при заключеніи браковъ, удоборасторжимость этихъ браковъ—все это составляетъ для раскольниковъ своего рода выгоды и можетъ казаться какъ бы ихъ привилегіей передъ православными. Подобною же привилегіей можетъ считаться и практикуемое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раскольниками погребеніе своихъ умершихъ не на приходскихъ кладбищахъ, а при своихъ селеніяхъ, такъ какъ благодаря этому раскольники сберегаютъ время и подвергаются меньшимъ затратамъ“. Болѣе чѣмъ сомнительнымъ кажется намъ примѣненіе къ этимъ особенностямъ раскольническаго быта понятія о *привилегіи*. Извѣстно, съ какими трудностями или даже опасностями сопряжено отправленіе обязанностей раскольническаго епископа или священника. До крайности затруднительно, иногда, даже пріисканіе лица, могущаго и желающаго принять на себя эти обязанности; „духовныя потребности“ раскольниковъ остаются, сплошь и рядомъ, вовсе безъ удовлетворенія или удовлетворяются цѣною большихъ, не для всякаго доступныхъ усилій и издержекъ. Оффиціальная „безотчетность въ распоряженіи церковно-общественными суммами“ далеко не равносильна фактической безотвѣтственности; корпоративный надзоръ часто бываетъ болѣе реальнымъ и строгимъ, чѣмъ казенный. Бракъ, заключенный раскольниками при „отсутствіи всякаго рода формальностей“, вовсе не признается бракомъ; въ глазахъ закона это только внѣ-брачное сожительство, которое и для православныхъ не обставлено никакими формальностями. Для дѣйствительности раскольническаго брака законъ 17-го апрѣля 1874 г. установляетъ условія отнюдь не менѣе формальныя, чѣмъ требуемыя православною церковью. Оффиціально оглашенный и записанный въ надлежащую

книгу, бракъ раскольниковъ, какъ и всякій другой, перестаетъ быть „удобораспоржимымъ“. Не думаемъ, наконецъ, чтобы сами раскольники особенно цѣнили „привилегію“ хоронить своихъ покойниковъ вдали отъ церкви или моленной, въ мѣстѣ неосвященномъ, не имѣющемъ видимыхъ признаковъ *божьей нивы*. Допустимъ, однако, что все это привилегіи, и притомъ привилегіи, способствующія устойчивости раскола; слѣдуетъ ли отсюда, что онѣ должны быть отмѣнены или ограничены? Необходимо ли, возможно ли, напримѣръ, предварительное утвержденіе раскольническихъ поповъ, уставщиковъ, наставниковъ и т. п.? Противъ него возстали бы, прежде всего, наиболѣе ревностные гонители раскола; оно было бы, въ ихъ глазахъ, равносильнымъ оффиціальному признанію раскола, уравненію его съ иновѣрными исповѣданіями. Тотъ же самый аргументъ былъ бы выставленъ и противъ правительственнаго контроля надъ хозяйствомъ раскольническихъ моленныхъ, противъ устройства особыхъ раскольническихъ кладбищъ, противъ вѣнчанія раскольниковъ ихъ собственными попами, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, обязательныхъ для православнаго духовенства. Для уничтоженія „привилегій“ оставался бы, затѣмъ, только одинъ путь: систематическое неутвержденіе лицъ, представляемыхъ раскольниками для занятія разныхъ должностей въ ихъ духовной іерархіи, и систематическое требованіе, чтобы раскольники вѣнчались въ православныхъ церквахъ, хоронили умершихъ на православныхъ кладбищахъ. Другими словами, оставалось бы лишь возвратиться къ порядку вещей, существовавшему до изданія законовъ 1874 и 1883 гг., и отказаться, этимъ самымъ, отъ всѣхъ благотворныхъ плодовъ примирительной системы.

Кромѣ такъ-называемыхъ привилегій, поддержанію раскола способствуютъ, по словамъ отчета, еще раскольническіе скиты, сборища на могилахъ дорогихъ раскольникамъ усопшихъ, пропаганда раскольническихъ лжеархіереевъ, лжесвященниковъ и миссіонеровъ, богатство нѣкоторыхъ раскольниковъ, строящихъ моленныя и поддерживающихъ ихъ благолѣпіе, и, наконецъ, вліяніе, заимствуемое раскольниками отъ занимаемыхъ ими общественныхъ должностей.

Пропаганда раскола, и по дѣйствующему закону составляющая преступленіе, преслѣдуется, вѣроятно, съ такою же строгостью, какъ и распространеніе всякаго другого не-православнаго ученія; все остальное является естественнымъ выраженіемъ терпимости, дарованной расколу. Разъ что допущено существованіе моленныхъ и скитовъ, они не могутъ не привлекать къ себѣ набожныхъ людей изъ среды раскольниковъ, не могутъ не быть центральными пунктами для сбора пожертвованій. Разъ что раскольники пользуются свободой передвиженія, совершенно неизбѣженъ большой ихъ притокъ къ мѣстамъ особенно ими чтимымъ. Разъ что дозволено избраніе раскольниковъ въ общественныя должности, избранные не могутъ не пользоваться почетомъ и властью, сопряженными съ должностью. Предупредить послѣдствія можно не иначе, какъ удаливъ причину; чтобы положить конецъ явленіямъ, указаннымъ въ отчетѣ, нужно было бы наложить запретъ на моленныя, закрыть скиты, устранить раскольниковъ изъ числа лицъ, могущихъ быть избираемыми на общественныя должности. И здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся опять съ тою же дилеммой: или поворотъ назадъ, или признаніе новаго порядка, со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями... „Лжеіерархія австрійскаго священства—читаемъ мы въ отчетѣ—уподобляется православной іерархіи и имѣетъ въ своемъ составѣ лжеархіереевъ, лжепоповъ и лжедіаконовъ, которые при богослуженіи нисколько не отличаются, по внѣшнему виду, отъ православнаго священства; они одѣваются въ такія же ризы, какъ и православные, или даже гораздо лучшія, носятъ длинные волосы, совершаютъ литургіи и другія богослуженія; часовни у нихъ украшены богатыми иконами въ серебряныхъ ризахъ; есть даже моленныя, имѣющія видъ православной церкви и украшенныя богатыми иконостасами". Что же, слѣдуетъ ли приказать представителямъ лжеіерархіи обстричься, снять нарядныя ризы, спрятать богатыя иконы? Все это дѣлалось много разъ, и дѣлалось съ такою основательностью, о которой едва-ли можетъ быть рѣчь въ наше время (припомнимъ хотя бы исторію иргизскихъ монастырей)—и расколъ не только держался, но продолжалъ расти, между тѣмъ какъ теперь замѣ-

чается противоположное явленіе. Въ самой роскошной моленной, въ виду самыхъ блестящихъ иконъ и ризъ, сердца раскольниковъ едва-ли бьются такой горячей любовью къ своему ученію и своей религіозной общинѣ, такою готовностью все для нихъ принести въ жертву, какою они бились въ бѣдныхъ избахъ, наскоро обращенныхъ въ мѣсто молитвы, при ежеминутномъ ожиданіи полицейскаго погрома...

Въ виду того, что въ нѣсколькихъ отчетахъ почти не было рѣчи о смѣлости, внушаемой раскольникамъ дѣйствіемъ закона 3 мая 1883 г., можно было думать, что мнѣніе о вредѣ терпимости окончательно отошло въ прошедшее и что никто не стоитъ болѣе за возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ и пріемамъ. Отчетомъ за 1890 и 1891 гг. это предположеніе не оправдывается. Законъ 3-го мая 1883 г. опять выставляется, съ разныхъ сторонъ, источникомъ зла, причиною обостренія раскола. По заявленію преосвященнаго тобольскаго, „расколъ чрезвычайно поднялъ голову и потерялъ всякую мѣру сдержанности, въ особенности съ изданія закона 3-го мая. Превратно понимая этотъ законъ и давъ ему слишкомъ широкое толкованіе—въ смыслѣ полнаго разрѣшенія дѣйствовать среди православныхъ всѣми способами въ свою пользу,—руководители раскола возмнили, что симъ закономъ имъ дозволено почти все, и потому почти открыто повели обширную пропаганду раскола“. „Нынѣшніе расколоучители,—говорится, далѣе, уже въ видѣ общаго тезиса, не пріуроченнаго къ какой-нибудь отдѣльной мѣстности,—ложно истолковывая законъ 3-го мая 1883 г., мало заботятся о сохраненіи въ тайнѣ своей пропагандистской дѣятельности. По мѣстамъ же, напримѣръ въ епархіяхъ смоленской, самарской и особенно уфимской, раскольническая пропаганда ведется совершенно открыто и безбоязненно... Между нынѣшними раскольниками, благодаря ложно понятому ими закону 3-го мая 1883 г., укоренилось убѣжденіе, что расколу предоставлена особая свобода дѣйствій и никто не имѣетъ права ни стѣснять, ни ограничивать этой свободы. Это же ложное убѣжденіе относительно свободы дѣйствій и правъ раскола сектанты стараются внушить и православнымъ, особенно слабымъ въ вѣрѣ, въ видахъ привлеченія послѣд-

нихъ на свою сторону. Къ сожалѣнію, настойчивое распространеніе такихъ ложныхъ взглядовъ на счетъ правъ раскола является одною изъ дѣйствительнѣйшихъ причинъ устойчивости раскола. Это съ особенною силою обнаруживается тамъ, гдѣ мѣстныя свѣтскія власти не только не содѣйствуютъ, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, православнымъ миссіонерамъ въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, но обнаруживаютъ или равнодушіе, или потворство послѣднему". Не вполнѣ понятнымъ кажется намъ самый фактъ, указываемый въ вышеприведенныхъ словахъ отчета. Въ законѣ 3-го мая 1883 г. нѣтъ ни одной статьи, которая, даже съ величайшей натяжкой, могла бы быть истолкована въ смыслѣ предоставленія расколу, какъ *вѣроученію, особой* или вообще какой бы то ни было свободы дѣйствій. Раскольникамъ, *какъ гражданамъ*, дана свобода передвиженія и торговли, дано равное съ православными право на занятіе, по выборамъ, общественныхъ должностей; но во всемъ томъ, что касается ихъ *вѣроисповѣданія* и *богослуженія*, они не могутъ сдѣлать ни шага безъ разрѣшенія администраціи. Яснымъ для всѣхъ и каждаго признакомъ неполноправности раскола является, самая необходимость *просить* о томъ, что для другихъ составляетъ безспорное право. А запрещеніе „публичнаго оказательства" раскола—развѣ оно совмѣстимо съ предположеніемъ о *свободѣ дѣйствій* и *правахъ* раскола? Развѣ не возникаютъ вновь уголовныя преслѣдованія раскольниковъ за противозаконное открытіе моленныхъ, за совращеніе православныхъ? Допустить можно только одно—что эти преслѣдованія возбуждаются не столь часто и ведутся не столь энергично, какъ того желали бы сторонники традиціонной политики по отношенію къ расколу.

Много разъ повторенныя, настойчивыя указанія на ложное толкованіе закона 3-го мая могутъ имѣть двоякую цѣль: побудить свѣтскую власть къ болѣе усердному пользованію правами, принадлежащими ей въ силу закона—или выставить на видъ недостаточность закона, подготовить его пересмотръ, въ смыслѣ ограниченія „льготъ", предоставленныхъ расколу. Первая цѣль выска-

зана совершенно ясно въ тѣхъ словахъ отчета, которыя заключаютъ въ себѣ упрекъ свѣтскимъ властямъ за „равнодушіе или потворство расколу“; но и вторая цѣль не чужда, повидимому, той сферѣ, взгляды которой выражаются въ отчетѣ. Къ этому выводу насъ приводятъ въ особенности постановленія второго съѣзда противораскольническихъ и противосектантскихъ миссіонеровъ, состоявшагося въ Москвѣ въ 1891 г. „Много вниманія,—читаемъ мы въ отчетѣ,— посвящено было съѣздомъ на разсмотрѣніе вопроса о степени вреда каждой изъ раскольническихъ сектъ прежде всего въ отношеніи церкви православной, а затѣмъ и государства. Степень вреда сектъ раскольническихъ съѣздъ опредѣлилъ по легкости совращенія въ извѣстную секту православныхъ и по трудности возвращенія изъ секты въ православіе, а также по свойству вліянія секты на нравственное состояніе совращаемыхъ и ихъ отношеніе къ православной церкви и государству. Съ этой точки зрѣнія важнѣйшими изъ раскольничьихъ сектъ признаны секты *австрійская, федосѣевцевъ и странниковъ*“. Итакъ, предлагается новое и весьма значительное расширеніе понятія о сектахъ особенно вредныхъ,—другими словами, новое и весьма существенное ограниченіе правъ, охватывающее сотни тысячъ или, вѣрнѣе, милліоны русскихъ гражданъ. Приравнять раскольниковъ-австрійцевъ и федосѣвцевъ къ скопцамъ—значило бы не только лишить ихъ свободы передвиженія и права общественной службы, но и признать преступленіемъ, уголовно-наказуемымъ, самый фактъ принадлежности къ данной сектѣ. Вотъ участь, которой московскій съѣздъ желалъ бы подвергнуть наиболѣе многочисленную группу раскольниковъ — группу наименѣе далекую, по своему ученію, отъ православной церкви и даже въ прежнее время не причислявшуюся къ особенно вреднымъ. Объясняется это, какъ намъ кажется, ошибкою въ исходной точкѣ съѣзда. Вредъ, приносимый ученіемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ быть соразмѣряемъ съ легкостью усвоенія этого ученія и съ приверженностью къ нему тѣхъ, кто его усвоилъ. Послѣдователи австрійскаго согласія, въ особенности если они принадлежатъ къ нему по рожденію и вос-

питанію и вовсе не думаютъ о дальнѣйшей его пропагандѣ, отнюдь не виноваты въ томъ, что оно привлекаетъ къ себѣ нетвердыхъ въ вѣрѣ православныхъ, и привлекаетъ настолько сильно, что затрудняетъ возвращеніе ихъ къ православію. Съ точки зрѣнія уголовнаго права и уголовной политики все это совершенно безразлично, потому что не измѣняетъ самаго характера секты, не вліяетъ на отношеніе ея къ церкви и государству. Говорить о вредѣ ученія, какъ объ основаніи къ гражданскимъ правоограниченіямъ и уголовнымъ карамъ, можно только тогда, когда оно прямо ведетъ къ преступнымъ или безнравственнымъ дѣйствіямъ — безнравственнымъ въ такой мѣрѣ, которою оправдывалась бы репрессія со стороны свѣтской власти. Вѣковой опытъ показалъ, что внѣ этихъ условій преслѣдованіе *ученія* никогда не приводитъ къ желанной цѣли.

Внѣшняя форма отзывовъ о расколѣ отличается въ отчетѣ, по прежнему, большою рѣзкостью. „Характеристическими чертами современнаго раскола *въ его массѣ* (курсивъ подлинника) остаются тьма, невѣжество и загрубѣлая косность мысли, поражающая крайней нетерпимостью, обманъ, лукавство, мелочность, пустота. Такова именно масса раскола, таковы и его вожди-рукодители, въ буквальномъ смыслѣ *слѣпіи*, но съ инстинктами и страстями хищныхъ волковъ“... Въ новгородской епархіи „едва ли можно найти въ раскольническихъ семействахъ дѣвицу, которая сохранила бы себя до совершеннолѣтія и замужества“... „Томскіе раскольники, не считая ложь въ отношеніи къ православнымъ грѣхомъ для себя, нерѣдко сочиняютъ слезныя жалобы на мнимое насиліе ихъ совѣсти и стѣсненіе свободы въ отправленіи богослуженія по ихъ обрядамъ“. Такія выраженія, какъ „мѣстности *зараженныя* расколомъ, „*пресловутое* рогожское кладбище“, „*заманчивыя* для темнаго простого народа *сѣти*, раскинутыя расколомъ“, „*фарисейство*“, „*разнузданность*“, „*жалкіе владыки*“—встрѣчаются весьма часто. Замѣчательно, однако, что въ одномъ мѣстѣ отчета раскольники являются не въ столь мрачномъ свѣтѣ, какъ въ остальныхъ. Задаваясь вопросомъ, „въ чемъ за-

ключаются причины устойчивости раскола", отчетъ признаетъ, что расколъ „имѣетъ для своихъ послѣдователей какія-то приглядныя, привлекательныя стороны, и посему удерживаетъ ихъ въ своихъ обольстительныхъ сѣтяхъ. По словамъ преосвященнаго пермскаго, расколъ нерѣдко привлекаетъ очень религіозныхъ людей хотя неправильнымъ, но внимательнымъ, настойчивымъ обученіемъ христіанина по всѣмъ его должностямъ и обязанностямъ". Въ отчетѣ преосвященнаго вологодскаго заявляется, что „видимо строгая жизнь" раскольниковъ (вмѣстѣ съ другими причинами) „дѣлаетъ расколъ привлекательнымъ не только для послѣдователей его, но и для православныхъ. Православные часто, особенно подъ старость, переходятъ въ старую вѣру, полагая при этомъ, что они какъ бы вступаютъ на высшую ступень жизни, въ родѣ монашества". „Внимательное, настойчивое обученіе обязанностямъ христіанина" едва ли совмѣстно съ „обманомъ и лукавствомъ", при господствѣ которыхъ едва ли была бы мыслима и „строгая жизнь", импонирующая не однимъ только единомышленникамъ, но и постороннимъ наблюдателямъ... Справедливость огульныхъ порицаній, направленныхъ противъ *массы* раскольниковъ, возбуждаетъ невольное сомнѣніе уже потому, что *масса* всегда и вездѣ ближе къ среднему уровню, чѣмъ къ какой-либо крайности. *Невѣжественной* масса безспорно можетъ быть, потому что это зависитъ отъ внѣшнихъ, историческихъ условій; но лживыми, лукавыми, мелочными, пустыми, недобросовѣстными бываютъ только отдѣльные люди. Если ученіе исповѣдуется сколько-нибудь значительнымъ числомъ лицъ, если оно не содержитъ въ себѣ, слѣдовательно, ничего противнаго основнымъ свойствамъ человѣческой природы, оно не можетъ низводить *всѣхъ* или почти всѣхъ своихъ послѣдователей на низшій уровень нравственности. Въ самомъ содержаніи наиболѣе распространенныхъ раскольническихъ вѣрованій нѣтъ, притомъ, ничего такого, чѣмъ можно было бы объяснить поголовное нравственное паденіе. Слишкомъ обобщенныя, слишкомъ далеко идущія укоризны—едва ли лучшее средство побудить раскольниковъ къ сближенію съ церковью. Къ причинамъ устойчивости раскола отчетъ относитъ,

прежде всего, давность его существованія: „приверженцы его, по справедливому замѣчанію преосвященнаго полоцкаго, сжились съ нимъ, привыкли считать себя чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ православія, выработали себѣ свой особый строй и складъ жизни, тѣсно связанный съ религіозными воззрѣніями, и имъ трудно уже отстать отъ того, въ чемъ они родились, и что всосали съ молокомъ матери. Весьма обычна среди раскольниковъ, едва ли не каждой епархіи, фраза: въ какой вѣрѣ мы родились, въ той и помереть должны". Изъ этихъ безспорныхъ фактовъ вытекаютъ два столь же безспорныхъ заключенія: если раскольникамъ дорога вѣра предковъ, то меньше всего они могутъ быть поколеблены въ ней рѣзкимъ ея хуленіемъ—и если устойчивость раскола обусловливается его давностью, то нельзя и ожидать быстраго его ослабленія, нельзя обращать „упорство" раскольниковъ въ аргументъ противъ закона 3-го мая 1883 г.

Сравнительно съ давностью раскола, всѣ остальныя причины его устойчивости, перечисляемыя въ отчетѣ, имѣютъ весьма второстепенное значеніе. Объ одной изъ нихъ уже упомянуто выше, при разборѣ отчета за 1888 и 1889 гг. Это—„свобода общественной жизни" раскола, дающая раскольникамъ будто бы *привилегію* передъ православными: „выборъ и устраненіе ими самими разнаго рода лицъ, служащихъ ихъ духовнымъ потребностямъ, безконтрольное распоряженіе средствами, собираемыми при общественныхъ богомоленіяхъ, отсутствіе оффиціальности въ отношеніяхъ между паствой и пастырями, отсутствіе формальностей, особенно при заключеніи браковъ, удобораторжимость браковъ". Право выбора священниковъ болѣе чѣмъ уравновѣшивается постоянною опасностью потерять ихъ, а часто и трудностью ихъ пріисканія (въ особенности у бѣглопоповцевъ, „крайне затруднительное положеніе" которыхъ констатируется и отчетомъ). „Безконтрольное распоряженіе средствами"—если и допустить, что контроль самихъ плательщиковъ имѣетъ характеръ исключительно номинальный—привлекательно только для самихъ распоряжающихся, которыхъ всегда немного, и ужъ конечно нисколько не симпатично для всѣхъ остальныхъ. „Отсутствіе оффи-

ціальности въ сношеніяхъ между пастырями и паствой" если и не всегда существуетъ, то должно существовать и въ сношеніяхъ между православнымъ священникомъ и его прихожанами. Объ отсутствіи формальностей при заключеніи раскольническихъ браковъ и о ихъ удобораторжимости можетъ быть рѣчь только до тѣхъ поръ, пока они вовсе не являются *браками* съ точки зрѣнія закона; въ противномъ случаѣ они подчинены столь же строгимъ формамъ и столь же неудобораторжимы, какъ и браки, заключаемые по правиламъ православной церкви.

„Самую привлекательную, соблазнительную сторону раскола" составляетъ, по словамъ отчета, „существующая среди раскольниковъ взаимопомощь". Еслибы подъ этимъ именемъ разумѣлась поддержка, постоянно, во всѣхъ случаяхъ жизни, встрѣчаемая каждымъ раскольникомъ со стороны всѣхъ другихъ, еслибы взаимопомощь была чѣмъ то въ родѣ братскаго общенія и единенія, о которомъ мечтаютъ вѣрящіе въ лучшее будущее, тогда притягательная ея сила могла бы бть очень велика, хотя все же едва ли равнялась бы могуществу традиціи, унаслѣдованной отъ предковъ. Не эту форму взаимопомощи, однако, имѣетъ въ виду отчетъ: онъ говоритъ о подачкахъ, раздаваемыхъ богачами, о кабалѣ, въ которой послѣдніе держатъ бѣдняковъ, о разныхъ видахъ матеріальной зависимости, являющейся средствомъ удержанія въ расколѣ колеблющихся его приверженцевъ и совращенія въ расколъ православныхъ. Отрицать существованіе и силу подобныхъ вліяній нельзя; но что же въ нихъ „привлекательнаго и соблазнительнаго"? Вѣдь это только разновидность эксплуатаціи, отъ которой вообще страдаетъ наше крестьянство. Въ дѣйствительность подкупа, какъ цемента, которымъ держится зданіе раскола, можно было бы повѣрить, еслибы раскольниковъ было нѣсколько тысячъ или хотя бы нѣсколько десятковъ тысячъ; но подкупать милліоны нельзя, да и незачѣмъ, такъ какъ ихъ связываетъ съ расколомъ могущественная формула: „въ какой вѣрѣ мы родились, въ той и помереть должны"... Далеко не лишена значенія, наконецъ, послѣдняя изъ причинъ устойчивости раскола, указываемая отчетомъ:

„умственная темнота“ раскольниковъ. Просвѣщеніе вообще распространено въ нашемъ народѣ очень слабо; большинство раскольниковъ не возвышается, въ этомъ отношеніи, надъ массой, а въ мѣстностяхъ, гдѣ раскольники чуждаются народной школы—даже ей уступаетъ. Съ полнымъ основаніемъ отчетъ возлагаетъ большія надежды на школу, какъ на средство сближенія между раскольниками и православными; едва ли только церковно-приходской школѣ принадлежитъ, съ этой точки зрѣнія, какое-либо особое преимущество передъ школами другого типа. Мы узнаемъ изъ отчета, что въ церковныхъ школахъ обучается сравнительно меньше раскольниковъ и сектантовъ, чѣмъ въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ. Отчетъ объясняетъ это отчасти тѣмъ, что „церковная, въ своемъ возрожденномъ видѣ, школа существуетъ очень недавно, въ сравненіи со школами другого типа“, отчасти тѣмъ, что „раскольники и сектанты предчувствуютъ миссіонерскую ея силу, хотя и плѣняются строемъ ея жизни“. Первое изъ этихъ двухъ объясненій едва ли правильно, такъ какъ изъ недавняго существованія церковно-приходскихъ школъ логически вытекаетъ лишь *абсолютно*, но не *сравнительно* меньшее число учащихся въ нихъ раскольниковъ; второе объясненіе очень правдоподобно—но именно потому и нельзя разсчитывать, для борьбы съ расколомъ, на *одну* только церковную школу. Внушая раскольникамъ меньше опасеній, свѣтская начальная школа можетъ привлечь къ себѣ больше дѣтей изъ раскольническихъ семействъ—а уменьшенію религіозной розни способствуетъ самый фактъ совмѣстнаго обученія раскольниковъ и православныхъ, въ какой бы школѣ оно ни происходило.

Отчетъ за 1892 и 1893 г.г. даетъ немало фактовъ, свидѣтельствующихъ о примирительномъ настроеніи раскольниковъ. Въ екатеринославской епархіи „раскольники пропагандой не занимаются, живутъ съ православными въ мирѣ, отдаютъ дѣтей своихъ въ школы и среднія учебныя заведенія“. Въ литовской епархіи они „не чуждаются православныхъ, посылаютъ дѣтей своихъ въ церковно-приходскія школы, заходятъ и въ церкви, въ житейскихъ

разныхъ обстоятельствахъ обращаются къ православнымъ священникамъ". Въ псковской епархіи „раскольники особеннаго фанатизма по отношенію къ православной церкви не проявляютъ", хотя и избѣгаютъ общенія и единенія съ нею. Въ херсонской епархіи раскольники „къ православію не враждебны и крайнихъ взглядовъ своихъ ничѣмъ не обнаруживаютъ". Въ концѣ главы о расколѣ сдѣланъ слѣдующій общій выводъ: „совмѣстныя усилія высшей церковной власти, епархіальныхъ начальствъ, братствъ, миссіонеровъ и всего вообще духовенства видимо не остаются безъ успѣха. Конечно, ничему иному нужно приписать тѣ утѣшительныя вѣсти, которыя все чаще и чаще въ послѣднее время стали появляться изъ разныхъ, и даже очень многихъ, епархій, что расколъ начинаетъ ослабѣвать въ своемъ упорствѣ и фанатизмѣ, выходитъ изъ своей замкнутости и дѣлается доступнѣе просвѣтительному вліянію со стороны православной церкви... Многіе раскольники охотно начинаютъ посѣщать собесѣдованія, благодарятъ миссіонеровъ за ихъ трудъ, сами приглашаютъ ихъ для бесѣдъ... Нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ раскольническихъ вождей состоятъ даже въ дружественной перепискѣ съ миссіонерами, посвященной мирному рѣшенію спорныхъ вопросовъ".

Все это, казалось бы, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что законъ 3-го мая по меньшей мѣрѣ не затрудняетъ, а можетъ быть и облегчаетъ борьбу съ расколомъ. Не таково, однако, заключеніе, къ которому приходитъ отчетъ. И раньше, даже въ то время, когда изъ епархій слышались только утѣшительные отзывы о слабѣющей энергіи раскола, въ отчетахъ проводилась мысль о необходимости новыхъ стѣсненій, о вредѣ „свободной религіозно-общественной жизни раскольниковъ". Не совсѣмъ яснымъ оставалось только одно—*какъ* предполагается парализовать этотъ вредъ: путемъ ли болѣе строгаго примѣненія закона и устраненія неправильныхъ толкованій, которымъ онъ подвергается со стороны раскольниковъ, или путемъ измѣненія самаго закона, въ смыслѣ возвращенія къ прежнему порядку. Восторжествовалъ, повидимому, послѣдній взглядъ. „Нѣкоторыя льготы, дарованныя раскольникамъ,—читаемъ мы въ

отчетѣ,—понимаются ими въ превратномъ смыслѣ и, при такомъ пониманіи, служатъ къ большему утвержденію ихъ въ расколѣ, а по отношенію къ православнымъ — и нѣкоторымъ средствомъ къ совращенію въ расколъ". Къ числу такихъ льготъ отчетъ относитъ: 1) освобожденіе раскольниковъ отъ всякихъ сборовъ и платы на содержаніе православнаго духовенства, а также отъ разныхъ раскладокъ и повинностей на построеніе церквей и домовъ для священно-церковно-служителей, при чемъ большія матеріальныя выгоды оказываются на сторонѣ раскольниковъ, чѣмъ на сторонѣ православныхъ, и 2) полную безнаказанность раскольниковъ за сводныя сожительства, которыя большею частью никуда не записываются, никѣмъ не контролируются, при которыхъ часто не разбирается ни родства, ни совершеннолѣтія, и возможны самовольные разводы и перемѣны сожительницъ. Все это, по словамъ отчета, „составляетъ значительную приманку для слабыхъ, не утвержденныхъ въ православной вѣрѣ душъ, преданныхъ чувственности и матеріальнымъ интересамъ. Дозволеніе раскольникамъ, особенно австрійскаго толка, совершать въ своихъ молельняхъ литургію и обряды таинствъ ведетъ нерѣдко, особливо въ мѣстахъ удаленныхъ отъ православнаго храма, къ ложному представленію въ народѣ о равноправности раскольничьихъ молеленъ съ православными храмами". Не высказанный прямо, но логически вытекающій отсюда выводъ ясенъ: нужно воспретить раскольникамъ совершеніе богослуженія въ ихъ молельняхъ—т.-е. отмѣнить важнѣйшую часть закона 3-го мая 1883 г.; нужно подвергать раскольниковъ уголовной карѣ за внѣбрачное сожительство, для лицъ другихъ исповѣданій не составляющее уголовно-наказуемаго проступка; нужно привлечь раскольниковъ къ участію въ расходахъ на содержаніе православнаго духовенства, т.-е. отступить если не отъ буквы, то отъ смысла дѣйствующихъ узаконеній о расколѣ. Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ взятыя, клонились бы къ возстановленію системы, осужденной вѣковымъ опытомъ—системы, дѣйствовавшей съ неумолимою послѣдовательностью въ продолженіе многихъ десятилѣтій и не только не искоренившей расколъ, но способствовавшей его укрѣпленію. На

почвѣ, созданной законами 1874 и 1883 г. и вообще измѣнившеюся политикою правительства по отношенію къ расколу, началось — какъ это признано и признается оффиціально — сближеніе раскола съ церковью и духовенствомъ, о которомъ четверть вѣка тому назадъ не было и не могло быть и рѣчи. Если оно не достигло значительныхъ размѣровъ, то конечно не потому, что чрезчуръ ослаблены стѣсненія, тяготѣвшія надъ расколомъ, а потому, что слишкомъ еще мало времени прошло послѣ поворота — далеко, притомъ, неполнаго — на новую дорогу. Въ эпоху безусловно-строгаго отношенія къ расколу, полицейскія и вообще свѣтскія средства борьбы оттѣсняли на задній планъ мѣры увѣщанія и вразумленія; широкую организацію онѣ получили только въ послѣднія десятилѣтія. По словамъ отчета, наиболѣе могущественнаго противодѣйствія расколу слѣдуетъ ожидать отъ школы — а давно ли оживилась и разрослась наша начальная школа, давно ли духовенство стало играть въ ней активную роль, давно ли она стала побѣждать недовѣріе раскольниковъ? Эта побѣда была ли мыслима при прежней ненависти раскольниковъ противъ духовенства и всѣхъ православныхъ?...

Въ числѣ мѣръ, проектированныхъ, въ отчетномъ періодѣ, съ цѣлью искорененія раскола, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующая: вмѣненіе въ обязанность лицамъ, занимающимся веденіемъ раскольническихъ метрикъ, чтобы они не записывали браковъ раскольничьихъ, не получивъ отъ приходскаго священника свѣдѣнія, что лица брачущіяся не суть православныя. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта мѣра, ничуть не способствуя ослабленію раскола, уменьшила бы только число зарегистрованныхъ раскольничьихъ браковъ, къ явному вреду для правильной семейной жизни и для подростающихъ поколѣній. И теперь одна изъ причинъ, ограничивающихъ, на практикѣ, дѣйствіе закона 19 апрѣля 1874 г., заключается въ томъ, что онъ не распространяется на лицъ *значащихся* православными (хотя, можетъ быть, никогда къ православной церкви не принадлежавшихъ). Въ случаѣ принятія мѣры, упомянутой выше, затрудненіе вступить въ

бракъ увеличилось бы даже для лицъ, никогда православными не числившихся, потому что имъ пришлось бы обращаться съ просьбою о выдачѣ удостовѣренія къ чуждому для нихъ представителю господствующаго исповѣданія.

Безпоповцевъ, наравнѣ съ молоканами, пашковцами, штундистами и жидовствующими, отчетъ признаетъ подлежащими изъятію изъ дѣйствія закона 3 мая 1883 г., съ воспрещеніемъ имъ не только постройки вновь молитвенныхъ домовъ, но и всякихъ вообще молитвенныхъ собраній, а также принятія въ услуженіе православныхъ, по крайней мѣрѣ не достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія, и покупки и аренды въ большихъ количествахъ земельныхъ участковъ. Предлагается также закрыть имъ доступъ къ должностямъ сельскихъ старостъ, писарей, старшинъ, судей и сотскихъ, на томъ основаніи, что сектанты, занимающіе общественныя должности, нерѣдко притѣсняютъ православныхъ и помогаютъ ихъ совращенію. Желательно было бы знать, были ли подобные случаи обнаружены и доказаны оффиціально, по суду? Трудно допустить, что крестьянскія власти, вполнѣ зависимыя отъ земскихъ начальниковъ, могли, на глазахъ у послѣднихъ, обращать свои весьма небольшія права и свой весьма невысокій авторитетъ въ орудіе раскольническої пропаганды... Чтобы отмѣнить равноправность, дарованную раскольникамъ, въ гражданскомъ быту, закономъ 3 мая 1883 г., нужны основанія чрезвычайно сильныя; вѣдь этотъ законъ состоялся не въ періодъ великихъ реформъ, а послѣ наступленія другой эпохи, по отношенію къ которой не можетъ быть и рѣчи объ увлеченіяхъ, о слишкомъ поспѣшномъ разрывѣ съ традиціей и привычкой. Мысль о необходимости облегчить положеніе раскольниковъ и сектантовъ созрѣвала медленно, въ продолженіе всего царствованія Александра II; между первымъ шагомъ къ ея осуществленію (закономъ 19 апрѣля 1874 г.) и закономъ 3 мая 1883 г. прошло девять лѣтъ, ознаменованныхъ нѣсколькими крутыми поворотами въ нашей внутренней политикѣ. Если движеніе, начавшееся при однихъ условіяхъ, продолжалось при другихъ, во многомъ противоположныхъ, то это нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ глу-

бокимъ и, конечно, не безпричиннымъ разочарованіемъ въ системѣ, построенной на стѣсненіяхъ и запрещеніяхъ.

Когда эта система была еще въ полной силѣ, центромъ такъ называемой поповщины (главною составною частью которой является въ настоящее время расколъ австрійскаго согласія или толка) служило въ Москвѣ рогожское, а центромъ безпоповщины—преображенское кладбище. Какъ противъ того, такъ и противъ другого предлагается ударъ, какому они не подвергались даже въ эпоху наибольшей строгости по отношенію къ расколу. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы не только не дозволять совершенія на рогожскомъ кладбищѣ „самочинныхъ службъ", но и „самому этому мѣсту дать иное назначеніе, сообразно съ закономъ", а преображенскому кладбищу „дать назначеніе человѣколюбивое и согласное съ постановленіями православной церкви". Если мы не ошибаемся, какъ на томъ, такъ и на другомъ кладбищѣ существуетъ цѣлый рядъ установленій, благотворительныхъ и иныхъ, представляющихъ собою большую матеріальную цѣнность. Пожертвованія и взносы, съ помощью которыхъ они образовались, были сдѣланы, безъ сомнѣнія, на опредѣленный предметъ, при опредѣленныхъ условіяхъ, въ томъ предположеніи, что и предметъ, и условія останутся неизмѣнными. Въ виду неприкосновенности воли жертвователей, признаваемой законодательствами всѣхъ культурныхъ странъ, для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ раскольническимъ кладбищенскимъ учрежденіямъ въ Москвѣ могло бы быть дано другое назначеніе, хотя бы и человѣколюбивое. Всѣ эти учрежденія—совершившійся фактъ, и притомъ совершившійся весьма давно; если при ихъ основаніи и было допущено какое-нибудь отступленіе отъ буквы закона, то едва ли отсюда вытекаетъ возможность передачи ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, съ измѣненіемъ ихъ характера и цѣли. Конфискація допускается нашимъ закономъ только при особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ случаемъ; экспропріація примѣнима только къ недвижимымъ имуществамъ, а не къ учрежденіямъ, въ полномъ ихъ составѣ; остается только правонарушеніе—но мысль

о немъ устраняется самой почвой, на которой возникъ данный вопросъ.

Въ отчетѣ за 1894 и 1895 гг. расколу отведено сравнительно мало мѣста; ничего не говорится о совокупности ограничительныхъ и принудительныхъ мѣръ, на необходимость которыхъ указывалъ, хотя и не прямо, отчетъ за 1892 и 1893 гг. Двѣ точки зрѣнія на расколъ, съ которыми намъ постоянно приходилось встрѣчаться въ предъидущихъ отчетахъ, остаются, по прежнему, непримиренными между собою. Упорнымъ и безусловно враждебнымъ православію расколъ, по словамъ отчета, является въ особенности тамъ, гдѣ „мѣстныя условія—громадныя малонаселенныя пространства, лѣсныя чащи и болота, горы, сибирскія тайги—даютъ ему возможность укрыться отъ проповѣдниковъ и служителей православной церкви... Пройдетъ еще не мало времени, пока эти мѣста окажутся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, т. е. въ достаточной степени заселятся, увидятъ православные храмы Божіи и съ ними церковныя школы; только тогда расколъ въ этихъ мѣстахъ потеряетъ свою силу, нынѣ еще трудно одолимую". Здѣсь намѣчается, такимъ образомъ, постепенная, мирная борьба съ расколомъ, не разсчитывающая на быстрый успѣхъ, направленная всецѣло къ измѣненію условій, среди которыхъ живутъ раскольники. Храмъ и школа, какъ источники духовнаго просвѣщенія—вотъ единственныя средства, отъ которыхъ ожидается успѣхъ. Что такое ожиданіе не напрасно—это подтверждаетъ констатируемое отчетомъ ослабленіе раскола подъ вліяніемъ миссіонерскихъ бесѣдъ и церковно-приходской школы. Мы узнаемъ, что церковная школа находитъ иногда благопріятную почву даже въ деревняхъ, имѣющихъ почти сплошное раскольничье населеніе (напр., въ дер. Камельчикѣ, Калужскаго уѣзда),—т. е. именно тамъ, гдѣ, по словамъ отчета, расколъ отличается особымъ упорствомъ. Въ другомъ мѣстѣ (с. Агатово, пензенской епархіи) дѣти раскольниковъ продолжаютъ посѣщать церковно-приходскую школу, несмотря на угрозы вожаковъ раскола. Не менѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу податливости

раскола на увѣщаніе и убѣжденіе является распространеніе единовѣрія, къ которому обратилось, напримѣръ, сразу до 2.000 раскольниковъ-бѣглопоповцевъ въ Червленной станицѣ, Терской области. Со всѣми этими фактами мало гармонируетъ проводимая въ отчетѣ мысль о вредѣ и *опасности* льготъ, предоставленныхъ расколу—напримѣръ, наиболѣе многочисленному отдѣлу поповщины, такъ называемой австрійщинѣ или австрійской (бѣлокриницкой) сектѣ. „Поповщинская австрійская секта"—читаемъ мы въ отчетѣ—„имѣетъ, по внѣшнему виду, такую же трехчинную іерархію, какъ и церковно-православная. Вслѣдствіе сего въ ней совершаются внѣшнимъ видомъ, хотя и незаконно, всѣ таинства. Во многихъ городахъ имперіи у послѣдователей этой секты существуютъ большія моленныя, украшенныя съ большимъ благолѣпіемъ и даже роскошью и по внутреннему устройству близко сходныя съ православными храмами. Въ этихъ моленныхъ раскольническіе лжеіереи и лжеархіереи облачаются въ такія же священныя одежды, какъ и священно-служители церкви православной. Это внѣшнее сходство австрійской секты съ церковью православною дѣлаетъ ее *весьма опасною* сектою... Кромѣ того, австрійская секта является *вредною* и въ томъ отношеніи, что ея лжеіереи и лжеархіереи пользуются полною свободою не только при отправленіи службъ, но и для переѣздовъ по Россіи, предпринимаемыхъ ими для утвержденія своихъ единомышленниковъ и совращенія православныхъ". Источникомъ вреда и опасности выставляются, такимъ образомъ, именно тѣ права которыя дарованы раскольникамъ закономъ 3-го мая 1883 г. Разрѣшивъ раскольникамъ имѣть моленныя, законъ не регулировалъ ни ихъ размѣры, зависящіе, очевидно, отъ числа раскольниковъ въ данной мѣстности, ни степень внутренняго ихъ благолѣпія, зависящую отъ матеріальныхъ средствъ раскольническаго населенія и отъ усердія его къ своей вѣрѣ. Установить, въ томъ или другомъ отношеніи, какія-либо предѣльныя нормы, значило бы извратить характеръ мѣры, необходимость которой была сознана правительствомъ послѣ продолжительнаго опыта, и, если можно такъ выра-

зиться, отнять по частямъ только-что данное въ цѣломъ. Изъ права на бо́льшее само собою вытекаетъ право на меньшее: изъ права на моленную вытекаетъ право на иконостасъ, изъ права на иконостасъ—право на украшеніе иконъ золотыми ризами или драгоцѣнными камнями, изъ права на совершеніе богослуженія—право на облаченіе въ богослужебныя одежды. Недалеко еще отъ насъ то время, когда раскольничьи моленныя, существуя внѣ закона, подъ ежеминутной угрозой закрытія, помѣщались чуть не въ подвалахъ, а ихъ убранство сводилось къ минимуму, вслѣдствіе постояннаго риска конфискаціи—и это было временемъ наибольшей приверженности раскольниковъ къ своему ученію. Какъ бы роскошна ни была обстановка оффиціально дозволенной моленной, чувства, ею возбуждаемыя, едва ли интенсивнѣе тѣхъ, которыя внушалъ когда-то страхъ за самыя скромныя принадлежности богослуженія... Если внутреннее устройство „австрійскихъ“ моленныхъ сходно съ устройствомъ православныхъ храмовъ, если іерархія „австрійщины“ трехчинна по подобію православной, то это коренится въ исторіи раскола, въ отличительныхъ чертахъ поповщины, неустранимыхъ насильственными или принудительными мѣрами. Когда идетъ рѣчь о сектантствѣ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. о „раціоналистическо-мистическихъ“ ученіяхъ, отрицающихъ не только внѣшнюю форму православной церкви, но и самое существо православной вѣры, они признаются опасными именно въ виду громаднаго разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ православія; можно ли, затѣмъ, усматривать опасность и въ явленіяхъ прямо противоположнаго свойства? Вѣдь если обряды и іерархическій строй поповщины напоминаютъ собою соотвѣтствующія черты православной церкви, то именно въ этомъ лежитъ залогъ исчезновенія раскола, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Не даромъ же между расколомъ (понимаемымъ въ смыслѣ старообрядства) и церковью существуетъ посредствующая ступень (единовѣріе), немыслимая между церковью и сектантствомъ... Въ одной изъ епархій, по словамъ отчета, „не только православные изъ простого народа, но даже иные изъ православныхъ высшаго состава не

отличаютъ лжесвященниковъ раскольническихъ отъ священниковъ православной церкви". Какимъ образомъ это можетъ случиться— понять довольно трудно. Ясныхъ и яркихъ отличій между церковью и расколомъ законъ 3-го мая 1883 г. сохранилъ немало. Какъ раскольническая моленная не можетъ имѣть наружнаго вида православнаго храма, такъ и раскольническій попъ не можетъ— внѣ моленной, гдѣ его видятъ только одни раскольники [1])— напоминать своею внѣшностью православнаго священника. Для раскола недоступно все то, что имѣетъ характеръ *оказательства*, т. е. открытаго заявленія особенностей [2]); этого одного достаточно, чтобы устранить возможность смѣшенія его съ господствующею церковью. Еще болѣе наглядным напоминаніемъ объ отрицательномъ отношеніи власти къ расколу служатъ строгія наказанія, назначенныя за пропаганду. Если бы „австрійскіе" лжеіереи и лжеархіереи пользовались своими переѣздами по Россіи для совращенія православныхъ, то это едва ли долго могло бы оставаться тайной — а будучи раскрыто, едва ли избѣжало бы уголовнаго преслѣдованія. Изъ того, что о такихъ преслѣдованіяхъ не слышно, позволительно заключить, что разъѣзды руководителей „австрійщины" не имѣютъ другой цѣли, кромѣ „утвержденія ихъ единомышленниковъ"—а этого имъ запретить нельзя, пока не поколеблена относительная терпимость, установленная закономъ 3-го мая. Свобода передвиженія ограничена этимъ закономъ только для скопцовъ.

По поводу отчета за 1894 и 1895 гг. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" появилось письмо старообрядца (г. Петра Созонова), выражающаго убѣжденіе, что дѣйствительное число рас-

---

[1]) Въ отчетѣ упомянается о *публичномъ* совершеніи лжеархіепископомъ Савватіемъ богослуженія въ *домовой* его церкви, на огородахъ Покровскаго монастыря, а также о *публичномъ* отправленіи раскольнической службы въ часовняхъ Рогожскаго кладбища; но ко всему совершающемуся въ стѣнахъ раскольнической моленной или часовни едва ли приложимъ эпитетъ *публичный*.

[2]) Исключеніе, какъ указано въ отчетѣ, составляетъ, въ этомъ отношеніи, часть Бессарабіи, вновь присоединенная къ Россіи въ 1878 г.; но вѣдь исключеніемъ подтверждается правило.

кольниковъ-старообрядцевъ превышаетъ почти вчетверо оффиціальную ихъ цифру и сѣтующаго о томъ, что отчетъ „смѣшиваетъ почти во-едино сущность духовной жизни старообрядцевъ съ жизнью духовной и общественной штундистовъ, духоборовъ, молоканъ и иныхъ сектантовъ“ „За что же,—восклицаетъ г. Созоновъ,—насъ, русскихъ людей, преданныхъ Россіи, ея Царямъ и исторіи, смѣшивать и причислять къ сектамъ, намъ самимъ не симпатичнымъ и одинаково намъ враждебнымъ, какъ и православію? Едва ли это правильно и возможно. Заподозривать въ насъ, старообрядцахъ, нашъ исконный русскій патріотизмъ, тысячекратно доказанный, значитъ не признавать насъ русскими“. И дѣйствительно, все прошедшее раскола доказываетъ съ полною ясностью, что понятіе: *русскій* не совпадаетъ съ понятіемъ: *православный*. Что касается до давно извѣстной, громадной разницы между оффиціальной и неоффиціальной цифрой раскольниковъ, то она объясняется тѣмъ, что православными *значатся* милліоны лицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ расколѣ, но происходящихъ, хотя бы не въ первомъ колѣнѣ, отъ родителей, *числившихся* православными.

Въ 1896 г. въ Калужской губерніи духовное начальство обратилось къ губернской администраціи съ просьбою сдѣлать распоряженіе, чтобы раскольническіе лже-попы отнюдь не употребляли шляпъ, носимыхъ православнымъ духовенствомъ, и непремѣнно остригли бы волосы по примѣру мѣщанъ и крестьянъ, къ сословію которыхъ они принадлежатъ. Калужское губернское правленіе, находя, что ношеніе раскольническими лже-попами священнослужительскаго или подобнаго тому одѣянія является нарушеніемъ 3-го пункта примѣчанія къ ст. 59 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій, предписало циркулярно всѣмъ полицейскимъ управленіямъ губерніи обязать раскольническихъ лже-поповъ подписками не носить неприсвоеннаго имъ одѣянія и длинныхъ при этомъ волосъ, а за нарушеніе подписки привлекать ихъ къ законной отвѣтственности. Ст. 59 уст. о пред. и прес. прест. запрещаетъ публичное оказательство раскола, а публичнымъ оказательствомъ, на основаніи 3 пун. прим. къ этой статьѣ, признается,

между прочимъ, употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній. О длинныхъ волосахъ здѣсь не говорится ни слова—а распространеніе запретительной мѣры дальше точно установленныхъ ея предѣловъ представляется явно несовмѣстнымъ съ основными правилами толкованія законовъ. Да и что такое длинные волосы? Какъ опредѣлить, когда именно ихъ длина пріобрѣтаетъ предосудительный характеръ? Развѣ для крестьянъ и мѣщанъ существуетъ особая сословная прическа, отъ которой они не должны уклоняться? Что касается до шляпъ, носимыхъ православными священниками, то онѣ едва-ли настолько типичны, настолько отличаются отъ другихъ, сходныхъ съ ними головныхъ уборовъ, чтобы ихъ можно было подвести подъ понятіе о „священнослужительскомъ одѣяніи“, предусмотрѣнномъ въ 3 пун. прим. къ ст. 59 уст. о пред. и прес. прест. Едва ли желательно занимать суды вопросомъ о томъ, тождественна ли данная шляпа со шляпой, обыкновенно носимой православнымъ священникомъ, или только болѣе или менѣе на нее похожа. Едва ли, наконецъ, ношеніе подобной шляпы, хотя бы и на длинныхъ волосахъ, въ такой степени напоминаетъ, само по себѣ, внѣшній видъ православнаго священника, чтобы служить „оказательствомъ“ раскола и „соблазномъ“ для православныхъ.

По словамъ отчета за 1898-ой годъ, великое препятствіе въ дѣлѣ духовно-нравственнаго воздѣйствія на расколъ представляютъ раскольническія моленныя. „Замѣчается, что раскольники, довольствующіеся домашнею молитвою, менѣе фанатичны, податливѣе на убѣжденіе и скорѣе присоединяются къ православной церкви. Наоборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ раскольники имѣютъ моленныя, расколъ отличается особенною дерзостью и упорствомъ. Однако число раскольническихъ моленныхъ не только не уменьшается, но все увеличивается. Такъ напр., число моленныхъ въ нижегородской епархіи достигло въ 1898 г. 184, изъ коихъ только 12 разрѣшены подлежащимъ начальствомъ. Въ вятской епархіи разрѣшенныхъ моленныхъ 5, а не разрѣшенныхъ—до 60 (въ 1897 г.

ихъ было 53). При незначительномъ, сравнительно, количествѣ раскольниковъ въ Вологодской губерніи (7.841 чел.) имѣются 23 раскольническія моленныя, всѣ безъ разрѣшенія правительства, и кромѣ того въ 19 домахъ бываютъ для общественной молитвы собранія раскольниковъ. Число раскольническихъ моленныхъ стало увеличиваться особенно послѣ рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента Прав. Сената (по дѣлу Сорокина) о томъ, что на устройство общественнаго богомоленія въ частномъ домѣ разрѣшенія не требуется. Съ того времени раскольники не только усердно поддерживаютъ существующія молельни, но начали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открывать домашнія моленныя, имѣющія связь съ жилыми избами, цѣлыми десятками".—Въ увеличеніи числа моленныхъ едва ли можно видѣть что-либо иное, кромѣ свойственнаго всѣмъ вѣрующимъ, безъ различія исповѣданій, стремленія къ молитвенному общенію въ мѣстахъ, спеціально для того назначенныхъ и приспособленныхъ. Съ непреодолимой силой это стремленіе проявлялось, въ средѣ раскольниковъ, и до изданія закона 3 мая 1883 года, когда устройство раскольническихъ моленныхъ было безусловно воспрещено, подъ страхомъ уголовной кары. Несмотря на преслѣдованія и наказанія, моленныя существовали почти вездѣ, гдѣ имѣлось сколько-нибудь значительное раскольническое населеніе. Понятно, что ихъ много и въ настоящее время, при господствѣ нѣсколько болѣе снисходительнаго взгляда на расколъ. Фактъ существованія въ вятской епархіи 60 неразрѣшенныхъ моленныхъ и только пяти дозволенныхъ, въ нижегородской — 172 неразрѣшенныхъ и 12 дозволенныхъ, кажется намъ прискорбнымъ не потому, чтобы онъ знаменовалъ собою особое упорство раскольниковъ, а потому, что онъ указываетъ на недостаточное примѣненіе закона 3-го мая. Въ основаніи этого закона лежала мысль, что раскольники не должны быть стѣсняемы въ отправленіи богослуженія по обрядамъ своего ученія, лишь бы только при этомъ не было „оказательства", разсматриваемаго какъ соблазнъ для православныхъ. Если устройство новыхъ моленныхъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, не было дозволено однажды навсегда, а было

поставлено въ зависимость отъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія, то этимъ, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду предупредить толкованіе закона въ смыслѣ уравненія раскола съ другими вѣроисповѣданіями, издавна признанными государствомъ. Соотвѣтствуетъ ли, затѣмъ, духу закона такая явная непропорціональность между числомъ раскольниковъ и числомъ разрѣшенныхъ моленныхъ, какую, судя по вышеприведеннымъ цифрамъ, представляютъ епархіи нижегородская и вятская? Что такое пять моленныхъ для населенія, оффиціально опредѣляемаго почти въ сто тысячъ, а на самомъ дѣлѣ, конечно, еще гораздо болѣе многочисленнаго и, въ добавокъ, разбросаннаго на огромномъ пространствѣ? Что такое двѣнадцать моленныхъ для семидесяти-пяти тысячъ раскольниковъ нижегородской епархіи? Не ясно ли, что для громаднаго большинства нижегородскихъ и вятскихъ раскольниковъ разрѣшеніе столь незначительнаго числа моленныхъ равносильно полному ихъ запрещенію, т.-е. возвращенію къ положенію дѣлъ, существовавшему до закона 3-го мая? Съ еще большимъ правомъ это можно сказать о раскольникахъ вологодской епархіи, гдѣ разрѣшенной моленной нѣтъ *ни одной*. Не таково было, очевидно, первоначальное намѣреніе законодателя; не для того былъ изданъ законъ, чтобы оставаться почти вовсе безъ примѣненія. Прежде, во времена суроваго преслѣдованія раскола, привязанность раскольниковъ къ мѣстамъ, гдѣ они, скрываясь и трепеща, сходились для молитвы, была тѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе грозила опасность полицейскаго разгрома и судебной волокиты. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и теперь самовольно открытою моленною раскольники дорожатъ больше, чѣмъ оффиціально разрѣшенною, именно потому, что существованіе первой постоянно виситъ на волоскѣ и его нужно хранить въ тайнѣ... Законъ 3-го мая изложенъ, къ сожалѣнію, такъ, что легко можетъ обратиться въ мертвую букву: все зависитъ отъ дискреціонной власти, т. е. отъ усмотрѣнія администраціи. Нельзя не пожелать, чтобы пересмотръ этого закона, если онъ будетъ поставленъ на очередь, былъ направленъ не къ ограниченію, а къ расширенію круга его дѣйствій, путемъ точнаго опредѣленія условій, при

соблюденіи которыхъ раскольники имѣли бы *право* капитальнаго ремонта существующихъ и постройки новыхъ молитвенныхъ зданій. Фактически отъ этого ничего бы не измѣнилось. Если число моленныхъ, открываемыхъ безъ разрѣшенія, непрерывно растетъ, если администрація воздерживается отъ возбужденія процессовъ, самая многочисленность которыхъ не могла бы не произвести тяжелаго впечатлѣнія, то не лучше ли было бы прямо и открыто даровать юридическую санкцію тому, что существуетъ на самомъ дѣлѣ? Уравненіемъ раскола съ другими исповѣданіями это не было бы уже потому, что зданія раскольническихъ моленныхъ продолжали бы отличаться не только отъ церквей—православныхъ, католическихъ, лютеранскихъ, — но даже отъ синагогъ и мечетей, назначеніе которыхъ ясно отражается въ ихъ наружномъ видѣ.

Чѣмъ больше затрудненія, съ которыми сопряжено, на практикѣ, открытіе настоящей молельни — т. е. зданія, оффиціально и исключительно предназначеннаго для общественнаго богослуженія,— тѣмъ естественнѣе увеличеніе числа „домашнихъ моленныхъ", т. е. помѣщеній, не отдѣленныхъ отъ жилыхъ построекъ и только по временамъ обращаемыхъ въ мѣста молитвенныхъ собраній. Что для устройства такой моленной нѣтъ надобности въ административномъ разрѣшеніи — это вытекаетъ съ полною очевидностью какъ изъ буквы закона 3-го мая 1883-го г. (т. XIV Уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г., ст. 48), безъ всякихъ ограниченій разрѣшившаго раскольникамъ творить общественную молитву въ частныхъ домахъ и установившаго стѣснительныя правила лишь относительно часовень и другихъ *молитвенныхъ зданій*,—такъ и изъ положенія комитета министровъ 4-го іюля 1894-го года, воспретившаго общественныя молитвенныя собранія только однимъ штундистамъ и, слѣдовательно, сохранившаго ихъ свободу для всѣхъ остальныхъ раскольниковъ и сектантовъ. Ни къ какому другому выводу не могъ придти кассаціонный сенатъ, стоящій на стражѣ закона; никакого другого вывода не допускаютъ и указанія жизни. Опытъ нѣсколькихъ вѣковъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что преслѣдованія, даже самыя настойчивыя

и строгія, безсильны противъ религіозныхъ вѣрованій, уступающихъ только медленному дѣйствію убѣжденія. Подтвержденіе этому мы находимъ, впрочемъ, и въ разсматриваемомъ нами отчетѣ. По словамъ оберъ прокурора св. синода, „не подлежитъ никакому сомнѣнію всеобщее ослабленіе и постепенное разложеніе старообрядческаго раскола въ Россіи. Такъ и должно быть, ибо главная причина поддержанія и усиленія раскола есть невѣжество и недостатокъ просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи въ теченіе минувшей четверти вѣка произошли перемѣны ощутительныя, съ умноженіемъ просвѣтительныхъ средствъ и съ оживленіемъ учительской и миссіонерской дѣятельности духовенства, возрастающей *по мѣрѣ того какъ ослабляется исключительная, въ прежнее время, дѣятельность гражданскихъ властей въ преслѣдованіи раскола*“. Все клонящееся къ смягченію законодательства о расколѣ, къ ограниченію административныхъ стѣсненій, налагаемыхъ на раскольниковъ, способствуетъ, такимъ образомъ, усиленію тѣхъ средствъ борьбы, которыя одни только могутъ быть признаны дѣйствительными и цѣлесообразными.

Отчетъ за 1899-ый годъ признаетъ расколъ въ однихъ мѣстахъ ослабѣвающимъ и теряющимъ прежнее упорство, въ другихъ — разгорающимся и усиливающимся. Къ числу причинъ, обусловливающихъ живучесть и устойчивость раскола, отчетъ относитъ — кромѣ матеріальной состоятельности раскольниковъ и разселенія ихъ отдѣльными группами, — дарованныя расколу льготы и недостаточное иногда усердіе администраціи. Освобожденіе отъ сборовъ въ пользу православнаго духовенства и дозволеніе обращать жилыя строенія въ молельни толкуется раскольниками, по словамъ отчета, въ смыслѣ покровительства, оказываемаго имъ властью; точно такъ же понимается ими и формальное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отношеніе властей къ оказательству раскола, вызываемое „ложнымъ представленіемъ о мнимой свободѣ совѣсти“ и невѣдѣніемъ настоящаго значенія раскола.—Возможность подобныхъ толкованій отрицать нельзя, но едва ли они имѣютъ широкое распространеніе. Для громаднаго большинства раскольниковъ едва ли можетъ

существовать какое-либо сомнѣніе въ томъ, что сравнительная терпимость, которою они пользуются въ послѣднее время, не имѣетъ ничего общаго съ покровительствомъ. Гдѣ имѣются на лицо храмы инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, или хотя бы мечети и синагоги, тамъ ихъ купола и кресты, башни и минареты служатъ наглядным доказательствомъ тому, что лютеранамъ, католикамъ, магометанамъ, евреямъ разрѣшено многое, о чемъ христіане-раскольники могутъ только мечтать. Гдѣ раскольники видятъ около себя только православное населеніе, тамъ достаточнымъ напоминаніемъ о ихъ неполноправности являются затрудненія—нерѣдко непреодолимыя,—съ которыми сопряжено устройство и даже исправленіе самой простой, самой скромной молельни, ничѣмъ не отличающейся снаружи отъ обыкновенныхъ зданій. Все это—и многое другое—не только устраняетъ мысль о покровительствѣ, но свидѣтельствуетъ объ ограниченныхъ до крайности размѣрахъ, къ которымъ сведена самая терпимость. Если и допустить, что оказательство раскола не всегда вызываетъ отпоръ со стороны административной власти, то и отсюда еще очень далеко до предположенія о равноправности раскола хотя бы съ исповѣданіями, оффиціально признанными государствомъ. Многолѣтній опытъ не могъ не убѣдить раскольниковъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и живущихъ рядомъ съ ними православныхъ,—что случайное снисхожденіе не имѣетъ ничего общаго съ гарантіей права. Мало вѣроятно, наконецъ, и систематическое перетолкованіе такого простого факта, какъ освобожденіе раскольниковъ отъ сборовъ въ пользу православнаго духовенства—освобожденіе, вызываемое, очевидно, не покровительствомъ, а самою элементарною справедливостью. Какъ плательщики налоговъ, раскольники несутъ свою долю государственныхъ расходовъ на содержаніе православнаго духовенства; они освобождены только отъ платежей, обусловливаемыхъ непосредственными отношеніями между причтомъ и прихожанами — отношеніями, въ которыхъ раскольники никакого участія не принимаютъ. Эта свобода не распространяется, притомъ, на раскольниковъ, оффиціально признаваемыхъ право-

славными. О многочисленности такихъ раскольниковъ даетъ нѣкоторое понятіе рядъ цифръ, приводимыхъ въ отчетѣ и заимствуемыхъ съ одной стороны изъ данныхъ всеобщей переписи 1897 года, съ другой—изъ свѣдѣній, доставленныхъ епархіальными начальствами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ раскольниковъ въ десяти епархіяхъ оказывается около 807 тыс., по первымъ—около 900 тыс.; другими словами, въ этихъ епархіяхъ насчитывается почти сто тысячъ человѣкъ, православныхъ только по имени. А между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и при всеобщей переписи раскольниками именовали себя далеко не всѣ на самомъ дѣлѣ принадлежащіе къ расколу. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ разница между обѣими категоріями цифръ чрезвычайно велика: въ Саратовской губерніи, напримѣръ, по епархіальнымъ свѣдѣніямъ раскольниковъ оказывается 69.803, по даннымъ всеобщей переписи—113.496. Въ самарской епархіи соотвѣтствующія цифры—75.870 и 96.905, въ нижегородской—74.211 и 87.625, въ оренбургской (въ составъ которой входятъ губернія оренбургская и области тургайская и уральская)—87.000 и 115.000. Только въ трехъ епархіяхъ отношеніе измѣняется въ другую сторону: въ черниговской епархіи по епархіальнымъ свѣдѣніямъ раскольниковъ 72.433, по даннымъ всеобщей переписи—43.515; въ полоцкой епархіи (обнимающей собою Витебскую губернію) соотвѣтствующія цифры—85.000 и 83.002, въ псковской—36.380 и 35.610. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ разница невелика, но очень интересно было бы узнать, чѣмъ объясняется рѣзкое уклоненіе отъ обычной пропорціи, представляемое черниговскою епархіею?

Изъ различныхъ разновидностей раскола всего болѣе затрудненій для православной церкви представляетъ, по словамъ отчета, секта, пріемлющая австрійское или бѣлокриницкое священство. „Великимъ соблазномъ для православныхъ“ она служитъ потому, что имѣетъ такую же, по внѣшнему виду, трехчинную іерархію, какъ и православная церковь, и обширныя моленныя, по внутреннему устройству близко сходныя съ православными храмами. Ни-

какихъ мѣръ противъ этихъ источниковъ соблазна отчетъ, однако, не предлагаетъ,—и это вполнѣ понятно, потому что борьба съ ними была бы возможна только на почвѣ преслѣдованій, тщету которыхъ доказалъ многовѣковый опытъ. Разъ что законъ 3-го мая 1883 года разрѣшилъ открытіе раскольническихъ молельныхъ, внутреннее ихъ устройство не подлежитъ, очевидно, никакой регламентаціи; нельзя запретить и совершеніе въ нихъ богослуженія тѣми лицами, которыхъ раскольники признаютъ своими іереями и архіереями. Констатируя, дальше, вредъ, приносимый разъѣздами австрійскихъ лжеархіереевъ, отчетъ воздерживается и здѣсь отъ предложенія репрессивныхъ мѣропріятій. Свобода передвиженія предоставлена раскольникамъ закономъ, и произвольное ограниченіе ея было бы не только нелегально, но и безцѣльно: пути къ распространенію и укрѣпленію расколъ находилъ и тогда, когда дѣятельность его вождей встрѣчала на каждомъ шагу самыя разнообразныя преграды... Весьма любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя отчетомъ о попыткахъ возсоединенія окружниковъ съ неокружниками [1]). Ихъ инціативу взялъ на себя донской казакъ Картушинъ, котораго окружники признаютъ епископомъ московскимъ. Предположено было созвать за границей соборъ, но онъ не состоялся за болѣзью Кирилла, главы неокружниковъ, и все свелось къ пропагандѣ среди неокружниковъ, особенно въ стародубскихъ слободахъ (Черниговской губерніи). Съ другой стороны, окружники стараются привлечь къ себѣ бѣглопоповцевъ, пользуясь затрудненіями, которыя испытываютъ послѣдніе въ пріисканіи бѣглыхъ священниковъ. Въ Москвѣ около Картушина возникъ какъ бы постоянный раскольническій синодъ, не безъ вѣдома котораго, вѣроятно, издаются распоряженія Картушина (о непошеніи нѣмецкаго платья, о небритьѣ бороды, о некуреніи табаку, о непошеніи женщинами шляпъ вмѣсто платковъ, и т. п.). Тяготѣніе къ

[1]) Раздѣленіе австрійскаго согласія на двѣ враждующія между собою группы вызвано такъ называемымъ окружнымъ посланіемъ (1862 г.), знаменовавшимъ собою нѣкоторое приближеніе къ церкви. Приверженцы посланія называются окружниками, противники его—неокружниками или противуокружниками.

раскольникамъ австрійскаго согласія существуетъ и среди безпоповцевъ: въ концѣ 1898 г. они отправили депутацію къ константинопольскому патріарху, съ цѣлью выясненія вопроса о степени законности австрійской іерархіи. При этомъ безпоповцы имѣли въ виду, въ случаѣ полученія благопріятнаго отвѣта, соединиться съ раскольниками австрійскаго согласія и ходатайствовать передъ правительствомъ о признаніи законности бѣлокриницкой іерархіи, хотя бы наравнѣ съ католическою или армянскою. Депутація успѣха не имѣла.

Въ 1901 г. старообрядческій міръ Поволжья съ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ ходатайства, подъ которымъ подписались 49.753 старообрядца. Основная мысль ходатайства—сохраненіе за старообрядцами тѣхъ правъ, которыя имъ предоставилъ законъ 3-го мая 1883 г. Законъ этотъ избавилъ старообрядцевъ отъ „преслѣдованій за мнѣніе ихъ о вѣрѣ“, разрѣшилъ „уставщикамъ, наставникамъ и другимъ лицамъ безпрепятственное исполненіе духовныхъ требъ“, въ своей средѣ дозволилъ имъ „творить общественную молитву, совершая богослуженіе какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, открываемыхъ съ надлежащаго разрѣшенія“... „Упомянутымъ закономъ“—пишутъ въ своемъ ходатайствѣ старообрядцы—„намъ не предоставлено религіозныхъ правъ, какими открыто пользуются лица всѣхъ другихъ исповѣданій, а дарована лишь условная свобода, полная ограниченій, и тѣмъ не менѣе къ нему приноровлено нравственное существованіе не одного милліона русскаго старообрядческаго населенія, успѣвшаго свыкнуться и сжиться съ тѣмъ положеніемъ, какое ему отведено Высочайшей волей Царя-миротворца. Но въ дѣйствительности въ обыденной жизни мы далеко не пользуемся и этими предоставленными намъ скромными, ограниченными правами. Смягченный закономъ 1883 г. предубѣжденный взглядъ на старообрядцевъ вновь и съ особенной настойчивостью сталъ проводиться въ послѣдніе годы и послужилъ причиною новыхъ стѣсненій старообрядцевъ. Молитвенныя зданія наши безъ достаточныхъ поводовъ отнимаются, запечатываются и

закрываются, хотя бы зданія эти были разрѣшены министерствомъ; церковная утварь, священныя облаченія, святыя иконы, нами чтимыя, отбираются. Отъ духовныхъ нашихъ пастырей требуются подписки—отказаться отъ священнаго званія и совершенія службъ, закономъ 1883 г. дозволенныхъ. Всякое доброе благотворительное дѣло, исходящее отъ чисто нравственныхъ побужденій, обыкновенно истолковывается превратно въ худую для насъ сторону". Трудно предположить, чтобы ходатайство, направленное *только* къ соблюденію закона, могло пройти безслѣдно... Какая участь постигала еще недавно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ среды старообрядцевъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Нижняго Новгорода, напечатанная въ газетѣ „Россія". „Въ Нижнемъ-Новгородѣ"—пишетъ корреспондентъ,—„вотъ уже три года проживаетъ бывшій священникъ церкви села Таможникова, Нижегородскаго уѣзда, Петръ Золотницкій. Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ онъ былъ отлученъ отъ церкви и сосланъ въ Суздальскій монастырь, *гдѣ пробылъ 31 годъ, живя въ одиночномъ заключеніи въ кельѣ и не выходя за ворота монастырской обители.* Тридцатилѣтнее пребываніе въ одиночномъ заключеніи (Золотницкій жилъ въ кельѣ, имѣвшей одно небольшое окно вверху, сквозь которое падалъ только слабый свѣтъ въ его убѣжище, но видѣть никого въ это окно Золотницкій не могъ) оставило глубокій слѣдъ на заключенномъ. Нервная система его потрясена, воля парализована, и онъ въ настоящее время влачитъ невеселые дни. Золотницкій окончилъ курсъ въ нижегородской духовной семинаріи. Священствовалъ онъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ болѣе 15 лѣтъ, много читалъ, писалъ сочиненія. Однажды онъ исчезъ изъ прихода. Долго его искали, но безуспѣшно, и только спустя нѣкоторое время нашли въ одномъ раскольничьемъ селѣ. Не скрываясь, онъ заявилъ, что по своимъ убѣжденіямъ вполнѣ сочувствуетъ раскольникамъ и, не желая вносить разладъ въ свою душу, рѣшилъ дѣйствовать открыто, какъ повелѣваютъ ученія св. отцовъ, и оставить священничество въ православной церкви. Надъ нимъ состоялся судъ и, какъ результатъ послѣдняго, явилось

тридцатилѣтнее заключеніе въ монастырѣ". Такой кары законъ не назначаетъ даже за самыя тяжкія преступленія.

Въ 1894 г. въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Прав. Сената разсматривалось дѣло, чрезвычайно интересное не только въ юридическомъ, но и въ бытовомъ отношеніи. Мѣщанинъ Парфеновъ, раскольникъ безпоповщинской секты, вступилъ въ бракъ, записанный, на точномъ основаніи закона 19-го апрѣля 1874 г., въ надлежащую книгу. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ принялъ православіе и вступилъ, при живой женѣ, во второй бракъ, по православному обряду, не расторгнувъ перваго брака и скрывъ самое его существованіе. Преданный суду за двоеженство, онъ былъ осужденъ московской судебной палатой. Въ кассаціонной жалобѣ на этотъ приговоръ повѣренный Парфенова, присяжный повѣренный Розенблюмъ, утверждалъ, что раскольническій бракъ, совершенный посредствомъ записи въ полицейскія книги, не можетъ быть приравниваемъ къ браку, освященному церковью, а слѣдовательно и поступокъ Парфенова не можетъ быть разсматриваемъ какъ обыкновенное двоеженство; къ нему примѣнима, по аналогіи, лишь ст. 1558 улож. о наказ., карающая лицъ не-христіанской вѣры за вступленіе въ новый или новые, при существованіи прежнихъ, браки, когда это противно законамъ ихъ вѣры или особымъ о смѣшанныхъ между протестантами и магометанами бракахъ постановленіямъ правительства Въ заключеніи своемъ по этому дѣлу исполнявшій обязанности оберъ-прокурора, сенаторъ А. Ѳ. Кони, установилъ, прежде всего, что раскольническій бракъ, соотвѣтствующій требованіямъ закона 19-го апрѣля 1874 г., есть именно *бракъ*, а не блудное сожительство, и притомъ бракъ *законный*. Обвиненіе Парфенова въ двоеженствѣ вовсе не равносильно уравненію *религіознаго* значенія браковъ церковнаго и раскольническаго. „Такое уравненіе,—продолжалъ А. Ѳ. Кони,—выходитъ изъ области вѣдѣнія уголовнаго суда и путемъ приложенія карательнаго закона достигнуто быть не можетъ. Наказывая за двоебрачіе, законъ вовсе не касается вопроса о предпочтительности одного брака предъ другимъ, о бо́льшемъ или меньшемъ религіоз-

номъ вѣсѣ того или другого; онъ не ограждаетъ ту или другую вѣру и обязательства, налагаемыя ея таинствами, не наказываетъ и за супружескую невѣрность впавшаго во многобрачіе супруга. Онъ ограждаетъ начало *единобрачія*, необходимое для устойчивости общественнаго порядка въ культурномъ государствѣ, нужное для поддержанія и для обезпеченія правильнаго развитія нарастающихъ поколѣній и потребное для приданія нравственнаго элемента союзу, заключаемому обыкновенно подъ вліяніемъ физическаго влеченія, но долженствующему быть не только maris et foeminae conjunctio, но и consortium omnis vitae. Вотъ почему преслѣдованіе за многобрачіе возбуждается не по частной жалобѣ, какъ за прелюбодѣяніе; вотъ почему Правительствующій Сенатъ призналъ, что заключеніе даже чисто-гражданскаго брака, безъ церковнаго благословенія, тамъ, гдѣ такой бракъ установленъ, не устраняетъ отвѣтственности по ст. 1554 улож. въ случаѣ вступленія затѣмъ того же лица въ другой бракъ по обрядамъ церкви, въ странѣ, гдѣ не допускается гражданскій бракъ". Возражая противъ мнѣнія кассатора, будто раскольническій бракъ, совершенный полицейскимъ порядкомъ, не есть бракъ христіанскій и съ точки зрѣнія закона долженъ считаться даже ниже брака не-христіанъ, А. Ѳ. Кони замѣтилъ, что это мнѣніе свидѣтельствуетъ о „непониманіи значенія, которое имѣетъ въ русскомъ языкѣ слово *расколъ*, и о забвеніи причинъ и условій происхожденія того важнаго историческаго и бытового явленія русской жизни, которое характеризуется этимъ словомъ". Никакого значенія для оцѣнки дѣйствій Парфенова не можетъ имѣть и переходъ его въ православіе. „Переходъ въ православіе не долженъ служить средствомъ для расторженія надоѣвшихъ или нежелательныхъ супружескихъ узъ, или способомъ осуществленія низменныхъ и эгоистическихъ вожделѣній. Переходя въ лоно православія, человѣкъ долженъ быть движимъ свободнымъ, глубокимъ и искреннимъ побужденіемъ души, чуждымъ разсчетамъ удобства и выгодъ или голосу страсти. Эта мысль неоднократно находила себѣ подтвержденіе въ отмѣнѣ постановленій, связывавшихъ съ приня-

тіемъ православія или вообще христіанства какія-либо льготы или смягченія. Разрѣшеніе бывшему раскольнику, по переходѣ въ православіе, вмѣнять свой прежній бракъ въ ничто или въ очень немногое — было бы именно такою льготою, несправедливость которой еще усугублялась бы тѣмъ просторомъ для разгула страстей, устраненіе котораго входило въ цѣль законодателя при установленіи условій узаконенія раскольничьихъ браковъ. Семья, находящаяся постоянно подъ угрозою фактическаго разрушенія и нравственнаго разложенія, вслѣдствіе возможности каждому изъ супруговъ безнаказанно вступить въ новый бракъ, лишь перейдя въ православіе, была бы народіей на семейный союзъ, пропикнутый, притомъ, взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностью“...

Правительствующій Сенатъ, согласно съ заключеніемъ А. Ѳ. Кони, оставилъ безъ послѣдствій ту часть жалобы Парфенова, которая касалась вопроса о виновности его въ двоеженствѣ. Въ правильности и справедливости этого рѣшенія не можетъ быть никакого сомнѣнія; слишкомъ странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, признавать раскольниковъ какъ бы не-христіанами, а бракъ, совершенный на точномъ основаніи закона и остающійся въ полной силѣ, не составляющимъ безусловнаго препятствія къ заключенію новаго брака. На разсмотрѣніе уголовнаго кассац. д-та Прав. Сената поступаютъ изъ его отдѣленій либо дѣла особенно важныя, либо дѣла особенно спорныя. Дѣло Парфенова принадлежало, очевидно, къ первой изъ этихъ двухъ категорій; менѣе чѣмъ всякое другое оно могло почитаться спорнымъ, допускающимъ два противоположныя рѣшенія. Открывая раскольникамъ путь къ узаконенію своихъ браковъ, законодательство не могло имѣть въ виду ничего иного, какъ утвержденіе раскольничьей семьи на тѣхъ же прочныхъ основахъ, на которыхъ семья вообще держится во всемъ христіанскомъ мірѣ, у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

V.

СЕКТАНТСТВО ПОСЛѢ ЗАКОНА 3-го МАЯ 1883 года.

Въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1883 г. идетъ рѣчь о положеніи штунды въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, о появленіи ея въ губерніи Могилевской. На самомъ дѣлѣ штундисты появились въ 1883 г. и въ Орловской губерніи (въ Трубчевскомъ уѣздѣ), гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и подверглись уголовному суду. По словамъ отчета, штунда скорѣе ослабѣваетъ, чѣмъ усиливается, и встрѣчаетъ отпоръ со стороны самого населенія; тѣмъ неожиданнѣе является суровое заключеніе, признающее необходимость „рѣшительнаго содѣйствія власти къ обузданію дерзости сектантовъ, дабы оградить православное населеніе отъ насилія въ дѣлѣ вѣры и церкви, а духовенству обезпечить возможность нравственнаго воздѣйствія“. Нравственное воздѣйствіе и властное дѣйствіе—это понятія, въ дѣлахъ вѣры, большею частью исключающія одно другое... О штундистахъ Могилевской губерніи, мы узнаемъ, что они получали матеріальную и нравственную поддержку извнѣ, „изъ такого круга, въ которомъ, казалось бы, не должно быть сочувствія невѣжеству, фанатизму и лицемѣрію. Въ средѣ высшаго сословія, между знатными и богатыми, нашлись безумные люди, оставившіе вѣру отцовъ своихъ и церковное начало, ради нелѣпыхъ ученій, занесенныхъ въ Россію заѣзжими сектантами, узкіе фанатики, стремящіеся смутить простую вѣру“. Не слишкомъ ли здѣсь много рѣзкихъ и оскорбительныхъ выраженій? Сдержанность формы—лучшее украшеніе властнаго слова. Этой сдержанности отчетъ измѣняетъ не въ одномъ только приведенномъ нами мѣстѣ. Нѣсколько

выше мы читаемъ: „штунда распространялась посредствомъ вожаковъ, изъ которыхъ многіе, подъ видомъ религіознаго убѣжденія, руководятся личнымъ интересомъ и тщеславіемъ". Въ такія опредѣленія, относящіяся къ внутреннимъ, тайнымъ мотивамъ дѣятельности, слишкомъ легко можетъ вкрасться ошибка. То же самое можно сказать и о слѣдующихъ фразахъ: „вожди молоканства увлекаютъ (въ свое ученіе) софистическими умствованіями и *вольностію жизни*... Молоканство растетъ вслѣдствіе увлеченія свободою отъ всякихъ жертвъ и подвиговъ для спасенія, которое оно надѣется пріобрѣсть болѣе легкимъ, самочиннымъ путемъ". *Зараза, заражеиіе, ложь*—эти слова встрѣчаются въ отчетѣ весьма часто, едва ли усиливая впечатлѣніе, имъ производимое.

Еще бо́льшею рѣзкостью выраженій отличается та часть отчета за 1884 г., которая посвящена сектантамъ разныхъ видовъ. Здѣсь говорится о людяхъ, „безумно и фанатически преданныхъ узкому и невѣжественному сектантству", о „непризванныхъ учителяхъ, въ жалкомъ ослѣпленіи своемъ сочувствующихъ невѣжеству, лицемѣрію и фанатизму". О шалопутахъ мы читаемъ, что „въ хитрости они со временемъ, надо полагать, не уступятъ іезуитамъ", о миссіонерахъ штундизма—что они „не гнушаются подкупомъ, обманомъ и клеветою". Въ разсказѣ о глумленіи штундистовъ надъ бывшимъ ихъ единовѣрцемъ, пострадавшимъ отъ пожара, поражаетъ слѣдующее мѣсто: „у него (вновь обращеннаго штундиста) *неизвѣстно отъ какой причины (быть можетъ отъ поджога)* загорѣлся токъ". Если причина пожара „неизвѣстна", то на чемъ же основана догадка о поджогѣ—догадка, значеніе и цѣль которой не требуютъ объясненія? Но приходится ли признать, что за недостаткомъ несомнѣнно доказанныхъ фактовъ обвинительный матеріалъ противъ штундистовъ черпается изъ предположеній, едва ли совмѣстныхъ съ важностью и серьезностью вопроса?.. Во многихъ мѣстахъ, по словамъ отчета, православное населеніе „жаждетъ найти въ начальствѣ опору и защиту противъ штундизма, какъ противъ язвы, и, не находя благовременной потребной опоры, пробуетъ иногда прибѣгать къ первобытному средству самоличной за-

щиты и расправы съ смутьянами, какъ это было, напримѣръ, въ городѣ Вознесенскѣ". Итакъ, вмѣшательство власти необходимо какъ единственный способъ предупредить самоуправство. Мы готовы признать, что изъ этихъ двухъ золъ первое меньше, чѣмъ второе, но никакъ не можемъ допустить неизбѣжность одного ихъ нихъ... Само собою разумѣется, что если „смута" принимаетъ характеръ уголовный, если она угрожаетъ жизни, здоровью, имуществу православнаго населенія, она должна быть подавлена мѣрами полиціи и суда; но такая ли смута составляетъ предметъ жалобъ, упомянутыхъ въ отчетѣ? Такими ли „смутьянами", въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оказываются штундисты?.. Вожделѣнія административной расправы съ сектантами не всегда, къ сожалѣнію, остаются тщетными. Мы узнаемъ изъ отчета, что начальникомъ Могилевской губерніи сдѣлано представленіе о высылкѣ вожаковъ штундизма; молоканамъ двухъ деревень Терской области предложено, подъ опасеніемъ принудительнаго выселенія, переселиться въ молоканскія селенія; баптистъ Павловъ „выпровоженъ" (выраженіе отчета) полиціею изъ Петербурга. Были, какъ видно изъ отчета, и случаи возбужденія, по иниціативѣ духовной власти, судебныхъ преслѣдованій за совращеніе въ сектантство.

Отдѣлъ отчета за 1885 г., касающійся ересей и еретиковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что рядомъ съ оружіемъ духовнымъ по прежнему пускается въ ходъ матеріальная сила, не только въ видѣ преслѣдованій, возбуждаемыхъ властью, но и въ видѣ народной расправы, дѣйствующей „своими средствіями". Такъ, напримѣръ, въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Екатеринославской губерніи) „были разобраны по бревнамъ два двора, въ которыхъ штундисты собирались на вечернія радѣнія". Неизвѣстно, имѣло ли это самоуправство послѣдствія, предусмотрѣнныя закономъ. Интересно было бы также узнать судьбу отдѣльныхъ лицъ, фигурирующихъ въ отчетѣ въ качествѣ особенно ревностныхъ сектантовъ. Въ Новохоперскомъ уѣздѣ (Воронежской губерніи) устроено было православнымъ миссіонеромъ нѣсколько собесѣдованій съ молоканами, представителями которыхъ были „нарочито выписанные саратовскій мѣщанинъ на-

четчикъ Ивановъ и воспитанникъ 4-го класса петровской академіи Степановъ". Остался ли Ивановъ въ Саратовѣ, окончилъ ли Степановъ курсъ ученья въ академіи и свободно ли избралъ мѣсто жительства и родъ занятій?.. Неожиданнымъ защитникомъ молоканскихъ убѣжденій выступилъ, на одномъ изъ вышеупомянутыхъ собесѣдованій, мѣстный земскій врачъ, изъ бывшихъ воспитанниковъ тамбовской духовной семинаріи (фамилія его въ отчетѣ не названа). Продолжалъ ли онъ занимать должность земскаго врача въ Новохоперскомъ уѣздѣ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ?.. Пропаганда пашковской ереси—читаемъ мы въ отчетѣ—„была небезплодна только въ воронежской епархіи, подъ воздѣйствіемъ вдовы генерала Елисаветы Чертковой и сына ея Владиміра. Въ хуторѣ Гирлахъ, Острогожскаго уѣзда, изъ послѣдователей этой ереси образовалась особая община, въ количествѣ 29 душъ обоего пола. Ближайшій руководитель этой общины, крестьянинъ Ещенко, въ домъ котораго часто по ночамъ *собираются* сектанты, *читаетъ* послѣднимъ Новый Завѣтъ и книжки, получаемыя имъ отъ упомянутаго сына Чертковой. Послѣ чтенія сектанты *поютъ*". Какъ понимать настоящее время въ подчеркнутыхъ нами глаголахъ—въ томъ ли смыслѣ, что дѣйствіе, ими означенное, продолжается по прежнему, или только въ смыслѣ praesens historicum, равносильнаго прошедшему времени?

Инициатива судебнаго преслѣдованія за совращеніе принадлежитъ, какъ извѣстно, духовному вѣдомству. Изъ отчета за 1885 г. не видно, что̀ признается достаточнымъ поводомъ къ преслѣдованію, почему одинаковымъ условіямъ не всегда соотвѣтствуетъ одинаковый образъ дѣйствій, на какомъ основаніи обращеніе къ суду замѣняется иногда административными мѣропріятіями. А между тѣмъ всѣ эти вопросы имѣютъ существенно-важное значеніе. Судебныхъ процессовъ по дѣламъ о совращеніи возникаетъ немало, и оправданіемъ они оканчиваются сравнительно рѣдко. Необходимо было бы, поэтому, установить съ бо̀льшею точностью признаки „совращенія", провести болѣе яркое различіе между исповѣданіемъ вѣры и пропагандой. „На ряду съ пропагандистами—по словамъ рогачевскаго

(Могилевской губерніи) корреспондента „Недѣли“,—на скамью подсудимыхъ попадаютъ люди, вовсе неповинные въ совращеніи, и они рискуютъ быть осужденными только за то, что откровенно признаютъ за своимъ ученіемъ привилегію непогрѣшимости“. „Похваляя свою вѣру,—такъ разсуждаютъ иные судьи,—сектантъ тѣмъ самымъ вольно *или невольно* порицаетъ православіе; осуждая православіе, онъ тѣмъ самымъ склоняетъ собесѣдника къ отступничеству“. По справедливому замѣчанію корреспондента, это: *или невольно* — „своего рода перлъ, стоющій подчасъ весьма дорого, хотя и не судьямъ“.

Отдѣлъ отчета за 1886 г., посвященный сектантамъ—штундистамъ и молоканамъ,—написанъ, сравнительно съ прежними годами, въ болѣе умѣренномъ тонѣ и, что еще важнѣе, рѣже упоминаетъ о „гражданскихъ мѣропріятіяхъ“ противъ сектантовъ. Изъ отчета за 1885 г. мы узнали, что кромѣ административныхъ и судебныхъ каръ штундистамъ угрожаетъ иногда народная расправа, остающаяся, повидимому, безъ законнаго возмездія; въ отчетѣ за 1886 г. нѣтъ рѣчи, къ счастью, ни о чемъ подобномъ. Когда въ селѣ Малой Мечетнѣ (Подольской губерніи) появилось два штундиста, крестьяне обратились къ мѣстному духовному начальству, а послѣднее къ гражданскому—„съ просьбою о немедленномъ выселеніи обоихъ лжеучителей и о преданіи ихъ законной отвѣтственности“. Это все же лучше, чѣмъ крестьянскій самосудъ, столь легко выходящій за предѣлы первоначальнаго плана,—и притомъ это единственный, приводимый въ отчетѣ случай, когда обвинителями сектантовъ являются сами крестьяне. Въ селѣ Сеньковкѣ (Черниговской губерніи) крестьяне ограничились тѣмъ, что выгнали штундистовъ, пришедшихъ къ нимъ на заработки... Насилія со стороны населенія и преслѣдованія со стороны власти представляются тѣмъ менѣе желательными орудіями въ борьбѣ съ сектантствомъ, что оно гораздо легче уступаетъ другому, противоположному образу дѣйствій. По словамъ отчета, противоштундистской миссіи въ херсонской епархіи удалось, во многихъ мѣстахъ, подорвать почву подъ штундизмомъ,—а между тѣмъ не видно, чтобы миссіонеры выступали

изобличителями штундистовъ передъ свѣтскою властью. Въ селѣ Нововасильевкѣ (Таврической епархіи) мѣстный священникъ „своимъ благоговѣйнымъ священнослуженіемъ, безкорыстіемъ и устными собесѣдованіями настолько смягчилъ сердца мѣстныхъ молоканъ, что они обращаются къ нему за совѣтами въ разныхъ обстоятельствахъ жизни". Во время посѣщенія этого села преосвященнымъ Таврическимъ „молокане съ своими старшинами встрѣтили архипастыря въ оградѣ православной церкви съ хлѣбомъ-солью, и по выходѣ его изъ православной школы просили посѣтить ихъ школу, въ чемъ имъ и не было отказано". Какими гоненіями можно было бы достигнуть подобныхъ результатовъ?

По словамъ отчета за 1887 г., штундизмъ мало привлекаетъ великороссовъ, которые, въ случаѣ уклоненія отъ православія, предпочитаютъ расколъ; онъ болѣе сроденъ малороссійскому характеру и распространяется преимущественно въ средѣ малороссовъ, въ епархіяхъ Кіевской, Херсонской, Волынской, Подольской и Кишиневской (больше всего—въ двухъ первыхъ). Послѣдователей штунды въ херсонской епархіи въ 1887 г. насчитывалось до 3.000; сравнительно съ 1886 г. число ихъ увеличилось почти на триста душъ. Распространителями штундизма, какъ и прочихъ сектъ, являются „люди разнаго рода, большею частью проходимцы, имѣющіе печальное прошлое. Побужденіемъ къ проповѣдничеству является у нихъ несомнѣнно корысть. Извѣстные вожаки штундизма получаютъ изъ неизвѣстныхъ источниковъ денежныя субсидіи. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что пропагандистами штундизма иногда являются евреи, не имѣющіе ничего общаго съ христіанствомъ, какіе-то выходцы изъ Персіи и тому подобные люди. Такія личности для успѣховъ пропаганды штундизма не отступаютъ ни предъ какими мѣрами и средствами. Они не стѣсняются совращать и принимать въ свою общину людей съ неодобрительнымъ поведеніемъ, если видятъ, что услугами ихъ можно пользоваться для своихъ выгодъ. Въ одномъ мѣстѣ штундисты торопливо окрестили въ свою секту бывшаго волостного писаря, удаленнаго отъ должности за пьянство, купили ему домъ и вообще пріютили его, очевидно

считая важнымъ пріобрѣтеніемъ для себя человѣка грамотнаго и знающаго всю сельскую судебную казуистику... Нѣкоторые пропагандисты штундизма явно уличены были въ распространеніи среди православныхъ своего лжеученія и преданы суду. Впрочемъ историческія преданія и здравый смыслъ народа берутъ свое. Народъ относится къ этой сектѣ съ недовѣріемъ, а по мѣстамъ съ негодованіемъ и даже презрѣніемъ. Были случаи проявленія ревности со стороны православныхъ мірянъ, которые вели горячія пренія съ штундистами. Но были случаи проявленія ревности по вѣрѣ, со стороны православнаго населенія нежелательные: это были взрывы негодованія обществъ и отдѣльныхъ лицъ противъ штундистовъ, приводившіе къ дѣйствіямъ несогласнымъ съ духомъ христіанства, напримѣръ къ насилію надъ ненавистными сектантами". Чѣмъ сильнѣе противодѣйствіе, встрѣчаемое штундизмомъ со стороны населенія, тѣмъ меньше, повидимому, представляется основаній къ возбужденію уголовныхъ дѣлъ, приводящихъ, сплошь и рядомъ, къ дальнѣйшему распространенію преслѣдуемыхъ вѣрованій. Такъ напримѣръ, въ 1886 г. новгородскій окружной судъ приговорилъ телеграфиста Тихонова и крестьянина Вегздина къ заключенію въ тюрьмѣ за проповѣдь ученія, близкаго къ пашковской доктринѣ. И что же? Въ 1887 г., въ округѣ того же суда (въ боровичскомъ уѣздѣ), три крестьянина, по словамъ отчета, распространяли пашковское ученіе. Ихъ, очевидно, не устрашила участь Тихонова и Вегздина, а можетъ быть именно она и побудила ихъ къ дѣятельности, вѣроятно не оставшейся безъ неблагопріятныхъ для нихъ послѣдствій.

Послѣдователи Пашкова встрѣчаются, кромѣ Новгородской, и въ другихъ епархіяхъ: С.-Петербургской, Тверской, Тульской, Таврической. Что въ Петербургѣ—читаемъ мы въ отчетѣ—„есть центръ этого лжеученія, и не одинъ, о томъ знаетъ вся столица. Благочинные приходскіе священники и даже ревностные къ православію міряне сообщаютъ епархіальному начальству немало свѣдѣній о зловредныхъ дѣйствіяхъ пашковцевъ; но свѣдѣніямъ этимъ трудно дать оффиціальный ходъ, потому что могущіе быть свидѣтелями по

этимъ дѣламъ уклоняются отъ сего, опасаясь мщенія и преслѣдованій отъ пашковцевъ, во главѣ которыхъ немало находится людей богатыхъ и вліятельныхъ. Епархіальное начальство полагаетъ, что вопросъ о пашковской сектѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго и безотлагательнаго обсужденія со стороны высшей духовной и гражданской власти. Въ Ямбургскомъ уѣздѣ были попытки открытой пропаганды пашковскаго ученія среди православныхъ". Остается неизвѣстнымъ, какихъ именно „преслѣдованій" со стороны пашковцевъ опасаются лица, уклоняющіяся отъ свидѣтельства? Какъ видно изъ отчета, не боятся сообщать свѣдѣнія о пашковцахъ ревностные міряне; но если ихъ не постигаетъ за то мщеніе обвиняемыхъ, то гдѣ причина думать, что ему подверглись бы свидѣтели?.. Въ Тульской епархіи вліяніе ложныхъ ученій замѣтно болѣе всего въ двухъ селахъ Крапивенскаго уѣзда—Сергіевскомъ и Кочакахъ, съ сельцомъ Ясной Поляной. „Въ Сергіевскомъ приходѣ продолжалась, въ 1887 г., пропаганда пашковскаго ученія. Въ прежнее время главные дѣятели пропаганды—княгиня Гагарина и госпожа Козлянинова — разсылали и раздавали массу брошюръ, изданныхъ обществомъ поощренія духовно-нравственнаго чтенія, открывали публичныя собранія въ женской Гагаринской школѣ и устраивали такія же собранія въ собственномъ домѣ. Въ 1887 г. не было слышно о распространеніи брошюръ названнаго общества, прекратились и публичныя собранія въ женской Гагаринской школѣ, но продолжались собранія въ домѣ князя Гагарина, въ которыхъ принимали участіе, считая себя послѣдователями пашковскаго лженія, всѣ служащіе при домѣ и больницѣ Гагариныхъ и многія посторонніе лица. Въ Кочаковскомъ приходѣ продолжалась пропаганда міросозерцанія и нравственныхъ убѣжденій графа Толстого, хотя не съ тою энергіею и усердіемъ, какъ въ прежнее время".

Отчетъ за 1888 и 1889 гг. положительно и прямо провозглашаетъ цѣлесообразность репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ нѣкоторымъ сектамъ раціоналистическаго характера, особенно по отношенію къ штундизму. Уже въ 1884 г. признавалось необходимымъ „строжайшее преслѣдованіе виновныхъ какъ въ

распространеніи штундизма, такъ и въ привлеченіи къ оному лицъ православнаго исповѣданія, посредствомъ проповѣдыванія или иными способами". Сообразно съ этимъ сдѣлано было надлежащее распоряженіе со стороны министерства юстиціи. „Мѣропріятія, предпринятыя къ ослабленію штундизма и къ противодѣйствію успѣхамъ штундистской пропаганды,—продолжаетъ отчетъ—оказались недостаточными для прекращенія этого зла". Въ 1889 г. состоялся новый рядъ мѣръ, направленныхъ къ той же цѣли. Приходскому духовенству вмѣнено было въ непремѣнную обязанность „о всякомъ случаѣ появленія въ приходѣ какого-либо лжеученія безотлагательно доносить непосредственно преосвященнымъ, чтобы послѣдніе, по таковымъ донесеніямъ, имѣли возможность немедленно дѣлать соотвѣтствующія распоряженія". Преосвященнымъ внушено было, между прочимъ, „настойчиво требовать отъ духовенства дружнаго, въ духѣ вѣры и кротости, дѣйствованія противъ лжеучителей и лжеученій". Оберъ-прокуроръ св. синода, въ то же самое время, вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, прося, „чтобы со стороны гражданской власти было оказываемо духовенству содѣйствіе въ его дѣятельности къ ослабленію штундизма" — и министромъ предложено было губернаторамъ, „чтобы всѣми зависящими отъ нихъ способами оказывалось православному духовенству полное содѣйствіе и возможная помощь въ его дѣятельности къ ослабленію и прекращенію вреднаго лжеученія". Для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ „дѣйствованіе въ духѣ кротости" можетъ быть совмѣщено съ обращеніемъ въ гражданской власти, мѣры которой, по самому своему свойству, отличаются качествами прямо противоположными кротости Наставленіе, ultima ratio котораго заключается въ угрозѣ уголовной карой, можетъ устрашить, но не убѣдить — а устрашеніе безсильно вызвать что-либо иное, кромѣ внѣшняго, формальнаго согласія съ предъявленными требованіями.

Пропагандистами штундизма и близкаго къ нему баптизма являются преимущественно рабочіе и крестьяне. Въ пропагандѣ „пашковскаго лжеученія", судя по словамъ отчета, также участвуютъ рабочіе, но рядомъ съ ними дѣйствуютъ и „люди изъ интелли-

гентнаго сословія". Такъ напримѣръ, „вдова извѣстнаго генерала, пріѣзжая на лѣтнее время въ свободу Лизиновку, Воронежской губерніи, приглашаетъ къ себѣ служащихъ въ ея имѣніи и читаетъ имъ мѣста изъ Новаго Завѣта, съ своимъ толкованіемъ, а также молитвы собственнаго сочиненія. Проживающій въ своей усадьбѣ Освященской волости, Тверской губерніи, кандидатъ университета внушаетъ крестьянамъ, что въ церковь ходить не слѣдуетъ и священника съ иконами принимать къ себѣ въ домъ не нужно. Пропагандою пашковскаго ученія заявили себя и другіе землевладѣльцы". Не этою ли разницею въ общественномъ положеніи пропагандистовъ объясняется и разница въ способѣ ихъ обузданія? Изъ отчета видно, что по отношенію къ двумъ главнымъ „пашковцамъ" самому Пашкову и барону (графу?) Модесту Корфу— принята мѣра, вообще неизвѣстная ни нашимъ законамъ (по крайней мѣрѣ для русскихъ подданныхъ), ни нашей административной практикѣ: высылка за границу, безъ сомнѣнія гораздо менѣе чувствительная, чѣмъ ссылка въ каторжную работу или на поселеніе въ Сибирь. Почему бы не установить аналогичное взысканіе и для распространителей штундизма, разъ что они привлекаются къ судебной отвѣтственности? Отчетъ не дѣлаетъ никакого существеннаго различія между штундизмомъ, баптизмомъ и „пашковщиною", приписывая имъ всѣмъ „ненависть къ православію"; отсюда вытекаетъ само собою уравненіе ихъ и передъ лицомъ уголовнаго закона—уравненіе, конечно, не въ смыслѣ одинаковой строгости, а въ смыслѣ одинаковаго снисхожденія.

Отчетъ за 1890 и 1891 гг. даетъ слѣдующую характеристику штундистовъ: „при отсутствіи положительнаго вѣроученія, штунда, съ остальными сродными ей сектами, старается, повидимому, утвердиться на нравственныхъ практическихъ требованіяхъ христіанства. Во внѣшнемъ своемъ благоповеденіи сектанты дѣйствительно строго стараются исполнить предписанія нравственныя, чѣмъ и располагаютъ въ свою пользу поверхностныхъ наблюдателей: штундисты весьма строго чтятъ воскресные дни, отвыкаютъ отъ привычекъ пить водку и курить табакъ, не ругаются дурными

словами и т. п. Но въ связи съ этими похвальными качествами развиваются у нихъ другія, нравственно несимпатичныя черты; такъ, всѣ лучшія стороны своего поведенія штундисты при каждомъ случаѣ стараются выставить на показъ предъ православными и при этомъ проявляютъ необыкновенную гордость и фарисейское самомнѣніе (явленіе общее всѣмъ сектамъ). Всѣ мѣста священнаго писанія, въ которыхъ говорится о святыхъ, о народѣ Божіемъ, о новой тварн во Христѣ, сектанты всецѣло примѣняютъ къ себѣ. При всей своей видимой добропорядочности, почти всегда они оказываются на дѣлѣ людьми черствыми, мстительными, гордыми. непочтительными къ авторитетамъ, склонными къ задорной спорливости и прекословіямъ. По отзывамъ православныхъ крестьянъ, штундистъ, не употребляя ни одного браннаго слова, можетъ такъ досадить, что можетъ вывести изъ терпѣнія и довести до насилія. О прямыхъ порокахъ сектантовъ, которые въ дѣйствительности встрѣчаются весьма нерѣдко, нужно сказать, что съ штундистами въ этомъ случаѣ повторяется то же, что и со всѣми подобными сектами: непомѣрное развитіе лицемѣрія и фарисейства. Сюда же нужно отнести и существованіе у нихъ самосуда, такъ что дѣла о проступкахъ сектантовъ очень рѣдко восходятъ на судъ правительственный и принимаютъ огласку. Для достиженія спасенія сектанты совершенно отрицаютъ необходимость нравственныхъ подвиговъ воздержанія и самоотверженія и признаютъ достаточнымъ исполненіе требованій относительно внѣшняго благоповеденія". Съ нашей точки зрѣнія трудно допустить, чтобы какое бы то ни было ученіе, если оно не идетъ въ разрѣзъ съ основными началами нравственности, могло сдѣлать всѣхъ или почти всѣхъ его приверженцевъ людьми дурными—черствыми, мстительными, лицемѣрными. Трудно допустить также, чтобы доктрина, тѣсно связанная съ протестантизмомъ, могла выдвигать на первый планъ „требованія внѣшняго благоповеденія", слишкомъ высокая оцѣнка которыхъ католицизмомъ была одною изъ причинъ реформаціоннаго движенія. Весьма можетъ быть, что на крестьянъ, привыкшихъ употреблять бранныя слова, сдержанность штундистовъ дѣй-

ствуетъ раздражающимъ образомъ: но это слѣдуетъ поставить въ вину скорѣе крестьянамъ, чѣмъ штундистамъ, особенно если раздраженіе выражается въ видѣ насилія. Едва ли, наконецъ, можно выводить „лицемѣріе“ и „фарисейство“ штундистовъ изъ практикуемаго между ними „самосуда“. Самосудъ—понимаемый, конечно, не въ смыслѣ самоуправства, а въ смыслѣ примирительнаго разбирательства—явленіе обычное въ средѣ небольшихъ, тѣсно сплоченныхъ религіозныхъ общинъ, въ особенности если онѣ терпятъ гоненіе за вѣру. Правило о „невынесеніи сора изъ избы“ соблюдается здѣсь не въ силу желанія скрыть отъ посторонняго глаза слабыя стороны общины, а въ силу предубѣжденія противъ суда и вообще противъ вмѣшательства власти.

Обсуждая мѣры борьбы съ раціоналистическимъ сектантствомъ, миссіонерскій съѣздъ 1891 г. „поставилъ на первомъ планѣ мѣры церковно-миссіонерскаго воздѣйствія на сектантовъ въ духѣ мира, любви и сожалѣнія къ врагамъ церкви“, но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ необходимымъ „содѣйствіе гражданской власти“, въ видѣ „нѣкоторыхъ ограничительныхъ административныхъ мѣръ“. Къ числу такихъ „административныхъ“ мѣръ съѣздъ относитъ, между прочимъ, воспрещеніе наиболѣе упорнымъ изъ послѣдователей болѣе вредныхъ сектъ отлучки изъ ихъ мѣстъ жительства безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія губернатора; передачу преступленій противъ вѣры и церкви изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ въ вѣдѣніе суда съ сословными представителями; запрещеніе послѣдователямъ болѣе вредныхъ сектъ покупки и арендованія поземельной собственности; тщательное наблюденіе начальствующихъ по крестьянскимъ дѣламъ, чтобы въ волостныя и сельскія общественныя должности не поставлялись явные еретики или лица сомнительной честности и твердости въ православіи. „Нѣкоторыя административныя мѣры“ оказываются, такимъ образомъ, цѣлою совокупностью постановленій, требующихъ законодательнаго утвержденія и направленныхъ не только къ возстановленію порядка, существовавшаго до закона 3-го мая 1883 г. (ограниченіе свободы передвиженія и права быть избираемымъ въ общественныя должно-

сти), но и къ усложненію его новыми стѣсненіями... „Въ виду случаевъ развращающаго вліянія сектантовъ на живущихъ съ ними въ одной семьѣ православныхъ, а также насилій, насмѣшекъ и стѣсненій православныхъ отъ своихъ домашнихъ сектантовъ“, съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы „гонимымъ сектантами за вѣру членамъ православныхъ семей, въ особенности же несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, было оказываемо покровительство со стороны православнаго духовенства, вмѣстѣ съ должностными лицами, тѣми мѣрами, какія имѣются въ распоряженіи гражданской власти применительно къ ст. 190 улож. о наказ.“. Съ перваго взгляда это желаніе можетъ показаться не совсѣмъ понятнымъ. Если „насиліе“ или „развращающее вліяніе“ соединяетъ въ себѣ признаки преступленія, оно всегда можетъ сдѣлаться объектомъ уголовнаго преступленія—и наоборотъ, „насмѣшки“ или „стѣсненія“, не заключающія въ себѣ ничего противозаконнаго, вовсе не подлежатъ вѣдѣнію гражданской власти. Настоящая мысль съѣзда выясняется ссылкой на ст. 190 улож. о наказ., въ силу которой дѣти, подлежащія, по закону, воспитанію въ православной вѣрѣ, но воспитываемыя родителями по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія, отдаются на воспитаніе родственникамъ православнаго исповѣданія или, за неимѣніемъ ихъ, назначаемымъ отъ правительства опекунамъ, также православной вѣры. Предложеніе дѣйствовать *примѣнительно* къ этой статьѣ направлено, слѣдовательно, не къ чему иному, какъ къ *отобранію* дѣтей, крещенныхъ въ православіи, отъ родителей-штундистовъ, хотя бы послѣдніе и не подходили подъ прямой смыслъ ст. 190, т. е. не воспитывали бы своихъ дѣтей по обрядамъ штунды. Нужно ли объяснять, что̀ означаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ разлученіе дѣтей отъ родителей, отдача ихъ въ чужую имъ семью, на попеченіе лицъ, не связанныхъ съ ними никакою внутреннею связью?.. *Гоненіе за вѣру*, направляемое родителями противъ *несовершеннолѣтнихъ* дѣтей—нѣчто совершенно немыслимое или мыслимое развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ; но, при извѣстномъ предубѣжденіи, предположить его существованіе не

трудно, а признать его доказаннымъ тѣмъ легче, что самихъ дѣтей допрашивать объ образѣ дѣйствій родителей, по всей вѣроятности, не будутъ. Правило, установленное ст. 190 улож. о нак., принадлежитъ къ числу самыхъ жестокихъ во всемъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ; слѣдуетъ желать скорѣйшей его отмѣны, а отнюдь не дальнѣйшаго распространенія...

Насколько нежелательна и безплодна борьба съ ересью путемъ уголовныхъ каръ и административныхъ стѣсненій, настолько же цѣлесообразно устраненіе внѣшнихъ условій, благопріятствующихъ распространенію сектантства. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно важно слѣдующее указаніе отчета: „въ Херсонской губерніи основная причина происхожденія штунды заключается въ той экономической зависимости, въ какой находится русское населеніе края отъ нѣмцевъ-штундистовъ. Эта зависимость ведетъ свое начало еще съ того времени, когда для заселенія Новороссійскаго края приглашались всякаго рода бѣглецы, бродяги и проч., которые селились гдѣ имъ было угодно. Послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости они не получили земельныхъ надѣловъ и образовали изъ себя классъ такъ называемыхъ мѣщанъ-десятинщиковъ, численность которыхъ равняется $^1/_4$ всего крестьянскаго населенія Херсонской губерніи. Арендуя земельные участки преимущественно у нѣмцевъ, въ рукахъ которыхъ находится масса земли, они естественно стали въ экономическую зависимость, которая сдѣлалась удобнымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмцевъ для проведенія въ народъ протестантскихъ воззрѣній и обычаевъ нѣмецкихъ. Успѣхъ нѣмецкой пропаганды штундизма въ значительной степени обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что русское населеніе, разбросанное отдѣльными поселками по обширнымъ степямъ, во многихъ случаяхъ удалено отъ православныхъ храмовъ: изъ 167 поселеній Херсонской губерніи, зараженныхъ штундой, 105 не имѣютъ православныхъ храмовъ, причемъ $^3/_4$ всего числа штундистовъ составляютъ названные выше мѣщане-десятинщики“. Изъ этого указанія вытекаетъ сама собою необходимость озаботиться не только увеличеніемъ числа православныхъ храмовъ, но

и надѣленіемъ мѣщанъ-десятинщиковъ землею, въ размѣрахъ, достаточныхъ для экономической ихъ самостоятельности.

Въ отчетѣ за 1892 и 1893 гг. о сектантствѣ говорится, бо́льшею частью, въ связи съ расколомъ. Предложеніе запретить молитвенныя собранія мотивируется собственно по отношенію къ сектантамъ тѣмъ, что для нихъ, „какъ для людей, отвергающихъ священные обряды, подобныя собранія не имѣютъ своей надлежащей цѣли, а между тѣмъ способствуютъ утвержденію сектъ и служатъ мѣстомъ и средствомъ совращенія православныхъ“. Если молитвенныя собранія не имѣютъ цѣли для самихъ сектантовъ, то какъ же объяснить ихъ готовность скорѣе выносить преслѣдованія и наказанія, чѣмъ отказаться отъ собраній? Потребность въ религіозномъ общеніи неискоренима; можно отрицать обряды—и все-таки дорожить общей молитвой, слушаніемъ религіозныхъ чтеній и поученій. Достаточной гарантіей противъ присутствія православныхъ въ сектантскихъ собраніяхъ является опасность тяжкой уголовной отвѣтственности за совращеніе... Дѣйствіямъ сектантовъ по прежнему приписываются дурныя, низкія побужденія. По словамъ отчета, въ Нижегородской епархіи „всѣ пашковцы живутъ въ имѣніи г. Пашкова (въ Сергачскомъ уѣздѣ) и примыкающихъ къ нему мѣстностяхъ; совратились изъ православія изъ-за хорошихъ окладовъ, которые получаютъ отъ Пашкова, а не по убѣжденію“. Въ Орловской епархіи „центромъ штундизма является Карачевскій уѣздъ или, собственно, имѣніе Н. П. Зиновьева, многіе изъ служащихъ котораго, „по его наученію и вліянію, держатся этой секты“. Какимъ образомъ можно опредѣлить причины, заставляющія то или другое лицо держаться тѣхъ или другихъ вѣрованій? „Совратиться изъ-за хорошаго оклада“—вѣдь это чрезвычайно тяжкое обвиненіе, требующее весьма сильныхъ доказательствъ. Вѣроятность его ослабляется, притомъ, тѣмъ простымъ соображеніемъ, что открытая принадлежность къ пашковской сектѣ легко можетъ повлечь за собою удаленіе изъ данной мѣстности, а, слѣдовательно, и потерю получаемаго въ ней оклада.

Необходимо содѣйствіе свѣтской власти въ борьбѣ съ сектан-

ствомъ — такова, вообще, основная мысль отчета, идущаго, въ этомъ отношеніи, еще дальше, чѣмъ прежніе. Хотя примѣръ Финляндіи, гдѣ, по словамъ отчета, „въ дѣлѣ огражденія православныхъ отъ чуждыхъ вліяній нельзя опереться на мѣстное правительство“, и удостовѣряетъ, что православная церковь, даже при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, можетъ обойтись безъ внѣшней поддержки [1]), но обращеніе къ этой поддержкѣ постоянно выдвигается на первый планъ, признается непзбѣжнымъ и существенно важнымъ. „Одной духовно-нравственной дѣятельности духовенства“ —читаемъ мы въ отчетѣ—„недостаточно для пресѣченія дальнѣйшаго распространенія въ народѣ религіознаго сектанства, такъ какъ пастырское слово убѣжденія и вразумленія не всегда можетъ оказаться дѣйствительнымъ тамъ, гдѣ оно встрѣчается съ злою волею и недобрыми намѣреніями“. На этомъ основаніи рекомендуется, въ видѣ общей мѣры, „выселеніе, по приговорамъ сельскихъ обществъ, или по представленіямъ губернаторовъ, сектанскихъ руководителей, въ мѣстности, кои будутъ усмотрѣны для сего удобнѣйшими“. Кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „сектанскихъ руководителей“? Людей, стремящихся распространять ученіе извѣстной секты? Но вѣдь они подходятъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона, подлежатъ судебному преслѣдованію; къ чему же принимать противъ нихъ административно-полицейскія мѣры? Развѣ потому, что ихъ вина не можетъ быть доказана съ достаточною достовѣрностью? Но вѣдь вина недоказанная равносильна отсутствію вины; основаніемъ для карательныхъ мѣръ— а высылка въ отдаленныя мѣста, хотя бы и по распоряженію администраціи, имѣетъ, безъ сомнѣнія, характеръ кары,— предположенія, догадки служить ни въ какомъ случаѣ не должны. Тѣмъ менѣе справедливой административная высылка представлялась бы по отношенію къ такимъ лицамъ, которыя, „руководя“ сектантами, т.-е. пользуясь между ними значеніемъ и авторитетомъ, воз-

[1]) Высокопреосвященный финляндскій признаетъ состояніе финляндской православной церкви «если и не весьма блестящимъ, то и не безотраднымъ».

держиваются отъ всякой пропаганды своего ученія въ средѣ православныхъ другими словами, не навлекаютъ на себя даже подозрѣнія въ преступной дѣятельности. Изъ двухъ способовъ высылки, указываемыхъ въ отчетѣ, высылка по приговору общества лишь тогда можетъ быть признана согласной не только съ буквой, но и съ *духомъ* закона, когда ея инициатива принадлежитъ исключительно крестьянамъ, когда она выражаетъ собою ихъ сознательную, свободную волю. Всякое *внушеніе*, столь легко переходящее въ *понужденіе*, совершенно извращаетъ характеръ этой мѣры, прикрывая произволъ власти самостоятельнымъ лишь по формѣ рѣшеніемъ крестьянъ. При настоящемъ положеніи крестьянскаго самоуправленія никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что мірской приговоръ никѣмъ не продиктованъ. *Рекомендація* высылки по приговору обществъ, какъ общаго способа борьбы съ сектантствомъ, представляется, поэтому, еще болѣе опасной, чѣмъ рекомендація высылки по представленію губернатора. Въ послѣднемъ случаѣ нравственную отвѣтственность за дискреціонное распоряженіе принимаетъ на себя тотъ, отъ кого оно дѣйствительно исходитъ; въ первомъ случаѣ отвѣтственнымъ является, сплошь и рядомъ, *мнимый* виновникъ произвольной мѣры...

Въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ Одесскаго учебнаго округа имѣлись среди учениковъ дѣти штундистовъ, которые или не хотѣли изучать законъ Божій, отговариваясь тѣмъ, что родители запрещаютъ имъ это, или не хотѣли исполнять религіозныя обязанности и православные обряды, ссылаясь на то, что ихъ вѣра не дозволяетъ всего этого. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, съ которымъ, въ 1893 г., сносилось по этому предмету министерство народнаго просвѣщенія, увѣдомилъ, что въ церковно-приходскихъ школахъ Херсонской епархіи ученики-штундисты обязаны исполнять всѣ требованія школы какъ относительно изученія предметовъ, въ томъ числѣ и закона Божія, такъ и относительно соблюденія православныхъ церковныхъ обрядовъ, а въ случаѣ уклоненія отъ этихъ требованій, виновные немедленно должны быть удаляемы изъ школъ. Признавая этотъ порядокъ правильнымъ и

согласнымъ какъ съ требованіями церковной дисциплины, такъ и съ задачами школьнаго воспитанія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Побѣдоносцевъ высказался за примѣненіе той же мѣры и къ дѣтямъ штундистовъ, посѣщающимъ начальныя народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе оберъ-прокурора Св. Синода, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ о томъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, для соотвѣтственнаго распоряженія... Послѣдствіемъ этой мѣры весьма легко могло быть или совершенное уклоненіе штундистовъ отъ посылки своихъ дѣтей въ оффиціально существующія школы, или развитіе между ними лицемѣрія, одинаково вреднаго для нихъ самихъ и для окружающаго ихъ общества.

Уже въ началѣ 1890-хъ годовъ неоднократно шла рѣчь о томъ, не слѣдуетъ ли установить относительно штундистовъ, какъ секты особенно вредной, цѣлый рядъ изъятій изъ дѣйствующихъ законовъ. Въ 1891 г. была оглашена въ печати программа мѣропріятій по этому предмету, составленная епископомъ уманскимъ, викаріемъ кіевской епархіи [1]). Однимъ изъ пунктовъ программы было воспрещеніе штундистскихъ собраній. Нѣсколько времени спустя въ газетахъ появились свѣдѣнія о законопроектѣ, составленномъ, въ томъ же духѣ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ основу законопроекта было положено категорическое признаніе штундизма противогосударственною и антирелигіозною сектой; въ виду этого за умышленное совращеніе православныхъ въ штундизмъ, а равно за кощунственныя выходки противъ господствующей въ имперіи православной церкви, предполагалось установить, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, строгія карательныя мѣры, до ссылки въ отдаленныя мѣста Сибири и каторжныя работы включительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось, что лица, уличенныя въ принадлежности къ штундизму, не могутъ занимать должностей волостныхъ старшинъ, волостныхъ судей и писарей, сельскихъ старостъ и

[1]) Программа эта перепечатана во внутр. обозрѣніи № 3 «Вѣстника Европы» за 1891 г.

другія общественныя должности крестьянскаго самоуправленія. Предварительно введенія въ дѣйствіе означеннаго законопроекта, предположено было точно установить число штундистовъ и опредѣлить всѣ пункты, гдѣ имѣютъ мѣстопребываніе послѣдователи этой секты. Мѣста наибольшаго скопленія штундистовъ должны были быть подвергнуты постоянному надзору мѣстной администраціи и полицейскихъ властей. Воспроизведя это сообщеніе, мы сопоставили его съ извѣстіемъ, заимствованнымъ изъ „Кіевскаго Слова“. Въ Керданы—село Таращанскаго уѣзда (Кіевской губерніи), въ которомъ особенно много штундистовъ,— „назначенъ былъ, временно, іеромонахъ Леонидъ. Безкорыстные труды и энергическая дѣятельность отца Леонида произвели весьма благопріятное впечатлѣніе какъ на штундистовъ, такъ и на православныхъ въ этомъ, смущенномъ штундистскою пропагандой приходѣ. Для бесѣды со штундистами отецъ Леонидъ началъ ходить къ нимъ на домъ и бесѣдовать въ одиночку то съ однимъ, то съ другимъ семействомъ, отличающимися упорствомъ въ штундѣ и знаніемъ Св. Писанія. Хотя онъ въ этихъ бесѣдахъ весьма часто подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ ярыхъ лжеучителей, однако въ короткое время его миссіонерской дѣятельности восемь душъ штундистовъ уже возвратились въ лоно православной церкви. Въ дѣятельности отца Леонида особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что онъ учредилъ въ с. Керданахъ общество трезвости, въ члены котораго записалось очень много православныхъ—и стариковъ, и молодежи. Проектъ устава этого общества представленъ уже на утвержденіе епархіальнаго начальства. Затѣмъ отецъ Леонидъ убѣдилъ керданскихъ прихожанъ на будущее время закрыть всѣ питейныя заведенія въ этомъ селѣ. Этими дѣйствіями отца Леонида штундисты остались весьма довольны и теперь отзываются о немъ съ уваженіемъ и похвалой. Разнесся, однако, слухъ, что въ Керданы назначенъ новый священникъ, а отецъ Леонидъ отзывается въ свою обитель. Большинство прихожанъ искренно жалѣетъ о томъ, что такъ успѣшно начатая дѣятельность этого миссіонера прекращается“. Не ясно ли, въ чемъ заключается единственный надежный и достойный способъ борьбы со штундой?

Дальнѣйшаго хода законопроектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не получилъ: противъ штундизма была принята, внѣ законодательнаго порядка, мѣра менѣе широкаго характера. Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ возбужденный кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ вопросъ о способахъ борьбы съ штундизмомъ, нашелъ, что въ законѣ 3-го мая 1883-го года не содержится разграниченія сектъ на болѣе или менѣе вредныя, вслѣдствіе чего послѣдователи штунды, признанной особо вредною какъ св. синодомъ, такъ и гражданскою администраціею, могутъ расчитывать на тѣ права и льготы, которыя предоставлены обыкновеннымъ раскольникамъ, самое же преслѣдованіе ихъ дѣяній на почвѣ означеннаго закона представляется крайне затруднительнымъ. Между тѣмъ молитвенныя собранія штундистовъ, какъ это выяснено продолжительнымъ наблюденіемъ за развитіемъ штунды въ юго-западномъ краѣ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходовъ, не только способствуютъ укрѣпленію сектантовъ въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но и служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія штундистскаго лжеученія среди православныхъ. Принявъ, далѣе, во вниманіе, что принятыми въ послѣднее время кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ особыми мѣрами, состоящими, между прочимъ, въ запрещеніи молитвенныхъ собраній послѣдователей штунды, достигнуты весьма благопріятныя послѣдствія, а между тѣмъ такія распоряженія основывались исключительно на полномочіяхъ, предоставленныхъ кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору положеніемъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и не могли быть примѣняемы въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя положеніе это не распространяется, комитетъ министровъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. синода, объявить секту штунду болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Положеніе Комитета Высочайше утверждено 4-го іюля 1894 го года. Такъ какъ государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта закона 3-го мая 1883 г., опредѣленіе вопроса о томъ,

къ послѣдователямъ какихъ именно сектъ можетъ быть примѣненъ означенный законъ, предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ о томъ соглашеніи съ св. синодомъ, то министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ по сему вопросу въ сношеніе съ статсъ-секретаремъ Побѣдоносцевымъ. По сообщеніи послѣднимъ состоявшагося уже ранѣе опредѣленія св. синода о признаніи штунды сектою особо вредною, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ, съ своей стороны, и объявилъ штунду одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ сектъ, при чемъ по министерству сдѣланы строгія распоряженія о повсемѣстномъ запрещеніи общественныхъ и молитвенныхъ собраній послѣдователей этой секты, подъ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ симъ было разъяснено, что права и льготы, дарованныя закономъ 3-го мая 1883-го года раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, не могутъ быть примѣняемы къ штундистамъ или русскимъ баптистамъ, какъ нѣкоторые изъ послѣдователей этой секты себя называютъ.

Итакъ, по мнѣнію комитета министровъ, послѣдователи штунды, за силою закона 3-го мая 1883 г., могли расчитывать на тѣ права и льготы, которыя были Высочайше предоставлены обыкновеннымъ раскольникамъ; комитетъ призналъ также, что преслѣдованіе ихъ дѣяній на почвѣ вышеозначеннаго закона представляется крайне затруднительнымъ. И дѣйствительно, ст. 48 т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. преступл. (изд. 1890 г.), основанная на законѣ 3-го мая 1883 г., дозволяетъ раскольникамъ творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ. Устройство такихъ зданій, а также ихъ возобновленіе и исправленіе, поставлено въ зависимость отъ административнаго разрѣшенія, но право собираться для молитвы въ частныхъ домахъ ничѣмъ не ограничено. Столь же безусловно установлена тѣмъ же закономъ (ст. 46) безотвѣтственность раскольническихъ уставщиковъ и наставниковъ за исполненіе у раскольниковъ духовныхъ требъ, если

только они не распространяютъ при этомъ свои заблужденія между православными и не совершаютъ другихъ преступныхъ дѣяній. Свобода передвиженія ограничена закономъ (ст. 62) *исключительно* для скопцовъ. Изъятіе штундистовъ изъ дѣйствія закона 3-го мая 1883 г. могло, слѣдовательно, состояться только путемъ отмѣны его, по отношенію къ нимъ, другимъ закономъ [1]), такъ какъ, по ст. 72 законовъ основныхъ, законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силою новаго закона. По ст. 73-ей, отмѣна закона существующаго совершается тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ для составленія законовъ; законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе, какъ общимъ же закономъ. По ст. 50-ой, всѣ предначертанія законовъ *разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ* и потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе. Само собою разумѣется, что всѣ эти правила примѣнимы не только къ отмѣнѣ *цѣлаго* закона, но и къ отмѣнѣ той или другой его части, такъ какъ сила каждаго отдѣльнаго постановленія отнюдь не меньше, чѣмъ сила всѣхъ ихъ въ совокупности [2]). Въ особенности яснымъ это становится тогда, когда

[1]) Съ перваго раза можетъ показаться, что право административной власти ограничивать дѣйствіе закона 3-го мая 1883 г. вытекаетъ изъ самаго мнѣнія госуд. совѣта, предоставившаго министру внутреннихъ дѣлъ опредѣлять, къ послѣдователямъ какихъ именно сектъ можетъ быть примѣненъ означенный законъ. На самомъ дѣлѣ однако, въ текстъ закона это право министра внутреннихъ дѣлъ не введено и, слѣдовательно, не можетъ признаваться существующимъ; примѣчаніемъ 3-мъ къ ст. 48 уст. о пред. и прес. прест., основаннымъ на ст. 12 закона 3 мая 1883 г., министру предоставлено сообразоваться съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по закону, требуется его разрѣшеніе и утвержденіе (для устройства раскольническихъ молитвенныхъ зданій, для выбора раскольниковъ на общественныя должности, для вступленія ихъ въ иконописные цехи). Еслибы вышеупомянутое право принадлежало министру внутреннихъ дѣлъ въ силу закона 3 мая 1883 г., то совершенно излишнимъ было бы *предоставлять* ему это право, какъ это сдѣлано въ положеніи комитета министровъ 4 іюля 1894 г.

[2]) На основаніи ст. 160, 161 и 162 Учр. Министерствъ (изд. 1892 г.), государственный совѣтъ есть средоточіе, куда должны поступать всѣ представленія министровъ о необходимости новаго закона или объ отмѣнѣ прежняго. Никакое положеніе, подлежащее предварительному разсмотрѣнію и уваженію госуд. совѣта, не представляется Его Императорскому Величеству помимо совѣта. Объ *отмѣнѣ или измѣненіи* дѣйствующихъ законовъ министры входятъ въ госуд. совѣтъ съ представленіями не иначе, какъ испросивъ на то предварительное Высочайшее разрѣшеніе. *Измѣненіе* закона, такимъ образомъ, прямо приравнено въ его *отмѣнѣ*.

законъ, заключающій въ себѣ нѣсколько постановленій, уже включенъ въ составъ свода. Онъ теряетъ, при этомъ, свою первоначальную цѣлость; каждое отдѣльное его правило дѣлается какъ бы особымъ закономъ, и то, что по отношенію къ цѣлому являлось бы *измѣненіемъ*, по отношенію къ части имѣетъ прямо характеръ *отмѣны*. Нѣтъ, притомъ, такого закона, который бы ничего ни въ чемъ не измѣнялъ—и, наоборотъ, нѣтъ такого измѣненія существующаго закона, въ которомъ не было бы доли творчества и новизны. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: *измѣненіе* закона 3 мая 1883 г. по отношенію къ питундистамъ создаетъ для нихъ положеніе существенно отличное отъ прежняго и, слѣдовательно, имѣетъ значеніе *закона новаго*. Между тѣмъ, по словамъ профессора Коркунова („Русское государственное право", т. II, стр. 19), отличительною чертою *законодательнаго акта* представляется „предварительное обсужденіе его въ государственномъ совѣтѣ; и въ законѣ, и на практикѣ подъ *законодательнымъ порядкомъ* у насъ понимается проведеніе дѣла черезъ государственный совѣтъ". Государственный совѣтъ—говоритъ проф. Градовскій („Начала русск. госуд. права", т. I, изд. 2, стр. 28)—„по общегосударственнымъ вопросамъ есть единственное законодательное учрежденіе; ни одинъ новый законъ и никакая отмѣна стараго закона во всемъ его объемѣ [1]) не могутъ быть представлены на Высочайшее утвержденіе иначе, какъ черезъ это учрежденіе"... „Конкуррирующая съ государственнымъ совѣтомъ роль министровъ, ихъ комитета и сената—читаемъ мы, наконецъ, у проф. Романовича-Словатинскаго („Система русск. госуд. права", ч. I, стр. 199) — должна ограничиться сферою аутентическаго толкованія смысла и силы существующаго закона", ни въ чемъ, слѣдовательно, его не измѣняя. Все вышесказанное приводитъ

[1]) Подъ именемъ отмѣны закона *во всемъ его объемѣ* здѣсь разумѣется, очевидно, отмѣна его *во всемъ объемѣ его дѣйствія по данному предмету*, а не въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю (ср. ст. 70 Св. Зак. Основн.). Въ другомъ мѣстѣ своего труда (т. II. стр. 80) проф. Градовскій прямо признаетъ, что разсмотрѣнію госуд. совѣта подлежатъ, по общему правилу, и *частныя измѣненія* въ законахъ.

къ заключенію, что вопросъ объ изъятіи штундистовъ изъ дѣйствія закона 3-го мая 1883 г. подлежалъ предварительному обсужденію государственнаго совѣта. Это подтверждается и учрежденіемъ комитета министровъ (ст. 23, 24, 26, изд. 1892 г.), относящимъ къ его вѣдѣнію, съ одной стороны, нѣкоторыя категоріи „текущихъ дѣлъ по всѣмъ отраслямъ министерскаго управленія“, съ другой —„дѣла, закономъ въ особенности присвоенныя его разсмотрѣнію“. Къ „текущимъ дѣламъ“ законодательные вопросы конечно не могутъ быть относимы; не подходятъ они также ни подъ одинъ изъ двадцати разрядовъ дѣлъ, „въ особенности подлежащихъ разсмотрѣнію комитета“. Не выписывая цѣликомъ законъ, перечисляющій всѣ эти разряды, мы приведемъ только тѣ его пункты, въ которыхъ можно усмотрѣть что-либо подходящее къ занимающему насъ вопросу. Пунктъ первый ст. 26 учр. ком. министр. предусматриваетъ „дѣла, относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до продовольствія народнаго и по всякому чрезвычайному происшествію“. Если штундизмъ угрожаетъ общему спокойствію и безопасности—что̀ не установлено положеніемъ комитета министровъ,—то принятіе противъ него *законодательныхъ* мѣръ *постояннаго характера* едва ли составляло бы одно изъ тѣхъ *дѣлъ*, о которыхъ идетъ рѣчь въ пунктѣ 1 ст. 26. Подъ именемъ *дѣлъ* разумѣются здѣсь, очевидно, лишь частные случаи, требующіе административныхъ мѣропріятій, а не измѣненія или отмѣны общаго закона. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы разсмотрѣнію комитета министровъ подлежалъ, за силою пункта 1 ст. 26, проектъ новаго продовольственнаго устава, въ качествѣ *„дѣла“*, относящагося до продовольствія народнаго; точно такъ же неподвѣдомственны ему и *законопроекты*, направленные къ охраненію „общаго спокойствія и безопасности“. Другой пунктъ ст. 26—седьмой—подчиняетъ вѣдѣнію комитета высшія *административныя* по расколамъ дѣла. Подчеркнутое нами слово указываетъ на то, что къ измѣненію *закона* о раскольникахъ не примѣнимъ и этотъ пунктъ. Наконецъ, въ пунктѣ 12 предусмотрѣны дѣла о воспрещеніи сообществъ. И

здѣсь слово *дѣло* должно быть понимаемо въ объясненномъ нами смыслѣ; *законопроекты* о сообществахъ не подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ. Помимо этого, молитвенное собраніе отнюдь не можетъ быть подводимо подъ понятіе о *сообществѣ*, предполагающемъ организацію и преслѣдованіе опредѣленныхъ цѣлей... Укажемъ, въ заключеніе, на ст. 28 учр. ком. министр., запрещающую вносить въ комитетъ министровъ „представленія о такихъ дѣлахъ, кои по роду своему принадлежатъ до государственнаго совѣта“. По буквѣ закона, даже совѣтъ министровъ, собирающійся въ Высочайшемъ присутствіи, разсматриваетъ только „первоначальныя предположенія о необходимости отмѣнить или измѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ закона, составленный вслѣдствіе разсмотрѣннаго такимъ порядкомъ предположенія, былъ министерствомъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта“ (Учрежд. совѣта министровъ, изд. 1892 г., ст. 2, пунктъ 3).

Имѣетъ ли, однако, вопросъ, нами обсуждаемый, какое-либо серьезное значеніе? Не все ли равно, гдѣ и кѣмъ разсматривался предварительно законопроектъ, разъ что силу закона ему можетъ дать и дѣйствительно даетъ только Высочайшая санкція? Мы думаемъ, что этотъ вопросъ не допускаетъ поводовъ къ сомнѣнію. Разъ что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“ (Зак. Основн. ст. 47), не безразлично, конечно, соблюденіе установленнаго порядка ихъ изданія. „Обособленіе законовъ и Высочайшихъ указовъ,—говоритъ проф. Коркуновъ („Указъ и Законъ“, стр. 298—300),—не только возможно и въ абсолютной монархіи, но составляетъ въ ней, какъ и вездѣ, необходимое условіе правильнаго развитія государственной дѣятельности“. Эта дѣятельность должна опредѣляться „устойчивыми общими началами“. Отсюда „потребность въ возможно строгомъ разграниченіи актовъ, долженствующихъ имѣть общее руководящее значеніе, отъ относящихся только къ преходящимъ условіямъ минуты... Если такого внѣшняго различія формъ законодательныхъ и собственно правительственныхъ

актовъ не будетъ установлено, на каждомъ шагу окажется опасность недостаточно обдуманныхъ и даже совершенно безсознательныхъ отступленій (отъ закона)... Только у отдѣльныхъ совѣтниковъ монарха можетъ явиться интересъ устранять примѣненіе болѣе сложныхъ формъ обсужденія законодательныхъ актовъ—формъ, обусловливающихъ участіе болѣе широкаго круга совѣтниковъ... Выслушавъ многихъ и по возможности независимыхъ совѣтниковъ, монарху въ своемъ рѣшеніи будетъ тѣмъ легче стать выше односторонняго вліянія узкихъ, партійныхъ или своекорыстныхъ стремленій того или другого совѣтника". То же самое, почти въ тѣхъ же словахъ, мы читаемъ и въ „Русскомъ Государственномъ правѣ" того же автора (т. II, стр. 13). Государственный совѣтъ —это доказывается и всей его исторіей—представляетъ именно преимущество сравнительной *многочисленности* и *независимости*, которое совершенно правильно выставляетъ на видъ проф. Коркуновъ. Признаніе за нимъ, на практикѣ, того мѣста въ законодательной сферѣ, которое принадлежитъ ему, и ему одному, по буквѣ и духу закона, имѣло бы важное значеніе, которое не слѣдуетъ преувеличивать, но не слѣдуетъ и отрицать.

Законъ 3 мая 1883 г. исходилъ изъ той мысли, что нѣтъ и не должно быть такого вѣроученія, послѣдователи котораго могли бы быть лишены права собираться для молитвы въ частномъ домѣ. Извѣстную регламентацію онъ призналъ нужнымъ установить только по отношенію къ „молитвеннымъ зданіямъ", т. е. помѣщеніямъ, спеціально и исключительно предназначеннымъ для богослуженія и общественной молитвы. Продолжительный опытъ раскрылъ всю силу, всю неискоренимость потребности, заставляющей одинаково вѣрующихъ собираться для общей молитвы, несмотря на всѣ запрещенія и преслѣдованія. Чѣмъ неблагопріятнѣе были условія, чѣмъ больше опасность, тѣмъ горячѣе было религіозное рвеніе, тѣмъ упорнѣе преданность гонимымъ вѣрованіямъ. Тотъ же опытъ обнаружилъ, съ другой стороны, крайнюю неопредѣленность понятія о „молитвенномъ собраніи", разъ что оно не пріурочено къ такому внѣшнему признаку, какъ устроенное ad hoc

зданіе или помѣщеніе. Сколько нужно участниковъ, чтобы имѣлось на лицо *собраніе*? Можно ли признавать *собраніемъ* совокупность домочадцевъ, родственниковъ, ближайшихъ друзей домохозяина? Что считать доказательствомъ *молитвеннаго* характера собранія? Достаточно ли для этого, чтобы было прочитано что-нибудь изъ священной книги или пропѣта какая-нибудь духовная пѣснь? Какъ предупредить почти неизбѣжное смѣшеніе обыкновеннаго, незапрещеннаго собранія съ противозаконнымъ, разъ что различіе между ними коренится только въ намѣреніи собравшихся?... Всѣ эти соображенія, вызвавшія переворотъ въ правительственной политикѣ относительно раскольниковъ, сохраняютъ, думаемъ мы, свою силу и въ настоящее время. Трудно ожидать подавленія штунды отъ такихъ мѣръ, о безуспѣшности которыхъ свидѣтельствуетъ вся исторія русскаго раскола и сектантства. Тѣ молитвенныя собранія штундистовъ, которыя „вносили смуту въ жизнь приходовъ", могли быть прекращены и при дѣйствіи закона 3 мая, разрѣшающаго общественную молитву лишь подъ условіемъ ненарушенія при этомъ „общихъ правилъ благочинія и общественнаго спокойствія" (Уст. о предупр. и просѣч. преступл., изд. 1890 г., ст. 48). Какъ доказать, далѣе, что „благопріятныя послѣдствія", приписываемыя запретительнымъ мѣрамъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора—т. е. ослабленіе штундизма въ юго-западномъ краѣ—достигнуты именно этими мѣрами, а не усилившеюся, въ послѣднее время, дѣятельностью миссіонеровъ и вообще православнаго духовенства?...

Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1894 и 1895 гг., привѣтствуя изданіе правилъ 4-го іюля 1894-го года, сообщаетъ, что въ нѣсколькихъ селеніяхъ Одесскаго уѣзда штундисты раздѣлились на старо-штундистовъ и младо-штундистовъ. „Первые по прежнему относятся къ православной церкви съ фанатическою ненавистью; послѣдніе чужды грубыхъ штундистскихъ воззрѣній на православную церковь, іерархію и церковную обрядность, посѣщаютъ православное богослуженіе и миссіонерскія бесѣды; дѣти ихъ посѣщаютъ школы, изучаютъ молитвы и осѣняютъ себя крестнымъ

знаменіемъ". Не объясняется ли эта разница, между прочимъ, тѣмъ, что младо-штундисты не переживали времени, предшествовавшаго изданію закона 3-го мая 1883-го года, и остались свободными отъ его гнетущихъ впечатлѣній?... Въ общемъ, однако, отличительной чертой штундизма отчетъ продолжаетъ считать фанатическую ревность и безграничную настойчивость послѣдователей его въ пропагандѣ. „Имѣя всегда при себѣ евангеліе, штундисты не пропускаютъ ни малѣйшаго случая для распространенія своей ереси. При всякой встрѣчѣ съ православнымъ они стараются завести разговоръ о вѣрѣ и выставляютъ на видъ мнимую правоту и преимущества своего лжученія, подкрѣпляя свои доводы чтеніемъ подходящихъ мѣстъ Св. Писанія и тенденціознымъ ихъ толкованіемъ. Они ходятъ для этого и по домамъ православныхъ, а иные прямо и открыто проповѣдуютъ свое лжученіе на улицахъ, площадяхъ и базарахъ". Очевидно, что при такомъ образѣ дѣйствій штундистовъ десятки, если не сотни ихъ должны быть привлекаемы ежегодно въ судебной отвѣтственности; суды, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, должны быть переполнены дѣлами о штундистахъ. Никакихъ указаній по этому предмету отчетъ, однако, не даетъ, ограничиваясь приведеніемъ двухъ конкретныхъ фактовъ: „въ дер. Малегоновой, Тираспольскаго уѣзда (Херсонской губерніи), одинъ штундистъ съ крайнимъ нахальствомъ врывался въ домъ одной бѣдной православной вдовы и совращалъ въ штунду ея четырехъ малолѣтнихъ дѣтей; въ дер. Новопавловкѣ, Херсонскаго уѣзда, среди дѣтей православныхъ пропаганду ведутъ дѣти штундистовъ". Въ послѣднемъ случаѣ, за малолѣтствомъ виновныхъ, судебное преслѣдованіе едва ли могло состояться; но первый случай вѣроятно доходилъ до суда, рѣшеніе котораго въ отчетѣ не упомянуто.

Къ числу наиболѣе вредныхъ сектъ отчетъ относитъ и молоканство, какъ „ересь противо-церковную, отрицающую таинства и обряды". Противо церковными могутъ быть названы всѣ ереси и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, всѣ виды раскола; едва ли, поэтому, самое свойство противо церковности можетъ считаться до-

казательствомъ *особаго* вреда, приносимаго ересью. Если *наиболѣе* вредными признаются въ одно и то же время и ученія, не допускающія таинствъ и обрядовъ, и ученія, придающія имъ, наоборотъ, величайшую важность (припомнимъ отношеніе отчетовъ къ австрійскому согласію), то понятіе о *наибольшемъ* вредѣ сливается съ понятіемъ о расколѣ или ереси вообще, т.-е. создается логическая основа для полной отмѣны льготъ, предоставленныхъ послѣдователямъ ересей и расколовъ. „Молокане", читаемъ мы дальше, „иногда отказываются платить подати и поставлять рекрутовъ, и только страхъ и боязнь неизбѣжнаго наказанія удерживаетъ ихъ отъ открытаго противленія законамъ. Молокане учатъ, что нужно укрывать у себя всѣхъ прибѣгающихъ подъ ихъ кровъ военныхъ дезертировъ и другихъ преступниковъ". Если молокане *иногда* отказывались отъ платежа податей и поставки рекрутъ (послѣднее выраженіе заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о времени, предшествующемъ введенію всеобщей воинской повинности), то это были, очевидно, лишь частные случаи, выражавшіе собою не общее вѣрованіе секты, а мнѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея членовъ. Почему всѣ остальные молокане подчиняются, въ отбываніи повинностей и платежѣ податей, требованіямъ власти — вслѣдствіе ли страха или подъ вліяніемъ какихъ-либо иныхъ побужденій, это—дѣло ихъ совѣсти, недоступной для чужого глаза. Судить о мотивахъ можно только на основаніи предположеній—а предположенія, въ государственной жизни, не должны служить исходной точкой для правоограниченій. Старинный афоризмъ: in dubio mitius имѣетъ силу не только въ области уголовнаго права; онъ охраняетъ и общественныя группы, образъ мыслей которыхъ навлекаетъ на себя подозрѣніе государственной власти. Прежде чѣмъ сдѣлаться источникомъ мѣропріятій, подозрѣніе должно перейти въ увѣренность, а для такой увѣренности недостаточно догадокъ, недостаточно даже единичныхъ фактовъ: она требуетъ доказаннаго соотношенія между вѣроученіемъ и нарушеніемъ государственныхъ законовъ, какъ между причиной и неизбѣжнымъ результатомъ. Если между молоканами и существуетъ *мнѣніе* о правѣ бѣглыхъ и дезертировъ на

убѣжище, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это мнѣніе переходило въ *дѣйствія*. Молокане живутъ осѣдло и открыто, на глазахъ у властей и сосѣдей, часто относящихся къ нимъ недружелюбно: трудно допустить, чтобы въ ихъ средѣ систематически или даже спорадически практиковалось укрывательство преступниковъ. Нѣчто подобное возможно только между странниками (бѣгунами), не поддающимися, по самому характеру своего ученія, административному надзору; но съ молоканами у странниковъ нѣтъ ничего общаго, и послѣдніе совершенно правильно упоминаются въ отчетѣ подъ рубрикой не сектантства, а раскола.

Молоканъ, по словамъ отчета, особенно много въ гор. Благовѣщенскѣ (въ Приморской области Сибири). Въ 1894 г. сектанты вошли въ благовѣщенскую городскую думу съ просьбою о даровой уступкѣ участка земли, величиною въ цѣлый кварталъ, для устройства молитвеннаго дома [1]). „Можно было полагать,—читаемъ мы въ отчетѣ, — что православные представители постоятъ за дорогіе, жизненные для нихъ интересы, дадутъ отпоръ молоканской партіи, и просьба сектантовъ будетъ оставлена безъ вниманія и всякихъ послѣдствій. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло не такъ: большинство православныхъ гласныхъ, частію чувствуя свою зависимость отъ сектантовъ при выборѣ въ гласные и на общественныя должности, частію вслѣдствіе печальнаго непониманія связанныхъ съ актомъ уступки земли вредныхъ послѣдствій для православнаго населенія города, вмѣстѣ съ городскимъ головою, всецѣло обязаннымъ своей карьерой сектантамъ и не отличающимся по своему умственному развитію отъ послѣднихъ, оказались покровителями сектантства. Безъ всякихъ разсужденій дума рѣшила отвести участокъ земли сектантамъ для устройства ими молитвеннаго дома, на томъ простомъ основаніи, что отводила землю православнымъ, католикамъ и протестантамъ для устройства храмовъ. Когда же одинъ изъ гласныхъ, возражая противъ такого рѣшенія, выяснилъ различіе между ре-

[1]) Гласные благовѣщенской городской думы (числомъ 34) распредѣляются почти поровну между православными и молоканами: первыхъ 18, послѣднихъ—16.

лигіей и сектой и указалъ на вредныя послѣдствія и незаконность подобнаго рѣшенія, ссылаясь, между прочимъ, на то, что и коренные раскольники не имѣютъ права строить молитвенные дома безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, дума измѣнила необдуманное первоначальное рѣшеніе и окончательно формулировала свое постановленіе условно: отвести безвозмездно сектантамъ половину квартала для устройства молитвеннаго дома, если они получатъ разрѣшеніе на подобное устройство отъ министра внутреннихъ дѣлъ". Замѣтимъ, прежде всего, что второе постановленіе думы не можетъ быть названо, въ сущности, измѣненіемъ перваго. И въ томъ, и въ другомъ говорится только о безвозмездномъ отводѣ участка городской земли подъ молоканскій молитвенный домъ. Дальше этого дума не могла идти, да и не шла: разрѣшить самое устройство молитвеннаго дома она была не въ правѣ, и ничего похожаго на то въ первомъ ея постановленіи, повидимому, и не заключалось. Оговорка, прибавленная ко второму постановленію, разумѣлась, собственно говоря, сама собою: безъ нея, какъ и при ея наличности, постройка молитвеннаго дома одинаково нуждалась въ предварительномъ дозволеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Точка зрѣнія думы, при подобныхъ условіяхъ, съ самаго начала не могла не быть чисто хозяйственною; соображенія политическаго и полицейскаго характера она могла и должна была оставить въ сторонѣ, какъ касающіяся другой, высшей власти. Отъ этой власти, а не отъ думы, зависѣло опредѣлить, угрожаетъ ли устройство молитвеннаго дома какими-либо вредными послѣдствіями для православнаго населенія города. Оставаясь въ предѣлахъ своей компетенціи, дума имѣла полное право разсуждать такъ: между жителями города много молоканъ; у нихъ есть потребность въ молитвенныхъ собраніяхъ, а, слѣдовательно, и въ помѣщеніи для такихъ собраній, болѣе или менѣе соотвѣтствующемъ ихъ численности; законъ допускаетъ существованіе раскольническихъ и сектантскихъ молитвенныхъ домовъ, и изъ этого общаго правила не сдѣлано исключенія по отношенію къ молоканамъ; нѣтъ, затѣмъ, причины отказать молоканамъ въ просьбѣ объ участкѣ земли, на которомъ они могли

бы построить молитвенный домъ, тѣмъ болѣе, что на пользованіе городскою землею они, платя всѣ городскіе сборы и неся всѣ городскія повинности, имѣютъ такое же право, какъ и другіе жители города... Съ этой точки зрѣнія городская дума несомнѣнно могла усмотрѣть аналогію между молоканскимъ молитвеннымъ домомъ и католическимъ или протестантскимъ храмомъ. Для православныхъ жителей города какъ тотъ, такъ и другіе одинаково чужды; но они нужны для отдѣльныхъ группъ населенія, исповѣдующихъ другія религіозныя ученія—и этого достаточно, чтобы объяснить и оправдать заботу православнаго большинства объ интересахъ иновѣрнаго меньшинства, во всѣхъ различныхъ его оттѣнкахъ. Какому изъ нихъ можетъ быть дозволено, въ каждомъ данномъ случаѣ, возведеніе молитвеннаго зданія—это вопросъ, не подлежащій вѣдѣнію городского управленія. Едва ли, наконецъ, вина городской думы можетъ быть усмотрѣна въ *безвозмездномъ* характерѣ уступки; еслибы она рѣшила *продать* подъ молоканскій молитвенный домъ участокъ городской земли, то, вѣроятно, навлекла бы на себя еще болѣе сильныя нареканія... Быть можетъ, рѣшенію благовѣщенской городской думы способствовала, de facto, зависимость большинства православныхъ гласныхъ отъ молоканъ; но столь же возможно и то, что гласные руководились просто убѣжденіемъ въ справедливости просьбы, съ которою обратились къ нимъ молокане. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о благовѣщенскомъ городскомъ головѣ, вовсе, быть можетъ не заслуживающемъ суроваго отзыва, выпавшаго на его долю въ оффиціальномъ документѣ.

Отчетъ за 1898 г. указываетъ двѣ категоріи условій, изъ которыхъ одна благопріятствуетъ, другая—противодѣйствуетъ борьбѣ съ сектантствомъ. Къ первой категоріи отнесены правила 4 іюля 1894 г., запретившія общественныя молитвенныя собранія штундистовъ. По словамъ отчета, „православные, смущенные широкимъ распространеніемъ изъ года въ годъ штундоваго лжеученія и открытаго на собраніяхъ секты оскорбленія религіозныхъ чувствъ православнаго народа, теперь успокоились, увидѣвъ, что не только ду-

ховенство, но и само правительство оберегаетъ ихъ отъ пропаганды вреднаго сектантскаго лжеученія". Исчезло довѣріе къ ложнымъ слухамъ о сочувствіи правительства къ сектантамъ, да и сами штундисты, прекративъ устройство общественныхъ молитвенныхъ собраній, начали терять свой прежній фанатизмъ. Все это, однако, измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ штундисты, привлекаемые къ судебной отвѣтственности, стали именовать себя баптистами, а введенные ими въ заблужденіе суды—произносить по отношенію къ нимъ оправдательные приговоры. Подобныя оправданія, сначала единичныя, встрѣчаются съ 1897 г. все чаще и чаще, особенно подъ вліяніемъ двухъ кассаціонныхъ рѣшеній (по дѣламъ Оберемка и Александрова и Крючкова). На самомъ дѣлѣ они основываются, бо́льшею частью, на невозможности доказать принадлежность обвиняемыхъ къ сектѣ штундистовъ, т. е. соединеніе въ ихъ ученіи всѣхъ признаковъ штундизма, перечисленныхъ въ оффиціальномъ разъясненіи правилъ 1894-го года. Судебной ошибки въ такихъ рѣшеніяхъ усмотрѣть нельзя; наоборотъ, они вполнѣ согласны съ кореннымъ началомъ уголовнаго процесса, въ силу котораго виновность не предполагается, а доказывается, и бремя доказательства лежитъ на обвинителѣ. Важно не то, какъ именуютъ себя подсудимые: важно то, подтверждена ли фактическими данными правильность наименованія, которое даетъ имъ обвиненіе. Съ другой стороны, *пропаганда* штундизма, какъ и всякаго другого сектантскаго ученія, преслѣдовалась одинаково строго и до, и послѣ изданія правилъ 1894-го года, чѣмъ устранялась всякая мысль о „сочувствіи" или хотя бы о снисхожденіи правительства къ штундистамъ. Общественныя собранія, участники которыхъ привлекались къ отвѣтственности на основаніи правилъ 1894-го года, состояли, очевидно, изъ однихъ только сектантовъ; иначе обвиненіе было бы поставлено не по ст. 29 Уст. о наказ., налаг. мир. суд., а по ст. 189 или 196 Улож. о наказ. Необходимо, наконецъ, имѣть въ виду, что привлеченіе къ суду, даже оканчивающееся оправданіемъ, крайне тягостно для обвиняемыхъ; ему предшествуетъ, обыкновенно, принудительное увѣщаніе, сопряженное, по выраженію А. М. Бобри-

щева-Пушкина (въ его замѣчательной книгѣ: „Судъ и раскольники-сектанты"), съ „странствованіемъ, иногда многонедѣльнымъ, по безконечнымъ этапамъ". Иногда, въ добавокъ, собравшіеся сектанты подвергаются нападеніямъ толпы, производящей надъ ними жестокую расправу. Если, тѣмъ не менѣе, собранія сектантовъ не прекращаются совершенно, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ оправдательныхъ судебныхъ приговорахъ, а въ неотразимой привлекательности, какую имѣетъ для вѣрующихъ—во что бы и какъ бы они ни вѣровали—общественная молитва, хотя бы она была запрещена, или даже именно потому, что она запрещена.

Къ числу причинъ, усиливающихъ сектантство, отчетъ, на основаніи миссіонерскихъ донесеній, относитъ „агитацію въ пользу мнимо угнетенныхъ сектантовъ со стороны нѣкоторой, именующей себя либеральною, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними и личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію. Эта агитація перешла и въ печать, въ которой въ 1898 г. появилось множество статей въ поддержаніе раскола и сектъ и въ порицаніе нашихъ миссій... Почти всѣ эти статьи, однако, принадлежатъ авторамъ не серьезнымъ, не имѣющимъ яснаго понятія ни о церкви, ни о существѣ сектантскихъ вѣрованій". *Покровительство* предполагаетъ наличность нѣкоторой силы, возможность нѣкотораго содѣйствія—а этими условіями часть русскаго общества, „именующая себя либеральною", ни въ какой мѣрѣ не обладаетъ. Не имѣетъ она и *увѣренности* въ скоромъ дарованіи свободы совѣсти, не имѣетъ даже на то надежды—а того, чего у нея нѣтъ, она, очевидно, не могла и не можетъ передать другимъ. Статей, написанныхъ *въ поддержаніе* раскола и сектъ—т.-е. заключающихъ въ себѣ ихъ защиту или оправданіе, становящихся на сторону ихъ доктрины,—мы не припомнимъ ни за 1898-й годъ, ни за время предъидущее и послѣдующее; едва-ли онѣ были бы и возможны при дѣйствующихъ законахъ о печати. Что религіозная свобода принадлежитъ къ числу благъ, наиболѣе

цѣнныхъ въ глазахъ „либеральной“ части общества и печати—это безспорно; но вѣроятнымъ результатомъ такой свободы было бы не „поддержаніе“, а, наоборотъ, ослабленіе раскола и сектантства...

По словамъ отчета за 1899 г., штунда особенно распространена въ губерніяхъ Екатеринославской, Кіевской и Харьковской. Оправдательный приговоръ по дѣлу о штундистскомъ молитвенномъ собраніи, постановленный однимъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ Екатеринославской губерніи (въ отмѣну рѣшенія земскаго начальника), далъ штундистамъ, по словамъ отчета, „основаніе къ распространенію въ мѣстномъ населеніи убѣжденія, что ихъ вѣра дозволена закономъ и что только священники изъ своихъ корыстныхъ разсчетовъ преслѣдуютъ ихъ“. По этому поводу нельзя не замѣтить, что *вѣра* штундистовъ закономъ вовсе не воспрещена: фактъ исповѣданія этого ученія не составляетъ, самъ по себѣ, преступленія и не служитъ поводомъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія. Запрещены, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, *общественныя* молитвенныя собранія штундистовъ. Оправдательные приговоры по дѣламъ этого рода могутъ быть основаны на недоказанности или самаго собранія, или принадлежности его участниковъ именно къ штундизму. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ изъ оправданія подсудимыхъ нельзя выводить заключенія, что измѣнился самый взглядъ правительства на штундизмъ. Если послѣ оправдательныхъ приговоровъ и замѣчалось обостреніе или распространеніе ереси, то этимъ еще не доказывается причинная связь между обоими явленіями; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, post hoc — далеко не то же, что̀ propter hoc... „Въ виду сложности вопроса объ отношеніи штундизма къ баптизму“—читаемъ мы въ отчетѣ,—„мировые судьи въ 1899-мъ году впервые начали вводить въ свою практику экспертизу при разбирательствѣ дѣлъ о штундистскихъ богомоленныхъ собраніяхъ. Эксперты-миссіонеры и представители науки дали въ этомъ отношеніи новое правильное направленіе судебнымъ процессамъ о богомоленныхъ собраніяхъ штунды, разъяснивъ судьямъ, что ни наука, ни законъ, ни миссіонерская практика не знаютъ секты русскихъ баптистовъ, а только штундистовъ;

извѣстный въ наукѣ толкъ *штундо-баптизмъ* есть лишь фракція секты, а не отдѣльная секта". Отрывочныя, неизбѣжно неполныя свѣдѣнія о неуловимыхъ, быстро мѣняющихся новообразованіяхъ религіознаго характера едва ли могутъ быть включаемы въ составъ науки; экспертиза, на нихъ основанная, едва ли можетъ имѣть особенно убѣдительную силу. Еще важнѣе другое обстоятельство, объясняющее отрицательный результатъ многихъ сектантскихъ процессовъ. Въ уголовномъ судопроизводствѣ бремя доказательства лежитъ на обвинителѣ, а не на обвиняемомъ. Если участникамъ молитвенныхъ собраній, привлеченнымъ къ отвѣтственности въ качествѣ штундистовъ, и не удается удостовѣрить свою принадлежность къ баптизму, то отсюда еще не слѣдуетъ, что они должны быть осуждены; для этого необходимо доказать, что ихъ ученіе соединяетъ въ себѣ всѣ черты, обусловливающія наказуемость штундистскихъ собраній.

Въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры далеко не всегда правильнымъ оказывается, къ несчастію, образъ дѣйствій общихъ судебныхъ мѣстъ. Приведемъ этому три примѣра, относящихся къ концу 90-хъ годовъ.

Въ нижегородскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о четырехъ крестьянахъ, обвинявшихся въ преступленіи противъ вѣры. Въ качествѣ эксперта былъ спрошенъ чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. Синода, г. Скворцовъ, предлагавшій свидѣтелямъ вопросы непосредственно, а не черезъ предсѣдателя суда, и произнесшій, стоя на возвышеніи у судейскаго стола, обвинительную рѣчь (вмѣсто установленнаго закономъ научнаго заключенія), закончивъ ее слѣдующимъ обращеніемъ къ присяжнымъ засѣдателямъ: „эти люди (подсудимые), подрывая православную религію, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ государственное устройство; вашего справедливаго приговора ждетъ вся Россія". И то, и другое было удостовѣрено въ первоначальномъ протоколѣ засѣданія, составленномъ помощникомъ секретаря Калининымъ, но возвращенномъ ему товарищемъ предсѣдателя въ новой редакціи,

которую г. Калининъ отказался скрѣпить, находя ее неточной. Объ этомъ г. Калининъ подалъ суду особое заявленіе, которое было ему судомъ возвращено и пріобщено къ дѣлу лишь мѣсяцъ спустя, вслѣдствіе просьбы защитника подсудимыхъ. Прав. Сенатъ нашелъ, что скрѣпа протокола секретаремъ имѣетъ существенную важность, какъ подтвержденіе достовѣрности всего записаннаго въ протоколъ, и что представленіе секретаря о причинахъ, заставляющихъ его отказаться отъ скрѣпы, непремѣнно должно быть пріобщено къ дѣлу; иначе можетъ возникнуть предположеніе, что отъ судеи, сдѣлавшихъ упущеніе или допустившихъ безпорядокъ, зависитъ уничтожить его слѣды, путемъ измѣненія протокола. Признавъ, затѣмъ, доказаннымъ предложеніе экспертомъ вопросовъ непосредственно свидѣтелямъ и произнесеніе имъ заключенія, несоотвѣтствующаго, по формѣ и содержанію, лежащимъ на экспертѣ обязанностямъ, и усмотрѣвъ въ этомъ нарушеніе ст. 611-й и 695-й уст. угол. судопр., Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда и передалъ дѣло въ тотъ же судъ, для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія (рѣш. угол. касс. д-та 1899 г., № 5).— При разсмотрѣніи въ рязанскомъ окружномъ судѣ дѣла о крестьянинѣ Зиновьевѣ, обвинявшемся въ распространеніи штундо-баптизма, экспертъ—редакторъ „Миссіонерскаго Журнала“, г. Добромысловъ,—произнесъ обвинительную рѣчь, въ которой свидѣтельствовалъ, что хорошо знаетъ подсудимаго по своимъ миссіонерскимъ собесѣдованіямъ съ нимъ до преданія его суду, и убѣжденъ, что Зиновьевъ навсегда останется неисправимымъ сектантомъ. Хотя свидѣтели показывали на судѣ, что Зиновьевъ безупречно-нравственнаго поведенія, повинуется властямъ и безпрекословно несетъ всѣ общественныя повинности, но экспертъ объяснялъ это лишь тѣмъ, что мѣстная сектантская община находится пока въ періодѣ религіознаго одушевленія, неизбѣжно сопровождаемаго нравственнымъ подъемомъ, а въ слѣдующей стадіи своего развитія Зиновьевъ и его единомышленники должны будутъ,— вслѣдствіе своего основного догмата, что нужна вѣра, а не добрыя дѣла, — придти къ проповѣди о свободѣ отъ нравственныхъ

предписаній, какъ это ему извѣстно изъ наблюденій надъ другими штундо-баптистскими общинами. Эти заявленія эксперта не были прерваны предсѣдателемъ и не были опровергнуты имъ въ его резюме. Товарищъ оберъ-прокурора находилъ въ этомъ основаніе къ кассаціи. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе суда присяжныхъ и приговоръ суда по другому поводу—вслѣдствіе неправильной постановки вопроса, въ которомъ были смѣшаны два совершенно различныя обвиненія: въ публичной проповѣди штундизма и въ совращеніи православныхъ („Русскія Вѣдомости", 1899 г. № 347).—Въ псковскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло о крестьянахъ Савельевыхъ, обвинявшихся въ распространеніи штундизма. И по этому дѣлу былъ спрошенъ экспертъ, протоіерей Лавровскій. По выслушаніи его заключенія, подсудимые пожелали разъяснить, что въ исповѣдуемомъ ими вѣроученіи нѣтъ никакихъ признаковъ штундизма, но были остановлены замѣчаніемъ предсѣдательствующаго, что онъ не дозволитъ имъ проповѣдывать на судѣ свое лжеученіе. Экспертомъ было указано, между прочимъ, что евангелія, употребляемыя штундистами, содержатъ въ себѣ спеціальныя отмѣтки, соотвѣтствующія ихъ вѣроученію. Въ виду такого указанія, подсудимые просили произвести осмотръ отобранныхъ у нихъ и пріобщенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, священныхъ книгъ; но просьба эта не была исполнена и даже не подверглась обсужденію. Когда одинъ изъ подсудимыхъ давалъ объясненіе по поводу разногласія между двумя свидѣтелями, священникомъ и крестьяниномъ, онъ былъ прерванъ словами предсѣдательствующаго: „вы сами, присяжные засѣдатели, конечно знаете, кому можно больше вѣрить—священнику или лицу, сидящему на скамьѣ подсудимыхъ". Въ числѣ совращенныхъ подсудимыми значился нѣкій Арсеній Семеновъ, оказавшійся лицомъ миѳическимъ; между тѣмъ, о его совращеніи былъ поставленъ отдѣльный вопросъ, и подсудимымъ не было дозволено сдѣлать заявленіе по этому предмету. Правда, судебное слѣдствіе въ то время было уже окончено, но вполнѣ возможно было его возобновленіе или представленіе дѣла въ палату, въ виду вновь открывшагося обстоятельства.

Наконецъ, въ заключительной рѣчи къ присяжнымъ предсѣдательствующій выразилъ свое мнѣніе по существу дѣла, въ слѣдующихъ словахъ: „вы слышали отъ миссіонера, какая вредная секта штунда, и вы нарушили бы присягу, если бы оправдали подсудимыхъ". Все это послужило поводомъ къ отмѣнѣ Сенатомъ обвинительнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей.

Кто помнитъ первые годы послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ императора Александра II-го, тотъ, по всей вѣроятности, не затруднится признать, вмѣстѣ съ нами, что явленія въ родѣ вышеизложенныхъ были тогда совершенно немыслимы. Не можетъ быть, чтобы предсѣдательствующій на судѣ обратился тогда къ присяжнымъ съ прямымъ приглашеніемъ обвинить подсудимыхъ, основываясь, притомъ, не на доказательствахъ ихъ виновности, а на опасности приписываемаго имъ дѣянія; не можетъ быть, чтобы эксперту была предоставлена тогда роль обвинителя и дозволено вмѣшиваться въ ходъ засѣданія; не можетъ быть, чтобы защита обвиняемыхъ была стѣснена отказомъ въ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ и въ разъясненіи разногласія между свидѣтелями; не можетъ быть, наконецъ, чтобы тогдашнимъ судомъ была сдѣлана попытка устранить изъ дѣла заявленіе, направленное къ точному воспроизведенію происходившаго на судѣ. Суду не подобаетъ усугублять обвиненіе, безъ того уже весьма тяжелое, присоединяя къ одному оффиціальному обвинителю другого, не предусмотрѣннаго закономъ, искусственно возвышая его авторитетъ, не останавливая его даже тогда, когда онъ очевидно выходитъ изъ предѣловъ своей роли. Собственно говоря, дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры рѣдко требуютъ участія экспертовъ; для разрѣшенія возникающихъ въ нихъ вопросовъ только въ исключительныхъ случаяхъ необходимы спеціальныя научныя свѣдѣнія. Такъ напримѣръ, въ дѣлахъ о совращеніи изъ православія въ расколъ или ересь понятіе о совращеніи едва ли нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ для присяжныхъ засѣдателей, которые по дѣламъ этого рода всѣ обязательно должны принадлежать къ православному исповѣданію. Какъ бы то ни было, обязанности и права эксперта

по дѣлу о преступленіи противъ вѣры ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя принадлежатъ свѣдущимъ людямъ на общемъ основаніи. И здѣсь экспертъ не долженъ принимать на себя ни роли свидѣтеля, удостовѣряя тѣ или другія лично извѣстныя ему обстоятельства дѣла, ни роли судьи, руководя ходомъ судебнаго слѣдствія, ни роли обвинителя, апеллируя къ гражданскому или религіозному чувству присяжныхъ и внушая имъ то или другое отношеніе къ подсудимымъ. Предсѣдательствующій, допускающій отступленіе отъ этихъ основныхъ началъ процесса, совершаетъ тяжкое нарушеніе своего судейскаго долга... Къ счастію, традиціи судебной реформы забыты не вездѣ и не всѣми; онѣ живутъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената, стоящемъ на стражѣ не только буквы, но и духа судебныхъ уставовъ. Пока это такъ, можно не падать духомъ и ожидать съ нетерпѣніемъ, но и съ надеждой, возвращенія лучшихъ временъ.

Въ 1894 г., по словамъ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, „священникъ самарскаго каѳедральнаго собора Матюшинскій совершилъ поѣздку по сектантскимъ селамъ николаевскаго уѣзда и вынесъ изъ этой поѣздки убѣжденіе, что въ настоящее время господствующею сектою въ уѣздѣ является евангелизмъ или молоканство донского толка, а главнымъ разсадникомъ этой секты—изданіе журнала „Братская помощь“ въ Саратовѣ. Агенты этого изданія разъѣзжали по николаевскому уѣзду съ двумя тюками книгъ. О вредномъ направленіи журнала „Братская помощь“ было сообщено, въ сентябрѣ 1894 г., г. оберъ-прокурору св. синода отъ имени самарскаго преосвященнаго, причемъ указано, между прочимъ, на обширную связь изданія „Братская помощь“ съ пашковскими изданіями“. „Самарская Газета“, перепечатавъ это сообщеніе, обратила вниманіе на то, что издатель „Братской помощи“, членъ саратовской судебной палаты П. И.

Устимовичъ, пользуется въ Саратовѣ общимъ уваженіемъ, и какъ издатель журнала, и какъ благотворитель. Онъ напечаталъ, подъ именемъ Полтавина, нѣсколько сочиненій, устраняющихъ возможность подозрѣвать его въ какомъ бы то ни было „вредномъ направленіи“... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, однако, намъ пришлось занести въ нашу хронику фактъ прекращенія журнала „Братская помощь“. Правда, издатель его удостовѣрилъ, что *единственной* тому причиной было обиліе служебныхъ занятій; но хронологическая послѣдовательность фактовъ невольно наводитъ на мысль о нѣкоторой причинной между ними связи... Какъ бы то ни было, общественное положеніе г. Устимовича оберегло его отъ болѣе серьезныхъ послѣдствій обвиненія. Менѣе счастливыми оказались другія лица, испытавшія на себѣ обвинительное усердіе священника Матюшинскаго. Печальный разсказъ объ ихъ участи былъ напечатанъ въ „Недѣлѣ“ (подъ названіемъ: „Самарскіе еретики“). „Безупречный (по аттестаціи губернатора) труженикъ по благотворительнымъ дѣламъ“, завѣдывавшій во время голода 1891—92 г. складами епархіальнаго и особаго комитетовъ, предложенный самимъ экзархомъ Грузіи (бывшимъ самарскимъ епископомъ) въ пожизненные члены „общества распространенія христіанства на Кавказѣ“, церковный староста своей приходской церкви, самарскій купецъ Прохоровъ былъ заподозрѣнъ свящ. Матюшинскимъ въ принадлежности къ хлыстовству. Въ провинціи, — писалъ корреспондентъ „Недѣли“, — „можно найти, при доброй волѣ, сколько угодно *достовѣрныхъ свидѣтелей* чего угодно. О. Матюшинскій настоялъ на обыскѣ у Прохорова и во время обыска просилъ судебную власть забрать, въ видѣ уликъ, нѣсколько женскихъ почныхъ сорочекъ — старушки, тетки Прохорова, — отобралъ просфоры, принесенныя къ нимъ богомольцами, хранимыя ими какъ святыня; поснимали даже перламутровые крестики съ иконъ, и все это почему-то о. Матюшинскій призналъ принадлежностью хлыстовщины. Тутъ же Прохорову было поставлено въ вину то, что онъ имѣетъ много въ домѣ иконъ и книгъ св. Евангелія. Кромѣ означенныхъ вещей, ничего

сектантскаго въ домѣ Прохорова не нашлось". Ничего подозрительнаго не было найдено и у родственника Прохорова, въ домѣ котораго обыскъ былъ произведенъ лично свящ. Матюшинскимъ, безъ участія подлежащихъ властей. Тѣмъ не менѣе оба обвиняемые были взяты подъ стражу, съ запрещеніемъ свиданія даже съ семьей. Не позволили даже передать Прохорову фотографическую карточку о. Іоанна Кронштадтскаго, съ собственноручною надписью послѣдняго: „въ благословеніе" (сдѣланною уже послѣ возбужденія уголовнаго дѣла). „Всѣ лица, знающія Прохорова,—говоритъ въ заключеніе корреспондентъ „Недѣли",—глубоко увѣрены въ принадлежности его къ истинно православной вѣрѣ, и такъ же увѣрены, что это дѣло кончится ничѣмъ. Во что́ же, значитъ, обращается у насъ миссіонерская дѣятельность (свящ. Матюшинскій носилъ званіе миссіонера)? И не способна ли подобная дѣятельность вызвать иной разъ и на самомъ дѣлѣ противоцерковное движеніе тамъ, гдѣ его раньше не было вовсе, или гдѣ оно не находило себѣ пищи"? 7-го февраля 1895 г., какъ видно изъ новаго сообщенія „Недѣли", Прохоровъ былъ выпущенъ на свободу, безъ поручительства и залога (что́ прямо указываетъ на крайнюю слабость собранныхъ противъ него уликъ). Четырехмѣсячный арестъ,— по словамъ корреспондента „Недѣли", — „сильно отразился на здоровьѣ Прохорова; онъ замѣтно посѣдѣлъ. Въ первый же день его выпуска на свободу съѣхались посѣтить несчастнаго такая масса его знакомыхъ всѣхъ сословій, что улица противъ его дома была загромождена экипажами"... Дѣло Прохорова — не единственное въ своемъ родѣ; извѣстны и другіе случаи, въ которыхъ явно неосновательное обвиненіе приводило не только къ возбужденію предварительнаго слѣдствія, со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для обвиняемыхъ, но и къ преданію суду и даже къ обвинительному приговору. Таково, напримѣръ, дѣло о калужскихъ хлыстахъ, окончившееся въ окружномъ судѣ, въ 1895 г., почти поголовнымъ осужденіемъ подсудимыхъ (18 изъ 20), тогда какъ Сенатъ призналъ семерыхъ изъ числа осужденныхъ вовсе не подлежащими отвѣтственности, а трехъ изъ этихъ семи — даже

неправильно преданными суду [1]). Особенно необходимой осторожность въ возбужденіи обвиненія является именно въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры, по которымъ присяжные засѣдатели всего болѣе склонны къ произнесенію обвинительныхъ вердиктовъ; между тѣмъ, на практикѣ именно здѣсь нерѣдко приходится встрѣчаться съ прямо противоположнымъ, т. е. крайне неосмотрительнымъ образомъ дѣйствій органовъ обвиненія. Правда, судебный слѣдователь не въ правѣ отказаться отъ производства, по требованію духовнаго начальства, предварительнаго слѣдствія о совращеніи изъ православія или отступленіи отъ христіанской вѣры; но онъ не лишенъ права, при отсутствіи признаковъ преступленія, представить о прекращеніи дѣла, и ничѣмъ не стѣсненъ въ выборѣ мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоняться отъ слѣдствія. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры, какъ и во всякихъ другихъ, къ предварительному заключенію подъ стражу слѣдуетъ прибѣгать лишь въ случаяхъ дѣйствительной необходимости, т. е. при достаточности уликъ и при невозможности ограничиться другими, болѣе мягкими мѣрами... Возможны, наконецъ, и такіе случаи, когда ошибка, допущенная на судѣ, остается неисправленной, по нежеланію подсудимаго воспользоваться правомъ обжалованія приговора. Одинъ изъ осужденныхъ по калужскому дѣлу не присоединился къ жалобѣ своихъ товарищей. Сенатъ, тѣмъ не менѣе, отмѣнилъ приговоръ и по отношенію къ этому подсудимому, такъ какъ „верховный судъ имперіи не можетъ допустить, чтобы кто-либо понесъ уголовную отвѣтственность за дѣяніе, не воспрещенное закономъ“. Представимъ себѣ, что подсудимый, не съумѣвшій или не захотѣвшій обжаловать приговоръ суда, судился бы одинъ: дѣло о немъ вовсе не дошло бы до Сената—и явно неправосудное рѣшеніе было бы приведено въ исполненіе.

Принципъ вѣротерпимости давно уже и неоднократно находилъ у насъ совершенно вѣрное выраженіе въ правительствен-

[1]) Приговоръ суда былъ оставленъ въ силѣ только относительно одной подсудимой; относительно десяти онъ признанъ ошибочнымъ, въ смыслѣ чрезмѣрнаго отягощенія ихъ участи.

ныхъ актахъ. Въ числѣ изрѣченій императрицы Екатерины встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее: „запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ“. Еще замѣчательнѣе два указа императора Александра I, относящіеся къ духоборцамъ. „И разумомъ, и опытами“ — сказано въ одномъ изъ нихъ (27-го ноября 1801 г.) — „дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и парядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними (духоборцами) держаться, и на немъ-то основано было повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ восвояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и наконецъ изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положеніе разговоровъ“. „Отдаленіе сихъ людей“ — читаемъ мы въ указѣ 9-го декабря 1816 г.—„отъ православной греко-россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшительныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскать и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насиліемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя

надъ духоборцами въ продолженіе тридцати лѣтъ до 1801 г., не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея". Если бы между духоборцами—говорится дальше въ этомъ указѣ—были несомнѣнно открыты противозаконные поступки, то и тогда „нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновниковъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истязуемо все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшихъ въ ономъ... Само изслѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго". Высокія и глубоко вѣрныя мысли, выраженныя въ этихъ указахъ, сохраняютъ всю свою силу и до нашего времени.

Въ концѣ 1895-го года на Кавказѣ произошли необычайныя событія, объектомъ которыхъ были мѣстные духоборцы. Сначала они были извѣстны только по слухамъ; нѣсколько позже въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилось письмо г. N., сообщавшее о нихъ довольно обстоятельныя и, по видимому, точныя свѣдѣнія. Послѣ смерти „духоборческой богородицы", Лукерьи Васильевой, осталось, по словамъ г. N., весьма значительное имущество, на самомъ дѣлѣ принадлежавшее духоборческой общинѣ, но съ формальной точки зрѣнія составлявшее личную собственность покойной и закрѣпленное судомъ за ея наслѣдниками. Отсюда несогласія между духоборцами, изъ которыхъ одни — жители селенія Гореловки — признавали наслѣдственныя права братьевъ Васильевой и считали излишнимъ избраніе, на ея мѣсто, новаго „духоборскаго владыки", а другіе, иначе смотрѣвшіе на свойство спорнаго имущества, выбрали въ преемники Васильевой Петра Веригина, „человѣка безо всякаго образованія, но не глупаго отъ природы" и усвоившаго себѣ ученіе гр. Л. Н. Толстого. Противники Веригина, „народъ денежный и поддерживаемый мѣстною администраціей", начали „изыскивать средства, чтобы такъ или иначе покончить съ Веригинымъ". Безъ сомнѣнія, — говоритъ г. N., — „такія явленія въ

жизни кавказскихъ духоборовъ не могли быть оставлены безъ вниманія людьми, власть имѣющими. Тотъ же Веригинъ имѣетъ настолько здраваго смысла, чтобы понимать истинное значеніе государственной власти и предѣлы этой власти, а потому можно было внушить ему, что, ради его личнаго благополучія (Веригинъ—не изувѣръ), расколъ среди духоборовъ не долженъ выходить изъ рамокъ обыкновенной легальной борьбы, а духоборы—народъ дисциплинированный, умѣющій безпрекословно повиноваться приказаніямъ своего духовнаго главы... Начальство, въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, игнорировало существованіе духоборовъ, при условіи тишины, спокойствія и отбыванія положенныхъ государственныхъ повинностей; слѣдовательно, продолжить этотъ порядокъ вещей еще на десять-двадцать лѣтъ было бы мѣрой строго логическою, не ставя, безъ надобности, сотни людей въ положеніе мучениковъ и не воскрешая къ жизни уже потухавшій естественнымъ путемъ народный фанатизмъ. Но гореловцы рѣшили дѣло иначе,—имъ удалось добиться отъ администраціи рѣшительныхъ мѣръ: Веригина, какъ вреднаго человѣка, выслали административнымъ порядкомъ въ городъ Колу, и эта мѣра окончательно свела съ ума его приверженцевъ, то-есть значительное большинство кавказскихъ духоборовъ". Начались „паломничества" въ Колу, откуда „паломники" привозили съ собою предписанія въ родѣ слѣдующихъ: „чиновникамъ взятокъ не давать, водки не пить, съ женами три года не жить, ближняго не убивать; нѣтъ начальства, кромѣ Бога". Духоборцы, подъ вліяніемъ этихъ предписаній, сожигаютъ имѣвшееся у нихъ оружіе, запрещаютъ сыновьямъ своимъ, находящимся въ военной службѣ, брать въ руки ружье, не снимаютъ шапокъ при встрѣчѣ съ начальствомъ, отказываются платить подати, предоставляя, впрочемъ, полиціи брать сколько слѣдуетъ изъ ихъ общественной кассы. Въ результатѣ,—говоритъ г. N.,—„получается бунтъ, вся сила котораго заключается въ его пассивности. Во время предварительныхъ военныхъ экзекуцій, когда казаки нагайками сгоняли народъ на сходки для вразумленія ихъ мѣстнымъ начальствомъ, духоборы только и говорили, что они желаютъ по-

страдать за вѣру... Власть превратила простолюдина въ изувѣра, готоваго жертвовать жизнью ради какихъ-то химерическихъ заблужденій своего духовнаго пастыря, когда эти идеи боятся дневного свѣта и лопаются какъ мыльные пузыри, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Стоило ли изъ-за этой траги-комедіи разорять если не тысячи, то сотни семей русскихъ піонеровъ въ Закавказскомъ краѣ? И къ кому же перейдетъ ихъ разоренное пепелище? Конечно, къ армянамъ, выходцамъ изъ предѣловъ азіатской Турціи, которые хлопочутъ о чемъ хотите, но только не объ интересахъ русскаго государства“...

Особенное вниманіе обращаетъ на себя выраженіе г. N.: „во время предварительныхъ военныхъ экзекуцій“, заставляющее предполагать, что были еще экзекуціи окончательныя. Какимъ закономъ могли быть предусмотрѣны тѣ и другія? Въ оправданіе экстраординарныхъ административныхъ распоряженій ссылаются, обыкновенно, на ст. 340 улож. о нак., по которой не считается превышеніемъ власти принятіе должностнымъ лицомъ чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, если она, *въ видахъ государственной пользы*, была *необходима* и *неотложна*. По отношенію къ вышеупомянутой „предварительной военной экзекуціи“ не было на лицо ни одного изъ этихъ трехъ условій. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить необходимость *сгонять* людей *для вразумленія*—другими словами, необходимость приступа *съ насиліемъ* къ такой мѣрѣ, которая должна имѣть характеръ исключительно *нравственнаго воздѣйствія*. Если кого-нибудь хотятъ *вразумить*, т.-е. разъяснить ему его ошибку, направить на путь истинный, то нельзя же начинать съ возбужденія въ немъ *страха*, притупляющаго *способность*, или *гнѣва*, уменьшающаго *готовность* воспринимать вразумленіе. Вразумленіе—та же проповѣдь, только апеллирующая не столько къ чувству, сколько къ разсудку; а нетрудно представить себѣ шансы успѣха проповѣдника, слушатели котораго были бы приведены къ подножію его каѳедры съ помощью насилія! Еще меньше можетъ быть рѣчь о „неотложности“ вразумленія, разъ что въ средѣ лицъ, ему подлежащихъ, господствуетъ

невозмутимое спокойствіе, и самое противодѣйствіе власти остается вполнѣ пассивнымъ. Что касается до „государственной пользы“, то на эту сторону дѣла бросаютъ достаточно яркій свѣтъ послѣднія слова приведенной нами выше цитаты... Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и первоначальный поводъ къ движенію среди кавказскихъ духоборцевъ, окончившемуся столь печально. Въ обыкновенномъ, законномъ порядкѣ Веригинъ не подлежалъ бы никакой карательной мѣрѣ— а еслибы онъ остался у себя дома, то не было бы, по всей вѣроятности, никакихъ новшествъ въ ученіи духоборцевъ, не было бы и вызванныхъ ими волненій; вѣдь всѣ „предписанія“, изъ-за которыхъ понадобилось „вразумленіе“, были присланы изъ Колы... Весьма характеристичны, далѣе, обстоятельства, предшествовавшія высылкѣ Веригина. Въ борьбу духоборскихъ партій замѣшались, по словамъ г. N., обыкновенныя человѣческія страсти, мелочныя и зачастую грязныя. Слабѣйшій непремѣнно хочетъ торжествовать побѣду, а потому пріискиваетъ себѣ союзниковъ на сторонѣ. Такихъ союзниковъ гореловскіе духоборы скоро обрѣли въ рядахъ „низшей и средней мѣстной администраціи“. Особенно опасными подобныя усложненія становятся именно тогда, когда дѣло вступаетъ на путь внѣ-законный Противъ преслѣдуемаго соединяются здѣсь, хотя и по совершенно различнымъ мотивамъ, и должностныя, и частныя лица—а онъ остается одинъ, безпомощный и беззащитный. Рѣшеніе, постановленное въ тайнѣ и безъ выслушанія обвиняемаго, слишкомъ легко,—вопреки намѣренію лицъ, его постановившихъ, — можетъ обратиться въ орудіе мести или корыстнаго разсчета...

Любопытны нѣкоторыя оговорки, сдѣланныя редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“ къ сообщенію г. N. „Нѣкоторые изъ противниковъ Веригина“—говоритъ г. N.—„увѣряютъ, что онъ совершилъ своего рода паломничество въ Ясную Поляну, гдѣ, въ личныхъ бесѣдахъ съ маститымъ философомъ, почерпнулъ все то, что ему требовалось для своего обихода. Конечно, все это сплетни: для Веригина было довольно праздношатающагося шалопая, познакомившаго его, по своему, съ сущностью философскихъ ученій Толстого“. Въ подстрочной выноскѣ къ этимъ словамъ редакція

московской газеты нашла нужнымъ замѣтить, что для нея „вопросъ о паломничествѣ Веригина въ Ясную Поляну все-таки остается неяснымъ“. Словамъ г. N., что идеи, волнующія духоборцевъ, боятся дневного свѣта, „Московскія Вѣдомости“, противополагаютъ примѣръ „интеллигентныхъ толстовцевъ“, которые, „никѣмъ не преслѣдуемые, остаются, однако, въ своемъ омраченіи, распространяя его и на Веригиныхъ“. Очевидно, московская газета жалѣетъ не о томъ, что административной карѣ подверглись Веригинъ и его послѣдователи, а о томъ, что ей не подверглись и не подвергаются Л. Н. Толстой и „интеллигентные толстовцы“... Противъ мнѣнія г. N., что всего лучше было бы не трогать еще лѣтъ десять-двадцать положеніе вещей, сложившееся у духоборцевъ за послѣдніе полвѣка, „Московскія Вѣдомости“ возражаютъ, что высылка Веригина состоялась по требованію общества или, по крайней мѣрѣ, того меньшинства, которое отрѣшилось отъ своихъ прежнихъ заблужденій—а право требовать высылки одного изъ своихъ членовъ „имѣетъ *по закону* всякое крестьянское общество“. Болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе производитъ, въ устахъ ожесточенныхъ противниковъ законности, ссылка на законъ, напоминающая извѣстный стихъ: le diable lui aussi peut citer l'Ecriture! Неожиданности ея появленія вполнѣ соотвѣтствуетъ ея неумѣстность. Право требовать высылки одного изъ своихъ членовъ принадлежитъ, во-первыхъ, *крестьянскому* обществу, составляющему *законно-организованное* цѣлое — а общество или община *духоборцевъ* въ глазахъ закона вовсе не существуетъ. За ссылку по приговору общества должно, во вторыхъ, высказаться *большинство двухъ третей всѣхъ членовъ схода*, а за высылку Веригина стояло, какъ признаютъ и „Московскія Вѣдомости“, только *меньшинство*. Гореловцы, въ-третьихъ, только *хлопотали* о высылкѣ, а *рѣшена* она была администраціей, вовсе не въ томъ порядкѣ, какой установленъ для ссылки вредныхъ и *порочныхъ* членовъ крестьянскихъ обществъ—да о *порочности* Веригина не было, наконецъ, и рѣчи.

Выселенные изъ прежнихъ мѣстъ жительства, нуждающіеся въ

самомъ необходимомъ, болѣющіе и слѣпнущіе среди непривычныхъ для нихъ климатическихъ и житейскихъ условій духоборы были провозглашены въ одномъ изъ органовъ духовной печати („Миссіонерскомъ Обозрѣніи“) бунтовщиками, выдерживающими „своего рода войну“ съ правительствомъ и капиталистами, черпающими средства для этой войны изъ какого-то „половиночнаго“ капитала. Что у духоборовъ были кое-какія суммы, благодаря которымъ они не сразу стали умирать съ голоду—это безспорно; но г. Скворцову (автору статьи въ названномъ нами журналѣ) принадлежитъ возведеніе этихъ скудныхъ средствъ на степень боевого орудія, въ сущности столь же реальнаго, какъ и самая война, для которой оно будто-бы служитъ. Бунтующіе духоборы—явное противорѣчіе: ученіе духоборовъ не допускаетъ активнаго сопротивленія, безъ котораго немыслимо понятіе о бунтѣ. Это, вдобавокъ, физическая невозможность: разсѣянные по разнымъ уѣздамъ, занятые заботой о насущномъ хлѣбѣ, подчиненные бдительному надзору, духоборы не могутъ и думать о борьбѣ, съ могущественнымъ правительствомъ. Въ увѣреніяхъ г. Скворцова нельзя видѣть ничего иного, кромѣ полемическаго пріема, слишкомъ часто пускаемаго въ ходъ сильными по отношенію къ слабымъ...

Въ 1900 г. мы выразили надежду на скорую перемѣну къ лучшему въ положеніи духоборцевъ. Основаніемъ для нея послужили газетныя извѣстія объ образѣ дѣйствій духоборовъ во время землетрясенія въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ. По словамъ тифлисскаго корреспондента „Новаго Времени“, до 29-го іюня 1895 г. (т. е. до выселенія духоборовъ) въ Богдановскомъ участкѣ Ахалкалакскаго уѣзда было 833 духоборскихъ дома, съ 6.646 жителями. Выселенію подверглись 422 дома, и весь ихъ живой инвентарь былъ проданъ за безцѣнокъ въ сосѣднія армянскія селенія. „Эти самыя села пострадали теперь отъ землетрясенія—и вотъ, когда армяне, лишившись домовъ, всего своего благосостоянія, потерявъ кормильцевъ своихъ и дѣтей подъ грудами своихъ же пепелищъ, обезумѣли отъ ужаса, горя, холода и голода... предъ

ними предстали духоборы! Забывъ все прошлое, явились они и привезли на 60-ти саняхъ все, чѣмъ только въ настоящее время располагали. Духоборы, вмѣстѣ съ доблестными двумя батальонами Навагинскаго полка, откапывали заживо-погребенныхъ, призрѣвали раненыхъ, изувѣченныхъ и спасшихся обездоленныхъ и находящихся безъ крова. Такъ они поступали и въ теченіе всей кампаніи 1877—78 гг.". Когда былъ образованъ главный комитетъ по оказанію помощи пострадавшимъ отъ землетрясенія, и. д. тифлисскаго губернатора И. Н. Свѣчинъ, по словамъ „Кавказа", сообщилъ комитету, „что незамѣнимо драгоцѣнными оказались услуги духоборовъ, доставившихъ прекрасныя перевязочныя средства, которыхъ безъ ихъ помощи, пожалуй, почти невозможно было бы добыть во-время и въ надлежащихъ размѣрахъ". За это духоборы не хотѣли брать денегъ, но И. Н. Свѣчинъ согласился на принятіе безмездной услуги лишь на первый день, предложивъ имъ провозную плату за послѣдующіе дни по пониженной таксѣ. Старшины нѣкоторыхъ селеній предлагали принимать на прокормъ человѣкъ по 50 изъ оставшихся безъ крова, но И. Н. Свѣчинъ точно также счелъ справедливымъ уплачивать за приселеніе пострадавшихъ въ сосѣднія деревни"... Всѣ эти факты говорятъ сами за себя и не требуютъ комментаріевъ.

Въ апрѣлѣ 1897 г. къ гр. Л. Н. Толстому пріѣхали самарскіе молокане, съ просьбою помочь ихъ горю; у нихъ въ трехъ семьяхъ Бузулукскаго уѣзда, Александровской волости, въ деревняхъ Землянкѣ и Антоновкѣ, отобрали отъ родителей пятерыхъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 11 до 2 лѣтъ, на основаніи ст. 39 уст. о прес. и пред. прест. Молокане эти,—говоритъ Л. Толстой въ письмѣ, напечатанномъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" — „подавали прошенія во всѣ инстанціи; я тоже сдѣлалъ что́ съумѣлъ, но всѣ наши ходатайства остались безуспѣшными". Что отобраніе дѣтей не составляетъ единичнаго, случайнаго явленія—это подтверждается, между прочимъ, сообщеніемъ „Приазовскаго Края" (газеты подцензурной) о событіи,

происшедшемъ недавно въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (Таврической губерніи). Во дворѣ сельскаго правленія с. Екатериновки собралось, по требованію начальства, до тридцати семействъ сектантовъ-шелапутовъ; пришли также священники и засѣдатель. Послѣдній прочиталъ циркулярное распоряженіе объ отобраніи дѣтей, въ возрастѣ отъ 2 до 11 лѣтъ, у сектантовъ завѣдомо вреднаго толка и объ отдачѣ ихъ на воспитаніе благонадежнымъ жителямъ села, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ и доброй нравственностью. Слушатели были, „какъ говорится, ни живы, ни мертвы; они какъ-то опустились, на лицахъ у всѣхъ замерло выраженіе безысходнаго, горькаго горя. Вдругъ, среди мертвой тишины, раздались раздирающіе душу крики женщинъ, которымъ материнское чувство подсказало угрожавшую опасность. Къ нимъ тотчасъ же присоединился плачъ дѣтей. Раздался приказъ засѣдателя подвести семью шелапута А., стоявшую первою въ спискѣ. Въ сопровожденіи сотскихъ, семья эта подошла къ крыльцу, и засѣдатель отобралъ 6-ти-лѣтняго мальчика А., для передачи кому-либо изъ односельчанъ, на которыхъ можетъ указать духовенство, и тутъ же обратился къ толпѣ съ предложеніемъ взять отобраннаго мальчика на воспитаніе. Желающихъ оказалось много. Тогда сотскій, по приказанію засѣдателя, подошелъ къ А., чтобы взять мальчика. Съ этого момента толпа совершенно забыла свои непріязненныя чувства къ шелапутамъ и плакала заодно съ ними навзрыдъ. Описывать все происходившее въ правленіи было бы слишкомъ тяжело. Одинъ священникъ вытиралъ слезы, другой какъ-то растерянно ухмылялся. Засѣдатель злился и старался перекричать всѣхъ, чтобы поскорѣе довести до конца начатое. Дѣтей отбирали сотскіе и передавали ихъ желающимъ взять на воспитаніе. Родители окончательно обезумѣли—цѣловали полы одежд у духовенства, обнимали ноги засѣдателю. Изъ всей этой невыразимо тяжелой картины особенно врѣзался въ память одинъ крестьянинъ, вдовецъ, лѣтъ 35. Онъ все время не выпускалъ изъ рукъ своей дѣвочки, лѣтъ 5—7. Онъ хотѣлъ было уйти съ нею со двора сельскаго правленія, но нѣсколько сотскихъ остановили его и силою вырвали у него дѣвочку. Тогда онъ грохнулся, какъ подкошенный, безъ чувствъ на

землю. Ни звука, ни стона онъ не издалъ. Всѣхъ какъ-то передернуло, потрясло это, но ретивый блюститель закона ударилъ его ногой, проговоривъ:—Вишь, скотина, притворяется! Однако, „скотина“ долго не могъ очнуться, а когда пришелъ въ сознаніе, то сталъ шарить вокругъ себя руками, какъ будто что-то ища, хотя это и днемъ было“. Воспроизведя эту поразительную картину, кн. С. Н. Трубецкой (въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“) вспоминаетъ о дѣлѣ Мортары [1]), взволновавшемъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, всю Европу и нанесшемъ папству „тяжелый нравственный ударъ, перевѣшивавшій многія потерянныя сраженія“. „Всякій вѣрующій и просвѣщенный русскій человѣкъ“ — восклицаетъ кн. Трубецкой,—„всякій отецъ содрогнется отъ боли и обиды при одной мысли, что подобныя вещи относятся не къ отдаленнымъ временамъ папскаго владычества, а совершаются и теперь... Можно ли серьезно говорить о такой мѣрѣ, какъ насильственное отнятіе дѣтей у сектантовъ, съ точки зрѣнія чисто полицейской? Можно ли видѣть мѣру предупрежденія и пресѣченія преступленій въ томъ, что уже само по себѣ составляетъ преступленіе“?..

Почти годъ спустя послѣ появленія въ „Приазовскомъ Краѣ“ вышеприведеннаго разсказа объ отобраніи дѣтей, въ той же газетѣ появилось оффиціальное опроверженіе этого разсказа, подписанное екатеринославскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ А. Дородницкимъ. „Фактъ отобранія дѣтей“—читаемъ мы въ опроверженіи—„дѣйствительно имѣлъ мѣсто, но обстоятельства, сопровождавшія его, искажены корреспондентомъ „Приазовскаго Края“ до неузнаваемости. Къ числу такихъ обстоятельствъ принадлежатъ: *тридцать* семействъ сектантовъ, торжественный выходъ на крыльцо властей и чтеніе оттуда циркулярнаго распоряженія, цѣлованіе одеждъ у духовенства и многое другое“. По удостовѣренію миссіонера, подтверждаемому сообщеніемъ екатериновскаго волостного правленія,

[1]) Малолѣтній сынъ болонскаго еврея Мортары, тайно окрещенный служанкой, былъ отобранъ отъ родителей и помѣщенъ въ домѣ неофитовъ въ Римѣ, для воспитанія въ католической вѣрѣ, а родителямъ было предложено или креститься, или навсегда отказаться отъ сына.

семей, у которыхъ были отобраны дѣти, всего *четыре;* никакою торжественностью отобраніе дѣтей не сопровождалось; единственный присутствовавшій при немъ священникъ никакой „растерянности“ не проявилъ и слезъ рукавомъ не утиралъ. Отобраніе дѣтей происходило на основаніи распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, въ два пріема, въ 1892 и въ 1895 гг. (въ послѣдній разъ - у тѣхъ семей, которыя раньше обѣщали воспитывать дѣтей въ духѣ православія, но не исполнили обѣщанія). Первоначальнымъ поводомъ къ возбужденію дѣла послужило сообщеніе миссіонерскаго комитета, вызванное заявленіемъ одной крестьянки (Бондаренко), что мужъ ея всячески ее угнетаетъ за нерасположеніе къ сектѣ и требуетъ отъ нея, между прочимъ, истребленія плода еще во чревѣ, чтобы у нихъ не было дѣтей.—Такова фактическая сторона опроверженія, особенно настаивающаго на томъ, что отобраніе дѣтей у шалопутовъ с. Екатериновки совершилось „тихо, незамѣтно, безъ всякой толпы, какъ вообще исполняются распоряженія высшаго начальства, гдѣ субъективныя мнѣнія и чувства не должны имѣть мѣста“. Самое существованіе у шелопутовъ нѣжныхъ родительскихъ чувствъ подвергается сомнѣнію, въ виду вышеприведеннаго заявленія крестьянки Бондаренко. „Пора, наконецъ“—восклицаетъ авторъ опроверженія,—„пора сознать всѣмъ защитникамъ нашихъ мнимо-угнетенныхъ сектантовъ, что законы гуманнѣйшаго русскаго народа не преслѣдуютъ сектантовъ за ихъ религіозныя заблужденія, и что если время отъ времени и возникаютъ отдѣльные эпизоды преслѣдованія сектантовъ, то причиною этому всегда бываютъ сектанты, своими дѣйствіями нарушающіе основные государственные законы“. Событіе въ Екатериновкѣ было не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ закона; изъ-за чего же въ этомъ случаѣ поднимать шумъ? „Почему во всѣхъ другихъ случаяхъ примѣненія закона обыкновенно такого шума не бываетъ? Почему же тѣ же частные охранители государственныхъ интересовъ проходятъ молчаніемъ многочисленные случаи примѣненія закона къ ворамъ, убійцамъ и прочимъ темнымъ дѣятелямъ? Неужели они думаютъ, что нарушеніе интересовъ церкви менѣе вредитъ основ-

нымъ началамъ государственной жизни, чѣмъ, напримѣръ, конокрадство"? Дальше выражается предположеніе, что „весь тотъ шумъ, который подняли либеральныя газеты, съ легкаго почина гр. Л. Толстого, по поводу отобранія дѣтей у сектантовъ, возбужденъ не сочувствіемъ къ угнетенному положенію сектантовъ, а чувствомъ ненависти къ святой православной церкви". Не будемъ говорить о томъ, насколько умѣстны подобны предположенія въ оффиціальномъ опроверженіи, напечатаніе котораго обязательно для газеты въ силу закона. Для насъ достаточно указать на внутреннюю ихъ несостоятельность. Чтобы понять „шумъ", вызванный въ печати событіемъ въ Екатериновкѣ—если только можно назвать шумомъ нѣсколько газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, одинаково скромныхъ и по содержанію, и по формѣ—нѣтъ надобности прибѣгать къ рискованнымъ догадкамъ; нужно только припомнить, что́ такое насильственное разлученіе родителей съ дѣтьми, въ особенности если оно должно имѣть послѣдствіемъ и нравственное отчужденіе между тѣми и другими. Родительскія чувства у сектантовъ—тѣ же, какъ и у православныхъ; болѣе чѣмъ странно сомнѣваться въ ихъ существованіи или въ ихъ искренности и глубинѣ только потому, что *одинъ* изъ сектантовъ *будто бы* требовалъ отъ своей жены изгнанія плода (заявленіе жены, враждебно относящейся къ мужу, не можетъ, очевидно, считаться достовѣрнымъ доказательствомъ). Присутствовала ли при отобраніи дѣтей въ с. Екатериновкѣ цѣлая толпа или только немногіе, произошло ли оно „тихо" и „незамѣтно" или при громкихъ выраженіяхъ отчаянія—это совершенно безразлично; значеніе самаго факта во всякомъ случаѣ остается неизмѣннымъ. Сдержанная, нѣмая скорбь не легче той, которая находитъ исходъ въ рыданіяхъ и вопляхъ. „Субъективныя мнѣнія и чувства" не поддаются предписаніямъ начальства, даже высшаго; подавить ихъ въ себѣ невластны иногда даже сами исполнители приказа, если должностное лицо не убило въ нихъ человѣка. Неважно, далѣе, число семействъ, у которыхъ отобраны дѣти; горе каждаго изъ нихъ не становится меньше отъ того, что оно раздѣляется не двадцатью-девятью, а лишь тремя други-

ми[1]). Если бы отобраніе дѣтей постигло только *одну* семью, впечатлѣніе отъ него все-таки было бы потрясающее; припомнимъ, какъ отнеслось европейское общественное мнѣніе, лѣтъ сорокъ тому назадъ, къ отобранію одного ребенка у одного еврея Мортары. Удивляться тому, что подобные случаи обращаютъ на себя общее вниманіе, тогда какъ многочисленные приговоры надъ ворами, убійцами и другими „темными дѣятелями“ проходятъ незамѣченными—значитъ не понимать глубокаго различія между сектантами и обыкновенными преступниками, между отобраніемъ дѣтей и обыкновенными наказаніями. Уголовная кара за воровство или убійство—явленіе нормальное, неизбѣжное, повсемѣстное; отобраніе дѣтей у родителей, отступившихъ отъ господствующей церкви—явленіе исключительное, несогласное съ основными началами вѣротерпимости и немыслимое, въ настоящее время, въ другихъ европейскихъ государствахъ. Русскій народъ совершенно правильно называется „гуманнѣйшимъ“; но отсюда еще не слѣдуетъ, что таковы и всѣ дѣйствующіе въ его средѣ законы. Стремленіе къ измѣненію тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ священнымъ чувствомъ родительской любви, не имѣетъ ничего общаго съ „ненавистью“, въ которой авторъ опроверженія такъ смѣло обвиняетъ либеральную печать; напротивъ того, оно вполнѣ совмѣстно съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрѣ и церкви.

Отобраніе дѣтей совершается, въ большинствѣ случаевъ, не на основаніи уложенія о наказаніяхъ и судебныхъ рѣшеній, а на основаніи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак. т. XIV, ст. 38 и 57) и въ силу распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ. Высочайшаго утвержденія эти распоряженія требуютъ только въ такомъ случаѣ, если мѣра, которую министръ признаетъ необходимою, превышаетъ его власть—а предѣлы власти министра опредѣлены въ этомъ отношеніи не особенно точно. Отобраніе дѣтей, т. е. отдача ихъ на воспитаніе

[1]) Разница между цифрами корреспонденціи и опроверженія (30 и 4) объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ первой шла рѣчь о всѣхъ случаяхъ отобранія дѣтей въ с. Екатериновкѣ, а въ послѣднемъ—только объ имѣвшихъ мѣсто въ 1895 г.

постороннимъ лицамъ, закономъ прямо не установлено; охраненіе православія дѣтей, родители которыхъ уклонились въ ересь или расколъ, можетъ быть достигнуто, слѣдовательно, и безъ употребленія столь крайняго средства (напр. обязательнымъ посѣщеніемъ школы, въ которой преподается ученіе православной церкви). Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій принадлежитъ къ числу наиболѣе устарѣвшихъ отдѣловъ нашего законодательства; онъ настоятельно нуждается въ пересмотрѣ, который и будетъ, вѣроятно, предпринятъ въ непродолжительномъ времени. Нужно надѣяться, что статьи, касающіяся отступившихъ отъ православія, въ новой редакціи устава будутъ существенно измѣнены, и повтореніе событій, совершившихся въ селѣ Екатериновкѣ, сдѣлается навсегда невозможнымъ.

Рядомъ съ оффиціальнымъ преслѣдованіемъ сектантства часто идетъ не оффиціальное, руководимое добровольцами разнаго рода. Бывшій экономъ симферопольскихъ земскихъ богоугодныхъ заведеній, Шкредовъ, возбудилъ въ 1901 г. противъ священника этихъ заведеній, о. Беззабавы, уголовное дѣло, объясняя, что онъ былъ уволенъ отъ должности эконома вслѣдствіе неправильнаго обвиненія его о. Беззабавой въ принадлежности къ штундизму и въ распространеніи этой ереси среди другихъ земскихъ служащихъ. На судѣ предсѣдатель губернской земской управы Харьченко и членъ ея Серебряковъ, завѣдующій богоугодными учрежденіями, утверждали, что поводомъ къ увольненію Шкредова послужили вовсе не его вѣрованія; но, по показанію самого Серебрякова, онъ обращался къ епархіальному миссіонеру для выясненія религіозныхъ убѣжденій Шкредова, а по словамъ миссіонера, Серебряковъ говорилъ ему, что впредь до полученія отъ него сообщенія о принадлежности или не принадлежности Шкредова къ штундистамъ со стороны управы никакихъ мѣръ противъ Шкредова принято не будетъ. Между тѣмъ, на судѣ епархіальный миссіонеръ заявилъ, что по совѣсти не можетъ считать Шкредова штундистомъ. Когда Шкредовъ, еще до суда, обращался къ священнику Беззабавѣ съ просьбою указать хоть одинъ фактъ, даю-

щій основаніе считать Шкредова штундистомъ, священникъ отвѣтилъ: „достаточно того факта, что одна изъ сидѣлокъ до поступленія Шкредова на службу пожертвовала на церковь при богоугодныхъ заведеніяхъ разновременно до 1.000 руб., а съ поступленіемъ Шкредова жертвовать перестала“... Что городской судья оправдалъ священника, котораго Шкредовъ обвинялъ въ клеветѣ— это совершенно понятно: признаковъ клеветы, въ юридическомъ смыслѣ слова, утвержденіе о принадлежности кого-либо къ штундизму въ себѣ не заключаетъ. Съ формальной стороны не виновата и управа, не вышедшая за предѣлы своихъ полномочій; но едва ли можно отрицать, что разслѣдованіе религіозныхъ убѣжденій служащаго и увольненіе его по одному лишь *подозрѣнію* въ ихъ неправильности —ненормальныя явленія земской жизни. На стражѣ противъ еретической пропаганды стоятъ другія учрежденія и лица, не нуждающіяся въ поддержкѣ добровольцевъ изъ числа земскихъ дѣятелей.

Нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ принимаетъ самыя различныя формы. У людей болѣе развитыхъ и, слѣдовательно, болѣе сдержанныхъ она выражается въ такихъ пріемахъ, какіе раскрылъ процессъ Шкредова; толпу она побуждаетъ, отъ времени до времени, къ прямому, грубому насилію, не всегда встрѣчающему отпоръ со стороны крестьянскихъ властей. Вотъ что произошло въ 1901 г., по словамъ „Южанина“, въ селѣ Тишковкѣ, Елисаветградскаго уѣзда (Херсонской губерніи). Штундистъ Шевченко, проживающій въ м. Братолюбовкѣ, по дорогѣ зашелъ въ Тишковку и остановился у одного изъ тамошнихъ штундистовъ, Удодова. Черезъ нѣкоторое время къ Удодову пришелъ еще одинъ штундистъ. Въ домъ вошелъ сельскій староста, который призналъ, что штундисты устроили собраніе для моленія, и отправилъ хозяина и его двухъ гостей въ холодную. Черезъ нѣкоторое время въ сельское правленіе пришелъ по своему личному дѣлу штундистъ Муцетъ. „А, ты пришелъ провѣдать братчиковъ!“ —воскликнулъ староста, и приказалъ Муцета также отправить въ холодную. Въ холодной Муцетъ жаловался товарищамъ на нездоровье. Къ ве-

черу ему сдѣлалось очень плохо, такъ что онъ отъ пищи отказался и промучился всю ночь. На другой день утромъ арестованные штундисты были освобождены. Жена Муцета тотчасъ же отвезла его въ новоархангельскую земскую больницу. Муцетъ пробылъ въ больницѣ три дня. Пріѣхавшая на третій день жена Муцета увидѣла, что мужу очень плохо. Не желая, чтобы мужъ ея умеръ въ больницѣ, она повезла его домой въ Тишковку. По дорогѣ Муцетъ скончался, какъ полагаетъ врачъ—отъ заворота кишокъ. Погребеніе Муцета послужило поводомъ къ дикой расправѣ съ штундистами. Муцета хотѣли похоронить внѣ ограды одного изъ трехъ сельскихъ кладбищъ. Крестьяне не допустили этого и набросились на штундистовъ, которыхъ били палками, кулаками и пр. Штундисты попрятались въ свои дома, но толпа принялась разбивать окна. Нѣкоторые благоразумные крестьяне сдѣлали попытку защитить штундистовъ и успокоить толпу, но послѣдняя пригрозила защитникамъ тѣмъ же, и послѣдніе поспѣшили ретироваться. На другой и третій день, когда хотѣли при помощи сельскихъ властей похоронить трупъ Муцета внѣ оградъ двухъ другихъ кладбищъ, повторилась та же исторія. Лишь на четвертый день трупъ Муцета похороненъ былъ въ 10 верстахъ отъ Тишковки, въ чистомъ полѣ. Троихъ изъ избитыхъ освидѣтельствовали земскіе врачи, причемъ оказалось, что тѣла штундистовъ были покрыты множествомъ кровоподтековъ; у одного нѣсколько зубовъ выбито. Врачи донесли о результатахъ освидѣтельствованія прокурорскому надзору, причемъ установили, что нанесенные потерпѣвшимъ побои по многочисленности, продолжительности и болѣзненности носятъ характеръ истязанія... Нѣчто подобное, но, къ счастью, безъ вины властей, произошло въ Кіевѣ. По словамъ „Кіевлянина“, „12-го августа 1901 г., на Бульонской улицѣ, въ одной изъ квартиръ дома № 58, происходило собраніе сектантовъ, въ числѣ болѣе 80 человѣкъ обоего пола; пѣніе ихъ было слышно на улицѣ. Трое чернорабочихъ, бывшихъ навеселѣ, вошли въ помѣщеніе собранія и стали требовать на водку. Ихъ попросили удалиться, но они подняли шумъ,

стали ругаться, и ихъ пришлось удалить болѣе крутыми мѣрами. Босяки выбѣжали на улицу и стали кричать, что ихъ бьютъ. Толпа пыталась ворваться во дворъ, но дворникъ заперъ ворота; тогда буяны съ криками и шумомъ стали чѣмъ попало ломать ворота, а другіе швыряли камни въ окна второго этажа. Имъ удалось сорвать ворота съ петель, предварительно сломавъ ихъ; они ворвались во внутрь усадьбы и цѣлымъ градомъ каменьевъ стали разбивать стекла въ большомъ стеклянномъ корридорѣ. Обыватели усадьбы были въ большой паникѣ; неизвѣстно, до чего дошло бы дѣло, если бы буяны не услышали свистка ночного сторожа. Они оставили усадьбу, боясь прихода полиціи, но, какъ оказывается, устроили засаду. Когда часть сектантовъ, главнымъ образомъ мужчины, вышли на улицу, на Лабораторной улицѣ ихъ нагнала толпа и стала избивать палками, бросать камни и т. д. Бо́льшую часть женщинъ и дѣтей, оставшихся изъ страха въ квартирѣ, гдѣ происходило собраніе, проводилъ затѣмъ домой явившійся городовой. Въ корридорѣ почти всѣ стекла разбиты; также много стеколъ разбито въ домѣ № 58 со стороны улицы"... Какъ ни печальны подобныя явленія, обвинять за нихъ огульно народную массу было бы крайне несправедливо. Нашъ народъ, говоря вообще, относится къ иначе вѣрующимъ безъ всякой вражды, безъ озлобленія. Чтобы пробудить въ немъ фанатизмъ, нужно стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ—накопленіе буйныхъ элементовъ, особенно возможное въ большихъ городахъ, или подстрекательство отдѣльныхъ лицъ, или злоупотребленіе властью (какъ въ с. Тишковкѣ), или, наконецъ, стихійное раздраженіе, вызываемое иногда зрѣлищемъ непривычныхъ, мало понятныхъ житейскихъ порядковъ (напр. воздержанія отъ водки, отъ ссоръ и ругательствъ). Почвой для всхода брошенныхъ такимъ образомъ сѣмянъ служитъ все еще слишкомъ широко распространенное невѣжество и связанная съ нимъ неустойчивость ума и воли, а также безправное положеніе сектантовъ. Избіеніе сектантовъ — это одинъ изъ наружныхъ признаковъ зла, искоренимаго только просвѣщеніемъ и бо́льшею вѣротерпимостью.

VI.

КАТОЛИЧЕСТВО И ЛЮТЕРАНСТВО.

Говоря объ инославныхъ исповѣданіяхъ — католическомъ и лютеранскомъ, — преобладающихъ или широко распространенныхъ среди населенія западныхъ окраинъ имперіи, отчеты оберъ-прокурора св. синода останавливаются, главнымъ образомъ, на трехъ сторонахъ дѣла: 1) на отношеніи къ православію инославнаго духовенства и инославныхъ вообще, 2) на смѣшанныхъ бракахъ и 3) на мѣропріятіяхъ, вызываемыхъ отпаденіями отъ православной церкви.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ разновѣрнымъ населеніемъ вѣроисповѣдный миръ оставался и остается полнымъ и непарушимымъ. Въ подольской епархіи, напримѣръ—по словамъ отчета за 1883 г.,—„при совмѣстномъ жительствѣ православныхъ и католиковъ, при ихъ взаимныхъ близкихъ сношеніяхъ, а также при общемъ недостаткѣ умственнаго образованія и духовнаго развитія, ни тѣ, ни другіе (за исключеніемъ лицъ достаточно образованныхъ, каковы землевладѣльцы польскаго происхожденія) не знаютъ существеннаго различія между своимъ и чужимъ вѣроисповѣданіемъ, и полагаютъ его только во внѣшней обрядности. Простой народъ и мелкая шляхта съ одинаковымъ уваженіемъ относятся къ православной церкви и къ римскому костелу; католики, несмотря на строгія запрещенія и угрозы ксендзовъ, часто посѣщаютъ православные храмы, принимаютъ даже участіе въ православныхъ приходскихъ попечительствахъ; въ народныхъ сельскихъ школахъ дѣти католиковъ съ охотой изучаютъ православный законъ Божій, чита-

ютъ и поютъ въ церкви вмѣстѣ съ православными дѣтьми, и родители ихъ не только не возмущаются этимъ, но, напротивъ, обнаруживаютъ удовольствіе". Съ своей стороны, и православные безразлично посѣщаютъ свои церкви и католическіе костелы. Представимъ себѣ, — что противъ православныхъ, поступающихъ такимъ образомъ, были бы приняты свѣтскою властью какія-либо строгія мѣры: это непремѣнно отразилось бы на католикахъ и отдалило бы ихъ отъ православія, къ которому они теперь приближаются — приближаются постепенно, медленно, едва замѣтно, но за то свободно и добровольно. Когда населеніе стоитъ на рубежѣ между двумя церквами, побѣда должна остаться на сторонѣ той, которая съумѣетъ обратить смутное влеченіе въ сознательную привязанность... Въ минской епархіи, по словамъ отчета за 1884 г., многіе изъ католическаго населенія приглашаютъ къ себѣ православное духовенство для освященія домовъ и печей, обращаются къ нему съ просьбою о совершеніи молебствій и посѣщаютъ православные храмы, особенно при проѣздѣ преосвященнаго, „видимо усиливаясь положить на себя крестное знаменіе по православному". Духовенство этой епархіи „убѣждено, что только путемъ мира и правды пріобрѣтается прочное и полное торжество православной церкви". Въ литовской епархіи, въ то же самое время, все болѣе и болѣе замѣчалась „отчужденность и холодность католиковъ къ православнымъ". По словамъ отчета за 1885 г., „особенно вредно католическое духовенство дѣйствуетъ на присоединившихся къ православію въ шестидесятыхъ годахъ, нерѣдко исполняя у нихъ христіанскія требы. Поощряемыя и возбуждаемыя имъ, таковыя лица обращаются къ духовенству и гражданскому начальству съ просьбами объ оставленіи ихъ въ латинствѣ. Наиболѣе сильна пропаганда католицизма въ епархіи подольской, и преимущественно на западной ея границѣ; что́ прежде проповѣдниками латинства дѣлалось здѣсь, бо́льшею частью, тайно, то въ настоящее время они не считаютъ необходимымъ даже и скрывать, дѣйствуя различными, въ большинствѣ случаевъ незаконными мѣрами для совращенія православныхъ въ латинство,

распространяя между ними разные неосновательные слухи, вселяя въ нихъ несбыточныя надежды, воспрещая католикамъ вступать въ бракъ съ православными".

Въ отчетѣ за 1886 г. упоминается о продолжающейся мѣстами католической пропагандѣ, „препятствующей полному процвѣтанію православія", но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуется, что попытокъ къ совращенію было мало. „Въ противодѣйствіе не ослабѣвающей латинской пропагандѣ" — читаемъ мы въ отчетѣ за 1887 г.,— „духовенство подольской епархіи, по распоряженію епархіальнаго начальства, усилило свою дѣятельность въ проповѣданіи слова Божія, не только въ храмахъ, но и въ частныхъ собесѣдованіяхъ, а также устраивало и вело воскресныя собесѣдованія съ взрослыми въ школахъ". Гораздо проще, конечно, было бы обратиться къ могущественной „свѣтской рукѣ" (le bras séculier), но подольское епархіальное начальство предпочло пойти инымъ путемъ —и въ этомъ нельзя не видѣть великую его заслугу.

Отдѣлъ отчета за 1888 и 1889 гг., посвященный иновѣрнымъ исповѣданіямъ, проникнутъ недовѣріемъ къ духовенству этихъ исповѣданій и къ ревностнымъ ихъ послѣдователямъ. Въ литовской епархіи „мотивомъ для усиленія латинской пропаганды явилось назначеніе новаго католическаго епископа. Готовясь къ его пріѣзду, ксендзы пожелали показать всю свою служебную ревность и энергію: они чаще стали собираться на фесты для болѣе торжественнаго ихъ отправленія, или скорѣе, подъ предлогомъ фестовъ, на общія совѣщанія о мѣрахъ не только охраны католической паствы отъ переходовъ въ православіе или отъ вступленія въ составъ православныхъ семействъ черезъ браки, но и пропаганды латинства". Если устранить вопросъ о пропагандѣ, сдерживаемой страхомъ уголовнаго преслѣдованія и уже по этому одному едва ли могущей принять широкіе размѣры [1]), то придется при-

[1]) Въ началѣ 1890-хъ гг. суды остзейскихъ губерній были завалены дѣлами о протестантскихъ пасторахъ, судимыхъ за проступки противъ православной вѣры; между тѣмъ о подобныхъ процессахъ противъ ксендзовъ западнаго края совсѣмъ не было слышно. Если ихъ не было, то не было, значитъ, и пропаганды, сколько-нибудь серьезной.

знать, что католическому духовенству ставится здѣсь въ вину простое исполненіе его обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, желаніе предохранить свою паству отъ перехода въ иную вѣру свойственно всякому духовенству; признавая его законнымъ и обязательнымъ у себя, нельзя не признавать его по меньшей мѣрѣ естественнымъ у другихъ. Столь же естественно стремленіе священниковъ показать себя въ лучшемъ свѣтѣ своему новому начальству. Или, быть можетъ, цѣль отчета заключается въ раскрытіи и предупрежденіи вреда, приносимаго назначеніемъ новаго иновѣрнаго епископа? Едва-ли. Пока католицизмъ принадлежитъ къ числу исповѣданій, терпимыхъ на русской почвѣ—а не принадлежать къ ихъ числу онъ не можетъ, потому что католиковъ между русскими подданными нѣсколько милліоновъ,—до тѣхъ поръ неизбѣжно обновленіе католической іерархіи. Пока существуютъ католическіе епископы, до тѣхъ поръ имъ нельзя отказать въ правѣ объѣзжать ихъ епархіи, хотя бы послѣдствіемъ объѣзда и было усиленіе католической пропаганды (какъ это указывается отчетомъ по отношенію къ поѣздкѣ житомірскаго епископа Козловскаго въ пограничную съ Австріею мѣстность подольской епархіи). „Въ гродненской губерніи,—продолжаетъ отчетъ,—католичество значительно ободрилось, между прочимъ вслѣдствіе того, что отъ мѣстной власти были получаемы ксендзами разрѣшенія на устройство крестныхъ ходовъ во всякое время. Этой легкостью разрѣшеній католичество пользуется для своей пропаганды и крестными ходами не въ урочное время соблазняетъ не утвердившихся еще въ православіи новообращенныхъ и поддерживаетъ упорство совратившихся“. Въ этихъ словахъ призывъ къ запретительнымъ мѣрамъ уже совершенно ясенъ. Почему, однако, степень „соблазнительности“ крестнаго хода зависитъ отъ урочности или неурочности времени, когда онъ совершается? Если столь ничтожное обстоятельство можетъ вліять на новообращенныхъ, то не лучше ли допускать самое обращеніе только послѣ бо́льшаго утвержденія въ православіи?.. Говоря о католической пропагандѣ въ холмско-варшавской епархіи, отчетъ приводитъ слѣдующій случай: ученикъ варшавской римско-католиче-

ской семинаріи, Янъ Цемневскій, явился на поле къ православнымъ рабочимъ, бывшимъ уніатамъ; „чтобы заинтересовать ихъ въ свою пользу, онъ *принялъ видъ, будто молится Богу*“, а потомъ произнесъ проповѣдь, направленную противъ православія. Сомнѣніе въ *искренности* этого фанатика едва-ли основательно; самый рискъ, на встрѣчу которому онъ шелъ, заставляетъ думать, что онъ вѣрилъ въ богоугодность своего дѣла и если приступилъ къ нему съ молитвой, то безъ всякаго притворства. „Выходка католическаго семинариста—читаемъ мы дальше—дастъ поводъ возбудить вопросъ, существуетъ ли какой-либо надзоръ и контроль со стороны правительства въ отношеніи римско-католическихъ семинарій, впускаются ли въ эти семинаріи начальники мѣстныхъ учебныхъ дирекцій? Сколько извѣстно, римско-католическія семинаріи свободны отъ прикосновенія къ нимъ правительственно-учебнаго надзора. Да и вообще, римско-католицизмъ въ Привислянскомъ краѣ такъ обставленъ внушительно, что способенъ и на дерзкія выходки противъ православія. Четырнадцать епископовъ, съ сотнями прелатовъ и канониковъ, стоятъ крѣпко противъ двухъ православныхъ архипастырей съ двумя-тремя сотнями священниковъ“. Нисколько не отрицая необходимость правительственнаго контроля надъ всѣми учебными заведеніями, въ томъ числѣ и надъ духовными, мы не думаемъ, чтобы онъ могъ предупредить отдѣльные случаи религіознаго фанатизма. Римско-католическая духовная семинарія не можетъ не стремиться къ тому, чтобы сдѣлать своихъ воспитанниковъ вѣрующими, убѣжденными, ревностными католиками; а отсюда до готовности пострадать за свою вѣру—только одинъ шагъ, обусловливаемый особенностями характера и темперамента. Запрещеніе учить, что католицизмъ—единственная истинная вѣра, запрещеніе объяснять (конечно, въ его пользу) различіе между нимъ и другими исповѣданіями, было бы равносильно закрытію римско-католическихъ духовно-учебныхъ заведеній. Что касается до „внушительной“ обстановки католицизма въ привислянскихъ губерніяхъ, то она зависитъ непосредственно и прямо отъ громаднаго преобладанія католиковъ въ средѣ

населенія этихъ губерній и не можетъ быть ни устранена, ни уменьшена безъ существеннаго ограниченія правъ, издавна предоставленныхъ въ Россіи иновѣрнымъ исповѣданіямъ.

„Латино-польская пропаганда—читаемъ мы въ отчетѣ за 1890—1891 г.г.,—избираетъ скрытные, часто неуловимые пути и пользуется нерѣдко для своихъ цѣлей средствами неблаговидными". Изъ числа мѣръ борьбы противъ католицизма, упоминаемыхъ въ этомъ отчетѣ, особенное вниманіе обращаетъ на себя закрытіе католическаго монастыря и нѣсколькихъ костеловъ. „Въ волынской епархіи существовалъ женскій римско-католическій монастырь ордена кармелитокъ, построенный въ 1660 г., по иниціативѣ іезуитовъ, чтобы ослабить вліяніе сосѣдней православной обители Честнаго Креста (нынѣ дубенская Крестовоздвиженская пустынь, приписанная къ Почаевской лаврѣ). Іезуиты постарались отдѣлить обитель эту отъ города (Дубна?), построивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ единственная къ обители дорога отъ города, римско-католическій кармелитскій монастырь и лишивъ ее, такимъ образомъ, свободнаго къ ней пути. Фанатическія кармелитки устроили на своемъ подворьѣ, чрезъ которое шла дорога въ православную обитель, ворота, держа ихъ постоянно или запертыми на замокъ, или же подъ охраною злыхъ собакъ, а на подворьѣ, вблизи дороги, возвели свои хозяйственныя постройки—конюшни и хлѣва. Вслѣдствіе такихъ враждебныхъ отношеній кармелитокъ къ Крестовоздвиженской обители, представители православнаго духовенства нерѣдко обращались къ духовнымъ и гражданскимъ властямъ съ ходатайствомъ объ изъятіи изъ вѣдѣнія кармелитокъ земли, по которой проходитъ дорога, такъ какъ земля эта отъ временъ князей Острожскихъ принадлежала Крестовоздвиженской пустыни. Ходатайствовали также и о перемѣщеніи кармелитокъ изъ дубенскаго монастыря, съ обращеніемъ зданій его въ собственность пустыни. Но ходатайства эти не получали до послѣдняго времени желаемаго удовлетворенія". Нынѣ, латинскій кармелитскій женской монастырь упраздненъ, съ передачею въ собственность дубенской пустыни зданій и угодій его. Изъ отчета не видно, почему мѣра болѣе

крайняя была предпочтена менѣе рѣшительной (отобранію земли подъ дорогой) и какое вознагражденіе назначено кармелиткамъ за отошедшія отъ нихъ зданія и угодья. То же самое слѣдуетъ сказать и по поводу четырехъ католическихъ костеловъ въ Царствѣ Польскомъ, переданныхъ въ духовное вѣдомство со всѣми ихъ землями, строеніями и угодьями.

Отчетъ за 1892 и 1893 гг. удостовѣряетъ, что въ западномъ и юго-западномъ краѣ православіе продолжаетъ укрѣпляться; открытой пропаганды иновѣрія не замѣчается. Въ виду этого удостовѣренія самъ собою напрашивается вопросъ о цѣлесообразности стѣсненій, которымъ подвергаются иногда, среди мѣстныхъ католиковъ, самыя невинныя проявленія религіознаго чувства. Сюда относится, напримѣръ, сооруженіе придорожныхъ крестовъ изъ прочнаго матеріала. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 14-го марта 1896 г., принадлежащія къ сельскому населенію Виленской, Ковенской и Гродненской губерній лица римско-католическаго исповѣданія, желающія соорудить, съ благочестивою цѣлью, кресты и другія священныя изображенія изъ прочнаго матеріала: камня, кирпича, желѣза и т. п., внѣ кладбищъ, церковныхъ оградъ и своей усадебной осѣдлости, должны испрашивать на то разрѣшеніе губернскаго начальства, съ представленіемъ рисунка и описанія предполагаемаго сооруженія. Это распоряженіе направлено, по видимому, не къ обостренію, а наоборотъ, къ смягченію ограниченій, которымъ подлежитъ благочестивое усердіе католиковъ: въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ былъ напечатанъ документъ, удостовѣряющій, что въ западномъ краѣ разрѣшеніе начальства испрашивалось на сооруженіе и даже *возобновленіе деревяннаго креста внутри церковной ограды*—и отвѣтъ на такую просьбу могъ быть отрицательный. Теперь, по крайней мѣрѣ, не нужно разрѣшенія для постановки крестовъ, имѣющихъ, если можно такъ выразиться, совершенно частный характеръ; но въ это сравнительно благопріятное положеніе поставлены только три сѣверо-западныя губерніи, входящія въ составъ виленскаго генералъ-губернаторства. Нужно полагать, что распространеніе правилъ

14-го марта на кіевское генералъ-губернаторство и на губерніи Могилевскую, Минскую и Витебскую составляетъ только вопросъ времени; вѣдь случай, оглашенный „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, имѣлъ мѣсто именно въ Витебской губерніи. Всего цѣлесообразнѣе было бы точно опредѣлить условія, которымъ должны соотвѣтствовать придорожные кресты, и устранить, такимъ образомъ, необходимость испрашивать каждый разъ особое разрѣшеніе, дать или не дать которое зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстной губернской власти. Еще важнѣе, конечно, было бы установить общія правила для сооруженія и возобновленія католическихъ богослужебныхъ зданій, чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе такихъ случаевъ, когда цѣлому католическому приходу (см. № 115 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1896 г.) приходится оставаться болѣе 10 лѣтъ безъ церкви, вслѣдствіе закрытія ветхаго костела и неразрѣшенія приступить къ постройкѣ новаго. Объ аналогичномъ случаѣ еще раньше (въ 1892 г.) сообщалъ „Гражданинъ“. Мѣстное населеніе города Свенцянъ (Виленской губерніи) и окрестныхъ деревень—приблизительно около 10 тыс. человѣкъ католическаго вѣроисповѣданія—имѣло одинъ деревянный костелъ въ г. Свенцянахъ. Лѣтъ десять назадъ, въ виду совершенной ветхости постройки и невмѣстительности его, населеніе ходатайствовало о дозволеніи выстроить каменное зданіе и увеличить вмѣстительность костела, соотвѣтственно постепенному увеличенію числа прихожанъ. Послѣ десяти лѣтъ вышло разрѣшеніе построить каменный костелъ, но на старомъ фундаментѣ. Населеніе было въ отчаяніи, такъ какъ на старомъ фундаментѣ церковь можетъ вмѣстить едва десятую часть прихожанъ... Въ 1896 г., по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, совершеніе крестныхъ ходовъ, которые въ извѣстные дни входятъ въ составъ римско-католическаго богослуженія, было обставлено всевозможными затрудненіями; извѣстенъ, между прочимъ, случай, когда хоругви и св. иконы, эти необходимыя принадлежности крестнаго хода, были признаны недозволенными процессіональными знаками. Выраженія населеніемъ радости при объѣздѣ епископомъ епархіи считаются подозрительными мани-

фестаціями; въ одномъ случаѣ исправникъ получаетъ замѣчаніе, зачѣмъ не помѣшалъ дѣтямъ осыпать цвѣтами путь епископа отъ костельныхъ воротъ до алтаря. Погребальныя шествія тоже подвергнуты ограниченіямъ. Сперва (въ 1887 г.) было запрещено погребальное пѣніе на польскомъ языкѣ; народъ сталъ пѣть латинскіе гимны; полиція препятствовала и этому, вслѣдствіе чего происходили столкновенія; тогда (въ октябрѣ 1894 г.) были воспрещены всякія пѣснопѣнія при погребальныхъ шествіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещены всякіе процессіональные знаки, кромѣ креста. Не смотря на то, что и по существу дѣла, и по закону, епископъ обязанъ объѣзжать свою епархію, онъ не можетъ отлучаться даже на одни сутки изъ мѣста своего пребыванія безъ разрѣшенія гражданской власти. Во время поѣздокъ его сопровождаетъ жандармско-полицейскій эскортъ. При этомъ возникаютъ и такіе вопросы: можетъ ли епископъ, пріѣхавшій лечиться въ Друскеники, совершать торжественное богослуженіе въ мѣстномъ костелѣ? Дѣятельность приходскаго духовенства поставлена въ еще болѣе тяжкія условія. Надъ ксендзомъ постоянно виситъ дамокловъ мечъ штрафа, мотивировка котораго не всегда удобопонятна. По словамъ „Гражданина“ въ одномъ изъ городовъ западнаго края католики просили разрѣшенія въ праздникъ Пасхи устраивать крестный ходъ кругомъ церкви; имъ было отказано, съ объявленіемъ, что если они желаютъ имѣть крестный ходъ, то должны выстроить вокругъ церкви ограду выше человѣческаго роста и за ней дѣлать крестный ходъ; прихожане выстроили ограду—но когда она была готова, новый генералъ-губернаторъ все-таки воспретилъ крестный ходъ, основываясь на распоряженіи, состоявшемся вскорѣ послѣ мятежа.

Въ отчетѣ за 1883 г. отдѣлъ, посвященный распространенію православія въ остзейскомъ краѣ, начинается краткимъ обзоромъ сорокалѣтія, истекшаго со времени первыхъ обращеній. Цѣль этого обзора—доказать, что эсты и латыши, желавшіе присоединенія къ православной церкви, никогда не руководствовались побочными

соображеніями (напримѣръ ожиданіемъ матеріальныхъ выгодъ), а были вполнѣ искренно убѣждены въ превосходствѣ православія передъ лютеранствомъ. Воспоминаніе о нареканіяхъ, вызванныхъ обращеніями сороковыхъ годовъ, заставляетъ, однако, соблюдать большую осторожность по отношенію къ движенію, вновь возникшему между крестьянами западной Эстляндіи. „Присоединеніе эстовъ“, читаемъ мы въ отчетѣ, „совершено было съ устраненіемъ всего что могло возбуждать какія-либо недоразумѣнія или вызвать нежелательныя послѣдствія, подобныя бывшимъ въ прежнее время... Высшее духовное правительство постоянно слѣдило, чтобы святое дѣло присоединенія было совершаемо чистыми руками, безъ всякой примѣси посторонннихъ побужденій... Наставленія, испытанія и обрядъ присоединенія каждой группы происходили при открытыхъ дверяхъ и окнахъ, въ присутствіи многихъ посторонннихъ лицъ, въ числѣ которыхъ постоянно находились семейства мѣстнаго пастора и помѣщика“. „Перновскій благочинный“—читаемъ мы въ отчетѣ за 1885 г.,—сообщилъ преосвященному, что къ священнику михайловской церкви явился одинъ лютеранинъ изъ мызы Метцебое, Эстляндской губерніи, и просилъ его помолиться объ очищеніи его сада и полей отъ гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ; другой крестьянинъ (также, очевидно, лютеранинъ) просилъ священника помолиться о прекращеніи падежа скота“. Нужно полагать, что эти просьбы были исполнены. иначе о нихъ едва ли было бы упомянуто въ отчетѣ; но что если падежъ скота не прекратился, что если гады и вредныя насѣкомыя продолжали опустошать поля и садъ лютеранина? Нѣтъ ли въ этомъ способѣ распространенія православія чего-то похожаго на обоюдоострое оружіе?..

По словамъ отчета за 1890 и 1891 гг., „протестантская пропаганда въ остзейскомъ краѣ съ наибольшимъ успѣхомъ ведется въ глухихъ деревняхъ и поселкахъ, отдаленныхъ отъ приходскихъ храмовъ. Не имѣя возможности часто посѣщать храмъ и слушать поученія своихъ пастырей, православное населеніе этихъ глухихъ мѣстностей легко поддается настойчивой и *обольсти-*

тельной пропагандѣ, обѣщающей бѣднымъ поселянамъ матеріальную поддержку и помощь и твердящей имъ о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ". Интересно было бы знать, исполняются ли заманчивыя обѣщанія? Если исполняются, то откуда же берутся у нѣмцевъ необходимыя для того громадныя средства? Если не исполняются, то на чемъ держится легковѣріе обольщаемыхъ?

По свидѣтельству рижскаго архіепископа, приведенному въ отчетѣ за 1894 и 1895 гг., „православіе въ Прибалтійскомъ краѣ овладѣваетъ все больше и больше умами и сердцами населенія. Духовная красота православнаго богослуженія, святость и внутренняя правда православныхъ обрядовъ и обычаевъ, неотразимо вліяютъ не только на православныхъ прихожанъ, но и на лютеранъ. По отзыву многихъ благочинныхъ, лютеране охотно посѣщаютъ православное богослуженіе и церковныя торжества, почитаютъ православные праздники, отдаютъ своихъ дѣтей въ церковно-приходскія школы и иногда даже приносятъ жертвы на сооруженіе православныхъ храмовъ. Видно, что лютеранство перестаетъ удовлетворять религіозному чувству эстовъ и латышей, у которыхъ пробудилась жажда лучшей, истинной вѣры и церкви". Въ послѣднее время, по словамъ того же отчета, „нѣкоторые изъ лютеранскихъ пасторовъ стали проповѣдывать, что лютеранство и православіе въ сущности одно и то же, но что путь православія—путь весьма тернистый и трудный, по которому въ царство небесное попасть могутъ лишь люди сильной души и крѣпкой энергіи, тогда какъ путь лютеранскій — наилегчайшій для спасенія. Такой хитрый пріемъ, употребляемый пасторами для доказательства того, что переходить изъ лютеранства въ православіе нѣтъ никакого основанія, къ сожалѣнію, часто достигаетъ своей цѣли". Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ отчетъ не даетъ; между тѣмъ, весьма любопытно было бы знать, въ какую форму облекается новая доктрина о взаимоотношеніи православія и лютеранства. Излагаютъ ли ее пасторы съ каѳедры или въ печати? Получила ли она между ними право гражданства или встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны большинства? Если она до сихъ поръ—что̀ болѣе чѣмъ вѣроятно—

нигдѣ и никѣмъ еще не была провозглашена публично, то чѣмъ удостовѣряется ея пропаганда въ частныхъ, интимныхъ разговорахъ? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что въ вышеупомянутомъ ученіи заключается, implicite, признаніе превосходства православія надъ лютеранствомъ — а къ подобнымъ признаніямъ менѣе всего расположено чужое духовенство, къ какому бы исповѣданію оно ни принадлежало. Быть проповѣдникомъ извѣстнаго вѣроисповѣданія — значитъ считать его единственнымъ истиннымъ или, по меньшей мѣрѣ, наиболѣе правильнымъ. Съ такимъ взглядомъ совершенно несовмѣстимо утвержденіе, что другое исповѣданіе представляетъ болѣе тернистый, болѣе трудный путь ко спасенію: вѣдь чѣмъ больше трудность, тѣмъ больше заслуга, чѣмъ строже требованія, тѣмъ выше идеалъ. Да и съ чисто практической точки зрѣнія способъ дѣйствій, приписываемый нѣкоторымъ пасторамъ, кажется намъ весьма рискованнымъ. Далеко не всякій согласится добровольно признать себя человѣкомъ менѣе сильной души, менѣе крѣпкой энергіи, далеко не всякій найдетъ въ такомъ признаніи источникъ новой привязанности къ своему исповѣданію; наоборотъ, многихъ оттолкнетъ отъ прежней вѣры именно мысль о пригодности ея только для людей слабыхъ и заурядныхъ. Облегчить путь къ спасенію старались въ свое время отцы-іезуиты—но они конечно не увѣряли свою паству, что протестантамъ *труднѣе* спастись, чѣмъ католикамъ, а старались доказать, что спасеніе безусловно немыслимо для протестантовъ и доступно только для однихъ католиковъ. Лютеранству чужды, притомъ, всѣ облегченныя средства спасенія, которыми такъ ловко умѣли пользоваться іезуиты.

Въ отдѣлѣ отчета за 1892 и 1893 гг., посвященномъ положенію православія въ западномъ краѣ, мы читаемъ слѣдующее: „такъ какъ разновѣріе въ однихъ и тѣхъ же семействахъ—вообще явленіе неблагопріятное, особенно когда ближайшая воспитательница дѣтей, мать—иновѣрка, и совращеніе изъ православія въ иновѣріе замѣчается по преимуществу въ этихъ семьяхъ, то духовенство

литовской епархіи всячески старается о томъ, чтобы иновѣрныя лица присоединялись передъ вступленіемъ въ бракъ къ православію. На это нерѣдко бываютъ жалобы со стороны желающихъ вступить въ бракъ. По поводу одной изъ такихъ жалобъ въ 1892 г. объявлено къ руководству духовенства названной епархіи слѣдующее постановленіе: бракъ православныхъ съ иновѣрцами хотя и допускается, но „съ сильнымъ и довольнымъ оберегательствомъ, дабы православное лицо, вступившее въ бракъ съ лицомъ иновѣрнымъ, не ослабѣло въ своей православной вѣрѣ“, при чемъ, на основаніи закона, требуется со стороны брачущихся обязательство, что рожденныя отъ смѣшаннаго брака дѣти будутъ воспитаны въ православной вѣрѣ. Въ виду вышеозначеннаго *оберегательства* и въ виду того, что какъ отъ иновѣрнаго лица, вступающаго въ бракъ съ православнымъ лицомъ, такъ и отъ сего послѣдняго требуется обязательство воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ, для чего необходимы для обоихъ супруговъ правильныя и сознательныя понятія о сей вѣрѣ, необходимо тщательно испытать православнаго жениха-просителя: хорошо ли онъ знаетъ основы православной вѣры и сознаетъ ли онъ, понимаетъ ли превосходство православной вѣры предъ католическою, знаетъ ли онъ символъ православной вѣры и понимаетъ ли его, а равно и главнѣйшія православныя молитвы и заповѣди Божіи; невѣсту тщательно испытывать, не фанатичка ли она, имѣетъ ли она здравыя понятія о православной вѣрѣ, знаетъ ли она, въ чемъ разница существенная между православною и католическою вѣрою, способна ли и согласна ли она изучить о православной вѣрѣ все то, чему обязана учить дѣтей при воспитаніи ихъ. Если женихъ окажется слабымъ въ знаніи истинъ православной вѣры и не знаетъ превосходства оной передъ католическою, и если притомъ окажется, что невѣста имѣетъ превратныя понятія о православной вѣрѣ или не имѣетъ никакого понятія о ней,—то объявлять просителю и избранной имъ невѣстѣ-католичкѣ, что ихъ нельзя повѣнчать, такъ какъ они оказались неспособными исполнить требуемое закономъ обязательство воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ и подавать имъ добрый примѣръ житія по уставамъ право-

славной церкви. При семъ внушать жениху православному, что разновѣріе вредно вліяетъ на семейный бытъ, и объявлять, чтобы онъ искалъ православную невѣсту, если избранная имъ невѣста-католичка не имѣетъ расположенія принять православную вѣру".— Обратимся, прежде всего, къ тексту закона о предбрачныхъ подпискахъ. По ст. 67 т. X, ч. 1 лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ православными, должны дать подписку въ томъ, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за православіе, ни склонять ихъ, чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденныя въ семъ бракѣ дѣти крещены и *воспитаны будутъ* въ правилахъ православнаго исповѣданія. Правда, въ формѣ подписки, приложенной къ ст. 67-й, сказано, что супругъ-иновѣрецъ будетъ крестить и воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ; но это еще не значитъ, что онъ *самъ* долженъ обучать своихъ дѣтей правиламъ православной вѣры, *лично* руководить ихъ религіознымъ воспитаніемъ. „Буду воспитывать"—это такая же форма рѣчи, какъ „буду крестить"; она означаетъ только, что дѣти *будутъ крещены и воспитаны* въ православіи. Кто будетъ непосредственно ихъ воспитывать—это подпиской отнюдь не предрѣшается. Всего естественнѣе предполагать, что воспитателемъ, въ этомъ отношеніи, явится тотъ изъ родителей, который принадлежитъ къ православной церкви; но еслибы это было для него почему-либо невозможно, то въ лицахъ, могущихъ замѣнить его, нѣтъ и не должно быть недостатка (приходскій священникъ, воспріемники, родственники православнаго супруга). Съ буквальнымъ текстомъ закона вполнѣ гармонируетъ, въ данномъ случаѣ, и смыслъ его. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать, можно ли требовать отъ вѣрующей католички, чтобы она *сама* обучала своихъ дѣтей правиламъ православной вѣры? Еслибы она могла съ спокойнымъ сердцемъ принять на себя и добросовѣстно исполнить эту обязанность, она перестала бы, въ сущности, быть католичкой. Между тѣмъ, нашъ законъ вовсе не считаетъ переходъ въ православіе естественнымъ результатомъ смѣшаннаго брака. Самыя предосторожности, принимаемыя имъ противъ совращенія

дѣтей, а также другого, православнаго супруга, свидѣтельствуютъ о томъ, что предусматривается и допускается возможность неизмѣннаго пребыванія супруга-иновѣрца въ вѣроисповѣданіи, къ которому онъ принадлежалъ въ моментъ заключенія брака. „Сильное и довольное оберегательство“, требуемое церковнымъ постановленіемъ, касается не времени, предшествующаго вступленію въ бракъ, а времени послѣдующаго. Для установленнаго въ литовской епархіи предбрачнаго испытанія невѣсты-католички не оказывается, такимъ образомъ, законныхъ основаній. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это испытаніе не можетъ служить ничѣмъ инымъ, какъ способомъ предупрежденія смѣшаннаго брака. Отъ невѣсты требуются *здравыя* понятія о православной вѣрѣ—другими словами, такія понятія, которыя свойственны только православному; понятія иновѣрца о чуждой ему вѣрѣ никогда не могутъ быть признаны здравыми съ точки зрѣнія этой вѣры. Отъ невѣсты требуется знаніе, въ чемъ *существенная разница* между православіемъ и католицизмомъ. Въ крестьянской или мѣщанской средѣ такое знаніе составляетъ рѣдкое исключеніе; много ли найдется полуобразованныхъ или вовсе необразованныхъ лицъ, которымъ понятно, напримѣръ, значеніе разногласія, связаннаго съ словами filioque? Въ высшихъ общественныхъ сферахъ знаніе различія между православіемъ и католицизмомъ встрѣчается чаще, но у католиковъ и католичекъ оно идетъ, сплошь и рядомъ, рука объ руку съ убѣжденіемъ, что *разница* есть вмѣстѣ съ тѣмъ *преимущество*. Такое убѣжденіе будетъ, конечно, признано доказательствомъ *фанатизма*, *неспособности* изучить и понять основы православнаго исповѣданія. Столь же легко придти къ заключенію, что женихъ, особенно простолюдинъ, „не понимаетъ превосходства православной вѣры передъ католическою“. Если прибавить ко всему этому, что въ основаніи правилъ, преподанныхъ духовенству литовской епархіи относительно вѣнчанія смѣшанныхъ браковъ, лежитъ мысль о вредномъ вліяніи разновѣрія супруговъ на семейный бытъ, то не трудно понять, что мѣры предосторожности, въ данномъ случаѣ, очень близко подходятъ къ запрещенію. Русское правительство, однако, никогда не

было принципіальнымъ противникомъ смѣшанныхъ браковъ. Въ такомъ разновѣрномъ и разноплеменномъ краѣ, какъ западный, они являются однимъ изъ лучшихъ средствъ сліянія и сближенія, благопріятнаго именно для господствующей религіи и господствующей національности. Съ другой стороны, бракъ—не простая сдѣлка, которая можетъ не состояться безъ особеннаго вреда для ея участниковъ. Рѣшимость вступить въ бракъ весьма часто основана на глубокомъ чувствѣ, противъ котораго безсиленъ запретъ, даже самый авторитетный. Препятствія, имъ встрѣчаемыя, скорѣе увеличиваютъ, чѣмъ уменьшаютъ его устойчивость и интенсивность. Отказъ въ вѣнчаніи—это слишкомъ часто синонимъ разбитой или испорченной жизни. Ведетъ ли онъ къ внѣ-брачной связи, или къ безбрачію, или къ другому браку, построенному на разсчетѣ (припомнимъ совѣтъ „искать невѣсту“)—во всякомъ случаѣ онъ отбрасываетъ черную тѣнь на будущее обѣихъ сторонъ и ставитъ на карту, со всѣми шансами проигрыша, ихъ семейное счастье... Стѣсненіе смѣшанныхъ браковъ, почти равносильное ихъ запрещенію, представляется тѣмъ болѣе излишнимъ, что въ епархіяхъ западнаго и юго-западнаго края православная вѣра, по удостовѣренію мѣстныхъ преосвященныхъ, продолжаетъ укрѣпляться. Открытой пропаганды иновѣрія въ этомъ краѣ, по словамъ отчета, не замѣчается; только нѣкоторая часть польскаго дворянства и бывшей шляхты „не перестаетъ враждебно относиться ко всему русскому и православному“. При такомъ отношеніи едва ли можетъ возникнуть даже мысль о смѣшанномъ бракѣ; согласіе католика или католички вступить въ бракъ съ православною или православнымъ и дать требуемую закономъ подписку свидѣтельствуетъ уже само по себѣ объ отсутствіи религіознаго фанатизма. Возбудить его вновь можетъ скорѣе всего именно отказъ въ вѣнчаніи, сопровождаемый совѣтомъ жениху искать невѣсты между православными. Что касается до дилеммы: *или* отказъ въ вѣнчаніи, *или* согласіе невѣсты принять православіе, то она легко можетъ привести къ внѣшнему, чисто-формальному обращенію, тягостному для совѣсти обращающагося и едва ли желательному для самой церкви. Не случайно же

недавно скончавшійся архіепископъ литовскій, высокопреосвященный Алексій, былъ „противъ принудительныхъ мѣръ къ обращенію въ православіе“ (см. біографію его, написанную пресвитеромъ Извѣковымъ и помѣщенную въ № 10 „Русск. Обозрѣнія“ за 1896 г.).

Въ 1887 г., было учреждено въ Варшавѣ православное Свято-Троицкое братство, уставъ котораго предоставлялъ ему „*всемѣрно* заботиться объ огражденіи отъ латино-польской пропаганды православныхъ, состоящихъ въ смѣшанныхъ бракахъ, и особенно дѣтей, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ и остающихся, по смерти отца, при матери иновѣркѣ или круглыми сиротами въ кругу иновѣрцевъ и употреблять *всѣ мѣры* къ помѣщенію ихъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и къ воспитанію въ духѣ православія и русской народности“. Чтобы понять значеніе этого параграфа, нужно припомнить, что по нашимъ законамъ родители, обязанные воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ и не исполняющіе своей обязанности, теряютъ право на дѣтей, отдаваемыхъ на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Неужели члены „братства“ въ самомъ дѣлѣ будутъ становиться между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми? Неужели увѣнчается успѣхомъ ихъ „*всемѣрная* заботливость“ объ отдачѣ дѣтей, у которыхъ *жива мать*, на попеченіе „благотворительныхъ учрежденій“?...

Въ остзейскихъ губерніяхъ дѣйствіе закона о предбрачныхъ подпискахъ, которыми иновѣрцы, при вступленіи въ бракъ съ православными, обязываются воспитывать имѣющихъ родиться отъ этого брака дѣтей въ православной вѣрѣ, было пріостановлено фактически въ 1865 г. и возобновлено въ половинѣ 1880-хъ годовъ. 1886-й годъ былъ первымъ, въ продолженіе котораго законъ вновь дѣйствовалъ въ полной силѣ. По словамъ отчета за этотъ годъ, „въ теченіе предшествующихъ двадцати лѣтъ населенію (остзейскихъ губерній) было постоянно внушаемо, что господствующею, если даже не единственною вѣрою въ краѣ должна быть лютеранская, и что всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ обязательно крестить въ лютеранство. Когда же послѣдо-

вало отъ св. Синода подтвержденіе о возстановленіи предбрачныхъ подписокъ, то народъ убѣдился, что верховная власть признаетъ православную вѣру господствующею и въ прибалтійскомъ краѣ". О способѣ и степени распространенія народныхъ убѣжденій судить чрезвычайно трудно. И до возстановленія предбрачныхъ подписокъ населеніе остзейскихъ губерній едва ли находилось въ слишкомъ явномъ заблужденіи насчетъ оффиціальнаго значенія обоихъ вѣроисповѣданій; иначе не могли бы возобновиться обращенія къ православію, достигшія значительныхъ размѣровъ еще за два года до возстановленія предбрачныхъ подписокъ. Съ другой стороны, правительственное распоряженіе 1885 г. не остановило обратнаго движенія изъ православія въ лютеранство. Въ дѣлахъ религіозныхъ главную роль играетъ личное вѣрованіе, всего меньше зависящее отъ того, какова въ данную минуту вѣроисповѣдная политика государства. Необходимо, поэтому, только одно: охранять вновь обращающихся отъ притѣсненій и преслѣдованій со стороны прежнихъ ихъ единовѣрцевъ. По отношенію къ обращеннымъ въ православіе эта охрана, безъ сомнѣнія, существуетъ въ достаточной мѣрѣ; желаніе перейти въ православіе не можетъ, слѣдовательно, встрѣтить преграды въ соображеніяхъ о томъ, какое исповѣданіе слѣдуетъ считать господствующимъ въ краѣ — православное или лютеранское. Достаточно яснымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ уже самая безпрепятственность обращенія въ однихъ случаяхъ и препятствія, встрѣчаемыя имъ въ другихъ... Возстановленіе обязательныхъ предбрачныхъ подписокъ, не увеличивая числа обращающихся въ православіе, не уменьшая числа отпадающихъ отъ него, не можетъ не затруднить заключеніе смѣшанныхъ браковъ,—а между тѣмъ они представляются однимъ изъ лучшихъ средствъ къ сглаженію національныхъ различій. Интересно было бы знать, сколько смѣшанныхъ браковъ совершалось въ остзейскихъ губерніяхъ ежегодно, среднимъ числомъ, до 1885 г., и сколько совершается ихъ въ настоящее время. Не менѣе важно было бы привести въ извѣстность, встрѣчались ли до 1885 г., и какъ часто, случаи крещенія дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшан-

ныхъ браковъ, по обряду православной церкви. Трудно предположить, чтобы отсутствіе подписокъ не восполнялось, до извѣстной степени, соглашеніемъ между супругами. Въ Германіи смѣшанные браки между католиками и протестантами нерѣдко заключались подъ условіемъ воспитанія дѣтей одного пола въ вѣрѣ отца, дѣтей другого пола—въ вѣрѣ матери; неужели ничего подобнаго не встрѣчалось, съ 1865 по 1885 г., въ остзейскомъ краѣ?

Въ томъ же 1886 г. „чтобы успокоить колеблющіеся умы крестьянъ", лифляндскій губернаторъ прислалъ преосвященному рижскому письмо, „въ которомъ, на основаніи законовъ, изъяснялось, какой отвѣтственности подвергаются совратители православныхъ и совращенные, а также вступившіе въ смѣшанные браки безъ вѣнчанія въ православной церкви". Это письмо было объявлено, „согласно желанію начальника губерніи, на трехъ языкахъ въ православныхъ церквахъ Лифляндской губерніи". Его главной цѣлью было напоминаніе о незаконности неправильно вѣнчанныхъ браковъ (а слѣдовательно и дѣтей, отъ нихъ рожденныхъ) и о возможности *отобранія* дѣтей отъ родителей, воспитывающихъ ихъ вопреки закону, не въ православной вѣрѣ. Едва ли такое письмо могло способствовать „успокоенію умовъ". Устрашить „колеблющихся" оно, несомнѣнно, могло—но отъ устрашенія одинаково далеко и до успокоенія, и до убѣжденія. Угрозами, затрогивающими самыя глубокія человѣческія чувства, можно вызвать внѣшнюю покорность, кажущееся подчиненіе церковнымъ уставамъ (то, что въ началѣ прошлаго вѣка извѣстно было въ Англіи подъ именемъ occasional conformity)—но вѣдь не это же имѣется въ виду при распространеніи православія въ остзейскомъ краѣ... Если оглашеніе письма, написаннаго лифляндскимъ губернаторомъ, признавалось необходимымъ, то вполнѣ ли удобнымъ для того мѣстомъ представлялась церковь, въ которой должны раздаваться только слова любви и мира?

Отпаденія отъ православія въ католичество происходятъ, судя по отчетамъ оберъ-прокурора св. Сунода, почти исключительно

среди тѣхъ, которые лишь недавно приняли православіе или родились и воспитались въ семьѣ, православной только по имени— другими словами, въ средѣ тѣхъ, которые, по мѣткому выраженію одного изъ отчетовъ, „*подлежатъ пребыванію въ православіи*“, но на самомъ дѣлѣ въ немъ не пребываютъ или даже никогда не пребывали. „Въ Минской епархіи“ — читаемъ мы въ отчетѣ за 1883 г., — „враждебная дѣятельность латинскаго духовенства проявляется преимущественно въ тайныхъ подстрекательствахъ той части населенія, которая присоединилась къ православію изъ латинства въ шестидесятыхъ годахъ. Изъ этихъ лицъ одни, оффиціально считаясь въ православномъ исповѣданіи, въ дѣйствительности, благодаря тайному подстрекательству ксендзовъ и нѣкоторыхъ польскихъ агитаторовъ, продолжаютъ оставаться въ латинствѣ; другіе же, хотя исполняютъ обряды и постановленія православной церкви, но дѣлаютъ это не искренно, продолжаютъ питать въ настроеніи своемъ тяготѣніе къ латинству и весьма чутки ко всякому соблазну, клонящемуся въ сторону католичества“. Далеко не прочнымъ представляется и православіе многихъ изъ числа бывшихъ уніатовъ въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ Царства Польскаго. Къ числу причинъ этого послѣдняго явленія отчетъ относитъ „преслѣдованіе католиками и упорствующими въ уніи фанатиками своихъ односельцевъ за посѣщеніе ими православныхъ церквей и соблюденіе церковныхъ требъ по православному обряду“. Объ отдѣльныхъ случаяхъ такого преслѣдованія „каждый разъ сообщается гражданскому начальству, для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, *но принимаемыя гражданскимъ начальствомъ мѣры, устраняя единичные случаи преслѣдованія, не измѣняютъ общаго настроенія упорствующихъ*“. Эти слова отчета доказываютъ съ полною убѣдительностью всю безплодность понудительныхъ и карательныхъ мѣръ въ области религіозныхъ вѣрованій. Желательно было бы знать, однако, въ чемъ заключаются какъ „преслѣдованія“, о которыхъ упоминаетъ отчетъ, такъ и вызываемыя ими мѣропріятія гражданскаго начальства? Если „преслѣдованія“ имѣютъ характеръ

проступковъ, наказуемыхъ на точномъ основаніи уголовнаго закона (побоевъ, угрозъ, обидъ и т. п.), и если виновный въ этихъ проступкахъ предается суду въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, то противъ этого нельзя, конечно, сказать ни слова. Другое дѣло—если понятіе о „преслѣдованіи“ не имѣетъ ничего общаго съ уголовнымъ правомъ, а мѣры противъ „преслѣдованія“ принимаются административною властью. Мы едва ли ошибемся, признавъ болѣе вѣроятнымъ послѣднее предположеніе. „Объ отдѣльныхъ случаяхъ преслѣдованія“, говоритъ отчетъ, „каждый разъ сообщается гражданскому начальству“. Кѣмъ сообщается? Очевидно — православнымъ духовенствомъ; а такъ какъ оно не компетентно въ возбужденіи уголовныхъ дѣлъ, предметомъ которыхъ служатъ преступленія противъ личности или имущества частныхъ лицъ, то здѣсь можетъ идти рѣчь только о такихъ обвиненіяхъ, которыя вовсе не подвѣдомственны уголовному суду. Обвиненія этого рода, со всѣми ихъ послѣдствіями, относятся всецѣло къ области произвола, соприкосновеніе съ которою не можетъ быть благопріятнымъ для нравственнаго авторитета православнаго духовенства. Не вполнѣ гармонируетъ съ назначеніемъ послѣдняго даже обращеніе къ уголовному правосудію въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры; тѣмъ менѣе можетъ послужить ему въ пользу обращеніе къ административному „усмотрѣнію“.

По словамъ отчета за 1884 г., „немало упорствующихъ въ желаніи возвратиться къ латинству“ насчитывается и въ литовской епархіи. Въ губерніяхъ Сувалкской и Сѣдлецкой нѣкоторые изъ вновь обращенныхъ „прямо выдаютъ себя за католиковъ, открыто посѣщаютъ костелы, празднуютъ латинскіе праздники“ и ведутъ пропаганду, объ успѣхѣ которой свидѣтельствуютъ „масса незаконныхъ сожительствъ, прикрываемыхъ названіемъ *краковскихъ браковъ*“ (въ Сѣдлецкой губерніи такихъ браковъ насчитывалось до 2365). Въ отчетѣ за 1886 г. препятствіями къ упроченію православія въ холмско-варшавской епархіи выставлены совершеніе ксендзами религіозныхъ требъ для упорствующихъ въ уніи и тайное крещеніе дѣтей упорствующихъ родителей. Но что

же способствуетъ самому упорству въ уніи? Совершеніе требъ ксендзами является, очевидно, его послѣдствіемъ, а не его источникомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о „краковскихъ бракахъ“, о крещеніи дѣтей и погребеніи умершихъ безъ участія священниковъ; это — только признаки, а не причины. Быть можетъ, упорство держится потому, что не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны администраціи и суда? Нѣтъ; отчетъ удостовѣряетъ, что усиліямъ духовенства оказывается „правительственная поддержка со стороны высшей гражданской власти въ краѣ“. Правда, бываютъ случаи „самовольнаго возвращенія на родину уніатовъ, высланныхъ за упорство въ отдаленныя мѣста имперіи“; но самовольно возвратившимся едва ли удается долго пробыть у себя дома, а самый фактъ высылки „упорныхъ“ въ *отдаленныя* мѣста устраняетъ всякую мысль о снисходительности начальства... Въ отчетѣ упоминаются еще два условія, неблагопріятныя для православія: 1) торги и ярмарки въ воскресные и праздничные дни, до окончанія богослуженія въ церкви, и открытіе питейныхъ домовъ, вопреки запрещенію, ранѣе 12 часовъ дня, и 2) празднованіе католическихъ праздниковъ, по новому стилю, на двѣнадцать дней раньше православныхъ, „умаляющее въ глазахъ простого народа значеніе православныхъ праздниковъ“. Мы понимаемъ, что производство торговли, особенно питейной, утромъ въ воскресные и праздничные дни можетъ *вообще* уменьшать число лицъ, посѣщающихъ храмы; но для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ оно можетъ приносить спеціальный вредъ православнымъ или долженствующимъ быть православными? Вѣдь если ярмарка или питейный домъ отвлекаютъ бывшаго уніата отъ православнаго богослуженія, то они же преграждаютъ ему путь и въ католическій костелъ. Что касается до значенія праздниковъ, то оно едва ли зависитъ отъ времени ихъ празднованія. Въ предѣлахъ Царства Польскаго даже „простому народу“ не можетъ не быть извѣстно, что православные праздники слѣдуютъ за католическими не вслѣдствіе меньшей ихъ важности, а исключительно вслѣдствіе разницы въ стилѣ. Что же

дѣлать, притомъ, пока не уничтожена эта разница [1])? Нельзя же перенести католическіе праздники на такіе дни, которые не совпадаютъ съ празднуемыми событіями: Рождество Христово, напримѣръ—на 7-е января, или Крещеніе—на 19-е. По словамъ отчета, вредное вліяніе на народъ оказываетъ и то обстоятельство, что, по распоряженію правительства, дни католическихъ праздниковъ считаются свободными отъ занятій въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ области съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ такой порядокъ совершенно неизбѣженъ; для православныхъ онъ не представляетъ никакихъ неудобствъ, потому что въ ихъ праздничные дни также прекращается оффиціальная работа. Уваженіе къ вѣрованіямъ и обычаямъ большинства вполнѣ совмѣстно съ достоинствомъ господствующаго вѣроисповѣданія; повредить ему могла бы, наоборотъ, скорѣе отмѣна постановленія, охраняющаго праздничный досугъ католиковъ. Намъ кажется, что гораздо больше всѣхъ причинъ, перечисленныхъ въ отчетѣ, упроченіе православія въ холмско-варшавской епархіи замедляется тѣмъ, что не всѣ уніаты разстались съ уніей охотно и свободно. За поспѣшнымъ обращеніемъ въ новую вѣру сплошь и рядомъ слѣдуетъ реакція. Глубокіе корни пускаютъ только вѣрованія, насаждаемыя медленно и постепенно.

Изъ отчета за 1887 г. видно, что холмское святобогородицкое-братство „испросило согласіе начальниковъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній на воспрещеніе иновѣрцамъ-книгоношамъ являться въ возсоединенные приходы съ цѣлью распродажи между бывшими уніатами разныхъ неправославныхъ произведеній печати“. Что разумѣется здѣсь подъ именемъ „неправославныхъ произведеній печати“: одни ли только изданія, прямо или косвенно связанныя съ ученіемъ католической церкви, или же вообще все не входящее въ кругъ православно-церковнаго чтенія? Если и допустить, что рѣчь идетъ только о книгахъ и брошюрахъ спеціально-католиче-

[1]) Само собою разумѣется, что единственный возможный путь къ ея уничтоженію—введеніе въ Россіи исправленнаго календаря.

скихъ, то все же нелегко понять, почему изданія, допущенныя *вообще* къ свободному обращенію и даже къ разносной продажѣ, не должны проникать, чрезъ посредство книгоношъ, въ извѣстныя мѣстности, имѣющія полную возможность добыть ихъ инымъ путемъ. Значеніе книги весьма часто возрастаетъ въ глазахъ читателя прямо пропорціонально трудностямъ, съ которыми сопряжено ея прочтеніе. Книга не идетъ къ нему—онъ тѣмъ охотнѣе идетъ за нею и тѣмъ легче подчиняется ея вліянію. Контролировать пріобрѣтеніе книгъ, разрѣшенныхъ цензурой—задача едва ли исполнимая для братства, даже самаго дѣятельнаго и бдительнаго. Не особенно цѣлесообразной кажется намъ, притомъ, и самая инициатива братства въ области полицейскихъ мѣропріятій. *Братству* менѣе всего свойственно принужденіе; оно должно помогать, поддерживать, убѣждать, а не ходатайствовать объ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ.

Отчетъ за 1888 и 1889 гг. сообщаетъ, что въ селѣ Орловѣ, Люблинской губерніи, устраивается, на счетъ завѣщанныхъ графомъ Кицкимъ суммъ, образцовый римско-католическій костелъ, а также другія учрежденія, направленныя „къ укрѣпленію и развитію латино-польской пропаганды въ этой искони русской мѣстности“. Для противодѣйствія такому стремленію возстановляется въ Орловѣ самостоятельный православный приходъ и ассигнуются средства на содержаніе православнаго причта. Этими вполнѣ цѣлесообразными мѣрами и можно было бы, повидимому, ограничиться; но одному изъ священниковъ поручено, вмѣстѣ съ тѣмъ, „произвести — для розысканія *потомковъ* бывшихъ орловскихъ прихожанъ, незаконно совращенныхъ въ латинство — точное и обстоятельное разслѣдованіе въ книгахъ сосѣднихъ съ Орловомъ костеловъ, равно въ архивахъ правительственныхъ учрежденій, о всѣхъ лицахъ греко-уніатскаго исповѣданія бывшаго орловскаго прихода, перешедшихъ въ латинство въ теченіе послѣднихъ *пятидесяти* лѣтъ, *потомки которыхъ должны нынѣ принадлежать къ православію*, и списокъ таковыхъ лицъ представить въ консисторію для дальнѣйшаго распоряженія“. Итакъ, въ число

православныхъ будутъ записаны лица, рожденныя, крещенныя, воспитанныя и можетъ быть состарившіяся въ католицизмѣ, вмѣстѣ съ рожденными въ той же религіи дѣтьми—будутъ записаны лишь потому, что отцы ихъ или дѣды были когда-то (или, можетъ быть, только значились) уніатами! Само собою разумѣется, что самый фактъ записи ничего не можетъ измѣнить въ вѣрованіяхъ записываемаго; многіе изъ именуемыхъ православными останутся, по прежнему, католиками—и будутъ считаться уклонившимися или совратившимися въ католицизмъ.

Въ томъ же отчетѣ подробно разсказана исторія обращенія въ православіе значительнаго числа чеховъ, поселившихся въ Волынской губерніи. Однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ этого дѣла былъ чешскій священникъ Саско, „въ противовѣсъ другимъ своимъ собратамъ, Грдличкѣ и Кашпару, собиравшійся расположить своихъ прихожанъ въ пользу православія“ и самъ принявшій его, въ мартѣ 1888 г. „Къ сожалѣнію, – говорится въ отчетѣ,—Саско, съ присоединеніемъ къ православію, не могъ оставаться священникомъ, такъ какъ онъ своею женитьбой, состоявшеюся уже въ то время, когда онъ былъ чешскимъ священникомъ, поставилъ себя въ положеніе не соотвѣтствовавшее условіямъ, канонами православной церкви установленнымъ для священниковъ“. Вскорѣ присоединились къ православію и Грдличка и Кашпаръ, также безъ оставленія за ними священнаго сана; имъ предложено было въ теченіе года найти для себя мѣсто поселенія и родъ жизни внѣ предѣловъ Волынской губерніи. Нѣсколько времени спустя они были опредѣлены учителями въ одной изъ кіевскихъ гимназій, а Саско—въ житомірской прогимназіи; послѣднему назначена, сверхъ того, пожизненная пенсія въ 600 рублей. Чешскіе приходы Волынской губерніи закрыты (въ апрѣлѣ 1888 г.). Одновременно съ проявленіемъ у чеховъ стремленія къ православію между ними происходила „враждебная православію пропаганда, усиливавшаяся остановить начавшееся движеніе и даже направить его въ пользу католичества и лютеранства“. Успѣшному ходу присоединенія чеховъ къ православію „немало содѣйствовалъ своимъ сочувствіемъ быв-

шій кіевскій генералъ-губернаторъ Дрентельнъ, съ кончиной котораго враждебныя православію вліянія стали вновь обнаруживаться среди чешскаго населенія, еще не вполнѣ утвердившагося въ своихъ воззрѣніяхъ". Въ виду особенной любви чеховъ къ музыкѣ и „по снисхожденію къ младенческой еще немощи ихъ въ дѣлѣ православія", имъ разрѣшено „музыкальное исполненіе гимновъ по случаю смерти православныхъ чеховъ, но лишь до или послѣ погребенія". И здѣсь, слѣдовательно, обращеніе къ православію предшествовало укрѣпленію въ православныхъ вѣрованіяхъ: иначе перемѣна въ лицѣ генералъ-губернатора, не имѣющаго никакого отношенія къ религіозной жизни, не могла бы имѣть никакого вліянія на настроеніе новообращенныхъ.

Отчетъ за 1894 и 1895 гг. констатируетъ „упорное отчужденіе отъ православной церкви значительной части бывшихъ грекоуніатовъ и стремленіе ея къ переходу въ католицизмъ". Число упорствующихъ въ 1895 г. простиралось до 73.175 душъ. „Вся эта масса коснѣющихъ въ уніатскихъ и католическихъ заблужденіяхъ или остается внѣ всякаго попеченія церкви, не исполняя никакихъ таинствъ и духовныхъ требъ, или тайно совершаетъ таковыя въ заграничныхъ и мѣстныхъ костелахъ. Всѣ упорствующіе живутъ надеждою, что рано или поздно имъ будетъ дозволено перейти въ католицизмъ. Всякое выдающееся событіе въ краѣ, въ родѣ перемѣны лицъ высшей администраціи, всякое событіе въ общегосударственной жизни Россіи, возбуждаетъ въ нихъ ожиданія послабленій и правительственныхъ уступокъ въ ихъ пользу, въ чемъ ихъ усердно убѣждаютъ разные агенты латино-полонизма. Безнаказанность упорствующихъ за ихъ дѣйствія, иногда прямо враждебныя православію (постановка, напримѣръ, католическаго креста на православномъ кладбищѣ, совершеніе крестнаго хода съ возженными свѣчами въ рукахъ, при пѣніи польскихъ гимновъ), является какъ бы подтвержденіемъ слуховъ о послабленіяхъ и перемѣнахъ въ общемъ направленіи уніатскаго дѣла. Способствуя усиленію фанатизма въ упорствующихъ, эта безнаказанность въ то же время крайне вредно дѣйствуетъ и на дру-

гихъ прихожанъ. Въ чаяніи перемѣнъ, и посѣщавшіе прежде церковь перестаютъ ходить въ оную, уклоняются отъ совершенія таинствъ и требъ и переходятъ въ разрядъ упорствующихъ“.— Если принять во вниманіе, что рядомъ съ десятками тысячъ оффиціально признаваемыхъ „упорствующими“ не мало насчитывается православныхъ только по имени, всегда готовыхъ примкнуть къ „упорствующимъ“, то положеніе бывшихъ греко-уніатовъ холмско-варшавской епархіи не можетъ не быть признано крайне ненормальнымъ. Правила 2-го іюля 1898 г. не внесли въ него существенной перемѣны. Они провозглашаютъ православными всѣхъ бывшихъ греко-уніатовъ, въ силу акта возсоединенія ихъ съ православною церковью 1875 г., а также всѣхъ происходящихъ отъ родителей греко-уніатовъ, хотя бы они и были крещены, до 1875 г., въ костелѣ. Принадлежность къ вѣроисповѣданію ставится, такимъ образомъ, въ зависимость не отъ личныхъ дѣйствій, сознательно совершенныхъ, а отъ общаго государственнаго акта, для котораго не требовалось добровольнаго участія отдѣльныхъ лицъ. Кто былъ, въ 1875 г., греко-уніатомъ или происходитъ отъ тогдашнихъ греко-уніатовъ, тотъ, eo ipso, признается православнымъ, какъ бы онъ ни смотрѣлъ тогда и въ настоящее время на свою принадлежность къ православной церкви. Исключеній допущено только два: 1) можно не причислять къ бывшимъ греко-уніатамъ (и, слѣдовательно, къ нынѣшнимъ православнымъ) происходящихъ отъ родителей римско-католическаго исповѣданія, хотя бы они и были крещены, до 1875 г., въ греко-уніатскихъ церквахъ, и 2) родившіеся до 1875 г. отъ смѣшанныхъ браковъ бывшихъ уніатовъ съ католиками причисляются: лица мужского пола—къ вѣроисповѣданію отца, женскаго пола—къ вѣроисповѣданію матери. Случаи перваго рода, безъ сомнѣнія, крайне рѣдки; крещеніе католика въ греко-уніатской церкви могло имѣть мѣсто только при совершенно особыхъ обстоятельствахъ. Нѣсколько больше, по всей вѣроятности, будетъ число лицъ, которыя подойдутъ подъ дѣйствіе правила о смѣшанныхъ бракахъ; но между дѣтьми, родившимися отъ такихъ браковъ, католиками, de facto,

далеко не всегда окажутся тѣ, за которыми признается право быть католикомъ. Католикъ-отецъ могъ воспитать въ своей религіи не сыновей, а дочерей, католичка-мать—не дочерей, а сыновей; между тѣмъ, въ первомъ случаѣ дочери, во второмъ—сыновья по прежнему будутъ считаться православными, хотя бы они съ самаго дѣтства не переставали быть католиками. Чѣмъ тверже—судя по даннымъ, приводимымъ въ отчетѣ,—„упорствующіе“ держатся своихъ, католическихъ или уніатскихъ, вѣрованій, тѣмъ труднѣе разсчитывать на успѣхъ чисто-отрицательныхъ мѣръ, т. е. преслѣдованій и понужденій. Этимъ путемъ можно достигнуть развѣ кажущихся внѣшнихъ уступокъ, но отнюдь не искренняго сближенія „упорствующихъ“ съ господствующею церковью. Между тѣмъ, послѣдняя располагаетъ могущественными духовными орудіями, дѣйствіе которыхъ хотя и медленно, но зато вѣрно и прочно. Крестные ходы, которые очень любитъ мѣстное населеніе, проповѣди, внѣ-служебныя собесѣдованія, вечернія занятія и чтенія въ школахъ, энергичная дѣятельность православныхъ братствъ и вновь основываемыхъ монастырей—все это, по удостовѣренію отчета, оказываетъ замѣтное вліяніе на бывшихъ уніатовъ и значительно увеличиваетъ число убѣжденныхъ православныхъ (въ 1895 г. обратилось изъ „упорства“ къ православію 1.026 душъ). Къ такимъ результатамъ нѣсколько лишнихъ преслѣдованій за проступокъ въ родѣ постановки латинскаго креста или участія въ латинской процессіи едва ли прибавили бы что-либо важное и цѣнное; скорѣе можно ожидать, что они увеличили бы ожесточеніе „упорствующихъ“.

Съ цифры 73.175, которой оно достигло въ 1895 г., число упорствующихъ въ холмско-варшавской епархіи возросло къ 1896 г. до 77, къ 1897 г.—до 83 тыс.; столько же ихъ показано и въ отчетѣ за 1898 г. Правилами 2-го іюля 1898 г., упомянутыми выше, мѣстные агитаторы, по словамъ отчета, воспользовались какъ новымъ средствомъ для возбужденія смуты въ населеніи: появились „особые предприниматели, занятые исключительно подговоромъ бывшихъ греко-уніатовъ къ подачѣ прошеній

о признаніи ихъ католиками". Такихъ прошеній, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ со времени обнародованія правилъ, поступило 663. Между тѣмъ, положеніе „упорствующихъ" и „колеблющихся" (т.-е. не уклоняющихся совершенно отъ православія, но не считающихъ себя православными) представляется весьма печальнымъ. Некрещеныхъ дѣтей числилось въ ихъ средѣ къ 1 января 1898 г. 26.177, незаконныхъ сожительствъ—9699. Къ православію „упорствующіе" относятся съ озлобленіемъ, избѣгая встрѣчъ и бесѣдъ съ православнымъ доховенствомъ. На убѣжденія священниковъ крестить дѣтей, многіе „упорствующіе" отвѣчаютъ: „скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ православной церкви". Глубоко вѣрующіе люди, лишенные возможности удовлетворять свои религіозныя потребности—лишенные ея не вслѣдствіе непреодолимыхъ препятствій (напр. отсутствія, въ данной мѣстности, церквей и священниковъ даннаго исповѣданія), а вслѣдствіе оффиціальныхъ запрещеній,—должны испытывать чувство, напоминающее муки Тантала. Возлѣ себя они видятъ храмъ, куда стремятся душою, но куда для нихъ закрытъ доступъ,—видятъ духовныхъ лицъ, у которыхъ могли бы найти желанное утѣшеніе, но которыя обязаны отказать имъ въ немъ. А въ глубокой религіозности „упорствующихъ" нельзя сомнѣваться; если бы они были болѣе индифферентны къ вопросамъ вѣры, то, конечно, не задумались бы обезпечить свое спокойствіе исполненіемъ, хотя бы чисто формальнымъ, требованій православной церкви. Отвѣтъ, который даютъ многіе изъ нихъ на убѣжденіе окрестить дѣтей по православному обряду, внушенъ глубокимъ фанатизмомъ—фанатизмомъ, конечно, весьма прискорбнымъ, но не поддающимся никакому внѣшнему давленію. Еслибы „упорствующимъ" было предоставлено примкнуть, оффиціально и открыто, къ той церкви, къ которой они принадлежатъ душой и сердцемъ, отношеніе ихъ къ православію неминуемо измѣнилось бы къ лучшему: не было бы больше поводовъ для систематическаго уклоненія отъ встрѣчъ и бесѣдъ съ православнымъ духовенствомъ, и самое воздѣйствіе послѣдняго на бывшихъ уніатовъ стало бы, такимъ образомъ, гораздо болѣе осуще-

ствимымъ. Средствъ для такого воздѣйствія въ распоряженіи духовенства имѣется немало: таковы, по удостовѣренію отчета, торжественность богослуженія, общее пѣніе молящихся, паломничество, церковно-приходскія школы.

Изъ отчета за 1899 г. видно, что въ холмско-варшавской епархіи цифра „упорствующихъ“, т. е. пребывающихъ въ отчужденіи отъ православной церкви, остается почти неподвижной: въ 1898 г. ихъ числилось около 83 тыс., въ 1899—81.246. „Колеблющихся“—т. е. не уклоняющихся совершенно отъ православія, но не считающихъ себя православными,—было, сверхъ того, 6.749. Число некрещенныхъ упорствующихъ (считая и малолѣтнихъ), въ 1898 г. доходившее до 26.177, въ 1899 г. достигло 29.235, а обратилось въ православіе, въ томъ же году, 960 человѣкъ. Приростъ „упорствующихъ“ идетъ, такимъ образомъ, быстрѣе, чѣмъ противоположное движеніе. Число незаконныхъ сожительствъ повысилось, за одинъ годъ, съ 9.699 до 10.737. „Главную массу и силу упорствующихъ“ составляютъ, по словамъ отчета, „взрослыя дѣти бывшихъ греко уніатовъ, уклонившихся отъ церкви при самомъ возсоединеніи“. Не указываетъ ли это обстоятельство на основной источникъ аномаліи, существующей уже болѣе четверти вѣка? Возсоединеніе, за которымъ непосредственно слѣдовало уклоненіе, не могло быть искреннимъ и добровольнымъ; не могло, въ большинствѣ случаевъ, измѣниться и настроеніе, такъ ясно выразившееся въ разрывѣ съ только-что принятымъ, номинально, вѣроисповѣданіемъ. Кто рѣшился, безъ всякихъ колебаній, навлечь на себя всѣ невыгодныя послѣдствія такъ называемаго отступничества, тотъ, очевидно, былъ слишкомъ далекъ отъ церкви, въ ряды которой онъ былъ зачисленъ. Всѣ духовныя, а иногда и матеріальныя лишенія, которымъ онъ затѣмъ подвергался, должны были укрѣплять его въ отчужденіи отъ православія и въ преданности вѣрѣ отцовъ—или той вѣрѣ, которая казалась ему наиболѣе къ ней близкой. Въ такихъ же чувствахъ онъ воспитывалъ своихъ дѣтей, для которыхъ, съ самаго ранняго ихъ возраста, католицизмъ пріобрѣталъ притягательную силу за-

прещеннаго плода и преслѣдуемаго вѣроученія. Въ отчетѣ выражена надежда, что, благодаря братствамъ, монастырямъ и въ особенности школамъ, церковнымъ и министерскимъ, отчужденію бывшихъ уніатовъ отъ православія будетъ положенъ конецъ; но ожидать этого результата можно только въ отдаленномъ будущемъ, а въ настоящемъ факты, свидѣтельствующіе о сближеніи съ церковью, самъ отчетъ признаетъ незначительными. Между тѣмъ, положеніе „упорствующихъ“ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе тяжелымъ; утѣшеніемъ религіи—той религіи, къ которой неудержимо тяготѣетъ ихъ сердце—они пользуются только украдкой или не пользуются вовсе, даже въ самыя важныя минуты своей жизни; вокругъ нихъ растутъ некрещенныя дѣти, умираютъ безъ напутствія старики, основываются семьи, не освященныя бракомъ. Тридцатилѣтній опытъ доказалъ съ достаточною ясностью, что запрещеніями и стѣсненіями выходъ изъ этого положенія достигнуть быть не можетъ. Не удается даже предупредить католическую пропаганду; почва для нея подготовлена такъ хорошо, что даже письменныя увѣщанія ксендза, живущаго въ Римѣ, оказываются достаточными для быстраго распространенія тайныхъ католическихъ братствъ, куда, по удостовѣренію отчета, „массами“ поступаютъ „упорствующіе“. Намъ кажется, что если бы „упорствующимъ“ предоставлена была свобода выхода изъ церкви, къ которой они принадлежатъ только по имени, всѣ средства духовной борьбы съ завѣтами уніи получили бы гораздо бо́льшую силу. Успѣхъ борьбы зависитъ, очевидно, не отъ того, какъ именуется, на оффиціальномъ языкѣ, группа лицъ, противъ которыхъ она направлена, а отъ степени воспріимчивости ихъ къ проповѣдуемому ученію—воспріимчивости, уменьшающейся подъ вліяніемъ внѣшняго гнета и растущей по мѣрѣ его ослабленія. Если бы ничто не мѣшало бывшимъ уніатамъ открыто назваться тѣмъ, чѣмъ они сплошь и рядомъ являются на самомъ дѣлѣ, они оказались бы, быть можетъ, болѣе близкими къ православію, чѣмъ въ настоящее время. Чрезвычайно характерно, съ этой точки зрѣнія, то мѣсто отчета, гдѣ идетъ рѣчь о женскихъ православныхъ монастыряхъ холмско-варшавской

епархіи. Сестры этихъ монастырей „обучаютъ женщинъ рукодѣльямъ, по первому же призыву спѣшатъ къ болящимъ съ медицинскою помощью и духовнымъ утѣшеніемъ. Во время этихъ посѣщеній онѣ устраиваютъ въ хатахъ крестьянъ религіозныя бесѣды и раздаютъ присутствующимъ книжки и брошюры. Такая дѣятельность сестеръ, *чуждая насилія надъ религіозными воззрѣніями упорствующихъ, напротивъ проникнутая христіанскою любовью и полною терпимостью къ заблуждающимся*, привлекаетъ къ обителямъ и ихъ труженицамъ сердца крестьянъ". Болѣе краснорѣчиваго указанія на истинный путь къ преодолѣнію „упорства" нельзя себѣ и представить.

Много общаго съ отпаденіями въ католичество представляютъ и отпаденія въ лютеранство, совершающіяся въ Остзейскомъ краѣ. И здѣсь они происходятъ въ средѣ новообращенныхъ или никогда на самомъ дѣлѣ не принадлежавшихъ къ православію. Когда въ 1886 г. православные жители Остзейскаго края были освобождены—и совершенно справедливо—отъ участія въ повинности на содержаніе протестантскихъ церквей и пасторовъ, при исполненіи этой мѣры возникъ вопросъ, какъ опредѣлить принадлежность того или другого лица къ православной церкви, въ виду того, что есть уклонившіеся отъ православія въ лютеранство. Въ отвѣтъ на это—читаемъ мы въ отчетѣ за 1886 г.,—„было разъяснено, что вѣроисповѣдная принадлежность православныхъ опредѣляется посредствомъ выписокъ изъ православныхъ метрическихъ книгъ о рожденіи, крещеніи, или присоединеніи извѣстнаго лица къ православной церкви, *такъ какъ законъ россійскаго государства не признаетъ отпаденій отъ православія*". Въ примѣненіи къ данному случаю это разъясненіе не представляетъ никакихъ затрудненій. Кто принадлежитъ къ православію лишь номинально, тотъ, безъ сомнѣнія, не воспользуется льготой, предоставляемой ему закономъ именно какъ православному—и наоборотъ, кто воспользуется ею, тотъ докажетъ этимъ самымъ, что не возвратился въ лютеранство. Тѣмъ важнѣе, за то, общее начало, провозглашенное въ отчетѣ—начало безповоротности обращенія, разъ что оно совершилось. Каковы бы ни были, въ данную минуту, вѣрованія лица,

перешедшаго въ православіе—или его дѣтей, рожденныхъ послѣ перехода,—для него, какъ и для нихъ, не признается возможнымъ возвратъ къ прежнему исповѣданію. Хорошо, еслибы между закономъ и дѣйствительностью никогда не было противорѣчія; но оно, къ сожалѣнію, существуетъ—и, не находя легальнаго признанія, создаетъ массу положеній, до крайности тяжелыхъ. Можно отрицать значеніе факта, но нельзя его уничтожить; можно причислять къ православной церкви всѣхъ тѣхъ, кто значится православнымъ по метрическимъ книгамъ, но нельзя достигнуть того, чтобы лютеранинъ въ душѣ былъ православнымъ на самомъ дѣлѣ. Неопредѣленность личныхъ и имущественныхъ правъ, расторженіе самыхъ близкихъ семейныхъ узъ, преслѣдованіе иновѣрнаго духовенства вотъ результаты вынужденнаго „двоевѣрія", неизбѣжность которыхъ доказывается съ достаточною ясностью исторіей русскаго раскола.

По словамъ отчета за 1887 г., „уклонившихся въ лютеранство насчитывается въ Остзейскомъ краѣ всего до двѣнадцати тысячъ, преимущественно въ Лифляндской губерніи. Наибольшая ихъ часть уклонилась въ прежніе годы, начиная съ 1864 г., вслѣдствіе пропаганды лютеранскихъ общинъ, съ лютеранскими пасторами во главѣ. Новыхъ уклоненій въ настоящее время весьма мало". Если, не смотря на всѣ преграды, встрѣчаемыя пропагандою лютеранизма и даже всѣмъ тѣмъ, что хоть сколько нибудь на нее походитъ (напримѣръ, совершеніемъ лютеранскихъ требъ по отношенію къ лицамъ, числящимся православными), продолжаютъ встрѣчаться „новыя уклоненія", то это можно объяснить только недостаточною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сознательностью и обдуманностью перехода въ православіе. О томъ же свидѣтельствуетъ и констатируемый отчетомъ фактъ увлеченія въ сектантство (съ крайне-протестантскимъ оттѣнкомъ) нѣкоторыхъ *новообращенныхъ* православныхъ на островѣ Вормсѣ... О мѣрахъ строгости противъ совратителей и совращенныхъ отчетъ не упоминаетъ, за исключеніемъ только удаленія съ острова Вормса шведскаго проповѣдника Экерблома (главнаго распространителя ученія, провозглашающаго „свободу отъ всякихъ религіозныхъ и гражданскихъ обязанностей").

Отчетъ за 1888 и 1889 г., констатируя старанія нѣмцевъ-лютеранъ „ослабить православіе и отторгнуть отъ него принявшихъ его уже латышей и эстовъ“, указываетъ на постройку храмовъ и учрежденіе церковно-приходскихъ школъ, какъ на два главныя средства противодѣйствія враждебнымъ вліяніямъ и утвержденія православной церкви. О третьемъ средствѣ, играющемъ столь важную роль въ Остзейскомъ краѣ—о судебномъ и административномъ преслѣдованіи лютеранскихъ пасторовъ—отчетъ не упоминаетъ вовсе, можетъ быть потому, что большинство „пасторскихъ“ дѣлъ возникло уже послѣ 1889 г. Не говорится о немъ, впрочемъ, и въ позднѣйшихъ отчетахъ, и не изъ нихъ мы заимствуемъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ частныхъ мѣрахъ снисхожденія и кротости, состоявшихся въ 1894 г. Валгутскій общинный старшина Педайя и жена его рижскимъ окружнымъ судомъ были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, за то, что своихъ троихъ дѣтей воспитывали въ лютеранской вѣрѣ. Согласно рѣшенію окружного суда, дѣти эти должны были быть отобраны у родителей и отданы православнымъ родственникамъ для воспитанія въ православной вѣрѣ. Съ Высочайшаго соизволенія приговоръ окружного суда относительно четы Педайя отмѣненъ по всѣмъ пунктамъ. Въ другомъ дѣлѣ пасторъ Безе, изъ Гельмета, признанъ былъ виновнымъ въ совершеніи брачнаго обряда надъ женихомъ и невѣстою, которые оба признавали себя принадлежащими къ евангелическо-лютеранскому вѣроисповѣданію, хотя православное духовенство и заявляло, что одинъ изъ новобрачныхъ принадлежитъ къ православію. Тотъ же пасторъ Безе былъ привлеченъ къ отвѣтственности за совершеніе обряда крещенія надъ родившимся отъ упомянутаго брака ребенкомъ—крещеніе состоялось еще до постановленія перваго рѣшенія—и приговоренъ, по совокупности проступковъ, къ исключенію отъ должности на восемь мѣсяцевъ. Для супруговъ, подавшихъ поводъ къ судебному преслѣдованію, бракъ признанъ былъ недѣйствительнымъ, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго ходатайства этихъ супруговъ, Высочайше повелѣно оставить ихъ въ ихъ бракѣ и въ ихъ вѣрѣ.

VII.

ЯЗЫЧЕСТВО и МАГОМЕТАНСТВО.

На востокѣ европейской Россіи и въ Сибири православная церковь стоитъ лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ населеніемъ магометанскимъ и языческимъ. Особенно тяжелой, по словамъ отчета за 1883 г., является борьба съ магометанствомъ, составляющимъ цѣльную систему и отвѣчающимъ на многіе религіозные запросы той среды, въ которой оно распространено. „Многочисленное магометанское духовенство, фанатически преданное своему ученію, нерѣдко, хотя и своеобразно, образованное, достаточно владѣющее словомъ и діалектическими пріемами, непрерывною и настойчивою проповѣдью въ многочисленныхъ мечетяхъ и школахъ прочно укореняетъ свои заблужденія среди послѣдователей Магомета“. Проповѣдь исламизма всего опаснѣе по отношенію ко вновь обращеннымъ въ христіанство, какъ изъ татаръ, такъ и изъ язычниковъ. „Опасность для крещеныхъ татаръ тѣмъ серьезнѣе, что всѣ условія ихъ быта, одинаковость языка и образа жизни, тождественность обычаевъ и близость сношеній влекутъ ихъ къ сближенію съ своими единоплеменниками, враждебными христіанству“. Отсюда религіозныя движенія, возникающія отъ времени до времени въ татарскомъ населеніи Поволжья и увлекающія значительное число крещеныхъ татаръ къ отпаденію въ магометанство. „Эти отступничества тѣмъ прискорбнѣе, что отпавшихъ можно считать почти навсегда потерянными для православной церкви. Укрѣпляясь, подъ вліяніемъ вожаковъ-фанатиковъ, въ своемъ лжевѣріи, они оказы-

ваются совершенно глухими къ вразумленію со стороны своихъ бывшихъ христіанскихъ руководителей; во время увѣщанія они стараются не думать о предметѣ рѣчи, чтобы устранить самую возможность зарожденія въ ихъ умѣ какихъ-либо сомнѣній и колебаній въ вѣрѣ". Язычники поволжскихъ губерній болѣе, чѣмъ магометане, доступны для евангельской проповѣди, но доступны за то и мусульманской пропагандѣ, „которая усердно старается распространить и укоренить между ними плевелы своего пагубнаго лжеученія". Скоро и легко принимая христіанство, бывшіе язычники очень долго, притомъ, остаются „младенцами по вѣрѣ". „При крайне низкой степени умственнаго ихъ развитія, близко граничащаго съ состояніемъ первобытной дикости, высокія истины христіанскаго ученія бо́льшею частью остаются недоступными для ихъ пониманія, такъ что они остаются при одной внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства, которую часто смѣшиваютъ съ обычаями и суевѣріями язычества".

Гораздо большею живучестью, чѣмъ въ Поволжьѣ, язычество отличается въ восточной Сибири. Отчетъ приписываетъ это, прежде всего, административному устройству иркутско-забайкальскихъ инородцевъ. Хотя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, представителей въ степныя думы слѣдуетъ избирать изъ христіанъ, но „потворство и угодничество язычникамъ со стороны гражданскихъ начальствъ" дошло до того, что тайши и выборные изъ христіанъ вытѣснены почти вездѣ. Въ простомъ народѣ образовалось убѣжденіе, что „начальственное положеніе составляетъ удѣлъ язычниковъ, подчиненность же и приниженность—горькую долю христіанъ". Съ другой стороны, распространенію и укрѣпленію христіанства мѣшаетъ усиленная пропаганда ламайства (буддизма), вытѣсняющая шаманизмъ и не останавливающаяся и передъ обращенными въ православіе. Законъ дозволяетъ ламамъ лишь возобновленіе ветхихъ капищъ, но они безпрепятственно устраиваютъ новыя, даже въ крещеныхъ улусахъ. Во многихъ мѣстахъ совершается ламами торжественное уничтоженіе принадлежностей шаманскаго идолослуженія. Тамъ, гдѣ прежде не оказывалось особаго

сопротивленія къ принятію крещенія, теперь появляются „рѣзкіе отвѣты на призывъ къ просвѣщенію и какъ бы ненамѣренный уходъ съ бесѣды".

Борьба съ препятствіями, встрѣчаемыми христіанскою проповѣдью, можетъ быть двоякаго рода: мирная, дѣйствующая только убѣжденіемъ, разсчитывающая на постепенное вліяніе школы, книги, живого слова и примѣра,—и болѣе рѣзкая, не отступающая передъ преслѣдованіями, передъ обращеніемъ къ матеріальной силѣ. Часто-ли возбуждаются, по иниціативѣ духовенства, уголовныя дѣла объ отпаденіи отъ христіанства, о совращеніи въ язычество или магометанство—объ этомъ отчетъ не упоминаетъ; но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что такія дѣла существуютъ и оканчиваются иногда тяжкими уголовными карами. Такъ напримѣръ, въ 1883-мъ году въ казанскомъ окружномъ судѣ производилось дѣло о восьми крестьянахъ села Апазова, обвинявшихся въ публичномъ порицаніи православной вѣры и въ совращеніи своихъ односельцевъ изъ православія въ магометанство [1]). Сами обвиняемые, по бумагамъ числившіеся православными, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но признавали себя магометанами. Нѣкоторые изъ числа свидѣтелей, совращенные, будто бы, подсудимыми, заявили на судѣ, что они считаютъ себя магометанами отъ рожденія и православными никогда не были, хотя и записаны въ православныхъ метрическихъ книгахъ. Другіе свидѣтели давали отвѣты менѣе благопріятные для подсудимыхъ, но своею внѣшностью сами они почти всѣ напоминали магометанъ: головы стрижены, часть бороды выбрита, костюмъ татарскій. Давнишняя принадлежность къ магометанству многихъ жителей села Апазова обнаружилась на судѣ съ полной ясностью; между тѣмъ, по словамъ мѣстнаго священника, заявленіе котораго послужило поводомъ къ возбужденію дѣла, отпаденія отъ православія начались въ Апазовѣ лишь съ 1881 г. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что нетвердость новообращенныхъ обусловливается, во многихъ случаяхъ, поспѣшностью

[1]) См. Общественную Хронику въ № 8 «Вѣстника Европы» за 1883 г.

обращенія, которому не предшествуетъ ни основательное знакомство съ христіанскимъ ученіемъ, ни твердая рѣшимость остаться ему вѣрнымъ? Возможно ли объяснить иначе упорство, проявляемое, по словамъ отчета, отпавшими назадъ въ магометанство? Если они находятъ въ себѣ силу противиться всѣмъ настояніямъ и увѣщаніямъ православнаго духовенства, то почему же они раньше не устояли противъ мусульманской пропаганды? Не потому ли, что они никогда, въ сущности, не переставали быть мусульманами и только числились православными?.. Относительно язычниковъ поверхностность, номинальность обращенія прямо, какъ мы уже видѣли, признается отчетомъ; удивительно ли, что и они оказываются легко воспріимчивыми къ проповѣди ламайства или магометанства? Въ отчетѣ повѣствуется о содѣйствіи, находимомъ забайкальскою православною миссіею въ одномъ христіанинѣ—инородческомъ князѣ Гантимуровѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1883 г. князь Гантимуровъ приказалъ живущимъ въ его вѣдомствѣ ороченамъ собраться на рѣкѣ Самтэръ, для привитія предохранительной оспы. Туда же, вмѣстѣ съ княземъ, отправился и миссіонеръ. Послѣ объясненій о необходимости оспопрививанія, рѣчь перешла къ спасенію души. Князь принялъ живое участіе въ этой бесѣдѣ, стараясь доказать ороченамъ-язычникамъ ихъ невѣжественное заблужденіе въ шаманствѣ. „Плодомъ бесѣды было обращеніе ко Христу тридцати человѣкъ, которые и сподобились принять св. крещеніе въ тихихъ струяхъ рѣки Самтэра“. Крещеніе, повидимому, слѣдовало здѣсь непосредственно за проповѣдью; гдѣ же основанія ожидать, что новообращенные съумѣютъ оградить свою вѣру противъ навѣтовъ перваго встрѣтившагося имъ ламы или шамана? Присутствіе начальника представляется столь же недостаточнымъ залогомъ искренности и прочности обращенія, какъ и „подарки новокрещаемымъ“, о которыхъ упоминается въ томъ же отдѣлѣ отчета [1]).

[1]) Поспѣшныя обращенія встрѣчаются, повидимому, не на однихъ только далекихъ окраинахъ Россіи. Одною изъ петербургскихъ газетъ было сообщено, что, при крещеніи въ Кронштадтѣ молодого татарина, онъ не умѣлъ прочесть безъ ошибокъ символъ вѣры.

Къ „увраченію и искорененію“ зла, т.-е. отпаденія отъ православія и упорства въ язычествѣ, начальники миссій (иркутской и забайкальской) предлагаютъ однѣ и тѣ же мѣры: ограниченіе правъ язычниковъ на занятіе начальственныхъ должностей въ инородческомъ управленіи; ограниченіе фанатической пропаганды ламъ въ совращеніи крещеныхъ инородцевъ и въ распространеніи ламайства между инородцами, держащимися другихъ вѣрованій; уничтоженіе незаконно построенныхъ и закрытіе излишнихъ прежнихъ кумирень, съ сокращеніемъ штата ламъ. Итакъ, государственная власть должна взять на себя искусственную охрану однихъ языческихъ вѣрованій противъ другихъ, шаманизма—противъ ламайства; она должна принять цѣлый рядъ мѣръ, весьма близкихъ къ гоненію за вѣру и, слѣдовательно, весьма легко могущихъ привести къ противоположному результату. Всѣ эти предложенія кажутся намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что въ рукахъ православнаго духовенства находятся гораздо болѣе надежныя средства, которыми оно и пользуется съ успѣхомъ. Сюда относится, прежде всего, учрежденіе школъ между новообращенными и вообще въ мѣстахъ дѣйствія миссіонеровъ. Иркутскою миссіею такихъ школъ устроено десять, съ 120 учениками, забайкальскою—шестнадцать, съ 258 учениками. Въ Бунскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи открыта, въ 1877 г., миссіонерская школа, „въ видахъ религіознаго воздѣйствія на отпавшихъ изъ православія въ магометанство чувашъ“. По словамъ отчета, она благотворно вліяетъ на отпавшихъ, которые, въ послѣдніе годы, видимо стали менѣе упорны и раздражительны въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ духовенствомъ, принимаютъ къ себѣ священниковъ, бесѣдуютъ съ ними, допускаютъ своихъ дѣтей учиться въ школѣ и молиться вмѣстѣ съ дѣтьми крещеныхъ. Центральная чувашская школа, учрежденная въ Симбирскѣ, приготовляетъ учителей и учительницъ для начальныхъ школъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, посѣщаемыхъ чувашами, важнѣйшія молитвы поются и читаются на чувашскомъ языкѣ. Спеціально-чувашскія школы существуютъ также въ губерніяхъ Самарской и Оренбургской, спе-

ціально-черемисскія школы—въ губерніяхъ Пермской и Казанской. Въ союзѣ съ школой, миссія торжествуетъ иногда даже въ средѣ татарско-мусульманской. Такъ напримѣръ, „жители двухъ деревень Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губерніи) въ недавнее время готовы были всѣ перейти въ магометанство, но, благодаря увѣщаніямъ мѣстнаго священника, хорошо знающаго татарскій языкъ, и участію въ этомъ дѣлѣ дѣвицы Евдокіи Бабиной (изъ старокрещенъ), содержащей на свои средства небольшую школу и обучающей инородческихъ дѣтей грамотѣ, поголовное отпаденіе было остановлено, и бо́льшая половина жителей осталась вѣрною православію". Такіе факты, сопоставленные съ упорствомъ отпавшихъ передъ оффиціальнымъ „увѣщаніемъ" или „вразумленіемъ", служатъ лучшимъ указаніемъ пути, которымъ должна идти борьба противъ язычества и магометанства. Прекращеніе преслѣдованій противъ отпавшихъ и совратителей имѣло бы, какъ намъ кажется, еще одну хорошую сторону. Когда переходъ изъ одной религіи въ другую является чѣмъ-то безвозвратнымъ, навсегда предрѣшающимъ судьбу самого обращеннаго и его потомства, то колеблющаяся мысль легко можетъ остановиться передъ послѣднимъ шагомъ, именно потому, что онъ безусловно послѣдній; боязнь поздняго раскаянія можетъ помѣшать обращенію, удержать сомнѣвающагося подъ властью отцовской вѣры... Не лишено значенія, наконецъ, и то, что только при отсутствіи преслѣдованій за „отпаденіе" господствующая церковь можетъ разсчитывать на искренность своихъ сыновъ, на полную гармонію между названіемъ и вѣрованіемъ, между оффиціальными данными и дѣйствительностью. При нынѣшнихъ порядкахъ не всегда возможно отличить православныхъ только по имени отъ православныхъ на самомъ дѣлѣ.

Въ отчетѣ за 1885 г. не рѣже прежняго идетъ рѣчь о необходимости содѣйствія свѣтской власти въ борьбѣ съ язычествомъ и магометанствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на успѣхъ мѣръ, имѣющихъ чисто-духовный, непринудительный характеръ. Вотъ что́ говорится объ одномъ изъ самыхъ ревностныхъ миссіонеровъ, священникѣ села Апазова (Казанскаго уѣзда): „священ-

никъ Миропольскій совершалъ миссіонерскія поѣздки преимущественно по инородческимъ селеніямъ Казанскаго и Лаишевскаго уѣздовъ; въ этихъ поѣздкахъ онъ проявилъ истинно пастырское самоотверженіе; по мѣстамъ мусульмане угрожали самой его жизни; тѣмъ не менѣе, онъ велъ продолжительныя бесѣды съ ними, въ особенности же съ вѣроотступниками; плодомъ этихъ бесѣдъ было то, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ татары, и преимущественно старики, заявляли ему, что *еслибы и прежде, и чаще съ ними также бесѣдовали и учили ихъ христіанству, то, можетъ быть, они и не совратились бы въ магометанство*". Прочитавъ это мѣсто отчета, мы невольно вспомнили, что двумя-тремя годами раньше именно село Апазово, въ которомъ состоитъ священникомъ отецъ Миропольскій, дало матеріалъ для крупнаго процесса о совращеніи изъ православія въ магометанство, окончившагося присужденіемъ пяти человѣкъ къ каторжнымъ работамъ и троихъ—къ ссылкѣ на поселеніе. Не примѣнимы ли къ этимъ несчастнымъ слова стариковъ-татаръ, сказанныя отцу Миропольскому? Не слѣдуетъ ли предположить, что еслибы апазовскіе крестьяне были своевременно наставляемы въ православной вѣрѣ, то не было бы ни совратителей, ни совращенныхъ—ни уголовнаго процесса, ни множества осужденныхъ? Не распространяется ли это предположеніе на многія другія дѣла о „преступленіяхъ противъ вѣры"—и не должно ли оно вести къ особой осторожности въ возбужденіи подобныхъ дѣлъ?

Исключительно о мѣрахъ духовнаго просвѣщенія и вразумленія повѣствуетъ и тотъ отдѣлъ отчета за 1887 г., который посвященъ борьбѣ съ язычествомъ и магометанствомъ въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи. Казанское братство св. Гурія имѣло въ своемъ завѣдываніи, въ 1887 г., почти сто братскихъ школъ (60 татарскихъ, 25 чувашскихъ, 4 вотяцкихъ, 2 черемисскихъ). Въ одной изъ миссіонерскихъ школъ Симбирской епархіи рядомъ съ 27 православными чувашами училось 12 чувашей-язычниковъ. Въ туарминской чувашской школѣ, Самарской епархіи, число учащихся, не превышавшее, въ первые три года

по открытіи, 30-ти, возросло до 57. „Въ прежнее время завѣдующему школою священнику и учителю школы при началѣ каждаго учебнаго года нужно было не одинъ разъ побывать въ деревняхъ прихода, чтобы уговорить отцовъ отдать своихъ дѣтей въ школу для обученія; теперь же сами отцы съ охотою посылаютъ дѣтей въ школу, при чемъ многіе изъ нихъ высказываютъ, что отдаютъ дѣтей учиться грамотѣ не въ видахъ только житейскихъ разсчетовъ, а чтобы дѣти ихъ получили въ школѣ истинныя понятія о Богѣ. Въ школѣ учатся двѣ дѣвочки-чувашанки, что особенно замѣчательно, такъ какъ женскій полъ у чувашъ до послѣдняго времени чуждался не только грамотности, но почти всякаго общенія съ русскими". А между тѣмъ, по словамъ отчета, женщина-инородка, окончившая курсъ въ школѣ, всей душой предается христіанству и въ образѣ жизни скорѣе склоняется къ русскимъ обычаямъ, нежели инородцы-мужчины. Какъ нельзя болѣе желательнымъ представляется, поэтому, открытіе въ инородческихъ деревняхъ возможно бо̀льшаго числа начальныхъ школъ для дѣвочекъ (о чемъ и помышляетъ духовенство восточныхъ епархій). Миссіонерскихъ школъ немало и въ Сибири, между остяками, самоѣдами, вогулами, киргизами, татарами, бурятами, тунгусами. Съ распространеніемъ христіанства измѣняется къ лучшему и матеріальное положеніе инородцевъ. Холодная и дымовая юрта некрещенаго кочевника, по свидѣтельству Томскаго преосвященнаго, замѣняется теплою и опрятною избою; въ семьѣ крещенаго инородца, сдѣлавшагося осѣдлымъ, водворяются порядокъ и довольство. Инородцы сами признаютъ, что язычество, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ на Алтаѣ, ведетъ къ разоренію. Разоряются даже богачи, принося въ жертву демонамъ, по требованію камовъ (жрецовъ), весь свой скотъ.

„Какъ ни желательно" — говорили мы въ январской общественной хроникѣ 1892 года,—„широкое распространеніе христіанства между инородческими племенами Сибири, оно не должно быть ускоряемо искусственными средствами. Прочно и плодотворно только обращеніе обдуманное, неторопливое, искреннее и безусловно

добровольное. Само собою разумѣется, что вполнѣ обнять христіанское ученіе язычники-инородцы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, неспособны; но они могутъ придти къ твердому убѣжденію въ превосходствѣ его передъ прежними ихъ вѣрованіями—и только съ этого момента долженъ возникать вопросъ о ихъ крещеніи. Еще менѣе желательнымъ, чѣмъ поспѣшность, представляется внѣшнее давленіе на инородцевъ. Между тѣмъ, изъ Сибири идутъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдняго рода, весьма прискорбныхъ. Лѣтомъ 1891 г. балаганскій окружной исправникъ обратился къ головамъ своего вѣдомства съ циркулярнымъ предложеніемъ, въ которомъ увѣдомлялъ ихъ, что мѣстный преосвященный вскорѣ прибудетъ въ Балаганскій округъ [1]) для крещенія инородцевъ. Къ этому увѣдомленію исправникъ присоединилъ обращенную къ головамъ просьбу не остаться безучастными въ дѣлѣ привлеченія къ крещенію возможно бо́льшаго числа инородцевъ, помимо *подлежащихъ крещенію*, которые *обязательно должны быть доставлены* ко дню пріѣзда преосвященнаго въ бахеевскій миссіонерскій станъ, подъ опасеніемъ законной (?) отвѣтственности для самихъ головъ и для родовыхъ старостъ (подъ именемъ „подлежащихъ крещенію“ слѣдуетъ здѣсь, очевидно, разумѣть инородцевъ, заранѣе включенныхъ въ списокъ обращающихся). Участіе свѣтскихъ властей въ такомъ чисто-религіозномъ дѣлѣ, какъ переходъ изъ язычества въ христіанство, кажется намъ уже само по себѣ явленіемъ въ высокой степени ненормальнымъ; но его опасность увеличивается еще больше возможностью излишняго усердія со стороны низшаго начальства, руководимаго страхомъ отвѣтственности—или надеждой на награду. Мы слышали, что предложеніе Балаганскаго исправника имѣло послѣдствіемъ бѣгство однихъ инородцевъ, вынужденный приводъ другихъ, а если вѣрить жалобамъ, поданнымъ иркутскому генералъ-губернатору—и болѣе серьезныя насилія. Чтобы предупредить возможность подобныхъ жалобъ, чтобы

[1]) Балаганскій округъ, Иркутской губерніи, обнимаетъ собою, между прочимъ балаганское „инородческое вѣдомство“, состоящее изъ 16 бурятскихъ родовъ.

оградить свободу совѣсти, на которую имѣетъ право и язычникъ, необходимо полнѣйшее воздержаніе свѣтскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ великое дѣло распространенія христіанства. Около того же времени „Гражданинъ“, въ данномъ случаѣ—какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, аналогичныхъ,—съ большою твердостью сыгравшій несвойственную ему роль защитника праваго дѣла, нѣсколько разъ говорилъ о насиліяхъ, совершенныхъ для обращенія буддистовъ въ православіе. Много лѣтъ спустя, въ 1903 г., газета кн. Мещерскаго вступилась за религіозную свободу калмыковъ, утверждая, что мѣстное начальство систематически отказываетъ имъ въ правѣ строить новые храмы.

Какъ видно изъ статьи г. Цаголова, помѣщенной, въ 1903 г., въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, между осетинами сѣвернаго Кавказа есть, рядомъ съ православными, и магометане, такъ-называемые ренегаты. Это—потомки осетинъ, окрещенныхъ лѣтъ 60—80 тому назадъ, въ эпоху особенно усердной миссіонерской дѣятельности священниковъ-грузинъ. Каждый соглашавшійся креститься получалъ 50 коп. деньгами, серебряный крестикъ и кусокъ матеріи на рубаху—и охотниковъ являлось немало, особенно между дѣтьми. Иные крестились по нѣскольку разъ, называя себя именами своихъ родныхъ или сосѣдей. Случалось также, что въ списокъ окрещенныхъ миссіонеръ сознательно вносилъ людей, вовсе не думавшихъ креститься. Всѣ такимъ образомъ окрещенные или показанные окрещенными, а затѣмъ и ихъ дѣти, считались и считаются православными, будучи, въ сущности, магометанами. Если кто-нибудь изъ нихъ вступитъ въ бракъ, похоронитъ умершаго не по православному обряду или оставитъ дѣтей неокрещенными, онъ подвергается разнымъ мытарствамъ, доходящимъ до лишенія свободы. Мужа разлучаютъ съ женою, хотя бы у нихъ уже были дѣти. Распадаются семьи, разоряются хозяйства—и ко всему этому присоединяются душевныя муки. „Для простого горца“, говоритъ г. Цаголовъ, „религія—все. Она скрашиваетъ его жизнь, полную труда и лишеній, позволяетъ ему безъ ропота поливать своимъ потомъ безплодныя скалы его родины, голодать и мерзнуть въ

темной и дымной саклѣ. И вотъ, силою вторгаются въ его святая святыхъ, заставляютъ идти другой дорогой, отказаться отъ того, что, по его разумѣнію, есть непреложная истина". Замѣтимъ, что свѣдѣнія о способѣ обращенія осетинъ г. Цаголовъ заимствуетъ изъ работы священника Гатуева: „Христіанство въ Осетіи", напечатанной въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ и недавно вышедшей отдѣльною книгою.

Въ сѣверной части Саратовской губерніи (въ уѣздахъ Кузнецкомъ, Петровскомъ и Хвалынскомъ) значительную часть населенія составляютъ инородцы—татары, мордва и чуваши. Татары твердо держатся магометанства; мордва и чуваши уже давно числятся православными. Убѣжденными членами православной церкви они, однако—по словамъ корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей",—считаться не могутъ. Въ былое время инородцевъ заставляли переходить въ православіе: упорствовавшихъ наказывали, соглашавшихся награждали, и дѣло оффиціальнаго обращенія шло, повидимому, весьма успѣшно. На самомъ дѣлѣ многіе изъ обращенныхъ вернулись къ прежней вѣрѣ, другіе перешли въ расколъ, нѣкоторые—въ магометанство. Особенно усилилась, въ послѣднее время, тяга къ магометанству между чувашами. Къ татарамъ являются изъ Мекки пилигримы, которыхъ они считаютъ святыми. Эти пилигримы обращаются съ проповѣдью не только къ своимъ единовѣрцамъ, но и къ православнымъ чувашамъ, на которыхъ она дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что проповѣдники ведутъ суровую, аскетическую жизнь и все, чего требуютъ отъ другихъ, исполняютъ сами. Усилія православныхъ священниковъ и миссіонеровъ противодѣйствовать вліянію пилигримовъ остаются тщетными. Въ виду этого мѣстные миссіонеры обратились въ епархіальный миссіонерскій комитетъ съ просьбою выработать мѣры для борьбы съ проповѣдью магометанскихъ пилигримовъ и примѣнить особыя наказанія и административныя воздѣйствія какъ къ проповѣдникамъ, такъ и къ соблазняемымъ ими чувашамъ. Въ миссіонерскомъ комитетѣ вопросъ этотъ долго и горячо обсуждался. Одни члены комитета—преимущественно пожилые священники—настойчиво доказы-

вали, что безъ репрессій въ миссіонерскомъ дѣлѣ обойтись нельзя, что отказаться отъ нихъ значило бы ослабить поступательный ходъ православія, и что въ частности съ чувашами и проповѣдниками-пилигримами нужно поступать возможно строже, для чего необходимо ходатайствовать объ административномъ воздѣйствіи. Другіе члены комитета — главнымъ образомъ молодые священники—горячо и убѣжденно доказывали неумѣстность и вредъ репрессіи въ религіозномъ дѣлѣ. Они напомнили о плодахъ этого способа дѣйствій, прежде практиковавшагося въ широкихъ размѣрахъ, и утверждали, что со стороны миссіонеровъ даже неудобно предлагать подобныя мѣры: призывать репрессію—значитъ принижать свое дѣло и сознаваться въ недостаточности своихъ силъ. На сторону этого послѣдняго мнѣнія склонилось, въ концѣ-концовъ, большинство комитета: просьба о репрессивномъ воздѣйствіи на татаръ и чувашей была отклонена, проповѣдь православія рекомендовано вести въ гуманномъ духѣ, безъ всякихъ мѣръ принужденія. Что такое рѣшеніе не только справедливо, но и разумно—въ этомъ можетъ сомнѣваться одна лишь реакціонная печать, поспѣшившая заявить протестъ противъ опасной мягкости саратовскаго миссіонерскаго комитета. Поклонники административнаго воздѣйствія крайне недовольны тѣмъ, что для примѣненія его упущенъ столь удобный случай. Забывая или не желая знать, что *совращенныхъ* нашъ законъ не грозитъ никакой карой, они желали бы преслѣдованія ихъ если не тѣмъ путемъ, такъ другимъ, наказанія ихъ если не по суду, то безъ суда, въ предѣлахъ и формахъ, установленныхъ „усмотрѣніемъ“. По истинѣ удивительна эта вѣрность традиціоннымъ пріемамъ, несостоятельность которыхъ доказана вѣковымъ опытомъ и постоянно доказывается вновь неотразимою силою очевидности. Не ясно ли, что податливость чувашей на проповѣдь мусульманскихъ пилигримовъ объясняется именно шаткостью вѣрованій, не столько усвоенныхъ, сколько навязанныхъ? Не ясно ли, что новое обращеніе, достигнутое старымъ способомъ, легко могло бы оказаться столь же непрочнымъ, какъ и прежнее? Не ясно ли, что проповѣди съ успѣхомъ можетъ быть противопоставлена только

проповѣдь, убѣжденію—убѣжденіе, примѣру—примѣръ?.. Если бы взглядъ, восторжествовавшій въ саратовскомъ миссіонерскомъ комитетѣ, былъ принятъ повсемѣстно, это доставило бы православному духовенству такую силу, которой оно до сихъ поръ напрасно искало въ поддержкѣ „свѣтскаго меча“.

VIII.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ корреспонденціи изъ Риги, появившейся, въ 1893 г., въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, изобличаются два великія зла: богослуженіе для дѣтей-лютеранъ („Kindergottesdienst“) и приготовленіе къ конфирмаціи. „Богослуженіе для дѣтей,—по словамъ корреспондента,—совершенно новое явленіе въ краѣ. Оно постепенно развилось въ воскресную школу, даже съ дѣтскою библіотекой, конечно нѣмецкою и преимущественно свѣтскаго содержанія; между книгами, выдаваемыми дѣтямъ, посѣщающимъ Kindergottesdienst, нерѣдко попадаются разсказы о франко-прусской войнѣ, разсказы Гофмана, всевозможныя путешествія и т. п. Функціонируетъ эта тайная воскресная школа рьяно; хотя, собственно въ смыслѣ обученія, она ничего не даетъ, но зато проводитъ въ народъ свои завѣтныя идеи и нѣмецкій языкъ, чѣмъ, конечно, тормазитъ дѣло школьной реформы. Kindergottesdienst происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Послѣ пѣнія хорала, пасторъ прочитываетъ событіе изъ священной исторіи; затѣмъ дѣти раздѣляются на отдѣльныя группы въ 5—15 человѣкъ; группы эти становятся подъ „началъ“ учительницъ изъ мѣстныхъ благородныхъ дамъ и дѣвицъ, конечно, никѣмъ не утвержденныхъ въ званіи учительницъ, но выбранныхъ пасторомъ и, само собою разумѣется, „благонадежныхъ“; обязанность этихъ учительницъ — подробно толковать дѣтямъ о прочитанномъ пасторомъ событіи. Дѣти по большей части разсѣянно внимаютъ глаголамъ вдохновенныхъ и распинающихся истолковательницъ священнаго писанія. Во время

обученія въ киркѣ стоятъ шумъ и гамъ отъ дѣтскихъ разговоровъ и отъ горячихъ объясненій ретивыхъ учительницъ. Затѣмъ учительницы, по окончаніи объясненія, приступаютъ къ спрашиванію дѣтей. Въ концѣ пасторъ дѣлаетъ дѣтямъ общее разъясненіе прочитаннаго, какъ бы резюмируя уроки непризнанныхъ учительницъ. Затѣмъ слѣдуютъ хоралъ и роспускъ дѣтей. Kindergottesdienst или, вѣрнѣе, воскресная школа, продолжается болѣе часа". За этимъ описаніемъ слѣдуютъ обвинительные пункты: Kindergottesdienst признается незаконнымъ, непредусмотрѣннымъ правилами лютеранской церкви, преслѣдующимъ политическія (!) и національнистическія цѣли, вредно отзывающимся на дѣлѣ низшаго школьнаго образованія, распространяющимъ нѣмецкій языкъ и идеи... Вѣрный девизу: „усердіе все превозмогаетъ", корреспондентъ не замѣчаетъ противорѣчій, которыми испещрено его „обличеніе". Онъ выставляетъ Kindergottesdienst чѣмъ-то въ родѣ политическаго митинга—и вмѣстѣ съ тѣмъ констатируетъ „разсѣянность" дѣтей, „шумъ и гамъ дѣтскихъ разговоровъ". Онъ говоритъ о Kindergottesdienst, какъ о *тайной* воскресной школѣ,—а между тѣмъ самъ, нѣсколькими строками раньше, сообщаетъ, что о времени его и мѣстѣ печатаются объявленія въ газетахъ. Да и что это за *школа*, въ которой ничему не учатъ, въ которой все сводится къ болѣе подробному толкованію разсказа изъ священной исторіи, прочитаннаго передъ тѣмъ съ церковной каѳедры? Съ которыхъ поръ въ церкви нельзя говорить о церковныхъ предметахъ, хотя бы и въ такой формѣ, которая прямо не предписана церковнымъ уставомъ? Съ которыхъ поръ „распространеніе нѣмецкаго языка", преподаваемаго во всѣхъ нашихъ среднихъ школахъ, составляетъ нарушеніе закона? Что это за *пропаганда* нѣмецкихъ идей, совершаемая *публично* и обращающаяся къ *малолѣтнимъ*? Что это за *политическія цѣли*, осуществляемыя дѣвицами и дамами въ бесѣдѣ съ дѣтьми о событіяхъ библейской или евангельской исторіи?.. Нѣчто въ родѣ „дѣтскаго богослуженія" совершается, сколько намъ извѣстно, и въ петербургскихъ лютеранскихъ церквахъ, не возбуждая никакихъ подозрѣній и нареканій. Такія подозрѣнія

могли возникнуть только въ нездоровой атмосферѣ, насыщенной мелкимъ недоброжелательствомъ и узкимъ національзмомъ.

„Вторымъ тормазомъ въ дѣлѣ школьной реформы, — продолжаетъ корреспондентъ московской газеты,—являются приготовленія къ конфирмаціи (Konfirmationsunterricht), продолжающіяся отъ *четырехъ* до *восьми* недѣль (курсивъ въ подлинникѣ) и производящіяся у приходскихъ пасторовъ (при закрытыхъ дверяхъ). Такъ установилъ законодатель въ 1832-мъ году, когда школьное обученіе еще не было такъ распространено, какъ теперь, и когда, поэтому, приходилось огромную массу населенія обучать въ теченіе этихъ 4—8 недѣль не только истинамъ вѣры, но и чтенію Библіи. Нынѣ дѣло народнаго образованія стоитъ уже совсѣмъ иначе: лютеранская масса грамотна и имѣетъ много училищъ, низшихъ и среднихъ, гдѣ преподается законъ Божій. Пасторы стараются увѣрить, что на курсахъ приготовленія къ конфирмаціи молодежь искренно раскаивается въ своихъ грѣхахъ, укрѣпляется въ вѣрѣ и получаетъ указанія и напутствія для всей послѣдующей самостоятельной жизни. Но все это усвоивается учащимися въ школѣ, и гораздо основательнѣе, чѣмъ на конфирмаціонныхъ курсахъ. Эти курсы нужны для мальчиковъ и дѣвочекъ, не прошедшихъ никакой школы или прошедшихъ одну только начальную; но для учащихся въ городскихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ они совершенно излишни и даже вредны. Многимъ ученикамъ посѣщеніе курсовъ обходится очень дорого; многіе теряютъ здоровье, такъ какъ должны работать вдвое больше противъ обыкновеннаго, нелегкаго школьнаго труда. Свидѣтельства законоучителя школы, пастора, о религіозно-нравственной зрѣлости учащагося было бы совершенно достаточно пастору прихода для конфирмированія этого учащагося; благодаря этому учащійся не терялъ бы ни здоровья, ни времени. Но что за дѣло до этого нашимъ пасторамъ? Лишь бы дѣти усвоили *ихъ* науку, а тамъ—все равно что̀ будетъ. Приходскіе пасторы еще и потому дорожатъ конфирмаціонными курсами, что это доставляетъ имъ изрядный доходъ; конфирмаціонные курсы—своего рода синекура, которою вообще изобиловала и здѣшняя жизнь, и здѣшняя

школа". И здѣсь, опять-таки, бросаются въ глаза явныя противорѣчія аргументаціи. „Дѣтское богослуженіе" авторъ считаетъ подлежащимъ отмѣнѣ, *такъ какъ* оно не предусмотрѣно церковнымъ уставомъ, а конфирмаціонные курсы—*хотя* они установлены закономъ. Конфирмаціонные курсы выставляются въ одно и то же время излишними, какъ повтореніе пройденнаго въ школѣ, и крайне трудными—слѣдовательно дающими слушателямъ что-нибудь новое, имъ до тѣхъ поръ неизвѣстное... Кто имѣлъ случай встрѣчаться съ лютеранами, тотъ знаетъ, какую роль играетъ въ ихъ жизни именно приготовленіе къ конфирмаціи. Оно остается навсегда однимъ изъ лучшихъ ихъ воспоминаній; оно вооружаетъ ихъ добрыми намѣреніями, не всегда, конечно, исполняемыми, но все же не проходящими безслѣдно. Зачѣмъ же колебать обычай, освященный церковью и дорогой для ея членовъ? Заботливость о здоровьѣ и времени учениковъ здѣсь, разумѣется, ни при чемъ; все дѣло въ томъ, чтобы подорвать общеніе между пасторами и прихожанами, чтобы поставить на мѣсто живой бесѣды формализмъ школьнаго обученія. Не нужно, чтобы молодежь усвоивала пасторскую *науку*; не нужно, чтобы она оставалась по нѣскольку недѣль сряду подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ пасторскаго слова. *Четыре* недѣли, *восемь* недѣль—какой безконечный срокъ, какой безграничный просторъ для вліянія, особенно если припомнить, что преподаваніе происходитъ при *закрытыхъ дверяхъ!*.. Подобные страхи были бы только смѣшны и нелѣпы, еслибы за ними не скрывалось посягательство на свободу вѣроученія, исповѣдуемаго десятками тысячъ русскихъ гражданъ. Стыдно становится за печать, погрязшую въ мелочной подозрительности, потерявшую, въ вѣчной травлѣ всего „чужого", всякое чувство сдержанности и мѣры.

Отличительная черта „усердія", печальные образцы котораго мы только-что показали—крайняя нетерпимость не къ однимъ лишь прямымъ противникамъ, но и къ недостаточно ревностнымъ союзникамъ. Рѣдкой, даже въ наше время, степени виртуозности

достигъ, въ этомъ отношеніи, г. Владиміровъ (А. П.), въ статьѣ: „О положеніи православія въ сѣверо-западномъ краѣ“, напечатанной въ „Русскомъ Обозрѣніи“. Указавъ на упадокъ виленскаго свято-духовского православнаго братства, авторъ продолжаетъ: „настоящее число братчиковъ весьма ограничено. Перечитывая ихъ списокъ, вы видите, что въ немъ нѣтъ многихъ, *которымъ странно не быть*. Напрасно братство зазываетъ къ себѣ виленскихъ русскихъ людей: они нейдутъ въ него. Такъ напримѣръ, въ прошломъ году братство приглашало чиновъ одного обширнаго вѣдомства въ Вильнѣ въ число своихъ братчиковъ, и получило короткій отвѣтъ отъ предсѣдательствующаго, что желающихъ не оказалось. Другіе, вступая въ братство *по долгу своего служебнаго положенія*, дѣлаютъ въ него такіе взносы, что за нихъ вчужѣ приходится краснѣть. Такъ, въ спискѣ братчиковъ за 1890 г. значится дѣйствительный статскій совѣтникъ, занимающій въ Вильнѣ крупную административную должность и получающій не менѣе 4 тысячъ жалованья, внесшій ежегоднаго добровольнаго взноса полтинникъ! *Любопытствующіе могутъ узнать имя этого достойнаго русскаго человѣка, съ его чиномъ и должностью, въ отчетѣ братства* за 1890 г. Случись это при Муравьевѣ, *онъ былъ бы выпровоженъ изъ Вильны, какъ оскорбляющій братство и позорящій русское имя*“. Это—своего рода геркулесовы столпы, дальше которыхъ идти уже некуда. Указаніе на „виновнаго“ (вполнѣ опредѣленное для того, кто захочетъ навести справку въ отчетѣ братства) сопровождается точнымъ опредѣленіемъ кары, которая должна его постигнуть. Рьяный доброволецъ репрессіи не видитъ, что тяжкимъ оскорбленіемъ для братства—гораздо болѣе тяжкимъ, чѣмъ взносъ 50 коп.,—является стремленіе пополнять его ряды и средства съ помощью страха. Хорошо было бы общество, девизомъ котораго служило бы: compelle intrare! Хороши были бы тѣ члены, которые примкнули бы къ нему изъ боязни потерять или испортить свое „служебное положеніе“! Къ числу *служебныхъ* обязанностей вступленіе въ *частное* общество, хотя бы и покровительствуемое властью, ни

въ какомъ случаѣ принадлежать не можетъ. Чтобы сдѣлаться членомъ общества, нужно сочувствовать не только его цѣлямъ, но и его образу дѣйствій, его пріемамъ, его составу. Это сочувствіе подсказывается не должностью, которую занимаешь, а личными взглядами, не зависящими отъ цвѣта вице-мундира, и знакомствомъ съ дѣятельностью общества. Нѣтъ, поэтому, такихъ должностныхъ лицъ, имена которыхъ *странно* было бы не видѣть въ спискахъ того или другого общества; странность—чтобы не сказать болѣе—вся на сторонѣ тѣхъ, которые возводятъ въ систему оффиціальное или оффиціозное лицемѣріе... Вмѣсто того, чтобы взывать къ административнымъ громамъ, автору обличительной статьи слѣдовало бы присмотрѣться поближе къ значенію фактовъ, имъ самимъ приводимыхъ. Онъ самъ признаетъ, что „внутренняя дѣятельность братства плоха, мало-энергична“, что даже „общія торжественныя его собранія, бывающія одинъ разъ въ году, плохи, не интересны, не привлекательны, не представительны“. Послѣдовательно ли, затѣмъ, негодовать на тѣхъ, кто уклоняется отъ вступленія въ такое братство? Не лучше ли устранить безспорные его недостатки, а не разсчитывать на вмѣшательство „внѣшней превосходящей силы“?.. Кромѣ членовъ „по-неволѣ“, усердный не по разуму защитникъ братства хотѣлъ бы присоединить къ нему, также по-неволѣ, цѣлое общество. Въ Вильнѣ существуетъ общество „Доброхотной копѣйки“, устроившее домъ для бѣдныхъ и „домъ милосердія“, съ учебными мастерскими, сиротскимъ отдѣленіемъ, рукодѣльнымъ классомъ для дѣвочекъ, богадѣльней и дешевыми квартирами. Оно имѣетъ болѣе 100 членовъ, 32 тыс. основного капитала, около 20 тыс. годового дохода и расхода. Вотъ это-то общество авторъ статьи, ни мало не сомнѣваясь, предлагаетъ... присоединить къ свято-духовскому братству. Такой упрощенный способъ обогащенія одного общества на счетъ другого не одобряется, сколько намъ извѣстно, ни государственнымъ, ни гражданскимъ правомъ. Онъ очень близко подходилъ бы къ конфискаціи, которая—даже тамъ, гдѣ она еще существуетъ—является исключительно послѣдствіемъ политическаго преступленія. Ни въ чемъ подобномъ общество „Доброхотной ко-

пѣйки" не обвиняется: въ его пассивъ ставится только его пристрастіе къ польской народности и къ католичеству. Допустимъ, что оно дѣйствительно помогаетъ однимъ католикамъ [1]); прежде чѣмъ осуждать его за это, нужно было бы опредѣлить, изъ какихъ источниковъ составились и продолжаютъ пополняться его средства? Если главными жертвователями были и продолжаютъ быть католики, то неудивительно, что и помощь оказывается преимущественно ихъ единовѣрцамъ. Великодушіе, конечно, было бы помогать всѣмъ и каждому, безъ различія религіи—но развѣ можно *требовать* великодушія и карать его отсутствіе? Всего курьезнѣе то, что авторъ статьи провозглашаетъ себя *твердымъ сторонникомъ свободы совѣсти* и, безъ сомнѣнія, самъ этому вѣритъ: до такой степени помутилось у насъ, въ послѣднее время, понятіе о религіозной свободѣ!.. Статья г. Владимірова появилась, очевидно, во-время: ее не только читаютъ—ее хвалятъ. „Новое Время", выписавъ изъ нея разсказъ о полтинникѣ, удостоиваетъ ее слѣдующей аттестаціей: „вообще въ статьѣ г. Владимірова встрѣчается множество цѣнныхъ свѣдѣній и указаній всякаго рода". Эта похвала—такой же „признакъ времени", какъ и самая статья г. Владимірова.

По истинѣ невѣроятными выходками преисполнена статья г. Дурново: „Колонизація Россіи иностранцами", помѣщенная, въ 1893 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Начинается она съ указанія на быстрый ростъ польскаго землевладѣнія въ Краснинскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи. Половина частновладѣльческихъ земель, если вѣрить г. Дурново, перешла здѣсь въ руки поляковъ-католиковъ, которые, „въ виду ограниченія ихъ правъ землевладѣнія въ западномъ краѣ и обязательства продать принадлежавшія имъ тамъ земли въ извѣстный срокъ,

---

[1]) По этому вопросу мы встрѣчаемъ въ статьѣ „Русскаго Обозрѣнія" два разнорѣчивыя показанія: въ одномъ мѣстѣ сказано, что изъ „космополитности" благотвореній общества *почти* совершенно была исключена русская народность и православіе, а въ другомъ мы читаемъ, что изъ общества, за все время его существованія, не получили ни одной копѣйки ни одинъ православный и ни одна православная.

подались не къ западу, въ этнографическую Польшу, какъ этого, повидимому, ожидало правительство, а къ востоку, и массой набросились на пограничные съ Витебскою и Могилевскою губерніями уѣзды губерніи Смоленской, преимущественно на Краснинскій, какъ наилучшій изъ нихъ. Послѣдствіемъ этого было такое повышеніе земельныхъ цѣнъ въ Краснинскомъ уѣздѣ, искусственное поднятіе ихъ до такихъ цифръ (до 70—90 р. за десятину), которыя сдѣлали покупку земель совершенно недоступною для лицъ русскаго происхожденія, не находящихся въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ стоятъ поляки. Лица, явившіяся такимъ образомъ водворителями польскаго землевладѣнія въ коренной русской губерніи—не какіе-либо захудалые или оскудѣлые представители польщизны. *Это, въ большинствѣ* [1]), люди независимые, состоятельные и *денежные*, хозяева дѣльные, земледѣліе ведущіе хорошо и въ разсчетахъ совершенно вѣрные... Понятно, что помѣщикъ-полякъ, вынужденный, по политическимъ причинамъ, покинуть родной ему западный край, неохотно переселяется въ мало знакомое ему Привислинье и стремится перебраться въ такую мѣстность, гдѣ условія хозяйства, качества почвы, свойства климата, привычки и бытъ населенія приблизительно одинаковы съ тою полосой, въ которой онъ хозяйствовалъ раньше и которую вынужденъ покинуть. Такою мѣстностью и представляются, прежде всего, пограничные уѣзды Смоленской губерніи. И еще благо было бы, еслибы этой цѣной достигалось дѣйствительное обрусеніе бѣлорусскихъ губерній, очищеніе ихъ отъ польскаго элемента, еслибъ эти губерніи покрывались вновь пріобрѣтаемыми русскими усадьбами, такъ что происходила бы только географическая перетасовка землевладѣнія русскаго и польскаго. Въ такомъ случаѣ вновь водворившіеся въ Смоленской губерніи поляки оказывались бы *географически сзади* русскаго населенія, отдаленными отъ своего базиса. Но извѣстія, идущія изъ сѣверозападнаго края, не оставляютъ сомнѣнія, что русское частное землевладѣніе въ его бѣлорусской

[1]) Мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника, которому самъ авторъ придаетъ большое значеніе, какъ средству привлечь вниманіе къ защищаемой имъ программѣ.

полосѣ далеко не усиливается въ такой же степени, какъ польское землевладѣніе въ Краснинскомъ уѣздѣ. Повсюду, гдѣ можно, постановленія закона о прекращеніи польскаго землевладѣнія обходятся фиктивными сдѣлками, при помощи подставныхъ лицъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣніе все-таки уходитъ изъ польскихъ рукъ, оно, благодаря отсутствію и небрежности новыхъ русскихъ владѣльцевъ, оказывается въ дѣйствительномъ распоряженіи все того же польскаго элемента, но только изъ мѣстной мелкой шляхты, чиновниковъ или такъ называемыхъ оффиціалистовъ, и это явленіе до такой степени общее, что, съ уходомъ польскаго крупнаго землевладѣнія, лишь *тѣмъ большій просторъ получается для остающихся въ краѣ менѣе состоятельныхъ и родовитыхъ слоевъ Польщизны*, которые будутъ расти и множиться, на этомъ просторѣ, въ духѣ той же польской справы". Нарисовавъ такую картину, г. Дурново переходитъ къ разсужденіямъ о необходимости *ударить въ самый корень*, чтобы „поразить и обезсилить извѣстный политическій элементъ". Эту необходимость онъ подтверждаетъ историческими примѣрами, изъ которыхъ мы приведемъ только одинъ, наиболѣе характерный: „не Варѳоломеевская ночь, не казни и не конфискаціи Ришелье сломили силу протестантизма во Франціи и сохранили ей ея внутреннее народное единство, а отмѣна Нантскаго эдикта, ударившая протестантство во Франціи подъ корень, создавшая для большинства гугенотовъ нравственную невозможность оставаться во Франціи, заставившая ихъ эмигрировать, то-есть потерять почву и связь съ нею". Итакъ, въ борьбѣ съ „извѣстнымъ элементомъ" нужны не полу-мѣры, а настоящія мѣры, „какихъ не было принято со времени возсоединенія уніатовъ. Католики-поляки должны быть поставлены на всемъ пространствѣ девяти западныхъ губерній въ такое положеніе, чтобъ *они вынуждены были выселиться изъ края*. Съ этою цѣлью должно быть прежде всего воспрещено (и твердо проведено въ жизнь это запрещеніе)—*лицамъ неправославнаго вѣроисповѣданія* не только пріобрѣтеніе, но и арендованіе земель въ краѣ, а также управленіе имѣніями. Изъ рукъ поляковъ прежде всего

должна быть окончательно и безповоротно *изъята почва*. Исключенія въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы лишь для католическаго населенія литовскихъ губерній и литовскаго происхожденія. Затѣмъ, разъ бѣлорусскія губерніи будутъ очищены отъ польскаго элемента, для интересовъ Россіи будетъ уже безразлично, куда станутъ выселяться поляки—на западъ или на востокъ, въ великорусскія мѣстности. Находясь во внутреннихъ губерніяхъ, поляки, въ концѣ концовъ, по необходимости обрусѣютъ и занимаемыя ими мѣстности не сдѣлаются уже, какъ это случилось въ Красинскомъ уѣздѣ, передовыми поселеніями польщизны и *окраинами „Польской Руси“*. Тогда останется только одно—замѣна иностранныхъ прозвищъ русскими родовыми именами, согласно обычаю, существовавшему нѣкогда въ московской Руси“.

Эти длинныя выписки изъ статьи г. Дурново были необходимы, чтобы дать ясное понятіе о томъ, до чего договариваются наши псевдо-патріоты. Поразительно, прежде всего, ихъ ослѣпленіе. Они не видятъ, что вся аргументація ихъ — рядъ противорѣчій, что въ основныхъ ихъ посылкахъ — лучшее опроверженіе ихъ выводовъ. Въ глазахъ всякаго сколько-нибудь безпристрастнаго и понятливаго читателя несомнѣнно доказанными, послѣ прочтенія статьи г. Дурново, являются только два положенія: 1) польское землевладѣніе, стѣсненное въ западномъ краѣ, не можетъ не распространяться на востокъ, и 2) стѣсненія, которыми вызвано это распространеніе, рѣшительно не достигаютъ своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, люди „состоятельные, независимые, денежные“, „дѣльные хозяева“, привыкшіе работать при извѣстныхъ климатическихъ, почвенныхъ и экономическихъ условіяхъ, не могутъ не искать для своей дѣятельности, насильственно прерванной въ одномъ мѣстѣ, другой, *аналогичной* обстановки. Какъ русскіе подданные (въ этомъ качествѣ не откажетъ польскимъ уроженцамъ западнаго края и г. Дурново, хотя онъ и назвалъ свою статью: „Колонизація Россіи *иностранцами*“), они не могутъ даже допустить мысли, что совершенно законному и понятному ихъ желанію сдѣлаться землевладѣльцами въ мѣстности, свободной

отъ политическаго *табу*, будутъ противопоставлены какія-либо подозрѣнія, грозящія новыми препятствіями. Нужно же имъ чѣмъ-нибудь заняться, къ чему-нибудь приложить свой капиталъ, свой трудъ, свои силы, свои знанія—тѣмъ болѣе нужно, что для нихъ до крайности затруднены многія другія отрасли дѣятельности (напр. государственная служба). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что поляки, покупающіе имѣнія въ краснинскомъ уѣздѣ, находятся въ „какихъ-то исключительныхъ условіяхъ“ (т. е. пользуются пособіемъ или кредитомъ изъ какого нибудь таинственнаго, подозрительнаго источника); они просто дѣйствуютъ по пословицѣ: рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше. Прекратить ихъ своеобразный Drang nach Osten могло бы только устраненіе или ослабленіе стѣсненій, заставляющихъ ихъ разставаться съ ихъ роднымъ (по выраженію самого г. Дурново) западнымъ краемъ. Безрезультатность этихъ стѣсненій признаетъ, какъ мы уже видѣли, и г. Дурново—но выводитъ отсюда... необходимость новыхъ стѣсненій, болѣе радикальныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ненавистными автору „полумѣрами“. Даже нарочно трудно было бы придумать что-нибудь болѣе убійственное для его аргументаціи, чѣмъ ссылка на отмѣну Нантскаго эдикта. Дѣйствительно, эта правительственная мѣра заставила большинство французскихъ гугенотовъ „потерять почву и связь съ нею“—но что выиграла отъ того Франція, что выигралъ католицизмъ? „Народному единству“ Франціи гугеноты не угрожали; начиная со второй четверти XVII-го вѣка они были такими же мирными членами государства, какъ и ихъ католическіе сограждане. Отвратительная политика Людовика XIV и его клерикальныхъ сеидовъ не только лишила Францію множества живыхъ и свѣжихъ силъ, не только наложила неизгладимое пятно на французскую церковь, но и подготовила торжество стремленій, враждебныхъ всему церковному. Да, отмѣна Нантскаго эдикта—какъ и изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, на которое съ такимъ же правомъ и съ такимъ же успѣхомъ могъ бы сослаться г. Дурново—является великимъ историческимъ урокомъ: только этотъ урокъ преподаетъ совсѣмъ не

то, что хотятъ извлечь изъ него наши подражатели ультрамонтанскихъ зилотовъ...

Религіозный фанатизмъ принадлежитъ, повидимому, къ числу тѣхъ страстей, которыя, какъ остатокъ давно прошедшаго, дремлютъ въ глубинѣ человѣческой души и пробуждаются, порою, съ поразительною силой. Не гарантируетъ отъ такихъ пробужденій ни одно исповѣданіе, не создаетъ противъ нихъ непреодолимаго оплота ни ростъ вѣротерпимости, ни общее смягченіе нравовъ. Они возможны въ самыхъ культурныхъ странахъ, хотя, конечно, степень ихъ вѣроятности и интенсивности обратно пропорціональна степени культуры. Если они не вызываются и не поощряются извнѣ, они относятся всецѣло къ области личной психологіи или, лучше сказать, психопатологіи; объясненія имъ можно искать только въ личныхъ свойствахъ изувѣра, въ болѣзненныхъ особенностяхъ его природы. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на „ковенское дѣло“, надѣлавшее много шуму въ 1898 г. — дѣло ксендза Бѣлякевича, обвиняемаго въ истязаніи нѣсколькихъ женщинъ. Какъ ни возмутительны приписываемыя ему дѣйствія, [1]) къ обобщеніямъ, неблагопріятнымъ для всей католической церкви въ Россіи или хотя бы для католическаго духовенства ковенской епархіи, они не даютъ никакого повода. Къ насилію, пыткамъ, лишенію свободы католическое духовенство, какъ сословіе, не прибѣгаетъ въ настоящее время даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно пользуется господствующимъ или вліятельнымъ положеніемъ; можно ли предположить, что оно дозволяетъ или допускаетъ ихъ тамъ, гдѣ къ нему относятся недовѣрчиво и подозрительно, гдѣ представители власти всѣ принадлежатъ къ другой церкви, гдѣ въ средѣ общества и печати довольно широко распространено нерасположеніе къ ксендзамъ и къ костелу? Можно ли предположить, что католическій епископъ или хотя бы настоятель костела смотрѣлъ сквозь пальцы на злодѣянія, прямо подходящія подъ дѣйствіе

[1]) Наша статья была написана еще до обвинительнаго приговора, состоявшагося надъ Бѣлякевичемъ..

уголовнаго закона и грозящія скандальнымъ процессомъ? Одно изъ двухъ: или истязаніе „грѣшниковъ“ входитъ въ кругъ дисциплинарныхъ мѣропріятій, рекомендуемыхъ или терпимыхъ католическою церковью—но въ такомъ случаѣ злоупотребленія этого рода давно сдѣлались бы извѣстными правительству и публикѣ; или оно противно обычаямъ и правиламъ этой церкви— и въ такомъ случаѣ отвѣтственность за него всецѣло падаетъ на фанатика, дѣйствовавшаго по собственному побужденію, безъ вѣдома своего начальства. Таковы указанія простого здраваго смысла—но само собою разумѣется, что они необязательны для реакціонной и ультранаціоналистической печати Она признаетъ, во-первыхъ, доказаннымъ, что побудительной причиной преступныхъ дѣйствій Бѣлякевича было „служеніе призраку Польши, культивированіе въ народѣ ненависти къ Россіи“. Между тѣмъ, мотивы преступленія всего меньше поддаются опредѣленію на основаніи догадокъ. По мнѣнію епископа Паллюліона [1]), Бѣлякевичъ систематически и страстно преслѣдовалъ незаконныя сожительства, все равно, съ православными или съ католиками. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ, повидимому, и прокуроръ ковенскаго окружного суда, не нашедшій въ дѣлѣ Бѣлякевича „ничего политическаго, никакихъ особенныхъ мотивовъ“... Несомнѣнна, далѣе, въ глазахъ усердствующей печати виновность іерархическихъ начальниковъ Бѣлякевича—виновность или прямая, если они знали о его преступныхъ дѣйствіяхъ, или косвенная, если они о нихъ не знали. „Если епископъ“—говорятъ „Московскія Вѣдомости“—„не зналъ о подвигахъ Бѣлякевича, то, значитъ, Бѣлякевичъ, свободный отъ всякаго контроля государственной власти, въ дѣйствительности остается столь же свободнымъ и отъ контроля своего епископа“. То же самое разсужденіе повторяется и по отношенію къ папѣ, при чемъ рѣчь идетъ уже не объ одномъ ксендзѣ Бѣлякевичѣ, а о *ксендзахъ* во множественномъ числѣ, какъ будто бы истязаніе ксендзами своихъ прихожанъ представлялось чѣмъ-то общепринятымъ и заурядннымъ. Что такое, однако, контроль епископа надъ священниками

[1]) См. корреспонденцію изъ Ковно въ № 8115 «Новаго Времени»,

и, тѣмъ болѣе, контроль папы надъ епископами? Очевидно—не что иное, какъ наблюденіе за исполненіемъ обязанностей, проистекающихъ изъ священнаго сана. Если священникъ проповѣдуетъ съ каѳедры ученіе, несогласное съ догматами церкви, если онъ нарушаетъ установленные ею обряды, если онъ открыто, не какъ частное лицо, а какъ служитель вѣры вторгается въ чуждую ей политическую область, если частная его жизнь служитъ предметомъ соблазна для вѣрующихъ,—это не можетъ и не должно оставаться, à la longue, неизвѣстнымъ его начальству; оно имѣетъ множество средствъ раскрыть истину и, раскрывъ ее, обязано принять соотвѣтствующія мѣры, подъ опасеніемъ упрека въ „слабомъ смотрѣніи“ или въ бездѣйствіи власти. Совсѣмъ иное дѣло—проступки, совершаемые въ тайнѣ и одинаково противные какъ гражданскимъ, такъ и церковнымъ законамъ. Обнаруживать ихъ и возбуждать противъ виновнаго уголовное преслѣдованіе — задача свѣтской власти; духовное начальство отвѣтственно въ подобныхъ случаяхъ только тогда, когда оно, зная о преступленіи или рядѣ преступленій, ничего не предпринимало для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Совершенно нелѣпо восклицать, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“: „и мы принуждены признавать самостоятельность Бѣлякевича, его свободу дѣйствій во имя самостоятельности (католической) церкви“! Нисколько не принуждены, какъ это и показало самое арестованіе Бѣлякевича и привлеченіе его къ слѣдствію. Уваженіе къ самостоятельности иновѣрной церкви требуетъ только одного—примѣненія къ ея служителямъ общаго юридическаго начала: quilibet praesumitur bonus, donec probetur contrarium... Нельзя заподозривать *настроеніе* ксендза только потому, что онъ—ксендзъ; здѣсь, какъ и всегда, нужно, по извѣстному Щедринскому выраженію, „ожидать поступковъ“. Когда „поступки“, запрещенные закономъ, совершены и раскрыты, они должны повлечь за собою надлежащую кару; но даромъ предвидѣнія не обладаетъ никто, и принятіе мѣръ противъ *будущаго* преступника не входитъ въ кругъ обязанностей ни церковной, ни гражданской власти.

Если вѣрить корреспонденту „Новаго Времени“, мѣстные представители суда и управленія отнеслись къ дѣлу Бѣлякевича далеко не одинаково. Прокуроръ ковенскаго окружнаго суда заявилъ корреспонденту, что обобщать дѣло Бѣлякевича, сваливать его вину на другихъ—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, и что противъ ковенскихъ ксендзовъ *вообще* онъ, прокуроръ, ничего не имѣетъ. Должностныя лица административнаго вѣдомства (какія именно—этого изъ корреспонденціи не видно) держатся другого мнѣнія: они объясняютъ дѣйствія Бѣлякевича не только религіознымъ фанатизмомъ, но и ненавистью къ русскимъ, общею ему съ другими ксендзами и выражающеюся, между прочимъ, въ требованіи отъ прихожанъ знанія молитвъ не на родномъ ихъ языкѣ (жмудскомъ или литовскомъ), а непремѣнно на польскомъ. Интересы католицизма въ Ковенской губерніи, имѣющей, при 32 православныхъ церквахъ, 900 католическихъ костеловъ [1]), ограждены, по мнѣнію этихъ лицъ, совершенно достаточно, и если ксендзы все-таки занимаютъ боевыя позиціи и прибѣгаютъ къ террору, то поступаютъ они такимъ образомъ въ интересахъ польской „ойчизны“. „Католики и поляки“—говорилъ корреспонденту „одинъ изъ самыхъ видныхъ и опытныхъ администраторовъ края“—„между собою солидарны, евреи между собою солидарны, русскіе—нѣтъ. Когда судъ освободилъ Бѣлякевича подъ залогъ въ пять тысячъ рублей [2]), эти 5 тысячъ были тотчасъ же собраны среди мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ и присяжныхъ повѣренныхъ; мы же никакъ не можемъ между собой столковаться“. Признаемся откровенно: въ нашихъ глазахъ болѣе чѣмъ сомнительна или точность передачи словъ, сказанныхъ корреспонденту, или компетентность его собесѣдниковъ. Что общаго между вопросомъ о языкѣ, на которомъ должны быть читаемы молитвы, и вопросомъ о мотивахъ преступленія, въ которомъ обвиняется Бѣлякевичъ? Допустимъ, что мно-

[1]) Эти цифры вполнѣ соотвѣтствуютъ числу православныхъ и католиковъ въ Ковенской губерніи, какъ оно опредѣляется самимъ корреспондентомъ (47.160 и 1.239.330).

[2]) Нѣсколько времени спустя Бѣлякевичъ былъ вновь заключенъ подъ стражу.

гіе изъ числа ксендзовъ—не только поляки по происхожденію, но и польскіе патріоты по настроенію; слѣдуетъ ли отсюда, что они способны истязать женщинъ за близкія отношенія къ православнымъ или становиться сообщниками истязаній, зная о нихъ и ничего не дѣлая для ихъ прекращенія? Какимъ образомъ, съ другой стороны, можно ожидать отъ русскихъ, да еще, вдобавокъ, отъ русскихъ должностныхъ лицъ, такой же солидарности, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ средѣ поляковъ или евреевъ? Между людьми, подвергающимися однимъ и тѣмъ же ограниченіямъ, стѣсненіямъ или преслѣдованіямъ, естественно образуется внутренняя связь, проявляющаяся съ особенною силой, когда нужно отстоять, поддержать, защитить одного изъ нихъ. При извѣстныхъ условіяхъ это явленіе повторяется вездѣ и всегда, какія бы ни принимались противъ него принудительныя мѣры; съ улучшеніемъ условій оно исчезаетъ само собою. Понятно, что ничего подобнаго не бываетъ въ тѣхъ сферахъ, откуда исходятъ ограниченія и стѣсненія: здѣсь нѣтъ мѣста для развитія чувствъ, вызываемыхъ общимъ гнетомъ. Еще меньше можетъ идти рѣчь о солидарности, въ этомъ смыслѣ, между представителями различныхъ отраслей управленія. Каждое должностное лицо обязано дѣйствовать на основаніи закона, примѣняя его по своему крайнему разумѣнію, независимо отъ національности и вѣроисповѣданія тѣхъ лицъ, съ которыми оно имѣетъ дѣло. Если прокуроръ не видитъ въ дѣлѣ Бѣлякевича ничего другого, кромѣ единичной вспышки религіознаго фанатизма, а представитель администраціи—напр. полиціймейстеръ или чиновникъ особыхъ порученій—считаетъ его продуктомъ сословно-національныхъ тенденцій, то это не можетъ не отозваться на ихъ образѣ дѣйствій, и попытка установить между ними искусственное согласіе была бы равносильна требованію, чтобы одинъ изъ нихъ поступилъ вопреки своему убѣжденію... Едва ли, наконецъ, можно утверждать, что интересы католической религіи въ Ковенской губерніи „ограждены совершенно достаточно“; краснорѣчивымъ доказательствомъ противнаго служитъ всѣмъ памятное еще „крожское дѣло“.

Газеты, поспѣшившія обратить процессъ Бѣлякевича въ ору-

діе своихъ специфическихъ стремленій, съ особеннымъ усердіемъ выводятъ изъ него заключеніе о необходимости преобразованія католическихъ духовныхъ семинарій. „Московскія Вѣдомости“ ставятъ этотъ вопросъ прямо; корреспондентъ „Новаго Времени“ подходитъ къ нему окольнымъ путемъ, напоминая, что изъ той же ковенской духовной семинаріи, въ которой воспитывался Бѣлякевичъ, вышелъ и шавельскій ксендзъ Рымейко (привлеченный къ административной отвѣтственности по поводу его образа дѣйствій при введеніи въ западномъ краѣ новаго порядка чтенія молитвъ иновѣрными воспитанниками учебныхъ заведеній). Весьма возможно, что въ положеніи католическихъ духовно-учебныхъ заведеній есть тѣ или другія аномаліи; но реформа, предпринятая подъ давленіемъ предвзятой, враждебной мысли, едва ли привела бы къ желанной цѣли. Объ учебномъ заведеніи нельзя судить по нѣсколькимъ отдѣльнымъ его ученикамъ—нельзя уже потому, что, кромѣ воспитанія, есть множество другихъ вліяній, обусловливающихъ развитіе юноши и въ стѣнахъ, и, тѣмъ болѣе, за стѣнами школы. Въ особенности рискованно возлагать на учебное заведеніе хотя бы небольшую долю отвѣтственности за такіе исключительные факты, какъ приписываемые Бѣлякевичу—факты, заставляющіе предполагать въ ихъ виновникѣ глубокую извращенность психическаго строя. О степени легкомыслія газетныхъ обличеній можно судить уже по сопоставленію именъ Бѣлякевича и Рымейко: Бѣлякевича, нарушившаго—если основательны взводимыя на него обвиненія—самыя элементарныя требованія гуманности и нравственности, и Рымейко, обнаружившаго только недостатокъ сдержанности и такта... „Увлеченія“ обличителей идутъ, впрочемъ, еще дальше: одинъ изъ нихъ прямо требуетъ отчета о причинахъ снисхожденія, оказываемаго уже немало пострадавшему ксендзу Рымейко. „Я слышалъ“—съ такимъ замѣчаніемъ обратился корреспондентъ „Новаго Времени“ къ епископу Паллюліону,—„что Рымейко, послѣ своего заточенія въ монастырѣ, не имѣлъ права занимать мѣсто въ ковенской епархіи, въ особенности же въ Шавляхъ“.—„Но куда же мнѣ было его дѣть!“—воскликнулъ, въ

отвѣтъ на это, епископъ. „Я представилъ его на филію, генералъ-губернаторъ мнѣ отказалъ; потомъ представилъ его въ викарные, и до сихъ поръ отвѣта не получилъ. Что же мнѣ съ нимъ дѣлать! Не умирать же ему съ голоду! Въ Шавляхъ у него осталось кое-какое хозяйство и книги, настоятель костела его кормитъ, ну, онъ и живетъ себѣ въ Шавляхъ. Мессу онъ служитъ, но въ процессіяхъ не участвуетъ и проповѣдей не говоритъ". При такихъ условіяхъ указаніе, въ газетной корреспонденціи, на неправильный образъ дѣйствій епископа по отношенію къ Рымейко должно быть названо по меньшей мѣрѣ невеликодушнымъ. Удостовѣряться въ точномъ исполненіи своихъ распоряженій администрація имѣетъ полную возможность и безъ содѣйствія печати...

Въ 1903 г., „Московскія Вѣдомости" напечатали діатрибу противъ религіозно-философскихъ собраній, происходившихъ, съ весны 1902 г., въ Петербургѣ, и противъ журнала („Новый Путь"), въ которомъ печатались протоколы этихъ собраній. Діатриба, какъ и слѣдовало ожидать, обратилась въ обвинительный актъ и закончилась призывомъ къ бдительности начальства. „Явились лукавые ревнители, которые желали бы совершенно устранить церковную власть. Правда, объ этой цѣли они пока благоразумно молчатъ... Нашлись отдѣльные представители церкви, которые сами поспѣшили, ради дешевой популярности, примкнуть къ интеллигентамъ, чтобы утвердить ихъ въ убѣжденіи, будто можно быть христіанами, не соблюдая правилъ и обрядовъ православной церкви и даже совершенно ее игнорируя. И вотъ, у насъ началась открытая проповѣдь безцерковнаго и даже антицерковнаго христіанства въ публичныхъ чтеніяхъ, газетныхъ статьяхъ и даже въ спеціальномъ, для сего созданномъ, *противоцерковномъ* журналѣ. *Безпрепятственность этой пропаганды вводила многихъ вѣрующихъ въ соблазнъ*, а многихъ и въ смущеніе"... Препятствія, преграды, запрещенія—вотъ, слѣдовательно, конечная цѣль „сообщенія", по-

явившагося на страницахъ московской газеты. Не о возраженіяхъ она думаетъ, не о борьбѣ равнымъ оружіемъ, а о вмѣшательствѣ, устраняющемъ возможность борьбы. Собранія не были публичны, для участія въ нихъ необходимо было особое разрѣшеніе; но публичность, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", является обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину — и онѣ приписываютъ ее религіозно-философскимъ собраніямъ. Правда, протоколы собраній печатались, въ послѣднее время, въ „Новомъ Пути", становясь, такимъ образомъ, достояніемъ гласности; но не слѣдуетъ забывать, что „Новый Путь" — журналъ подцензурный, а нѣкоторыя его страницы, судя по сдѣланныхъ къ нимъ дополненіямъ (Supplementa), просматриваются какъ свѣтскою, такъ и духовною цензурою. Недостаточными подобныя гарантіи могутъ казаться только тѣмъ, чей идеалъ — внѣшнее единомысліе, обезпечиваемое вынужденнымъ молчаніемъ.

Присмотримся поближе къ пріемамъ наблюденія и обличенія, пускаемымъ въ ходъ „Московскими Вѣдомостями". Первый изъ нихъ — это „чтеніе въ мысляхъ". Устроителямъ религіозно-философскихъ собраній приписывается цѣль, о которой они „пока благоразумно молчатъ" и которую, слѣдовательно, нельзя вывести изъ дѣйствительно сказаннаго ими. Эта цѣль — „совершенное устраненіе церковной власти", т.-е. нѣчто идущее даже гораздо дальше протестантизма, пропаганду котораго, запрещенную уголовнымъ закономъ (Улож. о наказ. ст. 189), московскіе инквизиторы усматриваютъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ у Чернышева моста. Что ничего подобнаго въ нихъ не было и не могло быть — достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ самый составъ собраній. „Устранителямъ церковной власти" конечно не могла бы придти въ голову мысль о совмѣстной дѣятельности съ носителями священническаго и, тѣмъ болѣе, епископскаго сана — не могла бы придти уже потому, что именно отъ послѣднихъ слѣдовало ожидать немедленнаго, энергичнаго отпора антицерковнымъ теченіямъ. Если такого отпора не было дано въ теченіе цѣлаго года, то, очевидно, у православнаго духовенства и у иниціаторовъ собраній оказалась общая почва, на

которой возможна общая работа. Очень хорошо сознавая значеніе того факта, что въ собраніяхъ, открытыхъ съ вѣдома и согласія епархіальнаго начальства, непрерывно принимали участіе представители церковной іерархіи, московская газета прибѣгаетъ къ своему любимому средству: заподозриванію мотивовъ. Исканіе „дешевой популярности“ — вотъ что заставило церковныхъ дѣятелей „примкнуть къ интеллигентамъ“, чтобы „утвердить“ ихъ въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ церкви! И здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ „чтеніемъ въ сердцахъ“, къ которому присоединяется явное искаженіе фактовъ. Между церковными и свѣтскими членами религіозно-философскихъ собраній нерѣдко обнаруживались разногласія: первые вовсе не „примыкали“ къ послѣднимъ (которые, впрочемъ, также во многомъ расходились между собою) и чаще старались поколебать, чѣмъ „утвердить“ взгляды, въ чемъ-либо расходившіеся съ церковными. Что можетъ быть, притомъ, презрѣннѣе стремленія все объяснять личными, мелкими соображеніями? Гдѣ основанія предполагать, что духовные члены религіозно-философскихъ собраній искали „дешевой популярности“? Не лавры, а скорѣе тернія видѣлись передъ ними; имъ предстоялъ не тріумфальный путь, а узкая дорога между разнородными преградами. Гораздо ближе къ истинѣ подходитъ г. Розановъ, объясняя вступленіе ихъ въ собраніе „благостью“, добрымъ желаніемъ помочь ищущимъ правды. Мы очень далеки отъ согласія съ писателями, взявшими на себя починъ религіозно-философскихъ собраній; мы готовы допустить, что не все сказанное ими въ этихъ собраніяхъ заслуживаетъ сочувствія, какъ не заслуживаетъ его многое въ ихъ статьяхъ и книгахъ; но мы рѣшительно отказываемся понять, какимъ образомъ сколько-нибудь уважающій себя органъ печати можетъ предпочесть честному спору мало-похвальный призывъ къ воздѣйствію власти. Доступные для всѣхъ, благодаря воспроизведенію ихъ въ „Новомъ Пути“, дебаты религіозно-философскихъ собраній могли сдѣлаться предметомъ всесторонней, свободной полемики. Только она могла отдѣлить цѣнное отъ незначительнаго, зерно отъ мякины, и подвести итоги работѣ, во всякомъ случаѣ не излишней. Вопросы,

обсуждавшіеся въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, выдвинуты самою жизнью; они не перестанутъ занимать умы и волновать сердца, какія бы препятствія ни встрѣчало ихъ обсужденіе. А между тѣмъ, остріе навѣтовъ, сочиняемыхъ на Страстномъ бульварѣ, направлено не только противъ религіозно-философскихъ собраній, но и противъ солидарнаго съ ними журнала. На берегахъ Невы къ этимъ навѣтамъ спѣшитъ присоединиться „Гражданинъ“, рабски подражая не только содержанію ихъ, но и формѣ. „Какіе-то *новопутейцы*“—читаемъ мы въ „Рѣчахъ консерватора“ (№ 31)—„устраиваютъ шекхендзы интеллигентовъ-атеистовъ съ православною церковью. Въ этомъ обществѣ новопутейцевъ засѣдаютъ пастыри церкви, въ угоду интеллигентамъ *поносящіе и продающіе* свою церковь“. Дальше этого не можетъ идти ни пренебреженіе къ правдѣ, ни безцеремонность выраженій...

Въ самый разгаръ войны съ Японіей, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась статья, озаглавленная: „Нѣчто объ австрійскомъ согласіи въ расколѣ“ и подписанная г. Н. Субботинымъ. Ея цѣль—уличить „раскольническую интеллигенцію“ въ отсутствіи патріотизма; одно изъ средствъ для достиженія цѣли—ссылка на усилія „именуемыхъ епископовъ и священниковъ“ австрійскаго согласія добиться освобожденія отъ воинской повинности. „Всѣ эти лица“—говоритъ г. Субботинъ—„извѣстны правительству какъ принадлежащіе къ тому или другому гражданскому обществу, т. е. какъ крестьяне, мѣщане, цеховые, купцы, и, слѣдовательно, наряду со всѣми сословіями подлежатъ отбыванію воинской повинности, а въ настоящее время очень значительное ихъ число призывается на дѣйствительную службу“. Одинъ изъ нихъ—крестьянинъ Иванъ Усовъ, называющій себя Иннокентіемъ, епископомъ нижегородскимъ,—ходатайствовалъ, „черезъ одну очень высокую особу“, объ увольненіи его, какъ епископа, отъ призыва на военную службу. Въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства за нимъ, по словамъ г. Субботина, должны были послѣдовать ана-

логичныя ходатайства другихъ раскольническихъ поповъ,—по „дерзкая просьба“ была отклонена. „Важно“—восклицаетъ г. Субботинъ—„важно, разумѣется, не то, что чрезъ исполненіе раскольническихъ ходатайствъ стало бы въ нашемъ доблестномъ воинствѣ меньше сотней, даже нѣсколькими сотнями солдатъ, которые, притомъ, были бы по всей вѣроятности плохими солдатами; для насъ важно именно то, какъ наши хвалящіеся патріотизмомъ старообрядцы австрійскаго согласія, въ годину кровавой борьбы отечества съ дерзкимъ и коварнымъ врагомъ, хлопочутъ о нарушеніи для нихъ даже обязательнаго для всѣхъ подлежащихъ ему закона объ отбываніи воинской повинности“. Удивительна, по истинѣ, узкость взгляда, выразившагося въ этихъ словахъ! Что отказъ въ ходатайствѣ Усова вытекалъ логически изъ взгляда, котораго до сихъ поръ держалась правительственная власть по отношенію къ раскольническому духовенству—этого мы не отрицаемъ; но самое ходатайство, съ психологической точки зрѣнія, совершенно понятно и основаніемъ для упрека въ отсутствіи патріотизма служить отнюдь не можетъ. Какъ бы ни смотрѣли оффиціально на „именуемыхъ епископовъ и священниковъ“, они сами несомнѣнно считаютъ себя духовными лицами, съ званіемъ и призваніемъ которыхъ несовмѣстно ношеніе и употребленіе оружія. Исключенія возможны всегда и вездѣ: въ средѣ раскольническихъ „поповъ“ есть, быть можетъ, такіе, которые не вѣрятъ въ дѣйствительность своего посвященія—но нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній приписывать цѣлой средѣ неискренность и систематическое притворство. Стоитъ только припомнить эту простую истину, чтобы отнестись совершенно иначе къ образу дѣйствій Усова и его единовѣрцевъ и понять всю несправедливость взводимаго на нихъ обвиненія.

IX.

НОВОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ И РЕЛИГІОЗНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Особенная часть новаго уголовнаго уложенія, Высочайше утвержденнаго 22-го марта 1903 года (по еще не вступившаго въ силу), начинается главою о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій. Въ проектѣ, составленномъ редакціонною коммиссіею, эта глава была семнадцатою, сообразно съ общей системой, переходящей послѣдовательно отъ охраны государства къ охранѣ общества и общественныхъ союзовъ, а отъ нея—къ охранѣ частныхъ лицъ. Порядокъ этотъ, вслѣдствіе замѣчаній со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія, былъ измѣненъ въ окончательной редакціи проекта, внесенной на разсмотрѣніе государственнаго совѣта: преступленіямъ противъ вѣры возвращено мѣсто, занимаемое ими въ дѣйствующемъ уложеніи. Сравнительно мало измѣнено и самое содержаніе главы. Редакціонная коммиссія, какъ видно изъ объяснительной ея записки (т. IV), остается здѣсь, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, на почвѣ воззрѣній дѣйствующаго законодательства. Въ западноевропейскихъ государствахъ понятіе о посягательствахъ на Божество уступило мѣсто понятію о посягательствахъ на права религіозныхъ обществъ и ихъ членовъ — посягательствахъ, заключающихся либо въ стѣсненіи свободы богослуженія, либо въ непочтительномъ отношеніи къ тому, что̀ составляетъ для многихъ предметъ благоговѣйнаго уваженія. Отсюда и самый характеръ наказаній, въ Германіи и Франціи, напримѣръ, не идущихъ дальше тюремнаго заключенія. Редакціонная коммиссія заимствовала изъ дѣйствующаго

уложенія понятіе о богохуленіи и оскорбленіи святыни, наказуемость котораго, какъ и теперь, обусловливается цѣлью произвести соблазнъ, увеличивается совершеніемъ преступнаго дѣянія въ молитвенномъ зданіи или публично — и уменьшается опьяненіемъ, неразумѣемъ или невѣжествомъ преступника. За значительное смягченіе наказаній, грозящихъ виновному въ богохуленіи или оскорбленіи святыни, стоялъ только одинъ членъ коммиссіи (Н. С. Таганцевъ), находя, что сущность богохуленія состоитъ не въ посягательствѣ на самое Божество, а въ посягательствѣ на религію, какъ на одну изъ нравственныхъ основъ государственной жизни, и что притомъ посягательства эти, не разрушая тѣхъ благъ, на которыя они направлены, служатъ лишь доказательствомъ отсутствія должнаго къ нимъ уваженія, возбуждая чрезъ то неудовольствіе и соблазнъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Н. С. Таганцевъ признавалъ достаточнымъ назначить за наиболѣе тяжкіе виды богохуленія или оскорбленія святыни ссылку на поселеніе, за менѣе тяжкіе —заточеніе, а при обстоятельствахъ, особо уменьшающихъ вину— арестъ. Большинство коммиссіи высказалось за лѣстницу наказаній, близко подходящую къ осуществующей: срочная каторга—поселеніе —заточеніе на срокъ не свыше трехъ лѣтъ—тюрьма. Эта система усвоена и уложеніемъ, съ тою только разницей, что рядомъ съ заключеніемъ въ крѣпости (т.-е. заточеніемъ) поставленно заключеніе въ исправительномъ домѣ, а тюрьма замѣнена арестомъ.

Болѣе существенно измѣненіе, внесенное уложеніемъ въ постановленія о поношеніи установленій и обрядовъ христіанской церкви и о поруганіи или поношеніи предметовъ, употребленіемъ при христіанскомъ богослуженіи освященныхъ. Объединяя эти преступленія, а также непристойныя насмѣшки надъ священными предметами или предметами вѣрованій, подъ общимъ именемъ кощунства [1]), новое уложеніе караетъ ихъ тюрьмою (а въ случаѣ если они совершены по неразумію, невѣжеству или въ состояніи опья-

[1]) Въ дѣйствующемъ уложеніи кощунствомъ называются только насмѣшки, доказывающія явное неуваженіе съ христіанству. Н. С. Таганцевъ полагалъ, что кощунство (въ широкомъ смыслѣ слова) должно быть караемо не тюрьмою, а заточеніемъ.

ненія—арестомъ), между тѣмъ какъ въ настоящее время подобныя дѣянія могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, повлечь за собой ссылку на поселеніе или даже въ каторжную работу. Значительно смягчены также наказанія за нарушенія церковнаго благочинія, объединенныя въ новомъ уложеніи подъ именемъ безчинства (арестъ и только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ тюрьма, а по дѣйствующему уложенію—тюрьма на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ). Наказуемымъ, за то, новое уложеніе провозглашаетъ явное оскорбленіе одного изъ признанныхъ въ Россіи нехристіанскихъ исповѣданій (путемъ поношенія, поруганія или безчинства), если оно совершено въ молитвенномъ домѣ этого исповѣданія или при публичномъ отправленіи установленнаго имъ общественнаго религіознаго служенія (наказаніе—арестъ). Это нововведеніе вытекаетъ вполнѣ логически изъ основного закона, обезпечивающаго каждому иновѣрцу свободное отправленіе его вѣры по обычаю предковъ.

Въ составъ новаго уложенія не вошелъ цѣлый рядъ нынѣ дѣйствующихъ статей, предусматривающихъ отступленіе отъ православія и несоблюденіе правилъ православной церкви; но это объясняется исключительно тѣмъ, что всѣ подобныя статьи не установляли никакой свѣтской кары и лишь по недоразумѣнію были включены въ уголовное законодательство. Никакого шага впередъ, въ смыслѣ свободы выхода изъ господствующей церкви, уложеніе, слѣдовательно, собою не знаменуетъ. Запрещенною остается, по прежнему, пропаганда вѣроученій, несогласныхъ съ православіемъ. Въ подробностяхъ, однако, новое уложеніе существенно уклоняется отъ дѣйствующаго. По ст. 90-ой новаго уложенія, виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выставленія сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года или арестомъ. Это наказаніе представляется болѣе мягкимъ въ сравненіи какъ

съ дѣйствующимъ законодательствомъ (ст. 189 и 196: тюремное заключеніе на срокъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ), такъ и съ проектомъ редакціонной коммисіи (заточеніе на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; за ограниченіе этого срока однимъ годомъ стояли только два члена коммиссіи, Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій). На одинъ уровень съ пропагандой редакціонная коммиссія ставила совершеніе раскольникомъ или сектантомъ духовной требы для лица завѣдомо православнаго; уложеніе (ст. 91) отнеслось къ этому дѣянію болѣе снисходительно, назначая за него только арестъ. Смягчена, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ и съ проектомъ, и отвѣтственность духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе духовныхъ требъ для православныхъ и за преподаваніе имъ (во время ихъ несовершеннолѣтія) катихизиса своего вѣроисповѣданія: арестъ замѣненъ денежной пеней и сокращены сроки удаленія отъ должности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это добавочное наказаніе назначено только за повтореніе проступка (ст. 93 и 94).

Особаго вниманія заслуживаютъ тѣ статьи новаго уложенія, которыя касаются совращенія христіанъ въ нехристіанскую вѣру и православныхъ въ иное христіанское исповѣданіе, расколоученіе или секту. Дѣйствующее уложеніе говоритъ: 1) объ *отвлеченіи* христіанина, черезъ подговоры, обольщенія или иными средствами, въ нехристіанскую вѣру (ст. 184: каторжная работа); 2) о *совращеніи* изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (ст. 187: исправительное арестантское отдѣленіе), и 3) о *распространеніи* ересей и расколовъ (ст. 190: поселеніе). Для одного и того же понятія употреблены, такимъ образомъ, три различныя выраженія, изъ которыхъ два послѣднія совершенно неопредѣленны, а попытка точнѣе опредѣлить первое парализована словами: *или иными средствами*. Новому уложенію предстояло, въ данномъ случаѣ, не только объединить терминологію, но и установить условія преступности. Редакціонная коммиссія остановилась на терминѣ: *совращеніе*, но не дала ему строго опредѣленнаго содержанія; изъ средствъ совращенія она указала только насиліе

и наказуемую угрозу, какъ обстоятельства, увеличивающія вину и наказаніе. Въ такомъ видѣ проектъ уложенія былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ окончательной редакціи статей о совращеніи (82 — 84) произведена существенно важная перемѣна. Совращеніе признается наказуемымъ лишь тогда, когда оно учинено посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ, обмана, насилія надъ личностью или наказуемой угрозы (два послѣдніе способа совращенія влекутъ за собою обостреніе уголовной кары). Преимущества такой редакціи очевидны. Еслибы въ законѣ шла рѣчь о совращеніи вообще, безъ дальнѣйшихъ поясненій, подъ это понятіе могло бы быть подведено всякое воздѣйствіе одного лица на другое, хотя бы оно выразилось только въ чтеніи, въ бесѣдѣ или даже просто въ нравственномъ вліяніи, едва уловимомъ. Достаточно было бы, напримѣръ, сопоставить два факта: частыя бесѣды убѣжденнаго раскольника съ православнымъ и совершившійся затѣмъ переходъ послѣдняго въ расколъ,—чтобы предположить между ними причинную связь и признать наличность совращенія. При дѣйствіи новаго уложенія это перестаетъ быть возможнымъ; для обвиненія въ совращеніи необходимо будетъ установить употребленіе совратителемъ одного изъ средствъ, предусмотрѣнныхъ закономъ—средствъ, предосудительныхъ по самому своему существу, независимо отъ преслѣдуемой ими цѣли. Точнѣе опредѣляя совращеніе, новое уложеніе смягчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственность совратителей, за исключеніемъ только совращенія въ расколъ или сектантство: въ послѣднемъ случаѣ, къ сожалѣнію, наказаніемъ остается ссылка на поселеніе (а при насиліи или угрозѣ — каторга). Совращеніе въ нехристіанскую вѣру, теперь влекущее за собою каторжную работу, по новому уложенію наказывается (при отсутствіи насилія и угрозы) заключеніемъ въ крѣпости или въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; совращеніе въ другое христіанское исповѣданіе, теперь караемое отдачей въ исправительное арестантекое отдѣленіе, по новому уложенію (при отсутствіи насилія и угрозы) влечетъ за собою заключеніе въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ

лѣтъ. Два члена редакціонной коммиссіи (Н. С. Таганцевъ и Н. Я. Фойницкій) предлагали ограничить наказаніе за совращеніе (ненасильственное) въ нехристіанскую вѣру заточеніемъ до трехъ лѣтъ, въ расколъ или ересь—заточеніемъ до одного года, а совращеніе (ненасильственное) въ другое христіанское исповѣданіе признать ненаказуемымъ. Они находили, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, вслѣдствіе чего самая наказуемость его можетъ возбуждать серьезныя сомнѣнія, а обложеніе его строгимъ наказаніемъ представляется несправедливымъ. Тяжкія кары скорѣе способствуютъ, чѣмъ противодѣйствуютъ развитію сектъ. При совращеніи непринудительномъ крайне трудно доказать, что данное лицо приняло какое-либо религіозное ученіе не по собственному убѣжденію, а по настоянію другого лица. При принудительномъ совращеніи ничто не мѣшаетъ отпадшему, по прекращеніи принужденія, возвратиться въ прежнюю вѣру. Всѣ эти глубоко вѣрныя соображенія рано или поздно должны привести къ новому пересмотру постановленій о совращеніи.

Наряду съ совращеніемъ въ новомъ уложеніи, какъ и въ нынѣ дѣйствующемъ, стоитъ нарушеніе лежащей на родителяхъ или опекунахъ обязанности религіознаго воспитанія своихъ или опекаемыхъ ими дѣтей (до достиженія четырнадцатилѣтняго возраста). Если надъ дѣтьми-христіанами совершены религіозные обряды нехристіанскаго исповѣданія, виновный подвергается заключенію въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ (по дѣйствующему уложенію—ссылка на поселеніе). Если дѣти подлежали воспитанію въ правилахъ православной вѣры, приведеніе ихъ къ таинствамъ другого христіанскаго исповѣданія наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года (по дѣйствующему уложенію—тюрьма на время отъ восьми до шестнадцати мѣсяцевъ). Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствующее уложеніе требуетъ отдачи дѣтей на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Въ новомъ уложеніи это правило не повторено, но отсюда еще не слѣдуетъ, что отобраніе дѣтей у родителей, составляющее

одну изъ самыхъ печальныхъ сторонъ нашей общественной жизни, навсегда отошло въ прошедшее: оно остается возможнымъ въ видѣ административной мѣры, принятіе которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо предусмотрѣно закономъ (т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. прест. изд. 1890 г. ст. 57). Перемѣну къ лучшему можно усмотрѣть только въ томъ, что новое уложеніе облагаетъ наказаніемъ конкретныя, сравнительно легко установляемыя дѣйствія (учиненіе обрядовъ, приведеніе къ таинствамъ), тогда какъ теперь въ законѣ говорится, между прочимъ, о *воспитаніи* по обрядамъ другого исповѣданія, т.-е. о чемъ-то гораздо менѣе опредѣленномъ и гораздо болѣе растяжимомъ.

Въ текстѣ новаго уложенія мы не находимъ одного правила, заключавшагося въ первоначальномъ проектѣ, но встрѣчаемъ за то два новыя постановленія —новыя какъ по отношенію къ дѣйствующему законодательству, такъ и по отношенію къ проекту уложенія. Исключена изъ проекта (согласно мнѣнію двухъ членовъ редакціонной коммиссіи, Н. А. Неклюдова и Н. С. Таганцева) статья, въ силу которой послѣдователь раскольученія, вслѣдствіе обращенія его въ православіе возвращенный изъ мѣста ссылки, но вновь отпадшій въ расколъ, долженъ былъ подлежать (какъ и по дѣйствующему уложенію) ссылкѣ на поселеніе. Признано, по всей вѣроятности, что отпаденіе отъ православія, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни произошло, уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ само по себѣ ни въ какомъ случаѣ почитаться не можетъ. Изъ новыхъ правилъ одно (ст. 92) предусматриваетъ публичное оказательство раскола, закономъ воспрещенное, другое (ст. 97) — самовольное присвоеніе сана священнослужителя христіанскаго исповѣданія и совершеніе, въ этомъ качествѣ, священнодѣйствія, которое можетъ быть совершаемо только священнослужителемъ. Признавая вообще крайне нежелательнымъ расширеніе сферы уголовно-наказуемыхъ религіозныхъ посягательствъ, мы не можемъ не замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ оно имѣетъ извѣстную raison d'être. Назначеніе за публичное оказательство раскола уголовной кары, сравнительно легкой (денежной пени не свыше трехсотъ рублей),

можетъ предупредить—если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти,—административныя взысканія, иногда гораздо болѣе чувствительныя. Что касается до самозванаго совершенія таинствъ, то оно и теперь не оставалось безъ преслѣдованія—и наказанія, налагаемыя за него по аналогіи, бывали, сколько намъ извѣстно, значительно строже того, которое опредѣлено новымъ уложеніемъ (тюрьма, а въ случаѣ совершенія крещенія или брака—исправительный домъ).

Нѣкоторыя изъ числа преступленій, признаваемыхъ теперь религіозными посягательствами, перенесены новымъ уложеніемъ въ другіе раздѣлы. Такъ называемое святотатство предусмотрѣно, подъ именемъ воровства принадлежащихъ церкви предметовъ, въ главѣ тридцать второй: „о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ“ (ст. 588). Наказаніе за это преступленіе остается, однако, чрезвычайно строгимъ, доходя, въ случаѣ похищенія изъ церкви или другого христіанскаго молитвеннаго зданія предметовъ священныхъ, до каторги (на срокъ не свыше восьми лѣтъ). Тяжкому, сравнительно, наказанію (заключенію въ исправительномъ домѣ) подвергается, на основаніи той же главы (ст. 582 пун. 1), и воровство изъ разрытой могилы (разрытіе могилы съ цѣлью похищенія умершаго или поруганія его дѣйствіемъ разсматривается новымъ уложеніемъ какъ посягательство религіозное и карается исправительнымъ домомъ или тюрьмою). Исключена изъ числа преступленій противъ вѣры лжеприсяга, признаваемая—въ главѣ седьмой уложенія: „о противодѣйствіи правосудію“ (ст. 158),—обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе за лжесвидѣтельство (вмѣсто тюрьмы—исправительный домъ). Нарушенія правилъ, относящихся къ раскольническимъ моленнымъ, предусмотрѣны въ главѣ восемнадцатой уложенія: „о нарушеніи постановленій о производствѣ строительныхъ работъ и о пользованіи путями сообщенія и средствами сношенія“. По ст. 380 виновный: 1) въ постройкѣ новаго раскольническаго молитвеннаго дома или въ обращеніи существующаго строенія въ такой молитвенный домъ, 2) въ перестройкѣ раскольническаго молитвеннаго дома съ измѣненіемъ общаго его наруж-

наго вида, 3) въ исправленіи или возобновленіи приходящаго въ ветхость раскольническаго молитвеннаго дома, если сіи дѣянія учинены безъ надлежащаго разрѣшенія, наказывается арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей. Если виновнымъ устроены раскольническій скитъ или иное сего рода обиталище, то онъ наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ. По ст. 381, сооруженный безъ надлежащаго разрѣшенія молитвенный домъ можетъ быть сохраненъ, если воспослѣдуетъ надлежащее на то разрѣшеніе (въ противномъ случаѣ, слѣдовательно, онъ подлежитъ уничтоженію).

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вѣротерпимость, по самому смыслу этого слова, предполагаетъ отсутствіе преслѣдованій за вѣру, отсутствіе ограниченій и стѣсненій, обусловливаемыхъ вѣроисповѣдными различіями. Она возможна и при существованіи господствующей церкви, лишь бы только лицамъ другихъ вѣроисповѣданій предоставлено было—говоря языкомъ нашихъ основныхъ законовъ—„свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной". Кого, однако, слѣдуетъ понимать подъ именемъ лицъ другихъ исповѣданій? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что этотъ вопросъ не допускаетъ двухъ различныхъ отвѣтовъ. Вѣра коренится въ глубинѣ души вѣрующаго: отъ него одного, слѣдовательно —разъ что онъ вышелъ изъ малолѣтства,—зависитъ признавать себя послѣдователемъ того или другого вѣроученія, членомъ той или другой церкви. Исповѣдать, искренно и непринужденно, можно лишь то, во что дѣйствительно вѣруешь; примыкать не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, можно лишь къ такому религіозному обществу, съ которымъ чувствуешь себя связаннымъ не названіемъ, не случайностью, не какими-либо внѣшними условіями, а требованіями ума или влеченіемъ сердца. Не таково, однако, оффиціальное разрѣшеніе поставленнаго нами вопроса. „Вѣроисповѣдная принадлежность православныхъ" — по словамъ одного изъ отчетовъ оберъ-

прокурора Св. Синода — „опредѣляется посредствомъ выписокъ изъ православныхъ метрическихъ книгъ о рожденіи, крещеніи или присоединеніи извѣстнаго лица къ православной церкви, *такъ какъ законъ россійскаго государства не признаетъ отпаденій отъ православія*“. Вслѣдствіе такого толкованія закона, милліоны людей *числятся* православными, не исповѣдуя или даже никогда не исповѣдывавъ православнаго ученія, не будучи или никогда не бывъ членами православной церкви. Таковы „упорствующіе“ (бывшіе уніаты) въ привислинскомъ краѣ; таковы остзейскіе эсты и латыши, возвратившіеся въ лютеранизмъ; таковы новокрещенцы изъ татаръ или осетинъ, вновь впадающіе въ магометанство; таковы сибирскіе инородцы, которыхъ притягиваетъ къ себѣ обратно буддизмъ. Противорѣчіе между формой и фактомъ влечетъ за собою не только рядъ стѣсненій, тягостныхъ для религіознаго чувства, но и ограниченіе гражданскихъ правъ, неопредѣленность юридическихъ отношеній. Иновѣрцы, именуемые православными, не хотятъ обращаться въ своихъ религіозныхъ нуждахъ къ православному духовенству, которое считаютъ для себя чужимъ — а искать помощи у духовныхъ лицъ исповѣданія имъ близкаго и дорогого они не въ правѣ. Представителямъ иновѣрнаго духовенства приходится выбирать между отказомъ въ просьбахъ, исполненіе которыхъ они признаютъ своимъ священнымъ долгомъ — и нарушеніемъ закона, грозящимъ уголовною отвѣтственностью и даже потерею духовнаго сана. Основываются новыя семьи, не освященныя бракомъ; дѣти остаются не крещеными и не могутъ, впослѣдствіи, доказать своего происхожденія; больные, умирающіе лишены религіознаго утѣшенія. Цѣлыя десятилѣтія продолжаются усилія покончить съ этой аномаліей — но она остается не устраненной, скорѣе увеличиваясь, чѣмъ уменьшаясь. Что говорилось по этому поводу, въ оффиціальныхъ отчетахъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, то повторяется, почти безъ измѣненій, и въ послѣднее время. Это наводитъ на мысль, что средства не соотвѣтствуютъ цѣли. Проповѣдь, бесѣды, распространеніе печатныхъ изданій и другіе мирные способы увѣщанія и убѣжденія не могутъ дѣйствовать

быстро; вліяніе ихъ парализуется, притомъ, одновременнымъ употребленіемъ понудительныхъ мѣръ, болѣе мягкихъ, сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, но по прежнему безсильныхъ и безплодныхъ.

Слишкомъ узкимъ, въ толкованіи, установленномъ многолѣтнею практикою, является у насъ не только кругъ лицъ, признаваемыхъ принадлежащими къ иновѣрнымъ и инославнымъ исповѣданіямъ, но и самое понятіе объ этихъ исповѣданіяхъ. Оно не обнимаетъ собою тѣхъ вѣроученій, которыя сложились на русской почвѣ, путемъ отдѣленія отъ православной церкви. По мѣрѣ расширенія предѣловъ русскаго государства, въ составъ населенія его вошли католики и протестанты, евреи, магометане и язычники. За ними, по необходимости, было сохранено право исповѣданія ихъ вѣры, право воздвигать богослужебныя зданія, право имѣть свое духовенство, признаваемое таковымъ государственною властью. Въ иномъ положеніи оказались отщепенцы отъ православія—сначала раскольники, потомъ и сектанты различныхъ наименованій. Церковь продолжала считать ихъ своими, отрицала ихъ право на самостоятельное существованіе—и вслѣдъ за церковью тотъ же взглядъ усвоило себѣ и государство. Расколъ и сектантство разсматривались и разсматриваются до сихъ поръ какъ явленія ненормальныя, временныя, подлежащія прекращенію. Для достиженія этой послѣдней цѣли сначала пускались въ ходъ самыя крайнія средства. Постепенно они смягчались, гоненія уступали мѣсто стѣсненіямъ, рядомъ съ стѣсненіями стали допускаться кое-какія льготы — но принципъ оставался и остается тотъ же самый: о равноправности между исповѣданіями, признанными государствомъ, и исповѣданіями, существующими какъ бы контрабандой, все еще нѣтъ и рѣчи. Католическіе и протестантскіе храмы, мечети, синагоги, кумирни воздвигаются открыто, нося на себѣ ясные признаки своего назначенія; молитвенныя зданія раскольниковъ и сектантовъ ничѣмъ не должны отличаться отъ частныхъ домовъ, да и самое ихъ устройство—и даже исправленіе—зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія гражданской власти. Проступкомъ, уголовно наказуемымъ, считается иногда простое молитвенное собраніе сектантовъ. Нехристіанскія

исповѣданія имѣютъ свои оффиціально разрѣшенныя школы (хедеры, мектебе, медрессе и т. п.); раскольническія школы составляютъ рѣдкое и случайное исключеніе. Раскольническаго и сектантскаго духовенства законъ не знаетъ; въ его глазахъ такъ называемые лжеепископы и лжепопы — самозванцы, юридическое положеніе которыхъ опредѣляется не званіемъ, а исключительно принадлежностью, по происхожденію, къ тому или другому сословію. Для евреевъ метрическія книги ведутся раввинами, для магометанъ — муллами; по отношенію къ раскольникамъ эта функція возложена на полицію. Цѣлой стѣной, такимъ образомъ, раскольники и сектанты отдѣлены отъ исповѣданій, понимаемыхъ теперь подъ именемъ „инославныхъ“ и „иновѣрныхъ“. Между тѣмъ, многіе виды раскола и сектантства имѣютъ отнюдь не менѣе правъ на признаніе государствомъ, чѣмъ только-что названныя исповѣданія. Они обладаютъ тою прочностью и крѣпостью, которыя даетъ продолжительное существованіе; они вплелись тысячами различныхъ нитей въ жизнь своихъ послѣдователей, удовлетворяя ихъ потребность въ цѣльной религіозной доктринѣ, въ молитвенномъ общеніи, въ утѣшеніяхъ вѣры. Часто повторяемыя раскольниками слова: „въ какой вѣрѣ мы родились, въ той и помереть должны“ чрезвычайно рельефно выражаютъ собою настроеніе, свойственное каждому установившемуся вѣроученію—настроеніе, устраняющее, для большинства его послѣдователей, всякую мысль о переходѣ въ другую вѣру. Не менѣе устойчивыми, хотя и по инымъ причинамъ, оказываются весьма часто и секты, сложившіяся недавно: здѣсь дѣйствуетъ неугасшій еще пылъ, присущій религіознымъ новообразованіямъ. И раскольники, и сектанты сознаютъ и чувствуютъ себя столь же далекими отъ православной церкви, какъ если-бы они сами или ихъ предки никогда не входили въ ея составъ. Являясь, по отношенію къ ней, иновѣрцами, они и должны быть разсматриваемы какъ иновѣрцы. Происхожденіе ученія, далеко не всегда извѣстное его сторонникамъ, не должно вліять на положеніе ихъ въ государствѣ. Фактъ отдѣленія раскола отъ православной церкви, совершившійся болѣе двухъ

столѣтій тому назадъ, столь же мало можетъ служить основаніемъ для ограниченія правъ раскольниковъ, какъ отдѣленіе протестантовъ отъ католичества, совершившееся столѣтіемъ раньше, оправдывало бы неравноправность лютеранъ или реформатовъ въ католическомъ государствѣ.

Итакъ, предоставленіе каждому опредѣлять свое вѣроученіе, свою принадлежность къ тому или другому религіозному обществу, и уравненіе исповѣданій, образовавшихся путемъ отдѣленія отъ православной церкви, съ издавна признанными инославными и иновѣрными исповѣданіями—вотъ два условія, безъ осуществленія которыхъ немыслима, у насъ въ Россіи, вѣротерпимость. Только тогда сдѣлается доступнымъ для каждаго „свободное отправленіе его вѣры"—не той вѣры, къ которой онъ „приписанъ", а той, которую онъ носитъ въ своемъ сердцѣ; только тогда станетъ возможнымъ дѣйствительно свободное отправленіе богослуженія, составляющее неугасимую потребность вѣрующихъ. Свободою богослуженія инославныя и иновѣрныя исповѣданія пользуются въ значительной, хотя и не всегда достаточной мѣрѣ (припомнимъ сказанное выше о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ католиками въ постройкѣ новыхъ храмовъ, въ устройствѣ религіозныхъ процессій и т. п.); имъ нужно въ особенности право считать своими всѣхъ тѣхъ, кто самъ признаетъ свою къ нимъ принадлежность. Отказъ отъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ такъ называемымъ упорствующимъ и отпадшимъ неминуемо долженъ повлечь за собою перемѣну къ лучшему въ взаимномъ настроеніи церквей—и, слѣдовательно, паденіе тѣхъ преградъ, которыя только раздражаютъ, но ничего, въ сущности, не предупреждаютъ. Въ иномъ положеніи находятся раскольники и сектанты: они лишены *обоихъ* краеугольныхъ камней, на которыхъ зиждется вѣротерпимость. И между ними многіе числятся православными, не имѣя ничего общаго съ православіемъ; но свобода богослуженія одинаково стѣснена какъ для послѣднихъ, такъ и для тѣхъ, которые оффиціально считаются раскольниками и не внесены въ списки православныхъ. Если законъ 19-го апрѣля 1874 года остается почти безъ

примѣненія, это зависитъ преимущественно отъ ограниченія его дѣйствія одними издавна состоящими въ расколѣ. Если законъ 3-го мая 1883 года, крайне недостаточный самъ по себѣ, слишкомъ часто является мертвой буквой, это объясняется тѣмъ, что расколъ не поставленъ на одинъ уровень съ православными и иновѣрными исповѣданіями.

Мы упомянули выше (стр. 137) о ходатайствѣ, съ которымъ приволжскіе старообрядцы, въ 1901 г., обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ. Теперь мы узнаемъ изъ газетъ о „милостивомъ“ отвѣтѣ на это ходатайство: просителямъ объявлено, что законъ 3-го мая никакому измѣненію подвергнутъ не будетъ. Предметомъ ходатайства была, однако, не формальная неприкосновенность закона, а болѣе правильное его примѣненіе. Если отвѣтъ именно таковъ, какимъ передаютъ его газеты, то „милостивымъ“ его признать никакъ нельзя. Многое изъ того, на что жаловались старообрядцы, совершалось не вопреки закону 3-го мая, а согласно если не съ его духомъ, то съ его буквальнымъ смысломъ. Допустимъ, что административная практика станетъ болѣе снисходительной, что отказъ въ открытіи моленной не будетъ разсматриваться какъ нѣчто естественное и нормальное [1]), что число неразрѣшенныхъ моленныхъ не будетъ превышать число разрѣшенныхъ въ двѣнадцать-четырнадцать разъ, какъ въ губерніяхъ Вятской и Нижегородской [2]); существенной перемѣны къ лучшему это въ положеніи раскольниковъ не произведетъ, потому что въ каждую данную минуту будетъ возможенъ поворотъ въ другую сторону, возвращеніе къ только-что оставленному образу дѣйствій. Раскольникамъ и сектантамъ нужно, въ богослужебной области, то, чего законъ 3-го мая не даетъ имъ вовсе: нужны точно опредѣленныя права, нужны гарантіи противъ административнаго усмотрѣнія. Необходимо установить условія, которымъ должно соотвѣтствовать молитвенное зданіе—и затѣмъ предоставить полную сво-

---

[1]) См. выше, стр. 105—6.

[2]) См. выше, стр. 130.

боду въ возведеніи, открытіи, перестройкѣ и передѣлкѣ этихъ зданій, съ сообщеніемъ о томъ, для свѣдѣнія, подлежащему начальству, но безъ испрашиванія предварительнаго разрѣшенія. Что касается до самой сущности условій, то всего проще и правильнѣе, конечно, было бы не дѣлать никакого различія между молитвенными зданіями раскольниковъ и молитвенными зданіями другихъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій; но если бы было признано нужнымъ сохранить, на время, дѣйствіе правила, по которому раскольническія моленныя не должны отличаться отъ обыкновенныхъ построекъ, не должны имѣть внѣшнихъ признаковъ своего назначенія, то, при обезпеченности *права* на молитвенное зданіе, шагъ впередъ былъ бы все-таки сдѣланъ очень большой. Припомнимъ, что дальше этого не шли, въ 1880 1881 г.г., пожеланія саратовскихъ и самарскихъ раскольниковъ.[1]) Само собою разумѣется, что *право* на молитвенное зданіе неразрывно связано съ правомъ на снабженіе его богослужебными принадлежностями и на отправленіе въ немъ богослуженія. Это послѣднее право предполагаетъ, въ свою очередь, свободное приглашеніе лицъ, уполномоченныхъ, по правиламъ даннаго вѣроученія, на совершеніе богослуженія, свободное проживаніе ихъ въ выбранномъ ими мѣстѣ, свободный ихъ переходъ изъ одного мѣста въ другое. Послѣ двухъ вѣковъ безплодной борьбы съ расколомъ пора, думается намъ, признать фактъ существованія раскольническаго духовенства, какъ признается существованіе ламъ, муллъ и раввиновъ, (не говоря уже о несравненно болѣе близкихъ къ раскольническимъ попамъ, въ силу общей принадлежности къ христіанству, ксендзахъ и пасторахъ). Все сказанное нами о раскольникахъ примѣнимо и къ сектантамъ (за исключеніемъ сектъ человѣконенавистническихъ и явно безнравственныхъ), на сколько они чувствуютъ потребность въ особыхъ молитвенныхъ зданіяхъ, въ особыхъ наставникахъ, старшинахъ и т. п. Меньше всего, конечно, подлежатъ стѣсненію простыя собранія для общей молитвы,

[1]) См. выше, стр. 69.

вызываемыя самымъ элементарнымъ религіознымъ чувствомъ. Правила 4-го іюля 1894 года, отмѣнившія по отношенію къ штундистамъ (внѣ общаго законодательнаго порядка) одно изъ самыхъ важныхъ постановленій закона 3-го мая, представляются безусловно несовмѣстимыми съ принципомъ вѣротерпимости, даже сведеннымъ къ минимальному его выраженію.

Признаніе за раскольниками и сектантами права возводить молитвенныя зданія и отправлять въ нихъ богослуженіе черезъ особо поставленныхъ для того лицъ было бы равносильно признанію за ними права образовать религіозныя общества. Всякое правильно организованное общество должно имѣть своихъ представителей, выбранныхъ въ установленномъ порядкѣ и облеченныхъ опредѣленными функціями. Къ числу такихъ функцій могло бы быть отнесено у раскольниковъ и сектантовъ веденіе метрическихъ книгъ, на тѣхъ же, приблизительно, основаніяхъ, на какихъ оно предоставлено представителямъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій. Что законъ 19-го апрѣля 1874 года, возложившій веденіе раскольническихъ метрическихъ книгъ на полицейскія учрежденія, не достигъ своей цѣли, что доказательство раскольниками своихъ правъ по происхожденію и имуществу остается по прежнему до крайности затруднительнымъ—это подтверждено еще разъ недавнимъ ходатайствомъ старообрядцевъ [1]), удостовѣряющимъ, что милліоны изъ числа ихъ единовѣрцевъ остаются не записанными въ метрическія книги. Само собою разумѣется, что правильная регистрація раскольниковъ сдѣлается возможной только тогда, когда дѣйствіе ея будетъ распространено на всѣхъ считающихъ себя принадлежащими къ расколу, а не только на оффиціально признаваемыхъ раскольниками. Не лишена значенія была бы, дальше, замѣна въ оффиціальной терминологіи, названія: *раскольники*, другими выраженіями, соотвѣтствующими, по возможности, тому, какъ именуютъ себя сами послѣдователи различныхъ расколученій.

Съ признаніемъ за раскольниками и сектантами права обра-

[1]) См. «Новое Время» № 10260, отъ 23-го сентября 1904 года.

зовывать религіозныя общества разрѣшился бы самъ собою вопросъ о коллективной ихъ собственности, объ основываемыхъ ими общественныхъ учрежденіяхъ—богадѣльняхъ, пріютахъ, больницахъ и т. п. Въ настоящее время, какъ видно изъ вышеупомянутаго ходатайства старообрядцевъ, условія владѣнія общественною собственностью въ ихъ средѣ крайне ненормальны: фактически собственность принадлежитъ обществу, но записывается, по необходимости, на имя частныхъ лицъ, что вызываетъ злоупотребленія и процессы [1]). Ни о чемъ подобномъ не могло бы быть и рѣчи, еслибы раскольническому обществу въ каждой данной мѣстности были предоставлены права юридическаго лица. Къ числу общественныхъ учрежденій, открываемыхъ такими обществами, могли бы быть отнесены и раскольническія школы, устройство которыхъ встрѣчаетъ въ настоящее время большія затрудненія. „Разрѣшите намъ — сказано въ ходатайствѣ старообрядцевъ,—открывать школы по общей программѣ министерскихъ училищъ, но съ добавленіемъ преподаванія церковнославянскаго чтенія нашими преподавателями, по книгамъ единовѣрческой печати, и крюковаго церковнаго пѣнія“. Не менѣе важно другое ходатайство, удовлетвореніе котораго больше всякихъ принудительныхъ мѣръ способствовало бы уменьшенію обособленности раскольниковъ. „Дозвольте—говорятъ старообрядцы, — въ существующихъ школахъ ученикамъ старообрядцамъ слушать уроки Закона Божія по единовѣрческимъ книгамъ, дозволеннымъ правительствомъ, отъ старообрядческихъ преподавателей, гдѣ таковые найдутся; тамъ же, гдѣ они не найдутся, освободить старообрядческое юношество отъ слушанія тѣхъ уроковъ по закону Божію, которые касаются церковнаго раскола и нашихъ разностей въ вѣрѣ, молитвахъ и обрядахъ“.

---

[1]) Яркимъ примѣромъ неудобствъ, вытекающихъ изъ такого положенія вещей можетъ служить споръ, возникшій между кавказскими духоборцами и наслѣдниками Лукерьи Васильевой и сдѣлавшійся исходной точкой крайне прискорбныхъ событій (см. выше, стр. 186 и слѣд.). При существованіи правильно организованныхъ раскольническихъ обществъ не могло бы возникнуть и мысли объ измѣненіи характера учрежденій, существующихъ въ Москвѣ на кладбищахъ рогожскомъ и преображенскомъ (см. выше, стр. 123—41).

Чтобы покончить съ ходатайствомъ старообрядцевъ, приведемъ еще два его пункта, основательность которыхъ не требуетъ доказательствъ. „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наши священнослужители не допускаются въ больницы для духовнаго назиданія и напутствія умирающихъ старообрядцевъ. Между тѣмъ законъ 3 мая 1883 г. допускаетъ существованіе у насъ наставниковъ для исполненія духовныхъ требъ. Просимъ о допущеніи священнослужителей для отправленія духовныхъ требъ... Несмотря на нашу безсавѣтную преданность своему Монарху и отечеству, насъ, старообрядцевъ, не допускаютъ на нѣкоторыя государственныя и общественныя должности, въ военной службѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ не производятъ даже въ унтеръ-офицеры, а въ военно-учебныя заведенія не принимаютъ вовсе. Почтительнѣйше просимъ разрѣшить намъ доступъ на государственныя и общественныя должности“.

Между преслѣдованіями, первоисточникомъ которыхъ служатъ вѣрованія преслѣдуемаго лица, слѣдуетъ различать основанныя на законѣ, такъ или иначе понимаемомъ, и направляемыя къ судебному разсмотрѣнію, отъ возбуждаемыхъ и производимыхъ внѣ законнаго порядка, по усмотрѣнію свѣтскаго или духовнаго начальства. Примѣромъ преслѣдованій второго рода могутъ служить упомянутые нами выше [1]) случаи высылки бывшихъ уніатовъ въ отдаленныя мѣста имперіи, высылки за границу Пашкова и графа Корфа, „выпроваживанья“ изъ Петербурга баптиста Павлова, тридцатилѣтняго заключенія въ монастырѣ бывшаго священника Золотницкаго. Какъ ни поразителенъ послѣдній случай, онъ—далеко не единственный въ своемъ родѣ: цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ приведенъ въ замѣчательныхъ статьяхъ А. С. Пругавина, помѣщенныхъ, въ 1903 и 1904 г.г., въ газетѣ „Право“. Въ суздальской монастырской тюрьмѣ, напримѣръ, томился около восьми лѣтъ нѣкто Раховъ, оправданный по суду, оставленный въ покоѣ администраціей, но въ чемъ-то заподозрѣнный архангельскимъ епар-

[1]) См. стр. 138, 144, 151 и 232.

хіальнымъ начальствомъ. Вся предшествовавшая жизнь Рахова была полна дѣлъ благотворенія; его доброму вліянію поддавались не только низшіе слои городского населенія, но и бродяги, преступники, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе въ тюрьмахъ и этапахъ. Изъ монастырскаго заточенія онъ вышелъ психически разстроеннымъ и неспособнымъ къ дѣятельности... Въ той же тюрьмѣ содержится уже пятый годъ Ермолай Федосѣевъ, заключенный туда по ходатайству самарскаго начальства, какъ живший въ пещерѣ и своей *лицемѣрной* (?) праведностью привлекавшій къ себѣ массы простого народа". Третій арестантъ, Чуриковъ, недавно освобожденный, былъ, по неопровергнутымъ до сихъ поръ слухамъ, лишенъ свободы даже не по опредѣленію св. синода, а по требованію самарской духовной консисторіи, безпрекословно исполненному полиціей... Почти десять лѣтъ провелъ въ заточеніи крестьянинъ Харьковской губерніи, заподозрѣнный въ распространеніи какого-то лжеученія, но настоятелемъ монастыря признанный ни въ чемъ невиновнымъ... Само собою разумѣется, что пока возможны такія правонарушенія, до тѣхъ поръ нельзя говорить о существованіи у насъ вѣротерпимости, хотя бы въ томъ тѣснѣйшемъ смыслѣ словъ, въ какомъ понимаютъ ее обыкновенно апологеты или панегиристы дѣйствующихъ у насъ порядковъ. Въ сферѣ духовнаго управленія какъ и во всѣхъ другихъ, прежде всего и болѣе всего необходимо возстановленіе законности; вторымъ шагомъ впередъ долженъ служить пересмотръ самыхъ законовъ, въ особенности тѣхъ, которыми—какъ, напримѣръ, закономъ 3-го мая—усмотрѣніе возводится въ систему.

Преслѣдованія, основанныя на законѣ, регулируются новымъ уголовнымъ уложеніемъ, постановленія котораго, относящіяся къ такъ называемымъ религіознымъ преступленіямъ, изложены нами выше, въ главѣ IX-ой. Въ сравненіи съ дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, они представляютъ несомнѣнный шагъ впередъ, точнѣе и тѣснѣе опредѣляя дѣянія, признаваемыя преступными, и смягчая, въ большой или меньшей степени, назначаемыя за нихъ кары. Свобода совѣсти, въ широкомъ смыслѣ слова, и въ этомъ

отношеніи остается, однако, не осуществленной: она предполагаетъ право мирной пропаганды, то есть указанія на преимущества другихъ вѣроученій, лишь бы только оно не нарушало уваженія къ господствующему исповѣданію и господствующей церкви—а новое уложеніе считаетъ преступленіемъ всякое возбужденіе къ переходу православныхъ въ иное исповѣданіе или въ расколоученіе или секту, если только оно имѣетъ цѣлью совращеніе православныхъ. Не принято къ сожалѣнію, мнѣніе двухъ членовъ редакціонной коммиссіи (П. С. Таганцева и И. Я. Фойницкаго), находившихъ, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства и сомнѣвавшихся, поэтому, въ наказуемости такого стремленія. Открытая проповѣдь, тотчасъ же встрѣчающая столь же открытый и дѣйствующій одинаковыми орудіями отпоръ, менѣе всего опасна для господствующей церкви. Отпаденіе отъ церкви происходитъ, большею частью, путемъ медленнаго внутренняго процесса, независящаго отъ внѣшнихъ возбужденій и скорѣе обостряемаго, чѣмъ останавливаемаго внѣшними преградами.

Какъ ни незначительны перемѣны къ лучшему, внесенныя закономъ 3-го мая 1883-го года въ положеніе раскольниковъ, онъ несомнѣнно уменьшилъ пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ православной церкви. Доказательствомъ этому служатъ многочисленные отзывы преосвященныхъ, внесенные въ отчеты по вѣдомству православнаго исповѣданія. Появляясь съ самаго перваго года послѣ введенія въ дѣйствіе новаго закона, они находятъ окончательную санкцію въ слѣдующихъ словахъ оберъ-прокурора св. синода сказанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ объясненіе „всеобщаго ослабленія и постепеннаго разложенія старообрядческаго раскола“[1]): „учительская и миссіонерская дѣятельность духовенства растетъ по мѣрѣ того, какъ ослабляется исключительная, въ прежнее время, дѣятельность гражданскихъ властей въ преслѣдованіи раскола“. Если таковъ результатъ *ослабленія* преслѣдованій, то еще болѣе благопріятны были бы послѣдствія ихъ *прекращенія*. И теперь лучшимъ средствомъ

[1]) См. выше, стр. 133.

борьбы не только съ расколомъ, но и съ сектантствомъ, и съ „упорствомъ“ бывшихъ уніатовъ или бывшихъ магометанъ, является назиданіе, чуждое принужденія[1]). Оставшись единственнымъ, это средство несомнѣнно стало бы и болѣе распространеннымъ, и болѣе дѣйствительнымъ... Гарантіей противъ отпаденій, кромѣ могущественной и теперь преемственности вѣрованій, могла бы стать бо́льшая независимость церкви отъ государства, болѣе тѣсная связь между духовенствомъ и приходомъ, призваннымъ къ активному участію въ дѣлахъ церковныхъ. Припомнимъ слова преосвященнаго Сергія, сказанныя въ одномъ изъ религіозно-философскихъ собраній: „намъ неестественно желать провозглашенія свободы, которою мы сами не пользуемся... Церковь оказывается на службѣ государства; если бы теперь объявить свободу совѣсти для всѣхъ, это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными“[2]). Эта связанность несомнѣнно существуетъ, несомнѣнно вредитъ и церкви, и отдѣльнымъ ея членамъ —но исчезнуть она можетъ только тогда, когда церковь не будетъ болѣе искать опоры въ „свѣтской рукѣ“, въ „мечѣ“ правительственной власти.

Заканчивая, годъ тому назадъ, нашу книгу о печати, мы выразили надежду на близость перемѣны къ лучшему — надежду, тогда граничившую съ мечтою. Болѣе благопріятны предзнаменованія настоящей минуты: расширеніе вѣротерпимости, какъ и увеличеніе свободы печати, поставлено на очередь въ рѣчахъ министра внутреннихъ дѣлъ. И то, и другое одинаково необходимо для блага русскаго народа, для наступленія новой, болѣе счастливой эпохи государственной и общественной жизни.

---

[1]) См. выше, стр. 160, 233, 240.

[2]) См. выше, стр. 39